

С. М. ГРОМБАХ

РУССКАЯ
МЕДИЦИНСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
XVIII ВЕКА

С. М. ГРОМБАХ

РУССКАЯ
МЕДИЦИНСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
XVIII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ МЕДИЦИНСКИХ НАУК СССР
Москва — 1953

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение истории отечественной науки с каждым годом приобретает в нашей стране все большие размеры. К этому призывают постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, указания руководителей партии и правительства. В. И. Ленин неоднократно указывал, что строительство социалистической культуры может быть осуществлено лишь на основе исчерпывающего знания, освоения прежней культуры, богатства прошлого.

Знание истории науки — необходимый ключ к пониманию сложных явлений современности. В. И. Ленин говорил, что при научном подходе к любому вопросу главное «... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Чрезвычайно большое значение придавал истории науки И. В. Сталин. В беседе с президентом Академии наук СССР В. Л. Комаровым в феврале 1945 г. И. В. Сталин указал, как важно, «чтобы народ дорожил своими историческими культурными и научными ценностями, чтобы народ знал и любил творчество великих корифеев науки, чтобы молодежь воспринимала науку в историческом аспекте»².

Разумеется, если необходимо изучать историю мировой науки, то особое внимание должна привлекать история отечественной науки. Ее изучение является могучим средством воспитания советского патриотизма, борьбы с пережитками

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, изд. 4-е, стр. 436.

² В. Л. Комаров, Волнующая беседа, Вестник Академии наук СССР, № 1—2, 1945.

буржуазной идеологии — космополитизмом и низкопоклонством перед иностранщиной. Классовые и исторические корни этих родимых пятен капиталистической и дворянской России, как и антисоветскую сущность их современных проявлений, кратко, но предельно выразительно и четко сформулировали в своих докладах А. А. Жданов¹, Г. М. Маленков² и В. М. Молотов³. Истоки этой позорной идеологии лежат в экономической и духовной зависимости господствующих классов старой, дореволюционной России от более развитых в капиталистическом отношении государств Европы. Экономическая зависимость порождала «рабское сознание неполнценности и духовной зависимости от буржуазных стран Европы» (В. М. Молотов).

Это сознание, усиленно насаждавшееся иностранными капиталистами, которым оно было выгодно, и их учеными прислужниками, находило полную поддержку в господствующих классах старой России. «Оторванные от народа и чуждые ему правящие классы царской России не верили в творческие силы русского народа и не допускали возможности, чтобы Россия собственными силами выбралась из отсталости» (Г. М. Маленков).

Советский народ, сбросивший с себя вместе с игом капитализма и цепи духовной зависимости от буржуазного Запада, свободен от буржуазной идеологии низкопоклонства перед иностранщиной и заслуженно гордится огромным вкладом своих предков в сокровищницу отечественной и мировой культуры.

Однако отдельные пережитки старых капиталистических представлений оказались чрезвычайно живучими, и с ними необходимо решительно бороться. При этом нужно учесть, что раболепие перед иностранной наукой в известной степени находило свою питательную среду в незнании истинной истории отечественной науки, многих ее славных страниц и достижений.

¹ А. А. Жданов, Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1946.

² Г. М. Маленков, Информационный доклад о деятельности ЦК ВКП(б) на совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., «Правда», 9.XII 1947.

³ В. М. Молотов, Доклад о 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, «Правда», 7.XI 1947.

В царской России история отечественной науки разрабатывалась поверхностно. Лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции, и особенно в последние годы, советские исследователи истории отечественной науки изучили и сделали общим достоянием труды многих не признанных ранее талантливых русских ученых, открытия которых нередко беззастенчиво были присвоены иностранцами.

Заново прочитаны и правильно истолкованы многие незаслуженно забытые блестящие произведения русских ученых; и их имена, знакомые ранее лишь узкому кругу специалистов, стали известны всему советскому народу. Но сделано в этом направлении еще далеко не все.

В январе 1949 г. на общем собрании Академии наук СССР, посвященном вопросам истории отечественной науки, президент Академии С. И. Вавилов сказал:

«Нетерпимая и явно вредная недооценка достижений отечественной науки, намеренно культивировавшаяся в дореволюционной России, должна быть навсегда искоренена»¹.

Из вышесказанного ясно, какую огромную важность приобретает изучение истории отечественного естествознания, в частности, большой его отрасли — медицины.

И. В. Сталин в цитированной выше беседе с акад. В. Л. Комаровым отметил особое значение истории естествознания, связанной с развитием научного мировоззрения в целом.

В советской стране уделяется очень много внимания вопросам истории отечественного и мирового естествознания и медицины. По инициативе товарища Сталина при Академии наук СССР основан Институт истории естествознания. Создан Институт организации здравоохранения и истории медицины Академии медицинских наук СССР. В медицинских институтах введено преподавание истории медицины. Научная литература обогатилась рядом ценных исследований по истории естествознания и медицины, в первую очередь отечественной. Проблемы истории отечественной медицины привлекают внимание все расширяющегося круга советских врачей.

Достижения любой науки находят свое отражение прежде

¹ Вопросы истории отечественной науки, М.—Л., 1949, стр. 12—13.

всего в соответствующей научной литературе. Поэтому при изучении истории медицины для исследователя необходимо исчерпывающее знакомство с медицинской литературой.

Настоящая работа представляет собой попытку изучения русской медицинской литературы XVIII в. Выбор для изучения литературы именно этой эпохи продиктован двумя соображениями. Во-первых, XVIII век — век возникновения и быстрого развития русской медицинской литературы. Проследить ее первые шаги и в них найти ростки будущего расцвета русской медицины представляет большой интерес, тем более что эта эпоха относительно мало изучена. Во-вторых, русская медицинская наука XVIII в. более всего искажалась в работах буржуазных и даже некоторых советских авторов, рисовавших русскую медицину этой эпохи совершенно несамостоятельной, подражательной, лишенной оригинальных мыслей, рабски копирующей западноевропейские образцы.

Совершенно необходимо правильно осветить русскую медицину XVIII в. и опровергнуть старые, ошибочные и вредные представления о ней.

В настоящее время эта задача в значительной мере уже разрешена трудами ряда советских исследователей. Однако сделано это далеко еще не в полной мере.

Одним из главных препятствий на этом пути является то, что широкие круги советских врачей почти не знакомы с русской медицинской литературой XVIII в. Малая доступность старых изданий, являющихся в подавляющем большинстве библиографической редкостью, трудность их языка и отсутствие соответствующей библиографии чрезвычайно затрудняют знакомство с ними.

Даже в исторических исследованиях использовано лишь весьма ограниченное количество русских медицинских сочинений XVIII в. Исследователи, изучающие творчество отдельных деятелей медицины прошлого, как правило, используют в своих работах лишь сочинения этих ученых. Историки узких отраслей медицины пользуются обычно лишь книгами, посвященными данной специальности.

Огромное же количество анонимных книг, книг мало известных авторов, не привлекавших внимания исследователей, книг, не относящихся четко к какой-либо отрасли медицины.

цины, наконец, все периодические издания немедицинского характера оставались до сих пор, как правило, вне поля зрения исследователей. Это невольно приводило к неправильному, искаженному, или, вернее, обдненному представлению о русской медицине XVIII в.

Так, например, советские врачи знают славные имена некоторых русских врачей XVIII в. — С. Г. Зыбелина, Д. С. Самойловича, А. М. Шумлянского, Н. М. Максимовича-Амбодика, в последнее время познакомились с некоторыми переизданными их трудами, но доневоле представляют себе этих людей талантливыми исключениями, одиночками.

Но это представление не соответствует действительности. Зыбелин, Самойлович, Шумянский, Максимович-Амбодик были лишь лучшими из ряда представителей русской медицинской науки, получившей в XVIII в. уже большое развитие.

Исчерпывающе показать мощь и широту научной медицинской мысли в России XVIII в. можно только познакомившись со всей или почти всей медицинской литературой этой эпохи, более того, опираясь на архивные изыскания, на большое количество неопубликованных записок, «промеморий» и «примечаний» скромных безвестных лекарей — полковых, городских, уездных.

Эта задача стоит еще перед исследователями. Первым же и значительным шагом в ее разрешении может служить обстоятельное знакомство с тем, что было в свое время опубликовано — с медицинской литературой XVIII в.

Настоящая работа посвящена изучению лишь той литературы, которая вышла на русском языке. Конечно, русская медицинская литература не исчерпывается книгами на русском языке. В то время в России печаталось немало книг на иностранных языках — немецком, французском. Еще больше книг выходило на латинском языке, общепринятом в науке той эпохи. Однако наше внимание должна привлечь в первую очередь та литература, которая была широко доступна русскому населению, т. е. написанная на русском языке.

Гений русской науки М. В. Ломоносов и ряд других передовых русских ученых XVIII в. и начала XIX в., и в том числе врачей, неоднократно настаивали на том, чтобы русская наука говорила русским языком. Достаточно вспомнить горячее негодование выдающегося врача XVIII в. Д. Самойловича по пово-

ду малого количества медицинских книг на русском языке и его призыв, чтобы диссертации русских врачей даже в иностранных университетах писались на русском языке¹.

В 1801 г. несколько русских академиков во главе с Н. Я. Озерецковским направили Александру I письмо, в котором указывали, что ученый, «пиша не на русском языке, сообщает свои труды не России собственно, но тому государству, на языке которого пишет»².

Ученик Дядьковского, Козьма Лебедев также настаивал на издании русских медицинских книг на русском языке³.

Ученые, любившие отечественную науку, свою родину и свой народ, писали свои произведения по-русски. А если им по обычаям того времени и приходилось писать и выступать на латинском языке, они немедленно переводили свои сочинения на русский язык.

В результате этого медицинская литература на русском языке охватывает почти все наиболее значительные русские медицинские произведения той эпохи (за исключением диссертаций). Это позволяет на первых порах ограничиться их освещением.

Изучение медицинской литературы XVIII в. было бы невозможно, или во всяком случае очень затруднено, если бы не было ценных библиографических трудов В. С. Сопикова⁴, В. Г. Анастасевича⁵, Г. Н. Геннади⁶, Н. В. Губерти⁷,

¹ Д. Самойлович, Речь к ученикам госпитальных школ, Избранные произведения, М., 1949, стр. 40—43.

² М. И. Сухомлинов, История Российской академии, в. II, 1875, стр. 365—366.

³ Практическая медицина. Лекции частно-терапевтические профессора Ностина Дядьковского, составленные и изданные Козьмою Лебедевым, М., 1846, стр. IV—XXXII, вместо предисловия.

⁴ В. С. Сопиков, Опыт российской библиографии, ч. I—V, СПБ. 1904—1906.

⁵ В. Г. Анастасевич, Роспись российским книгам из библиотеки Плавильщика, СПБ, 1820; Роспись российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина, СПБ, 1828.

⁶ Г. Н. Геннади, Русские книжные редкости, СПБ, 1872: Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и Список русских книг с 1725 по 1825 г., т. 1—3, Берлин, 1876—1908.

⁷ Н. В. Губерти, Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом в 1725—1800 гг., в. 1—3, М., 1878.

С. В. Венгерова¹, и, наконец, капитальных работ Л. Ф. Змеева², и Я. Чистовича³, без которых поныне не может обойтись почти ни один исследователь истории отечественной медицины XVIII века.

Пользуясь этими библиографическими работами, извлекая из них указания на медицинские сочинения XVIII в., удалось в основном определить книжный фонд русской медицинской литературы XVIII в., и в дальнейшем потребовались лишь небольшие добавления и уточнения.

Большую помощь оказали нам работы советских исследователей, историков медицинской науки и медицинской литературы, М. П. Мультановского⁴, В. А. Невского⁵, Д. М. Российского⁶.

Тем не менее задача изучения медицинской литературы XVIII в. не только не была исчерпана этими работами, а, наоборот, настойчиво диктовалась ими.

Обстоятельный библиографии, указывающие на количественное богатство русской медицинской литературы XVIII в., внушили уверенность в ее идейном богатстве и привлекали к ее углубленному изучению.

В работе над данным исследованием нами руководило желание прийти на помощь тем, кто будет изучать русскую медицинскую науку XVIII в. по первоисточникам, и указать с этой целью наиболее интересные медицинские сочинения XVIII в., а по отношению к книгам — перечислить их все. Этой последней задаче служит приведенный в приложении список медицинских книг на русском языке, выпущенных в России в XVIII веке. С другой стороны, учитывая малую доступность ряда сочинений, особенно рассеянных по различным перио-

¹ С. В. Венгеров, Источники словаря русских писателей, т. I—IV, СПБ, 1900; Русские книги, т. I—IV, СПБ, 1896.

² Л. Ф. Змeeв, Русские врачи-писатели, в. 1—2, СПБ, 1886—1889.

³ Я. Чистович, История первых медицинских школ в России, СПБ, 1883.

⁴ М. П. Мультановский, Русская медицинская печать. Библиографические материалы, М., 1930.

⁵ В. А. Невский, Диссертации русских врачей XVIII в., «Советская медицина», № 3, 1951; Литература по медицинской паразитологии и паразитарным болезням в России XVIII в. *без изл. на русском яз. № 2, 1950*

⁶ Д. М. Российский, Библиографический указатель русской литературы по истории медицины с 1789 до 1928 г., М., 1928.

дическим изданиям XVIII в., мы пытались в известной степени заменить первоисточники, прибегая к более или менее подробному пересказу и широкому цитированию. Исходя из этой цели, некоторые статьи, напечатанные в журналах, а также книги немедицинского характера, касающиеся медицинских вопросов, освещены более подробно, нежели медицинские книги, которые, во-первых, как правило, более доступны, а во-вторых, в значительно большей степени явились уже объектом историко-медицинского изучения и получили освещение в ряде работ.

Целью работы также было показать богатство и разнообразие русской медицинской литературы XVIII в., ее прогрессивные тенденции, а с другой стороны — свойственные той эпохе противоречия, которые позволили А. Н. Радищеву назвать ее «столетием безумным и мудрым»¹, своеобразное сочетание научных знаний и архаических предрассудков и заблуждений, а также ту борьбу, в которой развились русская медицинская наука и русская медицинская литература, борьбу, находящую свое объяснение в ленинском учении о двух культурах, двух нациях в каждой буржуазной нации.

Данная работа не является, конечно, исчерпывающей.

Нет сомнения, что дальнейшие исследования, охватывающие также и произведения русских врачей на иностранных языках, в большей степени использовавшие архивные материалы (в частности, богатейшее собрание сочинений русских лекарей, хранящееся в делах Медицинской коллегии), дополненные исследованиями по истории отдельных отраслей медицины, еще лучше воссоздадут правдивую и величавую картину русской медицинской мысли XVIII в.

Настоящая работа была лишь подступом к этому. Но полностью сознавая все ее недостатки, автор осмеливается представить ее советской научной общественности в надежде, что она в известной мере окажется полезной для создания подлинной истории отечественной медицины.

¹ А. Н. Радищев, Собрание сочинений, изд. АН СССР, т. I, М.—Л., 1938, стр. 127.

Глава I

ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ XVIII в.

Русская медицинская литература существует с давних времен. Несмотря на явно недостаточную изученность древних памятников русской медицины, нам известны многие медицинские сочинения, относящиеся к XI—XII вв.

Наиболее ранние — это отдельные небольшие включения медицинского характера в немедицинские рукописи, как, например, гигиенические советы в Изборнике Святослава, 1076 г., или «Слово об исцелении болезней миром» из сборника XV в., затем обширные главы, содержащие переводы и пересказы творений классиков античной и средневековой восточной медицины: «Галиново на Ипократа», в рукописном сборнике Троице-Сергиевской лавры; «Аристотелевы врата», содержащие отрывки из сочинений Разеса; изложение учения Гиппократа, Галена и Аристотеля в рукописных сочинениях представителей так называемой «сереси живущих».

В XVI в. и особенно в XVII в. появляется большое количество травников, лечебников, «благопрохладных вертоградов» — своеобразных медицинских сборников, содержавших описания целебных трав и указания способов их употребления при тех или иных заболеваниях. В некоторые из этих сборников были включены большие главы, посвященные тому, «как себя вся кому человеку во время морового поветрия беречь», вопросу «о рождении младенческом» и уходу за маленькими детьми, «науке о знамениях», т. е. диагностических и прогностических признаках, и т. п.¹.

В этих сборниках причудливо переплетались драгоценные свидетельства народной мудрости, вековые наблюдения о целебном действии трав и растений с переводами древних авто-

¹ Л. Ф. Змeeв, Русские врачебники, 1896; Т. Райнов, Наука в России X—XVII вв., М., 1940; В. Ф. Груздев, Русские рукописные лечебники, Л., 1946.

ров, в частности Гиппократа, и с астрологическими бреднями средневековой медицины Западной Европы.

Наряду с такими лечебниками и «вертоградами», существовали рукописные переводы выдающихся медицинских произведений нового времени. Так, известно, что в 1658 г. ученый монах Епифаний Славинецкий перевел знаменитую книгу А. Везалия «De corporis humani fabrica».

Большинство медицинских сочинений переписывалось и распространялось во многих экземплярах.¹ Иностранцы отмечали, что «русские всегда прилежно переписывали книги ими сочиненные или переведенные с другого языка... Нет, кажется, ни одного народа, который бы так много занимался и трудился над переписыванием, как русские»¹. Однако из-за чрезвычайной трудоемкости и длительности процесса переписки и сравнительно небольшого числа грамотных людей распространение рукописных медицинских сочинений было ограниченным.

Поэтому говорить о возникновении русской медицинской литературы можно лишь с момента размножения ее печатным способом. Книгопечатание возникло в России в XVI в. но в течение длительного времени оно было направлено преимущественно на создание духовной церковной литературы и не коснулось медицинских сочинений.

Светские и в том числе медицинские печатные книги появились лишь после введения в 1708 г. гражданского шрифта, явившегося одним из коренных преобразований, которые охватили все отрасли жизни России в начале XVIII в. и получили в дальнейшем название Петровских реформ.

Петр I провел ряд экономических реформ, способствующих укреплению народного хозяйства страны, развитию внутренней и внешней торговли. В области социальной политики он главное внимание направлял на укрепление позиций дворян и купцов, которое проводилось за счет все усиливающейся эксплуатации трудового класса — крестьянства.

Классовую сущность преобразований Петра I определил И. В. Сталин в беседе с немецким писателем Э. Людвигом.

«Петр Великий, — сказал И. В. Сталин, — сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев». «Надо сказать также, — подчеркивал И. В. Сталин, — что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»².

Естественно, что новые формы хозяйства, управления стра-

¹ В. Е. Румянцев, Сборник памятников, относящихся до книгоиздания в России, в. 1, М., 1872, стр. 3.

² И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 105.

ной, ведения войн требовали более культурных, образованных людей. Поэтому большое внимание уделялось вопросам образования, культуры.

«Не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»¹, Петр всю жизнь вел беспощадную войну с отсталостью в экономике, в военном деле, в быту и культуре.

Петр I ввел гражданское образование. В 1701 г. была основана Навигацкая школа, преобразованная затем в Морскую академию. При архиерейских домах и монастырях были открыты цифирные школы; велась подготовка к открытию Академии наук. Самыми решительными мерами Петр I принуждал дворянских сыновей учиться.

В этой борьбе за культуру большую роль сыграло преобразование книгопечатания. Вместо трудного для чтения славянского шрифта при участии самого Петра был создан гражданский шрифт для печатания всех гражданских книг. По словам историков русской литературы, «создание гражданской печати было одним из наиболее ярких проявлений новоформирующейся русской культуры, порывавшей с церковной традицией допетровской Руси»². Книги гражданской печати были к тому же более доступны для чтения.

В 1711 г. Петр перевел в Петербург часть синодальной типографии, в 1719 г. была открыта уже чисто светская типография сената, в 1721 г. — типография при артиллерийском корпусе, а в 1724 г. — при Адмиралтейской коллегии³.

Основанной в 1725 г., уже после смерти Петра, Академии наук было вменено в обязанность, «чтобы не только художества и науки размножались, но и чтобы народ от того пользу имел». С этой целью при Академии наук в 1727 г. была создана типография, на известный период ставшая основным центром гражданского книгопечатания в России.

В дальнейшем в Петербурге были организованы и другие типографии: казенные — кадетского корпуса (1757), Военной коллегии (1762), Берг-коллегии (1771) и частные — Гартунга (1769), Вейтбрехта (1772), Шнора (1776). В Москве, при Московском университете, открытом в 1755 г., была также создана типография. Появляются типографии и в ряде провинциальных городов.

Возникновение типографий было не случайным явлением. Оно явилось ответом на возрастающий спрос на книги, в свою очередь связанный с развитием экономики и ростом культуры.

В XVIII в. в России произошли значительные сдвиги в экономике. Они характеризуются прежде всего ростом промыш-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, изд. 4-е, стр. 307.

² Очерки по истории русской журналистики, Л., 1950, стр. 15.

³ И. Бакмайстер, Опыт о библиотеке Санктпетербургской академии наук, СПБ, 1779, стр. 75.

ленных предприятий. Если в конце XVII в. в России насчитывалась всего 21 мануфактура, то уже при Петре I их было основано 200, из которых 86 казенных и 114 частновладельческих¹. Еще более быстрый рост промышленности отмечен во второй половине столетия. По данным некоторых исследователей, в 1762 г. в России было 984 фабрики, а в 1796 г.—3161². Среди этих фабрик, наряду с мелкими, имелись и такие, на которых работало по 2000—3000 рабочих.

Постепенно происходит создание общенационального рынка, чему способствует отмена в 1753 г. внутренних таможенных пошлин.

Параллельно с ростом промышленности происходил рост городов. По неточным данным старинной статистики, городское население России составляло в 1722 г. 0,5 млн., а в 1796 г.—1,3 млн. человек³.

Рост городов привел и к росту народного образования. Увеличивалось число светских школ и учащихся в них. Помимо дворянско-помещичьей верхушки, к образованию приобщается и городское население. Возникает разночинная интеллигенция.

Все это значительно расширило круг читателей, в результате чего требовалось большее количество книг, а следовательно, и типографий.

Рост культурного и политического уровня русского общества в XVIII в., расширение его культурных, в частности книжных, запросов привели к последовавшему в 1783 г. разрешению свободно создавать частные, «вольные» типографии. По этому указу разрешалось каждому во всех городах «по своей собственной воле заводить» типографии, «не требуя ни от кого дозволения»⁴. Указ о вольных типографиях дал огромный толчок развитию книгопечатания и издательской деятельности. Как вспоминали очевидцы этого, в Петербурге и в Москве «немедленно открылись вольные типографии»⁵.

Что касается медицинской литературы, то она получила в конце XVIII в. особо благоприятные условия: в 1796 г. Медицинская коллегия организовала собственную типографию.

В условиях царского абсолютизма светлый период «вольного» книгопечатания продолжался недолго. Стоило только прогреметь далеким громам французской революции, стоило лишь прозвучать смелым обличительным и революционным выступлениям А. Н. Радищева, за которыми царское правительство угадало реальную возможность народного возмуще-

¹ Е. И. Заозерская, Список мануфактур, возникших при Петре I, «Исторические записки», № 19, 1946.

² П. И. Ляшенко, История народного хозяйства СССР, т. I, 1947, стр. 452.

³ Там же, стр. 411.

⁴ Полное собрание законов Российской империи, т. 21, № 15634.

⁵ «Друг просвещения», ноябрь 1806, стр. 165.

ния, как 16 сентября 1796 г. последовал указ об ограничении свободы книгопечатания. В нем говорилось, что «в прекращение разных неудобств, которые встречаются от свободного и неограниченного печатания книг», императрица «признала за нужное... частными людьми заведенные типографии в рассуждении злоупотреблений от того происходящих.. упразднить»¹.

Этим же указом учреждалась также и цензура. Хотя еще указ 1783 г., разрешая открытие вольных типографий, предусматривал, «чтоб ничего в них противного законам божиим и гражданским, или же к явным соблазнам клонящегося издаваемо не было», но он возлагал функции надзора за этим на Управы благочиния, т. е. на полицию, весьма мало разбирающуюся не только в литературных тонкостях, но нередко и в грамоте. Поэтому «указное дозволение» превращалось впустую формальность.

Учреждение же специальной цензуры имело основное назначение — борьбу с «крамольными» идеями. Цензоры, получившие соответствующие указания, подходили, конечно, к просмотру книг гораздо строже, чем полицеемейстеры из Управ благочиния.

Павел I, боясь издания «противозаконных» книг, пошел еще дальше Екатерины II. 5 июня 1800 г. он приказал, чтобы «все типографии, кроме сенатской, академической и 1-го кадетского корпуса, запечатать, дабы в них отнюдь ничего не печатали». Под действие этого приказа подпала и типография Медицинской коллегии: она была немедленно опечатана полицией.

Через два дня Павел отменил свое решение и разрешил сохранить казенные типографии для печатания в них «указов, публикаций и других публичных актов», «строжайше наблюдая, впрочем, чтобы противозаконных и запрещенных книг, нот, песен и никаких сочинений без рассмотрения и позволения цензуры нигде печатано не было под неотложным ответом их смотрителей»².

Гнет павловской цензуры не прошел для литературы бесподобно.

Закрытие вольных типографий и введение цензуры незамедлительно сказалось на численности книжной продукции. Как показывают приведенные Сиповским погодовые цифры изданных в XVIII в. сочинений на русском языке, значительный рост изданий, наметившийся особенно с 1786 г., после 1796 г. прекратился. Более того, выпуск книг резко снизился. Если за пятилетие 1786—1790 гг. в России вышло 1699 сочинений на

¹ Полное собрание законов Российской империи, т. 23, № 17508.

² Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1296, оп. 8, кн. 613, д. 69.

русском языке, то за пятилетие 1796—1780 гг. их вышло всего 1166¹.

Но задержанное в своем развитии русское книгопечатание все же продолжало развиваться. Возникшие типографии не исчезали, а лишь преображались. По свидетельству современника, запрещенные указом 1796 г. вольные типографии «все разошлись по губерниям и основались при губернских правлениях»².

Таким образом, в XVIII в. были созданы и расширены материальные предпосылки для появления обширной литературы по всем областям знания, в том числе и медицине.

Еще большее значение, нежели наличие материальной, полиграфической базы, для возникновения русской медицинской литературы имело появление широкого круга ее «потребителей» — русских врачей.

Еще в XVII в. были русские люди, получившие медицинское систематическое образование. Потребность в лекарях, особенно для войска, и желание освободиться от услуг иноземцев заставило русскую медицинскую администрацию XVII в. — Аптекарский приказ — отдавать врачам-иностранным в науку русских молодых людей и обязывать иноземных лекарей подписькой «учеников, которые для ученья даны будут, учить с великим прилежанием, ничего не тая».

В 1654 г. была создана и первая лекарская школа, в которую были взяты 30 человек «стрельцов и стрелецких детей и иных всяких чинов».

Однако и эта единственная школа и индивидуальное ученичество с очень длительным сроком обучения не могли подготовить достаточное число отечественных врачей. В списке «чинов Аптекарского приказа» 1681 г. значится всего лишь 21 русский лекарь³. Если даже считать, что в эти данные не включены лекари полков, то и тогда численность русских врачей окажется очень небольшой.

Резкий сдвиг в подготовке русских врачей произошел в XVIII в. Это было вызвано развитием экономики и ростом культуры, а также необходимостью борьбы с частыми вспышками эпидемий, охватывающими большие территории и уносящими тысячи жизней.

Уже в 1706 г. указ Петра I о постройке в Москве, за Яузою-рекою, «в пристойном месте» госпиталя «для лечения болящих людей» предусматривал организацию при нем школы на 50 человек.

В дальнейшем такие госпитали с госпитальными школами

¹ В. Сиповский, Из истории русской литературы XVIII в., Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, т. VI, кн. 1, 1901, стр. 160.

² «Друг просвещения», ноябрь 1806, стр. 166.

³ Г. Замысловский, Цафствование Федора Алексеевича, СПБ, 1871, Приложение, стр. XIII—XVIII.

при них, преобразованными впоследствии в медико-хирургические училища, были открыты в Петербурге, Кронштадте, Елизаветграде. Еще до открытия Петербургской госпитальной школы, в 1718 г., был поставлен вопрос о назначении некоторых учащихся Морской академии к доктору Эрскину для «лекарской науки»¹ и в 1719 г. предписано было послать к доктору Блументросту 30 солдатских детей для приготовления в лекари².

В 1755 г., по плану и инициативе великого Ломоносова, был основан Московский университет с медицинским факультетом. Кроме подготовки врачей и лекарей, специальные школы и повивальные институты выпускали акушерок и повивальных бабок.

Безусловно, этого было далеко не достаточно для того, чтобы удовлетворить огромную и все возраставшую потребность страны во врачах, но все же количество медиков неуклонно увеличивалось.

К концу XVIII в. их было уже несколько сот. В 1780 г., по докладу Медицинской коллегии, в ее ведении находилось «во всех местах докторов — 46, лекарей — 488, подлекарей — 364»³.

В 1793 г. уже в одном лишь Петербурге насчитывалось 36 докторов, 147 лекарей и 35 подлекарей⁴, а когда в 1809 г. был составлен впервые «Российский медицинский список», то в нем, кроме дантистов и окулистов, было поименовано уже 2508 врачей, из которых большую часть составляли русские.

Кроме врачей, медицинские книги были необходимы учащимся медицинских школ и студентам, число которых все увеличивалось. Таким образом, круг читателей русской медицинской литературы был уже достаточно многочислен.

Необходимо отметить, что медицинскую литературу читали далеко не только врачи. Интерес к анатомии, физиологии и практической медицине был велик среди грамотной части населения России.

Уже на исходе XVII в. и в начале XVIII в. русские путешественники, ездившие в Западную Европу, не упускали, наряду с прочими достопримечательностями, посетить и «анатомию», т. е. анатомический театр, побывать в госпиталях и лазаретах.

Примером может служить стольник П. Толстой, направленный в 1697 г. Петром I в «Европские государства». Он вел путевые записи, из которых видно, что этот юноша, посланный «для науки воинских дел», весьма интересовался медициной. В дневнике он прилежно описал свои впечатления от посещения «Шпиталя» в Вене, «дохтурской академии» в

¹ Описание дел архива Морского министерства, СПБ, т. II, 1877, стр. 335.

² Полное собрание законов Российской империи, т. 5, № 3375.

³ Я. Чистович, История первых медицинских школ в России, СПБ, 1883, стр. 353.

⁴ И. С. Георги, Описание столичного города Санкт-Петербурга, СПБ, 1794.

Падуе, госпиталя и лазарета «для зараженных моровою язвой» в Милане, госпиталей в Риме, Неаполе, на Мальте, врачей и аптек в Венеции¹.

Б. П. Шереметев, посетивший в 1698 г. Рим, подробно знакомился с устройством и жизнью больниц Рима, Мальты и других городов².

Один из членов Великого посольства 1697—1699 гг., ведший «Журнал путешествия», внимательно осматривал в Амстердаме и Лейдене анатомические препараты³. Известно, что сам Петр I интересовался медициной и анатомией.

Один из ближайших сподвижников Петра — князь Б. И. Куракин в своем дневнике 1705—1710 гг. и в своей автобиографии «Жизнь князя Б. И. Куракина, им самим описанная» очень много внимания уделил болезням своим и своих близких и способам их лечения, а также описал посещение знаменитых европейских врачей и госпиталей, анатомических театров и т. п.

Он же, приступая к сочинению «Гистории о царе Петре Алексеевиче», составил «Ведение о нужных именах Гистории». В этом списке, содержащем около 250 имен, названы врачи: Зоммер, фон дер Гульст, И. Еремеев, Бидлоо, Эрскин, «Блюментрост старый и его дети»⁴. Повидимому, Куракин считал необходимым осветить деятельность врачей как одну из характерных черт петровской эпохи.

И много лет спустя, когда в России появилась многочисленная литература и широкий круг читателей, медицинские темы продолжали привлекать интерес.

А. Т. Болотов — помещик, агроном, ученый и писатель, автор множества сочинений и известных воспоминаний, издавая журнал для помещиков, много места в нем отводил медицинским вопросам, так как, по его словам, «имел неоднократно случай приметить, что многим из читателей сии материи были еще угоднее, нежели самые существительно экономические»⁵.

Интерес к вопросам медицины определялся не только чистой любознательностью, но и практической потребностью, вызванной недостаточным количеством врачей и связанной с этим необходимостью широко прибегать к самопомощи при болезнях, повреждениях, отравлениях и т. п.

Нам придется еще неоднократно отметить этот интерес к вопросам медицины у читателей-неспециалистов, определявшийся у одних любознательностью, у других — гуманным желанием облегчить страдания больных, у третьих — корыстным расчетом, заботой о здоровье крепостных крестьян, от которого зависела доходность помещичьего хозяйства.

Забота о здоровье крестьян становится особенно острой тогда, когда постепенно возникающая мануфактурная промышленность требует все больше рабочих рук, людских резервов.

Между тем, высокая детская смертность в сочетании с непрерывными войнами и частыми эпидемиями грозила прекращением естественного прироста и убылью населения.

¹ «Русский архив», кн. 1—2, 1888.

² Записки путешествия... графа Б. П. Шереметева в Европейские государства. М., 1773, стр. 48, 69, 82.

³ «Русская старина», май 1879, стр. 107—111.

⁴ «Архив кн. Куракина», кн. 1, 1890, стр. 97, 121, 142—143, 163, 219, 249, 254, 263—264, 271, 284.

⁵ «Экономический магазин», ч. X, 1782, стр. 3.

Возникающая демография, или, как ее называли в XVIII в., «политическая арифметика», приносила явно неутешительные сведения. Уже перепись 1710 г. показала, что по сравнению с 1698 г. население (податное) сократилось почти на 20%¹. В дальнейшем неоднократно отмечался чрезвычайно малый прирост, а порой и уменьшение населения.

Официальная наука пыталась если не объяснить, то хоть оправдать это явление тем, что не только Россия, но «вся земля ежедневно все более людьми умаляется»².

Сведения «о родившихся, браком сочетавшихся и умерших» по разным городам и губерниям, печатавшиеся во второй половине XVIII в. в журналах и газетах, подчеркивали превышение числа родившихся над числом умерших³; порой утверждалось даже, что эти сведения «приносили между учеными людьми в чужих краях немалое удивление, наипаче тем, что чрезвычайное в оных превосходство числа родившихся пред умершими еще ни в какой земле не примечено было»⁴. Но все это не могло скрыть печального факта: в народонаселении происходило если не уменьшение, то во всяком случае «медленное умножение».

Естественно, что это приковывало к вопросам охраны здоровья и лечения болезней внимание не только врачей, но и помещиков, деревенских управителей, т. е. значительно расширяло контингент читателей медицинской литературы, увеличивало потребность в ней.

Следует подчеркнуть, далее, что, наряду с потребителями медицинской литературы в России в XVIII в., появляются и те, кто мог создавать эту литературу, — врачи-ученые.

XVIII век в России знаменуется небывало быстрым подъемом развития науки. Рост промышленности всегда ведет к развитию науки, которая в большой мере «зависит от состояния и потребностей техники» (Энгельс). Ф. Энгельс указывал, что «если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов»⁵.

Русская техническая наука в XVIII в. прославилась изобретениями И. И. Ползунова и И. П. Кулибина. Но достижения русской науки в этом столетии не ограничивались только механикой. Не было почти ни одной отрасли знания, в которой бы Россия за этот период не шагнула далеко вперед, не подарила мировой науке открытия выдающегося значения.

¹ П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. I, 1947, стр. 376.

² «Сочинения и переводы», сентябрь, 1758, стр. 285.

³ См., например, «St. Petersburgisches Journal», II, 1777, S. 133.

⁴ «Санктпетербургский вестник», октябрь, 1778.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 469.

Исключительная роль в этом принадлежит всеобъемлющему гению М. В. Ломоносова. Его работы и работы славной плеяды его учеников и продолжателей произвели переворот в науке. За очень короткий срок, за несколько десятилетий, русская наука и, в частности, русское естествознание, выдвинули ряд крупных ученых. Гениальные труды М. В. Ломоносова в области физики и химии, создание им новой науки — физической химии, открытие им закона сохранения вещества и силы, астрономические работы С. Я. Румовского, вклад в ботанику и этнографию С. П. Крашенинникова, П. С. Палласа, И. И. Лепехина, важные химические открытия Т. Е. Ловица, первые смелые ростки учения об изменчивости животного мира у А. Каверзнова и К. Ф. Вольфа, минералогические работы В. М. Севергина — служат этому подтверждением.

Развитие медицины шло также быстрыми шагами.

Очень много способствовал этому созданный в 1725 г. научный центр — Академия наук. По первому же ее регламенту, один из ее трех «классов» или отделений («физический класс») включал в себя и медицинские науки — анатомию и физиологию, а также химию и ботанику, на представителей которых возлагалось преподавание: на профессора химии — «фармакопии», а на профессора ботаники — «формул медицинских»¹.

Следовательно, с первых же дней существования Академии в ее составе были ученые медики. Сперва это были иностранцы, которые писали свои труды на латинском языке. Но вскоре рядом с ними и на смену им появляется крепкая поросль русских ученых, естествоиспытателей и врачей, профессоров и академиков, писавших по-русски. В переводах же медицинские сочинения появились раньше. Как указывал С. И. Вавилов, «следует иметь в виду, что в первые десятилетия деятельности Академии все латинские речи академиков неуклонно переводились и издавались на русском языке»². Для этого в Академии при каждом ее классе, в том числе и физическом, существовал специальный переводчик.

Число русских врачей, посвятивших себя науке и создававших русскую медицинскую литературу, не ограничивалось только профессорами Академии наук.

Госпитальные школы и медико-хирургические училища, медицинский факультет Московского университета воспитали в течение XVIII в. не одно поколение русских врачей, которые жаждо тянулись к науке, достигали ученых степеней и становились профессорами. Если в первую половину века они на-

¹ Регламент Академии наук 1725 г., в кн.: «Летописи русской литературы и древности», т. V, М., 1863.

² С. И. Вавилов, Академия наук в развитии отечественной науки, «Вопросы истории отечественной науки», М., 1949, стр. 44.

считывались единицами, то во вторую половину их число значительно возросло.

Особенно заметным этот рост стал в 60-х годах XVIII в., когда возвратились из-за границы, получив там ученую степень доктора медицины С. Г. Зыбелин, П. Д. Вениаминов, П. И. Погорецкий, С. М. Митрофанов, К. О. Ягельский, М. С. Крутец, Ф. Т. Тихорский, К. Ф. Рожалин, И. Т. Тимковский, С. Фиалковский.

Имена большинства из них вошли в историю русской медицинской науки и русской медицинской литературы. В последующие годы к ним присоединяются и другие, еще более славные имена. Н. И. Новиков, выпускавший в 1772 г. свой «Опыт исторического словаря о российских писателях», назвал в нем 14 врачей-авторов, не указывая переводчиков.

Известным толчком к развитию русской медицинской литературы явилось создание в 1763 г. нового высшего органа медицинского управления — Медицинской коллегии, которая для поощрения врачей и для развития медицинской науки в России предложила всем врачам присыпать ей «сочинения и записки по медицинской науке» и «истории медицинские».

Медицинская коллегия, начиная с 80-х годов, когда в ее составе ведущая роль перешла к русским врачам, проявила большую заботу о развитии русской медицинской литературы. Комиссия, в составе президента Медицинской коллегии А. А. Ржевского, Вяземского и Воронцова, которой было поручено составить доклад «о всех надобностях, до медицинского факультета касающихся», в своем докладе от 26 октября 1782 г. среди найденных ею «главных неудобств» отметила следующее: «К немалому недостатку медицинского факультета и то относить должно, что Медицинская коллегия по сие время не имеет почти ни одной медицинских книг и хирургических книг на Российском языке»¹.

В своих предложениях Комиссия просила об отпуске ежегодно по 2000 рублей на издание книг. Деньги эти она предлагала выделить из суммы, отпускаемой из кабинета Екатерины II на перевод иностранных книг. «Сие обстоятельство тем более обратило на себя наше внимание, — повторялось в докладе, — что Медицинская коллегия по сие время не имеет почти ни одной медицинской и хирургической книги на Российском языке; каковое небрежение сколь есть непростительно со стороны коллегии, столь требует оно от государственного попечения пособия и к новым подвигам некоего поощрения»².

Начиная с 80-х годов Медицинская коллегия поощряла, а

¹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 16, д. 322, ч. III, л. 101 обор.

² Там же, л. 116 обор. — 117.

в ряде случаев и непосредственно поручала отдельным врачам сочинение и переводы на русский язык медицинских книг.

Один из наиболее активных деятелей русской медицинской литературы, Н. М. Максимович-Амбодик, неоднократно ссылался на «словесный и письменный наказ» президента Медицинской коллегии А. А. Ржевского, «дабы такого рода переводы и сочинения издавать в свет»¹. По поручению А. А. Ржевского писал в 1780 г. свои русские книги и выдающийся русский врач Д. Самойлович². По «препоручению» директора Медицинской коллегии А. И. Васильева в 1795 г. М. Парпуря перевел «Химию» И. Ф. Жакена³. По приказанию Медицинской коллегии сочинил свою «Фармакологию» Г. Г. Эллизен. Этот перечень можно было бы значительно продолжить.

Развитие медицинского образования в свою очередь выдвигало настоятельную потребность в учебных книгах. Это побуждало профессоров медицины создавать учебники или поручать своим студентам переводить уже имеющиеся иностранные книги.

Мы видим таким образом, что в течение XVIII в. были созданы основные предпосылки для возникновения и развития русской медицинской литературы: появились контингенты читателей, появились авторы и переводчики, появилась и достаточно развитая материальная, типографская база.

В результате этого XVIII век стал эпохой возникновения и быстрого развития русской медицинской литературы.

* * *

Естественно, что, вводя гражданское книгопечатание, Петр I, лично руководивший печатным и издательским делом, в первую очередь направил его на обслуживание технических и военных наук, в развитии которых он прежде всего был заинтересован. Медицинские же сочинения продолжали существовать еще в виде рукописей⁴.

Русские медицинские книги появились позднее. Есть, правда, восходящее к И. И. Голикову⁵ указание, что еще при Петре должны были выйти книги: «Гиппократовы афоризмы»; «Быдлов. Анатомия человеческого тела с фигурами печатными», т. е. «Анатомия» Бидлоо, и «Походная и домовая аптека», т. е., повидимому, перевод книги Блюментроста-отца «Haus

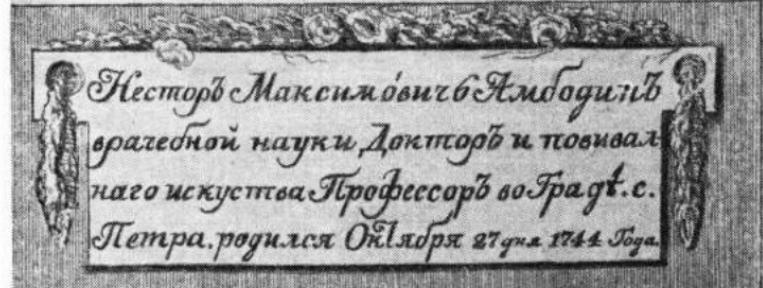
¹ Руководство к познанию и врачеванию болезней, СПБ, 1781; предисловие от переводчика.

² Д. Самойлович, Нынешний способ лечения, М., 1780; посвящение.

³ И. Ф. Жакен, Начальные основания всеобщей и врачебной химии, СПБ, 1796; посвящение.

⁴ См. статью И. Б. Зархина, Медицинские рукописи начала XVIII в., «Военно-медицинский журнал», № 9, 1947.

⁵ И. И. Голиков, Деяния Петра Великого, т. X, 2-е изд., 1837—1840, стр. 330—338.

Нестор Максимович Максимович-Амбодик (1744—1812)

und Reise Apotheca». Но они помечены как «заготовленные к печати» и, повидимому, не были изданы ни при Петре, ни позже¹.

Первенцем печатной медицинской литературы на русском языке может считаться изданное официально в 1719 г. «О марциальных водах объявление»². Полное заглавие этого любопытного документа следующее: «О марциальных водах объявление. О лечительных водах, сысканных на Олонце, а от каких болезней и как при том употреблении поступать, тому дохтурское определение, также и указ его царского величества на оные дохтурские правила и оное все следует ниже сего».

После краткого введения следуют «Правилы дохтурские, как при оных водах поступать», состоящие из тринадцати параграфов — указаний по употреблению вод, диете и поведению при лечении водами; затем «Указ его царского величества на дохтурские правила», требующий неуклонного выполнения этих правил во избежание дискредитации вод. По Пекарскому, указ этот «писан весь рукой Петра, потом перебелен и снова им поправлен. Заглавие «Объявления» также сочинено царем, наконец, само оно во всех пунктах исправлено им, а 13-й пункт весь им написан»³.

До этого, в феврале 1718 г., был издан указ «Подлинные дознания о действии марциальных кончезерских воды разными человеками, изыскано хирургием Ревелином, 1718 г., в месяце генваре», содержащий десять кратких «историй болезней» различных людей, излечившихся олонецкими водами. По указанию Пекарского⁴, эти «дознания» были помещены в книге «Копии его царского величества указов 1714—1719 г.» (СПБ, 1719, стр. 159—163). Точных указаний на их самостоятельное издание нет, поэтому к числу медицинских публикаций мы их не относим и первенцем русской медицинской литературы считаем указанное выше «О марциальных водах объявление» (1719).

В последующие 20 лет, с 1720 по 1740 г., не было издано

¹ Анатомия Бидлоо — это, повидимому, находящийся в рукописном отделении Библиотеки Академии наук СССР анатомический атлас Говарда Бидлоо, о котором сообщает С. Л. Соболь: «Голландский текст, сопровождающий таблицы атласа, удален и заменен вклеенными в книгу страницами, на которых написан русский перевод» (С. Л. Соболь, История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII в., М.—Л., 1949, стр. 47).

² Видеть его в оригинале мне не пришлось. А. Ф. Бычков указывает, что оно было напечатано на открытом развернутом листе (Каталог хранящихся в Императорской публичной библиотеке изданиям, напечатанным гражданским шрифтом при Петре Великом, СПБ, 1867, стр. 171). По Пекарскому же, это объявление напечатано «в ^{то} без особого заглавного листа, на четырех numerованных страницах» (П. Пекарский, Наука и литература при Петре Великом, СПБ, т. II, 1862, стр. 454—455).

³ П. Пекарский, указанное сочинение, стр. 455.

⁴ Там же, стр. 441.

ни одной медицинской книги на русском языке. Это совпало с общим сокращением выпуска русских книг в период после смерти Петра I.

За все 10-летие царствования Анны Иоановны (1730—1740), в годы разгула бироновщины, немецкого засилья и падения правительственного интереса к развитию русской культуры, выходит всего 140 названий книг, из которых, во-первых, очень много на иностранных языках, а во-вторых, «значительная доля падает на издания, относящиеся к различным торжествам и праздникам»¹.

В этом отразилось характерное для этого царствования положение, когда на содержание двора тратилась огромная по-тому времени сумма — около двух миллионов рублей золотом, тогда как на содержание Академии наук и Адмиралтейской академии — всего 47 тысяч рублей, а на Медицинскую канцелярию — 16 тысяч рублей в год².

Сороковые и пятидесятые годы XVIII в., как известно, характеризуются подъемом национального самосознания, усиленiem деятельности Академии наук, расцветом гения М. В. Ломоносова и его борьбой за русскую науку, основанием Московского университета. В этот период увеличивается и издание русских книг.

Появляются, хотя еще в очень малом количестве, и медицинские книги.

С 1740 по 1760 г. их было издано всего четыре. Из них одна, повидимому, чисто рекламного характера³; другая представляла анатомический атлас с экспликацией к таблицам на немецком и русском языках⁴, третья — развернутую защитительную аргументацию на латинском и русском языках директора Медицинской канцелярии Г. Кау-Бургава, который лишил практики и добился высылки одного заезжего окулиста, чем навлек на себя гнев какого-то знатного его покровителя⁵, и только четвертая книга являлась истинно медицинской научной книгой — руководством по анатомии⁶.

В следующее же двадцатилетие, ознаменовавшееся появлением русских профессоров в Академии наук, Московском университете, госпитальных школах, совпавшее с общим подъемом изданий русских книг, резко увеличился выпуск русских медицинских книг. Начиная с этого периода, издание русских медицинских книг неуклонно растет.

¹ В. Я. Адарюков, Книга гражданской печати в XVIII в., в сб. «Книга в России», в. 1, 1924, стр. 183.

² Н. А. Новицкий, История СССР (XVIII век), М., 1950, стр. 55.

³ Описание Шифгаузенова бальзамического пластиря, СПБ, 1744.

⁴ И. Д. Прейслер, Ясное показание... о анатомии живописцов, СПБ, 1749 (русский текст А. Протасова).

⁵ Медицинской канцелярии поступки с окулистом Иосифом Гильмером, СПБ, 1751.

⁶ Л. Гейстер, Сокращенная анатомия, т. I—II, СПБ, 1757; перевод с латинского М. И. Шеина.

В приложении к настоящей работе приведен в хронологической последовательности список медицинских книг и брошюр на русском языке, изданных в России в XVIII в. Список этот не претендует на исчерпывающую полноту. Возможно, что некоторые медицинские книги остались автору неизвестными, и в этот список они не попали. Однако таких немного. Поэтому этот список дает достаточно точное представление о русской медицинской литературе XVIII в., ее тематике, ее авторах и о ходе ее развития по годам. Всего в этот список включено 208 названий¹.

Если же все приведенные в нем книги и брошюры по времени их первого выхода в свет распределить по десятилетиям века, то вырисовывается следующая картина:

Годы	Количество напечатанных медицинских книг
1701—1710	—
1711—1720	1
1721—1730	—
1731—1740	—
1741—1750	2
1751—1760	2
1761—1770	24
1771—1780	32
1781—1790	58
1791—1800	89

Эти данные достаточно красноречиво показывают резкий подъем выпуска русских медицинских книг в 60-е годы, настолько резкий, что, говоря о русской медицинской литературе XVIII в., мы, по существу, имеем в виду лишь книги, изданные во второй половине столетия (1760—1800). Это дает нам право в ряде случаев рассматривать литературу XVIII в. в целом как явление одного порядка, без расчленения ее по периодам, не опасаясь впасть при этом в антиисторизм.

Известные общественные сдвиги, однако, имели место и на протяжении рассматриваемого нами сорокалетия. Начало этого периода было окрашено мнимым, фальшивым либерализмом Екатерины II, который сменился затем резким усилением реакции, достигшей своего апогея в 90-х годах. Этот период характеризовался также подъемом народных волнений — многочисленными вспышками крестьянских восстаний и, наконец, захватившим огромную территорию восстанием Пугачева.

¹ Эта цифра, конечно, бледнеет, по сравнению с 647 медицинскими книгами, учтеными А. Б. Генсом и В. А. Невским (В. А. Невский, Литература по медицинской паразитологии и паразитарным болезням в России XVIII в., «Медицинская паразитология», № 2, 1950), но она отражает, во-первых, только книги по медицине без пограничных областей и, во-вторых, только книги на русском языке. Кроме того, здесь указаны лишь первые публикации. Повторные издания в расчет не приняты. Не приняты во внимание также книги в основном немедицинского характера, содержащие отдельные медицинские сведения.

ЛАВРЕНТИЯ ГЕЙСТЕРА
БЫ ГЕЛМСТАДСК. УНИВЕРСИТЕТЪ ПРОФЕСС.
ЦЕСАРСКОЙ И БЕРЛИНСКОЙ АКАДЕМІЙ
и
ЛОНДОНСКАГО УЧЕНАГО СОБРАНІЯ
ЧЛЕНА
СОКРАЩЕННАЯ
А Н А Т О М І А
ВСЕ ДѢЛО АНАТОМИЧЕСКОЕ
КРАТКО ВЪ СЕБѢ ЗАКЛЮЧАЮЩАЯ

Переведена съ Латинскаго языка на Россійской:

Санктпетербургской Адмиралтейской гощнишали
Главнымъ Аѣкаремъ
МАРТИНОМЪ ШЕИНЫМЪ

Напечатана въ Санктпетербургѣ при Императорской
Академіи Наукъ 1757 года

Титульный лист «Анатомии» Гейстера в переводе М. Шеина. Одна из первых медицинских книг на русском языке

Крестьянские восстания будили и усиливали демократические тенденции в мировоззрении передовых представителей разночинной интеллигенции и вместе с тем вызывали ответную реакцию со стороны правительства в виде репрессий и жестокого подавления малейших проявлений свободомыслия.

Все эти колебания общественной атмосферы находили свое отражение в литературе, в ее качественном своеобразии и в ее количественных показателях. Их необходимо, конечно, учитывать.

Приведенные данные показывают новый значительный рост выпуска медицинской литературы в 80-е годы. Это объяснялось расширением медицинского образования, а также изменением состава и патриотической направленностью Медицинской коллегии. Один из выдающихся русских врачей XVIII в. Данило Самойлович писал в 1782 г.: «Разве кто-то не должен быть ответственным... что до сих пор у нас нет почти ни одной книги по этой науке, написанной на русском языке... Мне кажется, что это была прямая обязанность Медицинской коллегии, но почему это небрежение так долго длится? Это мне неизвестно, или, вернее, я не хочу это исследовать. Как бы там ни было, но в настоящее время коллегия, во главе которой стоит президент, блещущий своими талантами, знаниями и прилежанием, с которым он следит за успехами нашей науки, так же, как некоторые члены ее — истинные патриоты, начала уже руководить делами совсем иначе, чем они шли со дня ее учреждения. Последствия этого переустройства обещают вскоре стране очень большие выгоды, в особенности, если она будет иметь врачей, охваченных истинным рвением о благодеятении Родины»¹.

Выпуск русских медицинских книг непрерывно возрастал с каждым десятилетием, вплоть до конца века.

Однако в последнее десятилетие XVIII в. усиление реакции в России, которое привело к закрытию вольных типографий, снижению общего числа напечатанных русских книг, сказалось и на издании медицинских книг. Это становится ясным, если проследить число выпущенных в конце столетия новых книг не по десятилетиям, а по пятилетиям.

Годы	Количество напечатанных медицинских книг
1781—1785	14
1786—1790	44
1791—1795	40
1796—1800	49

Из этих цифр видно, что наступление реакции оказало свое тормозящее влияние и на развитие медицинской литературы. Если за время с 1786 по 1790 г. наблюдался большой прирост

¹ Д. Самойлович, Избранные произведения, М., 1949, стр. 43—44.

по сравнению с предыдущим пятилетием — 1781—1785 гг., — то последующие пятилетия роста книжной продукции уже не дают. Количество изданных книг остается прежним. Учитывая развитие медицинского образования, увеличение числа врачей, возникновение специальной медицинской типографии, — сохранение прежнего уровня выпуска книг равносильно падению его.

Ликвидация вольных типографий непосредственно почти не отразилась на выпуске медицинских книг. Значительно большее сказалось на нем поход против прогрессивной мысли и материалистического естествознания, который был одним из звеньев правительственной и бюрократической реакции на французскую революцию и на идеологически подготовивший ее «гибельный материализм».

Максимальный выпуск новых русских медицинских книг приходится на 1789 г. (16 названий) и 1792 г. (15 названий).

С 1793 г., когда после казни Людовика XVI страх перед революцией и материализмом и реакционный гнет приобретают особую силу, число ежегодно издаваемых новых медицинских книг резко падает и лишь в самом конце века приближается к цифре 1790 г.¹. Однако это была лишь остановка в росте, но не прекращение роста. Вместе с русской медицинской наукой и русской наукой в целом медицинская литература продолжала развиваться.

* * *

Подавляющее большинство русских медицинских книг в XVIII в. вышло в Петербурге и Москве. Лишь в конце века отдельные медицинские книги были изданы и в других городах. Как видно из списка (стр. 273—281), одна книга вышла в Ярославле в 1785 г., одна в Киеве — в 1789 г., четыре во Владимире — в 1798, 1799 и 1800 гг.², две в Тобольске — в 1790 и 1792 гг., одна в Перми — в 1792 г., одна в Житомире — в 1798 г. и две в Николаеве — в 1798 г.

Медицинские книги печатались в типографиях самых различных ведомств и частных лиц. Больше всего — в типографии Московского университета, затем — в типографии Академии наук. Ряд книг напечатан в типографиях шляхетских кадетских корпусов — морского и сухопутного. За время существования вольных типографий немало медицинских книг напечата-

¹ 1793 г. — 8 книг, 1794 г. — 6, 1795 г. — 4, 1796 г. — 10, 1797 г. — 7, 1798 г. — 7, 1799 г. — 13 и 1800 г. — 12 книг.

² Выход медицинских книг во Владимире — это результат превращения бывших частных типографий в губернские. Во Владимире была переведена бывшая московская типография Пономарева. В числе ранее заготовленных в ней к печати книг были и медицинские, вскоре выпущенные Пономаревым в свет (В. Н. Рогожин, Дела Моск. цензуры в царствование Павла I, в. I и II, СПБ, 1903 и 1922).

тано в частных типографиях — Решетникова, Пономарева, Брейткопфа, Богдановича, Новикова. Начиная с 1796 г. медицинские книги часто печатаются в типографии Медицинской коллегии.

Издатели медицинской литературы также различны.

В тех случаях, когда печатались сочинения или речи академиков, издателем оказывалась Академия наук. Состоявшее при ней с 1768 по 1783 г. «Собрание старающееся о переводе иностранных книг на российский язык» также издало несколько переводных медицинских книг.

Особая роль в распространении медицинских знаний и в издании медицинских книг в России в XVIII в. принадлежит «Типографической компании» во главе с известным просветителем Н. И. Новиковым.

Значение деятельности Н. И. Новикова в настоящее время достаточно выяснено, в особенности трудами советских исследователей. Как известно, Н. И. Новиков начал свою литературную деятельность изданием в Петербурге сатирических журналов «Трутень» и «Живописец». Вынужденный вскоре прекратить издание этих журналов, смелое обличительное направление которых пришлось не по вкусу Екатерине II и ее окружению, Новиков переехал в Москву. Здесь он арендовал типографию Московского университета и явился одним из организаторов и активным участником «Типографической компании», широко развернувшей выпуск русских книг самого различного характера.

Роль Н. И. Новикова в распространении просвещения в России огромна. Во всей русской книжной продукции того времени новиковские издания составляли очень значительную часть. По данным специального исследования, за 1781—1785 гг. в России напечатано всего 986 книг, из них Новиковым — 343, т. е. 35%. За 1786—1790 гг. в России напечатано всего 1699 книг, из них Новиковым 406, т. е. 22%. Наибольшее значение его деятельность имела в 1788 г., когда изданные им книги составили почти половину всех выпущенных в России (155 из 336) ¹.

Среди книг, изданных Новиковым, немало было и медицинских.

Н. И. Новиков, как известно, был масоном, и его издательская деятельность часто рассматривалась буржуазными историками как одно из звеньев деятельности масонской организации, в которую он входил.

Н. И. Новиков изображался послушным исполнителем масонских замыслов и планов, верным учеником и последователем розенкрейцеров. На самом же деле это было совсем не

¹ Л. Б. Светлов, Издательская деятельность Н. И. Новикова, М., 1946, стр. 61.

так. Н. И. Новиков, пришедший к масонам, к которым его привлекли провозглашавшиеся ими лозунги нравственного самоусовершенствования и благотворительности, не принял реакционной стороны масонства — его мистики, его антиобщественности, ухода от реальной жизни, склонения от борьбы с конкретным социальным злом. Он примкнул к тем представителям масонства, которые выступали с критикой окружавшей их действительности и пытались своей просветительской и филантропической деятельностью внести в эту действительность некоторые поправки.

О таких масонах писал в свое время Пушкин: «Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличала их от поколения, к которому они принадлежали... Императрица считала [их] проповедниками безнадежия и адептами энциклопедистов...»¹.

Более того, как показывают последние работы советских исследователей², Новиков занял в масонской среде самостоятельное место, не стал послушным исполнителем воли масонских руководителей, а, наоборот, вопреки указаниям реакционных вождей московских розенкрейцеров, и не без борьбы, использовал масонскую организацию в своих целях, сохранил свою инициативу и строил свою просветительскую деятельность, исходя из своих собственных представлений о нуждах русского общества и из стремления к просвещению, к развитию русской литературы, к подъему общественного самосознания.

По справедливому замечанию М. Горького, Новиков, войдя в масонскую ложу, «взглянул на эту организацию, как на учреждение, вполне удобное для широкой культурной пропаганды в обществе того времени. ... Войдя к масонам, Новиков проявил наибольшую активность: он основал «Дружеское ученое общество», издавал книги, открыл книжные лавки, под его влиянием масоны постепенно захватили в свои руки больничное и школьное дело»³.

И, как правильно отмечают исследователи, эта его деятельность перевешивает отрицательное значение нескольких изданных им книг мистического характера, тем более что «в огромном потоке выпущенных Новиковым книг специально масонская и розенкрейцерская литература занимает сравнительно скромное место»⁴. Вклад же Н. И. Новикова в издание меди-

¹ А. Пушкин, Александр Радищев.

² Г. Макогоненко, Николай Новиков и русское просвещение XVIII в., М.—Л., 1951.

³ М. Горький, История русской литературы, М., 1939, стр. 33—35.

⁴ Д. Д. Благой, История русской литературы XVIII в., 1946, стр. 208.

цинских книг очень значителен. Благодаря специальным исследованиям, мы можем сейчас точно перечислить выпущенные им медицинские книги.

Согласно списку Семенникова¹, за относительно короткий период издательской деятельности в Москве (с 1779 по 1792 г.) Новиков выпустил в свет 21 медицинскую книгу на самые различные темы.

Изданные им медицинские книги также подчеркивают его независимую позицию в среде масонов.

Медицинские воззрения масонов нашли свое наиболее яркое отражение в главном руководстве для занятий ордена розенкрейцеров — «Теоретический градус соломоновых наук».

В этом руководстве имеется раздел «Человек» и раздел «О болезнях человеческих». О махрово-идеалистическом характере масонской «медицины» дают представление следующие выдержки из этого «руководства»:

«Тело есть жилище совокупного духа, и в сих живет душа, и как дух от тела, как и душа от духа обесспокоивается и зарождается. Дух управляет тело, как корабельщик корабль, также управляет и душа дух, если иначе ей никакое мучение не наносится...»².

«Воспаление есть разгорячение жизни духа, которое причиняется от весьма великого движения тела или ума...»³.

В другом масонском сборнике читаем: «Что такое натура? Натура есть невидимый скорый летучий дух, который, однако, видимо в телах действует и имеет свое место в божеской воле»⁴.

Бесконечно далеки от этой масонской абраcadабры изданные Н. И. Новиковым медицинские книги, среди которых мы находим лечебники, популярные брошюры о предупреждении бешенства, пособия по акушерству и другие полезные книги, принадлежавшие перу виднейших представителей медицины того времени.

Одним из наиболее частых издателей медицинских книг, естественно, являлась Медицинская коллегия. Выше уже указывалось, что по отношению к ряду книг Медицинская коллегия была инициатором их сочинения или перевода; в таких случаях чаще всего она брала на себя и издание книги.

Нередки были случаи, когда автор, намереваясь издать книгу, предварительно представлял ее на одобрение Медицин-

¹ В. П. Семенников, Книгоиздательская деятельность Новикова в типографической компании, П., 1921.

² Рукописное отделение Библиотеки имени В. И. Ленина, рукопись № 1977, л. 96—97.

³ Там же, л. 104.

⁴ Рукописное отделение Библиотеки имени В. И. Ленина, рукопись № 1949, л. 13.

ской коллегии. В архивах Коллегии хранится множество дел «О дозволении доктору имя рек книгу его [следует название] напечатать». Титульные листы многих медицинских книг 90-х годов XVIII в. пестрят пометками «печатано по соизволению и одобрению Медицинской коллегии», или же «печатано по указу Государственной медицинской коллегии», или «Под ведением Государственной медицинской коллегии». В этих случаях Коллегия выступала чаще всего и в качестве издателя. В ряде случаев эта ее функция указана и на титульном листе: «Напечатано иждивением Государственной медицинской коллегии». Особенно усилилась эта сторона деятельности Медицинской коллегии с 1796 г., со временем основания ею своей типографии.

Эту роль Медицинская коллегия, однако, взяла на себя далеко не сразу, а лишь в конце XVIII в. До этого (частично и в последующие годы) издателями медицинских книг нередко были частные лица, предприниматели вроде Никиты Водопьянова, Окорокова, Ридигера и Клаудия и др.

Иногда издатель был одновременно и автором или переводчиком. К числу таких относятся издатели П. Богданович и А. Вицман, выступившие в качестве авторов или, вернее, компиляторов нескольких медицинских книг.

Но чаще бывало наоборот; не издатель становился автором, а автор или переводчик становился издателем, печатал свою книгу «собственным иждивением».

Наиболее часто поступал так известный врач и медицинский писатель Н. М. Максимович-Амбодик. На его книгах нередко встречаются указания на издание «собственным иждивением».

Издания Максимовича-Амбодика, обладающие большой научной ценностью, были и выдающимися произведениями полиграфического искусства.

О книгах Максимовича-Амбодика, любовно подготовленных и тщательно выполненных, упоминает А. А. Сидоров в своем специальном труде, посвященном внешнему оформлению русской книги¹.

* * *

Степень распространения любой литературы, в том числе и медицинской, в известной мере зависит от двух факторов — размера тиража, определяющего количество читателей, до которых может книга дойти, и от цены книги, определяющей степень ее доступности для приобретения.

¹ А. А. Сидоров, История оформления русской книги, М.—Л., 1946, стр. 194.

Наши сведения о тиражах и ценах русских медицинских книг XVIII в. очень скучны. Мы располагаем лишь некоторыми данными, почерпнутыми из газетных объявлений и косвенных источников.

Одним из таких источников, и при том весьма ценным, является описание книг, находившихся в книжной лавке Н. И. Новикова. Известно, что Н. И. Новиков, помимо типографии, содержал еще и книжную лавку, в которой он продавал книги не только своего издания.

После его ареста была составлена «Опись книгам в книжном магазине и в лавке, состоящих в Никольском доме Новикова» с указанием количества найденных экземпляров и цены книг. Эта опись опубликована¹. Она содержит 36 названий медицинских книг и показывает, что тираж ряда медицинских книг превышал тысячу экземпляров. Отдельные медицинские книги издавались еще большими тиражами.

Так, «Нынешний способ прививать оспу» Димсаля был выпущен в количестве 2400 экземпляров, а «Наставление народу» Тиссо — очень большим для того времени тиражом — 3000 экземпляров².

При этом цены медицинских книжек были в общем доступны. Небольшие брошюры, как, например, книжка Пекена «Способ, как сельским обывателям пользовать себя в осле», стоили в 60-х годах от 6 до 10 копеек, а в конце века — 35—60 копеек. Книги среднего размера, наиболее распространенного, стоили от одного до трех рублей. Несмотря на то, что, по сравнению с принятыми в то время ценами на продукты потребления, цена на книги была относительно высокой, медицинская литература, повидимому, расходилась быстро. Об этом свидетельствуют переиздания ряда книг.

Некоторые книги за короткий сравнительно срок были изданы дважды, а то и трижды. Так, «Домашний лечебник» Пекена, выпущенный в 1765 г., уже в следующем году был издан вторично и затем выдержал ряд изданий. Книга А. Бахерахта «О неумеренности в любострастии» под разными названиями выдержала четыре издания (1775, 1779, 1780 и 1787 гг.). Популярные книги Самойловича, изданные в 1780 г., были также переизданы Новиковым: одна в 1783 г. и другая в 1786 г. Несколько изданий выдержал и ряд других медицинских книг.

Все это дает нам основание утверждать, что русская медицинская литература в XVIII в. не только возникла и быстро развивалась, но и достаточно широко распространялась.

¹ Л. Б. Светлов, Издательская деятельность Н. И. Новикова, М., 1946, стр. 81—116.

² В. Семенников, Общество старающееся о переводе иностранных книг, СПБ, 1918.

Глава II

СОЗДАТЕЛИ РУССКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в. (АВТОРЫ И ПЕРЕВОДЧИКИ)

Характер литературы, в том числе и медицинской, определяется в значительной степени составом ее авторов и их классовой принадлежностью.

Кто создавал русскую медицинскую литературу XVIII века?

В первую очередь нас, естественно, интересуют авторы оригинальных произведений русской медицинской литературы. Вопреки распространенному мнению, их группа относительно многочисленна — она насчитывает свыше 50 человек.

Среди них большинство составляют врачи-ученые, академики и профессоры: А. П. Протасов, И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский, И. Ф. Шрейбер, В. М. Севергин, И. Ф. Эразмус, И. Х. Керстенс, Х. Пекен, С. Г. Зыбелин, П. Д. Вениаминов, Н. М. Максимович-Амбодик, А. М. Шумлянский, М. Пекен, П. Гофман, П. М. Шумлянский, Ф. Г. Политковский, В. Рихтер, М. Скиадан, И. Вельцин.

Однако далеко не все книги принадлежат только академикам и профессорам. Авторами ряда медицинских книг были и врачи-практики, среди которых многие имели ученую степень доктора медицины: Д. С. Самойлович, А. Бахерахт, И. Г. Ениш, К. О. Ягельский, А. Ф. Шафонский, С. Ели, Д. Я. Писчеков, И. Пфелер, Г. Элизен, полковые врачи М. Я. Трохимовский, Х. Рост и И. Луз.

Это люди разных убеждений, разной жизненной и творческой биографии, но многих из них роднит одно: классовая принадлежность; почти все они представители нарождающейся разночинной интеллигенции, выходцы не из дворянско-помещичьего круга, а из народа. Большинство русских врачей — это казацкие и солдатские дети, небогатые поповичи или же представители мелкого украинского шляхетства, по своему быту, имущественному положению и идеологии более близкого к крестьянству, нежели к помещикам.

Они учились на медные гроши, преодолевая во имя науки все трудности.

Один из русских врачей XVIII в. описал тяжелую и голодную жизнь бедняков-студентов Черниговского училища, нищенством добывавших себе средства на жизнь. Он писал: «Смотря на сие бедственное состояние, должно всю справедливость и похвалу сему юношеству в том отдать, что многие из онного добровольно и охотно все бремя горести, скудости и нужды для того только несут, чтобы чему-нибудь научиться. Из сих-то бедняков Россия всегда имела ученых и достойных

людей в духовном и светском звании и особливо во врачебной науке»¹.

Русским врачам XVIII в. казалось даже неестественным желание, «чтобы богатые спокойному времени препровождению предпочли трудное во врачебной науке упражнение»². Это было уделом бедняков, разночинцев.

Вышедшие из народа, они сохранили духовную связь с народом, знали его заботы и нужды. Это безусловно отразилось на их последующей деятельности и не могло не сказаться и на их произведениях.

Мы остановимся на этом более подробно в последующем изложении.

Среди авторов русских медицинских книг XVIII в. встречались не только врачи, но и ученые-химики, как В. М. Севергин и Т. Ловиц, и аптекари-практики.

Характерно для XVIII в. наличие среди авторов медицинских книг лиц, чуждых медицине. Среди них почетное место принадлежит известному государственному деятелю и педагогу И. И. Бецкому, который в своих сочинениях очень много внимания уделял вопросам физического воспитания и гигиены детей. Собственно говоря, его труды стоят на грани педагогики и медицины.

Не менее заслуживают внимания сочинения (речи) профессора Московского университета по кафедре физики И. И. Роста, посвященные гигиеническим проблемам, и речь его ученика А. Окулова «Рассуждение о свойстве и силе воздуха».

Наряду с этими, в какой-то степени причастными к медицине и смежным с нею дисциплинам людьми, следует назвать и дилетантов и компиляторов — П. Богдановича, А. Вицмана, П. Сумарокова, М. Чулкова и П. Енгалычева — авторов (вернее, составителей) популярных книг по медицине. Их работы составлены из отрывков, заимствованных из разных ученых сочинений.

Оспа и оспопрививание особо привлекали к себе внимание людей, не причастных к медицине. Среди авторов, писавших на эти темы, мы видим пастора Эйзена, помешника Ф. Б. Пасека и названных выше Бецкого и акад. Тауберта.

Известный историк генерал И. Болтин и писатель М. Вревкин составили описания незадолго перед тем открытых сарептских или екатерининских минеральных вод с указанием их целебных свойств и с диетическими советами тем, кто лечится этими водами.

¹ А. Шафонский, Черниговского наместничества топографическое описание 1786 г., Киев, 1851, стр. 283.

² А. Шумлянский, Мнение одного истиннолюбца, СПБ, 1787, стр. 29.

РАЗСУЖДЕНИЕ
о
СВОЙСТВЪ и СИЛЪ ВОЗДУХА,
сочиненное и читанное
на
ФРАНЦУЗСКОМЪ языке
въ публичномъ собрании
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
*Лейб-Гвардии Преображенского полку Сержантомъ
и оного Университета Студентомъ*
АЛЕКСѢЕМЪ ОКУЛОВЫМЪ.

1782 года, Ноябрь 25 дня.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1783 года.

А. Окулов, Рассуждение о свойстве и силе воздуха. Пример медицинского сочинения, автор которого не являлся врачом

Наличие среди авторов медицинских книг довольно большого круга лиц немедицинских профессий является, с одной стороны, ярким отражением в литературе того дилетантизма в медицине, который был достаточно распространен в ту эпоху и нередко вызывал возражения со стороны ученых врачей; с другой — отражением большой потребности в популярной медицинской литературе.

* * *

Большинству перечисленных авторов принадлежит по одной книге. Однако среди них есть лица, обогатившие русскую медицинскую литературу рядом произведений.

Прежде всего следует упомянуть имя С. Г. Зыбелина (1735—1802).

Семен Герасимович Зыбелин — воспитанник Московского университета, после окончания которого был направлен за границу; в Лейдене он защитил диссертацию и, возвратившись на родину, в 1765 г. стал профессором Московского университета. С. Г. Зыбелин — первый русский профессор медицинского факультета. Талантливый и широко образованный, он в течение своей многолетней деятельности профессора университета (1765—1802) читал самые разнообразные медицинские дисциплины: физиологию, семиологию, диететику, патологию, общую терапию, анатомию, хирургию, химию, врачебное веществословие (фармакологию), клиническую медицину («способы лечения как древних, так и новых врачей, вместе с новыми открытиями») и, наконец, «медицину консультаторию». При этом он первым на медицинском факультете Московского университета читал лекции на русском языке.

Научная деятельность Зыбелина соединялась с весьма активной практической врачебной и врачебно-общественной работой. Рискуя собственной жизнью, он ревностно работал во время эпидемии чумы 1771 г.; он лечил бедных и нередко помогал им не только советом, но и оказывал материальную поддержку; он в продолжение 15 лет безвозмездно работал врачом при университетской больнице. После своей смерти он завещал университету собственную обширную библиотеку.

С. Г. Зыбелин являлся зачинателем той славной традиции, которая отличала впоследствии лучших представителей русской медицины: он сочетал клиническую и общественно-гигиеническую деятельность. Патолог и клиницист, Зыбелин тем не менее свои публичные выступления посвящал в основном гигиеническим вопросам, при этом нередко поставленным в плоскости общественной гигиены.

Эти речи были изданы; они-то и составляют литературное наследие Зыбелина — «Слово о действии воздуха в человеке»

(1766), «Слово о пользе прививной оспы» (1768), «Слово о вреде, проистекающем от содержания себя в теплоте излишней» (1773), «Слово о правильном воспитании с младенчеством» (1775), «Слово о сложениях тела человеческого» (1777), «Слово о способе как предупреждать можно немаловажную между прочими медленного умножения народа причину» (1780), а также помещенное в одном из периодических изданий Московского университета «Слово о причине внутреннего союза частей между собою» (1768).

В этих речах Зыбелин выступал как ученый врач с широким гигиеническим кругозором, опередивший свою эпоху.

В «Слове о способе, как предупреждать... медленного умножения народа причину» (1780) он подверг анализу материалы западноевропейской и русской демографии и пришел к заключению, что высокой смертности в городах способствуют, кроме других причин, «многолюдство жителей, улицы узкие, строения высокие, неимение внутрь города не только садов, но даже дворов». Анализ данных о рождаемости и смертности в России привел его к новому выводу, что «медленность умножения народа, или великое оного уменьшение» зависит в основном от высокой смертности в раннем детском возрасте. Зыбелин делал ряд практических выводов и, в частности, настаивал на необходимости грудного вскармливания. Эта мысль нашла свое отражение и в «Слове о правильном воспитании с младенчеством» (1775). В этой речи он намечал ряд мероприятий по уходу за младенцами, указывал на пользу движений для правильного развития детей, вред пеленания и т. д.

В «Слове о вреде, проистекающем от содержания себя в теплоте излишней» (1773) Зыбелин указывал на вред перегрева и давал ряд ценных советов о необходимости свежего воздуха, о недопустимости чрезмерного укутывания, в частности, детей, о пользе умывания холодной водой и т. д.

В «Слове о сложениях тела человеческого и о способах, как оное предохранить от болезней» (1777) теоретический вопрос о строении тела Зыбелин сочетал с практическими выводами и пытался наметить для людей разного сложения различную диету и различный образ жизни.

С. Г. Зыбелин представляет яркий пример того, как русские врачи уже на заре возникновения научной медицины в России стремились к научной самостоятельности и критически воспринимали наследие своих западных учителей.

В своих трудах он восставал против схоластической умозрительной премудрости и призывал руководствоваться «разумной недоверенностью» и основываться только на наблюдении природы.

Первый биограф Зыбелина указывал, что «кроме многих его переводов особенно заслуживают внимания академиче-

ские речи»¹. Однако его переводы остались неизвестными. Известен лишь принадлежащий Зыбелину перевод нескольких статей из известной французской энциклопедии. Они были включены в книгу «Переводы из энциклопедии», вышедшую в 1767 г.².

Большой вклад в русскую медицинскую литературу внес выдающийся русский врач-ученый Нестор Максимович Максимович-Амбодик (1744—1812). После окончания Киевской духовной академии он решил посвятить себя медицине. Будучи привлечен к участию в работах комиссии по составлению проекта нового уложения, он, по его собственным словам, в то же время служил «волонтером на собственном изживении» при петербургских госпиталях и «обучался тамо преподаванным тогда врачебным наукам»³.

Получив за границей высшее медицинское образование и степень доктора медицины (1775), он возвратился в Россию и работал вначале врачом кронштадтского морского госпиталя, а затем — акушером Петербургского воспитательного дома и «профессором повивального искусства».

Максимович-Амбодик был крупным акушером и много сделал для улучшения родовспоможения в России и как блестящий педагог, и как врач. Он ввел в России применение щипцов при трудных родах, сделал впервые ряд сложных операций и т. д.

Даже на фоне обычной для XVIII в. разносторонности ученых Максимович-Амбодик поражает многообразием своих научных интересов и разносторонностью научных трудов.

Он предпринял издание Врачебного словаря, содержащего «все наименования частей человеческого тела, также названия болезней, лекарских орудий, снарядов, лекарственных веществ и всех прочих естественных тел, также и искусством изобретенных вещей, принадлежащих до медико-хирургической практики, аптекарства, химии, ботаники, физики, естественной истории и пр.». Этот труд должен был состоять из трех выпусков: анатомо-физиологического, медико-хирургического и естественно-химико-исторического словаря. В полной мере Максимович-Амбодик осуществил только первые две части — анатомо-физиологический словарь (1783) и медико-хирургический словарь (1785). В них все термины приведены на трех языках: русском, латинском, французском.

¹ Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского университета, М., ч. 1, 1819, стр. 89.

² О С. Г. Зыбелине см. Биографический словарь профессоров Московского университета, М., т. 1, 1855; Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского университета, М., 1819, ч. 1; статьи: Д. Д. Российского, «Советская медицина», № 4, 1948; Е. Д. Заблудовской, «Педиатрия» № 1, 1951.

³ ЦГИАЛ, ф. 1927, оп. 1, кн. 82, д. 2, л. 29.

Большое внимание уделял он ботанике, особенно лекарственным травам. Максимович-Амбодик очень большое значение придавал лекарственной терапии и оставил ряд трудов по медицинской ботанике: «Первоначальные основания ботаники» (1796), «Ботанический словарь» (1798), а также капитальный четырехтомный труд «Врачебное веществословие или описание целительных растений во врачевстве употребляемых» (1783—1789). Первая, вступительная, часть «Врачебного веществословия» содержит чрезвычайно интересные впечатления Максимовича-Амбодика о медицине вообще, об обязанностях врача, о принципах лечения.

Наиболее крупный вклад сделан им в развитие русского акушерства. Работая в течение многих лет в Петербургском воспитательном доме акушером и педагогом, он считал неотложной задачей борьбу с невежеством повивальных бабок и подготовку образованных врачей и акушеров. При этом он указывал на необходимость сочетания теоретического обучения с практическим.

Этой задаче — подготовке образованных акушеров — посвящен основной труд Максимовича-Амбодика «Искусство повивания, или наука о бабичьем деле» (1784—1786). Этот двухтомный труд состоит из пяти частей. Первая часть содержит обширные сведения об анатомии и физиологии женской половой сферы и о механизме естественных родов. Вторая часть посвящена патологическим родам и различным акушерским пособиям и операциям. Третья часть касается периода беременности, диететики беременности и болезней, сопровождающих беременность. Четвертая часть трактует о послеродовых болезнях и, наконец, пятая часть посвящена уходу за младенцами и болезням детей раннего возраста. К книге была приложена еще шестая часть, содержащая рисунки с описанием их и обширную библиографию (689 авторов и около 900 названий).

Книга Максимовича-Амбодика отражала передовой уровень русского акушерства той эпохи и содержала ряд оригинальных мыслей. Не меньшее значение имела его работа для развития отечественной педиатрии.

Помимо оригинальных произведений, Максимовичу-Амбодику принадлежит очень много ценных переводов. В его переводе вышла книга Соссерота «Краткое испытание многих закоснелых мнений и злоупотреблений до беременных женщин, родильниц и новорожденных младенцев относящихся и к произведению уродов в человеческом роде служащих, с присоединением средств, коими такие пороки отвратить можно» (1781). Самое заглавие этой книги говорит о ее содержании. В том же году вышла в переводе Максимовича-Амбодика книга профессора Петербургской госпитальной школы Шрейбера «Руководство к познанию и врачеванию

болезней человеческих, наружных и внутренних». В трех изданиях вышли переведенные Максимовичем-Амбодиком «Начальные основания врачебной патологии» английского врача Гума.

Также три издания выдержала переведенная Максимовичем-Амбодиком книга Пленка о венерических болезнях — «Врачебные наставления о любострастных болезнях».

В его переводе вышла также очень интересная книга «Физиология или естественная история о человеке, для пользы российского юношества трудами и иждивением Н. М. Максимовича-Амбодика, медицины доктора и профессора впервые напечатанная» (СПБ, 1787). Эта книга приписывалась Максимовичу-Амбодику, но она является не его сочинением, а переводом (с изменениями и дополнениями) большой статьи «Человек» из французского словаря естественной истории В. де Бомара¹. Спустя год, другой перевод этой статьи вышел в Москве («Магазин натуральной истории, физики и химии», М., ч. IV, 1788). В этой книге Максимович-Амбодик, повидимому, является автором главы XI «О началах и причинах болезней», отсутствующей у Вальмон де Бомара и содержащей ряд очень интересных мыслей.

Переводом является также приписываемое обычно Максимовичу-Амбодику сочинение «Китайской философии, или ученыe разговоры двух индийцев Калана и Ибрагима» (СПБ, 1788), в известной мере касающееся медицины. Сам Максимович-Амбодик на титульном листе указал, что книга издана иждивением Н. М. А., а в предисловии писал, что приведенные в книге «ученые разговоры» ныне «переложены», т. е. переведены на русский язык².

Роль Максимовича-Амбодика в развитии русской медицины исключительно велика. За короткий период (с 1780 по 1790 г.) он обогатил русскую медицинскую литературу более чем десятью книгами на самые различные медицинские темы. В этих книгах отразился его пытливый ум, его прогрессивные клинические взгляды, его демократическая идеология³.

¹ Valmont de Bomare. Dictionnaire raisonné d'histoire naturelle, 3 edition, Paris, 1775, vol. IV, p. 404—494.

² Автор этого сочинения нам пока неизвестен, но мысль о переводе невольно возникает в связи с тем, что в том же году под именем Я. Коцельского вышла книга со сходным заглавием («Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима») и совершенно аналогичная по тексту. Очевидно, обе эти книги являются переводами одного оригинала. Текстуальное совпадение, впрочем, настолько разительно, что заставляет даже сомневаться в принадлежности этих переводов разным лицам.

³ О Н. М. Максимовиче см. в кн. Э. М. Коюс, История русской педиатрии, М., 1946; статьи Д. М. Российского, «Клиническая медицина», № 10—11, 1945; «Акушерство и гинекология», № 6, 1948.

Среди авторов, давших русской медицинской литературе XVIII в. несколько книг, находится и зачинатель русской эпидемиологии—выдающийся русский ученый Данило Самойлович Самойлович (1744—1805).

Сын бедного украинского священника, Самойлович окончил Петербургскую госпитальную школу и по окончании школы несколько лет работал военным врачом. В армии ему пришлось столкнуться со вспышками чумы. В 1771 г., получив отпуск по болезни, он приехал в Москву, где свирепствовала эпидемия чумы. Слабый, не оправившийся еще после болезни, Самойлович добровольно принял участие в борьбе с эпидемией и по его просьбе был направлен «в опасную больницу». Самойлович стал одним из ведущих медицинских деятелей в борьбе с чумой 1771 г.

Это позволило Самойловичу выработать совершенно оригинальные и передовые для того времени взгляды на происхождение и распространение эпидемий.

Свои взгляды он изложил в ряде сочинений, изданных на французском языке за границей, куда Самойлович выехал для подготовки своей докторской диссертации. Самойлович был горячим патриотом, чрезвычайно ревностно заботился о престиже отечественной науки и объяснял издание своих трудов на французском языке тем, что ему приходилось за границей слышать «отзывы, которые были весьма предосудительны для нашего отечества, по чему за долг поставил не токмо оную [т. е. эпидемию чумы.—С. Г.], но и все пригодные для пресечения ее меры описать на французском языке, яко на таком, который всюду ныне в употреблении, дабы через то самое заградить уста всем, коим неизвестно» истинное состояние медицины и здравоохранения в России.

Эти сочинения Самойловича, как и его диссертация на тему из оперативного акушерства, принесли ему европейскую известность. Он был избран членом 12 европейских академий. За границей Самойлович написал две популярные книжки на русском языке: «Городская и деревенская повивальная бабка» и «Нынешний способ лечения с наставлением, как можно простому народу лечиться от угрозения бешеной собаки и от уязвления змеи». Обе эти книжки были присланы в Россию и изданы Новиковым в 1780 г.

По возвращении на родину Самойлович был направлен на Черноморское побережье, где он вел энергичную и успешную борьбу с эпидемиями и одновременно продолжал свои научные изыскания. Он предпринял настойчивые попытки найти возбудителя чумы. С этой целью он производил вскрытия умерших от чумы, внимательно рассматривая различные органы, а также тщательно исследовал под микроскопом гной из чумных бубонов. Эти работы изложены им в его неболь-

шой, но весьма интересной книге «Краткое описание микроскопических исследований о существе яду язвенного, которые производил в Кременчуге Данило Самойлович» (1792).

Блестящая деятельность Самойловича по борьбе с эпидемиями была на несколько лет прервана русско-турецкой войной, в которой Самойлович принимал активное участие, заслужив высокую похвалу со стороны Суворова, а затем неожиданной отставкой, вызванной происками недоброжелателей.

В 1795 г. Самойлович возвращается к работе. В течение последних 10 лет своей жизни он также энергично боролся с эпидемиями.

Плоды своего многолетнего наблюдения над эпидемиями и борьбы с ними Самойлович подытожил в большом труде, состоящем из четырех книг (1798—1799). В XVIII в. вышла только первая книга — «Способ самый удобный повсемственного врачевания смертоносной язвы, заразоносящейся чумы» (1798). В ней он подробно описывает пути заражения, клиническое течение чумы и необходимые лечебные мероприятия. Остальные книги вышли в начале XIX в. В своих сочинениях Самойлович опровергал распространенные в то время ошибочные мнения о распространении чумы по воздуху, о ее неизлечимости и неизбежности заражения.

Горячий пропагандист своих идей, Самойлович попытался использовать для их популяризации и средства живописи. С этой целью он издал в 1795 г. любопытную брошюру: «Наставление для начертания в живописи пресеченной в Москве 1771 года моровой язвы».

Это — задание художникам, как писать картину о чуме с тем, чтобы в ней были показаны и безопасность воздуха, и способы обеззараживания, и симптомы чумы, и т. д. Самойлович сочинил это наставление еще в период своего пребывания в Париже (1782), но издал его лишь много лет спустя в России.

Сочинения Самойловича представляют большой интерес как изложенными в них его представлениями о природе и распространении болезней, так и настойчиво проводимым в них положением о необходимости кладь в основу науки опыт и наблюдения¹.

В русской медицинской литературе XVIII в. пять книг принадлежат Андрею Бахерахту (1724—1806). Сын голландского купца, он родился, учился и всю жизнь прожил

¹ Избранные сочинения Д. Самойловича были изданы в 1949 и 1952 гг. Изд-вом АМН СССР. О. Д. Самойловиче см. статьи: Н. Н. Ивашова, «Фельдшер и акушерка», № 11, 1945; Б. С. Бессмертного, «Журнал эпидемиологии и микробиологии», № 1—2, 1946; В. М. Кор-

в России. Получив первоначальное медицинское образование в петербургских госпитальных школах, он закончил его, стал доктором медицины в Лейденском университете и по возвращении в Россию был назначен главным доктором артиллерии и фортификации, а затем, с 1776 по 1800 г., служил главным врачом русского флота. Занимая эти посты, Бахерахт много сделал для санитарной службы русской армии и флота.

Его последние книги связаны с санитарными нуждами флота: «Способ к сохранению здоровья морских служителей» (1780), «Аптека для российского флота» (1783) и «Практическое рассуждение о цынготной болезни, для употребления лекарям, служащим при морских и сухопутных Российских силах» (1786). Эти труды содержали ряд оригинальных и ценных мыслей и получили большое одобрение современников.

Первые же книги Бахерахта, написанные ими в бытность доктором артиллерии и артиллерийского кадетского корпуса, были посвящены вопросу об оспопрививании, которым он занимался одним из первых среди русских врачей («Описание и наставление о прививании оспы», 1769), и венерическим болезням. Его книга о венерических болезнях, вышедшая первоначально без указания имени автора в 1775 г. под названием «О неумеренности в любострастии обоих полов и о болезнях, приключающихся от оной, которые мучительным образом наказывают, невоздержных», затем под разными названиями выдержала несколько изданий.

Кроме указанных книг, Бахерахту принадлежит ряд интересных статей. В своих трудах он выступал как горячий патриот, эрудированный и прогрессивно мыслящий врач, гуманный демократ, заботящийся о здоровье и благе солдат и матросов. На его работах нам придется неоднократно останавливаться в дальнейшем¹.

Известную роль в развитии русской медицинской литературы сыграл Христиан Пекен (1730—1779). Пекен — уроженец Венгрии. Приехав в Россию молодым врачом, он 25 лет, т. е. по существу всю свою сознательную жизнь, прожил и проработал в России. Он работал в Петербургском госпитале, в кадетских корпусах и некоторое время — карантинным вра-

неева и Н. С. Мальцева, «Военно-медицинский журнал», № 11, 1948; И. Д. Страшун, «Труды совещания по истории естествознания», АН СССР, М., 1948; П. Т. Петрова, «Врачебное дело», № 9, 1951; В. М. Корнеева, «Советская медицина», № 3, 1952; главу в кн. С. Л. Соболя «История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке», М., 1949.

¹ Об А. Бахерахте см. Энциклопедический словарь военной медицины, т. I, М., 1946, стр. 433—435; статью П. М. Розанова «Военно-морской врач», № 2, 1946

чом в Смоленском наместничестве. Пекен пользовался большим авторитетом, и когда в 1763 г. была учреждена Медицинская коллегия, Пекен вошел в ее состав и был ее ученым секретарем. Позже, в 1765 г., Пекен был избран профессором анатомии в Академии художеств.

Литературное наследство его невелико. Он написал всего две книги. Однако одна из них — «Домашний лечебник» (1765) — заслуживает особого внимания как первая в России из медицинских популярных книг, имевших большое значение и большое распространение в ту эпоху. Кроме «Лечебника», Пекену принадлежит небольшая популярная книжка «Способ как сельским обывателям пользовать себя в оспе» (1766), написанная «единственно для употребления бедных людей».

Пекен был одним из организаторов и активным членом Вольного экономического общества, в трудах которого он поместил несколько интересных статей, также заслуживающих внимания.

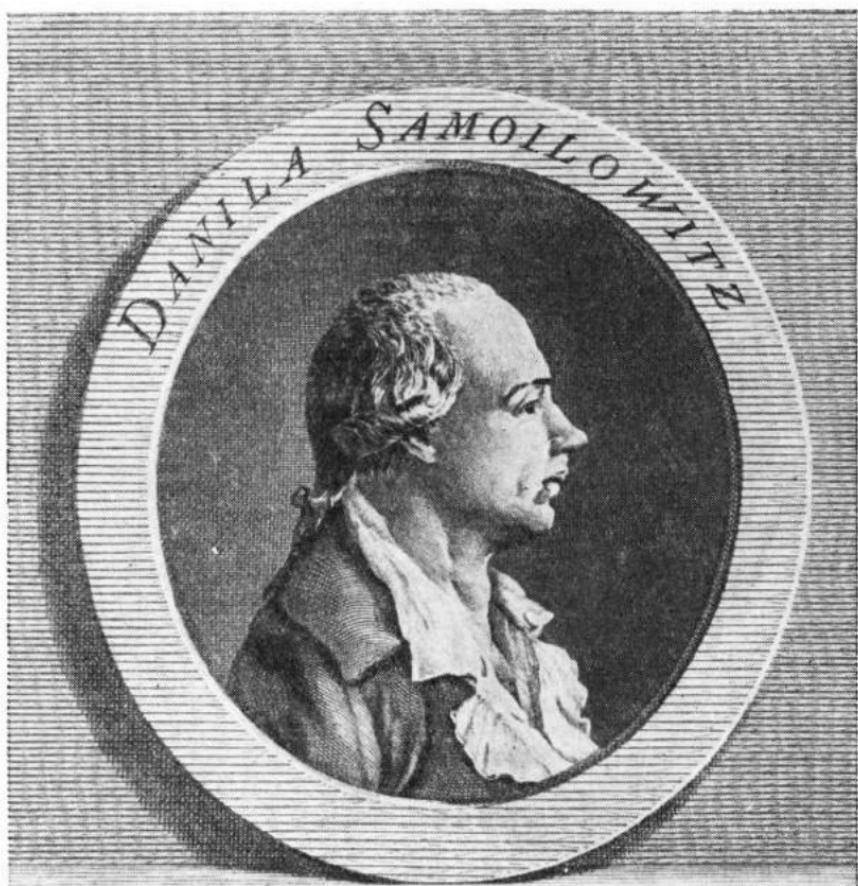
Пекен, являясь членом Медицинской коллегии, принимал активное участие в составлении военной фармакопеи и русской фармакопеи, вышедших на латинском языке.

Кроме вышеуказанных авторов, следует уделить внимание и другим, написавшим по одной книге, но внесшим также большой вклад в развитие русской медицинской литературы. Среди них прежде всего должен быть отмечен акад. Иван Иванович Лепехин (1740—1802).

Отдельной книжкой вышла его речь, произнесенная в марте 1783 г. в Академии наук: «Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастений» (СПБ, 1783).

Однако этим далеко не ограничивается роль И. И. Лепехина в развитии русской научной литературы. Его литературное наследство очень велико. Человек большой и разносторонней эрудиции, врач, ботаник, этнограф, естествоиспытатель, путешественник, Лепехин оставил след в истории многих отраслей естествознания.

Перу Лепехина принадлежит перевод пяти томов «Естественной истории» Бюффона, а также большое число статей на самые различные темы. Из имеющихся непосредственное отношение к медицине может быть названа большая статья «О домашних средствах, простым народом в болезнях употребляемых» («Месяцеслов с наставлениями» на 1782—1783 гг.). Не поддается точному учету, но очень велико участие Лепехина в составлении «Словаря Российской академии», где Лепехину принадлежит «толкование» многих медицинских терминов. Наконец, чрезвычайную ценность имеют те разнообразные сведения медицинского характера, которые разбросаны по страницам обширных «Дневных записок путешествия»

Conseiller des Collèges de S. M. I. des Toutes les Russies Premier
medecin dans les Gouvernemens de Catharinostlaw et de la Tauride
Acadie de l'Institut de Dijon, de Nîmes, du collège Royal des mede-
cins de Nancy de l'académie de Marseille, de Lyon de Mayence de
Mainheim de Padoue, de Turin du Musée de Paris de l'académie
Royale de chirurgie de Paris et de l'académie de Toulouse.

Данило Самойлович Самойлович (1744—1805)

Лепехина. На этом произведении мы специально остановимся ниже.

Следует упомянуть также его работу как редактора «Новых ежемесячных сочинений», журнала, издававшегося Академией наук и содержавшего немало оригинальных и переводных статей по медицине¹.

Должен быть упомянут также и ученик Лепехина акад. Николай Яковлевич Озерецковский (1750—1827). Еще студентом академического университета Озерецковский принимал участие в экспедициях Лепехина и проявил большие способности натуралиста. В дальнейшем Озерецковский стал доктором медицины и адъюнктом, а затем и академиком по кафедре естественной истории.

Озерецковский много сделал для распространения народного образования в России, будучи членом комиссии об училищах. Чрезвычайно эрудированный и разносторонний ученый, Озерецковский является автором очень большого количества сочинений самого различного содержания: по зоологии, ботанике, минералогии, технологии и медицине.

В книжную медицинскую литературу он вошел лишь своим переводом знаменитой книги Тиссо «Наставление народу», в который внес много своих примечаний. Но и он, подобно Лепехину, принимал активное участие в составлении «Словаря Российской академии», где ему принадлежат определения слов, «означающих болезни».

Среди большого числа статей Озерецковского, разбросанных по разным периодическим изданиям XVIII и начала XIX в., некоторые касаются вопросов медицины. Наибольший интерес представляет статья «О пользе корня травы чистотела в коросте или чесотке» («Месяцеслов с наставлениями», 1782).

Большой заслугой Озерецковского является также издание десятитомного «Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов». Среди этих сочинений было много медицинских².

Среди авторов русской медицинской литературы должен быть отмечен и замечательный русский врач А. Шумлянский.

Александр Михайлович Шумлянский (1748—1795) занимает выдающееся место в истории русской и мировой медицины благодаря своей блестящей диссертации «De structura hepatis», построенной на новых оригинальных методах исслед-

¹ Об И. И. Лепехине см. Н. Г. Фрадкин, Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768—1773 гг., М., 1950; М. И. Сухомлинов, История Российской академии, СПб, в. II, 1875.

² О Н. Я. Озерецковском см. М. И. Сухомлинов, История Российской академии, в. II, СПб, 1875; Н. Г. Фрадкин, Путешествия И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева, М., 1948.

дования, содержащей крупное анатомическое открытие и принесшей ему мировую славу. Но диссертация Шумлянского была написана и издана по-латыни, на русский язык переведена не была и поэтому выходит за пределы нашего исследования.

В русскую же медицинскую литературу А. М. Шумлянский вошел одной книгой—«Мнение одного истиннолюбца о поправлении наиполезнейшей для людей науки» (1787). Небольшая по объему эта книжка представляет, однако, большой интерес. Она содержит очень любопытные мысли о медицине как науке, о входящих в нее дисциплинах, о способе их преподавания.

Кроме того, Шумлянскому принадлежит перевод на русский язык книги известного швейцарского врача Тиссо «О здравии ученых людей» (1787).

Что касается иностранных авторов, чьи сочинения были переведены в России, то в большинстве своем это признанные медицинские авторитеты, «властители дум» медицинской Европы XVIII в.—Бургав, Тиссо, Ван-Свитен, Гаубий, Людвиг, Розенштейн, Пленк. В подавляющем большинстве все эти авторы представлены одной, редко двумя книгами. Эти книги—либо распространенные руководства, по которым проводилось преподавание в госпитальных школах, либо лучшие сочинения, прославленные современниками и последующими историками.

Характеристика и даже перечень авторов русской медицинской литературы XVIII в. не может, однако, претендовать на исчерпывающую полноту, так как большое количество сочинений выходило без указания имени автора. Во многих случаях анонимы эти раскрыты исследователями, но все же не все, а иногда раскрыты неправильно.

Особенно часто оказываются нераспознанными иностранные авторы, так как, переводя их книги, наши переводчики далеко не всегда называли имя автора.

Непосредственное знакомство с русскими медицинскими книгами XVIII в. позволяет раскрыть авторство некоторых анонимно изданных книг или исправить ошибки отдельных исследователей, неправильно приписавших книги тому или иному автору.

Автором обстоятельного «Описания моровой язвы», изданного в 1775 г., должен быть совершенно определенно назван А. Шафонский. В литературе были попытки считать его лишь одним из авторов. Такое мнение было основано, повидимому, на том, что предпосланное книге посвящение Екатерине II подписано всеми членами комиссии для предохранения и врачевания моровой язвы. Но протоколы этой комиссии свидетельствуют о единоличном авторстве Шафонского, который «сочинял описание и собрав все к нему принадлежащие приложения,

представил оное предохранительной комиссии для слушания»¹. По выходе книги все члены комиссии получили по три экземпляра, а Шафонский, как тот, кто «упражнялся в сочинении» ее, — получил 50 экземпляров².

Комиссия лишь скрепила своими подписями труд Шафонского, как она это делала по отношению ко всем исходящим от нее документам.

«Собрание разных полезных лекарств», вышедшее в 1779 г., оказывается переизданием двух сочинений различных авторов: «О неумеренности в любострастии» А. Бахерахта (1775) и «Способы и наставления, по которым зараженные французскою болезнью... сами собой вылечиваться могут» С. Венечанского (1776).

Автором анонимной брошюры «Опыт о действии электрической машины в рассуждении здравия человеческого», вышедшей в Москве в 1786 г., является работавший в Москве итальянец Джузеппе Маджи. В ведомости игумена Моисея, назначенного в декабре 1785 г. цензором книг, выходящих в вольных типографиях, имеется запись, помеченная апрелем 1786 г.: «Получена мною книжка под заглавием «Опыт о чудесных действиях электрической машины». К этому приложено обязательство: «Оную книгу по отпечатании в оригинале и один экземпляр печатный цензору доставить, и не прежде выпускать в свет, пока не получу от него письменного позволения, обязуюсь Giuseppe Maggi»³. Подобные обязательства давали обычно авторы или переводчики. Джузеппе Маджи был помощником профессора физики Московского университета И. И. Роста. По поручению приказа общественного призрения, Маджи лечил с помощью электрической машины различные болезни, преимущественно нервные. Его имя неоднократно встречается на страницах «Московских ведомостей» 1783—1787 гг., в объявлениях, сообщающих то об «учреждении» в Екатерининской больнице электрической машины, причем «электризацию производить будет известный машинист, господин Маджи»⁴, то об успехах, достигнутых им в излечении «самых трудных болезней»⁵. В 1786 г. Маджи опубликовал результаты своего лечения в особой брошюре. В объявлении книгопродавца о продаже этой книги ее автором назван Маджи. В следующем, 1787 г. Маджи выпустил книгу на ту же тему на французском языке⁶.

Изданная в 1770 г. без указания имени автора брошюра «Краткое и ясное наставление, каким образом содержать

¹ МОГИА, ф. 636, оп. 2, св. 101, д. 136, л. 135.

² Там же, д. 142, л. 265.

³ Сб. «Осмнадцатый век», в. 1, М., 1868, стр. 431.

⁴ «Московские ведомости», № 37, 1783, стр. 285.

⁵ Там же, № 95, 1784; № 74, 1786; № 20, 1787.

⁶ Там же, № 51, 1787, стр. 475.

больного в оспе по методу господина барона Димсдаля», носившая официальный характер и попавшая в «Собрание законов», принадлежит, повидимому, перу самого Димсдаля. Основанием для такого предположения является то, что, издав в 1776 г. в Лондоне книгу об оспопрививании, Димсдаль в самом ее заглавии указал, что она «содержит перевод двух трактатов, написанных в период пребывания автора в Петербурге и опубликованных там на русском языке»¹. Первый из упомянутых трактатов — прибавления к русскому изданию его книги «Нынешний способ прививать оспу», вторым же может быть только названная брошюра. Имеющаяся в ней ссылка на труды Вольного экономического общества, вряд ли известные Димсдалю, повидимому, принадлежит переводчику. Очевидно, поэтому она приведена в сноске.

Следует назвать также имя автора («Краткого уведомления, каким образом познавать моровую язву», которое было издано в Москве в 1771 г. Этим автором был известный врач Г. Ореус. На его авторство указал А. Шафонский².

* * *

Перечисляя имена авторов, создавших своими трудами русскую медицинскую литературу XVIII в., необходимо упомянуть и имена переводчиков.

Переводная литература издавна слывет литературой малой значимости. Сами переводчики медицинских книг относили свой труд к разряду «малых» дел. Так, например, переводчик XVIII в., учитель немецкого языка медико-хирургической школы Фадей Амон, не выставивший даже своего имени на титульном листе, а скромно укрывшийся за инициалами М. Х. Ш. У. Ф. А., предоспал своей книге следующий эпиграф: «Довольно тому приносить иногда пользу в неважных дела, которому не позволяет случай упражняться в больших»³.

Однако передовые люди того времени понимали роль переводов с других языков как фактора обогащения культуры своего народа.

Перевод медицинских книг был нужен в то время. Медицинская наука в России в XVIII в. лишь постепенно отвоевывала свою самостоятельность. Научными авторитетами были еще иностранные авторы. Учебниками, по которым воспитывалась учащаяся молодежь, служили иностранные руководства. В этих условиях переводить иностранные книги и тем самым

¹ Th. Dimsdall, Thoughts on general and partial inoculation, containing a translation of two treatises, written by the author was at Petersburg and published there... in Russian language, London, 1776.

² Описание моровой язвы, М., 1775, стр. 103.

³ И. И. Нер, Исследование причин, от которых большая часть детей умирают, М., 1790.

делать их достоянием более широкого круга русских читателей представляло нужную и благодарную задачу.

Многие медицинские переводы осуществлялись по прямому указанию и распоряжению властей. Еще в 1724 г. Петр I издал специальный указ «О переводчиках и о их художествах», в котором указывал, что «для перевода книг зело нужны переводчики», причем переводчики-специалисты («понеже никакой переводчик, не умея того художества, о котором переводит, перевесть не может»), и предписывал «которые умеют языки, а художества не умеют, тех отдать учиться художествам, а которые умеют художества, а языку не умеют, тех послать учиться языкам...». К числу «художеств», т. е. ремесл и специальностей, по которым особенно требовались переводные книги, наряду с математическим, механическим, «архитектур», «цивилис» и «протчими тому подобными», относились также и «хирургическое, анатомическое, ботаническое»¹.

При учреждении Академии наук было постановлено, чтобы «при всяком степени академическом», т. е. при всяком ее отделе или «классе», был переводчик. К физическому классу, в ведение которого входили медицинские науки, в качестве переводчика, по повелению Петра I, был определен лекарь М. П. Сатаров².

Есть указания, что по личному распоряжению Петра I были осуществлены переводы «Афоризмов» Гиппократа и «Анатомии» Бидлоо³.

Предисловия к многим переводам содержат указания на полученные от президента Медицинской коллегии словесные и письменные наказы, «дабы такого рода переводы и сочинения издавать в свет». Перевод книги Пленка о «любострастных» болезнях был осуществлен Максимовичем-Амбодиком, как это видно из посвящения, по заданию военных властей⁴.

Чаще всего перевод имел в виду интересы учащихся. Барсук-Моисеев, Дvigубский, Максимович-Амбодик и другие переводчики не раз подчеркивали в своих предисловиях и посвящениях, что они предприняли свой труд «единственно для пользы учащегося врачебной науке Российского юношества».

В условиях развивающейся медицинской науки и возникающего высшего медицинского образования переводить медицинские руководства было делом государственной важности. И большинство медицинских переводчиков XVIII в. правильно понимали значение своей работы, рассматривали ее как патриотическое служение.

¹ Полное собрание законов, т. VII, № 4433.

² П. Пекарский, Наука и литература при Петре I, СПБ, 1862, т. I, стр. 271—272.

³ Н. Куприянов, История медицины России в царствование Петра Великого, СПБ, 1872, стр. 10.

⁴ И. И. Пленк, Врачебные наставления о любострастных болезнях, СПБ, 1790.

Один из первых русских медицинских переводчиков — лекарь М. И. Шеин с гордостью приравнивал свой труд к важнейшим открытиям и изобретениям. Полны сознания гордости за свою родину и за свое участие в ее культурном развитии его слова: «Не начинали искать до Колумбуса Америки, но после начали, нашли. Не начинали в России искать золота, но ныне начали, нашли. Не начинали фарфора делать, разные заводы, мануфактуры и машины строить, начали — нашли. Не начинали прежде и государи российские подданных своих, по природе остроумнейших и ко всем высочайшим наукам способнейших, обучать разным языкам, наукам и художествам; но сколь благополучно начал Петр Великий! так начал, что ныне довольны и иных научити. Не начинали здесь прежде переводить и разных книг, особенно к гражданству принадлежащих и потребнейших, начали при Петре Великом, которое течение ныне и впредь не оскудеет. Чему и я подражая, перевел сию анатомическую книгу, званию моему приличную, на общенародную пользу»¹.

Ф. И. Барсук-Моисеев писал в предисловии к одному из своих переводов: «Я усердно желаю, чтобы любители своего здравия, читая книжку сию, могли получить из неё совершенную пользу, которая единственна была причиною переводу ея с иностранного на Российский язык»².

Оставшийся нам, к сожалению, неизвестным переводчик³ «Лечебника» Бухана писал, что своим переводом «из любви к моим соотечественникам, старался, сколько возможно было, и самую Врачебную Науку сделать легкою и простонародною»⁴.

Все это заставляет нас удалить достаточное внимание как медицинским переводам XVIII в., так и переводчикам.

Состав переводчиков медицинской литературы в XVIII в. достаточно обширен и разнообразен. Среди них много академиков, профессоров и преподавателей медицинских школ — А. П. Протасов, П. И. Погорецкий, М. М. Тереховский, Н. М. Максимович-Амбодик, Н. Я. Озерецковский, А. М. Шумлянский, М. Х. Пекен, Д. Я. Писчеков, П. Гофман, В. М. Север-

¹ Л. Гейстер, Сокращенная анатомия, СПБ, 1757; предисловие переводчика.

² Путь к здравию, М., 1791.

³ Его имя следовало бы установить. Он, безусловно, представлял неизулярную фигуру среди русских медиков XVIII в. В литературе есть указание, приписывающее перевод Лечебника Бухана Зыбелину и Политковскому, но это указание опровергается самим переводчиком, выражающим благодарность своим «наставникам во Врачебной науке», среди которых он между прочими называет и Зыбелина и «паче всего» Политковского (т. I, стр. 16).

⁴ Бухан, Полный и всеобщий домашний лечебник, М., т. I, 1790, стр. 4.

гин, П. А. Загорский, В. Я. Джунковский¹ и ученых врачей, как Д. С. Самойлович, М. И. Шеин, И. Андреевский, В. Григоровский. Многие из этих имен встречались нам в списке авторов, так как большинство русских ученых врачей XVIII в., наряду с оригинальными произведениями, занимались и переводами.

Среди переводчиков медицинской литературы была значительная группа студентов-медиков — Ф. Барсук-Моисеев, М. Гороховский, И. Венсович, И. Двигубский, Н. Дьяков, Д. Велланский, Н. Щеголев, И. Леонтович, А. Ястребцов.

Показательно, что из этой группы студентов большинство стало в дальнейшем профессорами. Переводы являлись для них школой научно-литературной деятельности.

Наконец, наиболее многочисленна среди переводчиков медицинской литературы группа людей самых различных профессий, далеких от медицины и соприкоснувшихся с медициной в силу тех или иных обстоятельств.

Среди них переводчики-профессионалы, как переводчик Академии наук К. Кондратович, сотрудники «Собрания ста-рающегося о переводе иностранных книг» Л. Сичкарев и С. Гамалея; учитель иностранного языка в медико-хирургическом училище Ф. Амон, дилетант, интересующийся медициной, П. Богданович, директор типографии Медицинской коллегии М. Парпур, крепостной библиотекарь, переводчик и либреттист графа Шереметьева — В. Г. Вороблевский², мичман Черноморского флота Юферов и др.

На ряде переводчиков, внесших наибольший вклад в русскую медицинскую литературу XVIII в., остановимся подробнее. При этом, естественно, мы не будем упоминать о тех, которых мы уже отмечали (Максимович-Амбодик, Шумлянский и др.), как авторов.

Прежде всего следует назвать А. П. Протасова.

Алексей Протасьевич Протасов (1724—1796), сын солдата, ставший, несмотря на противодействие немецкой верхушки Академии наук, академиком, ученик М. В. Ломоносова, первый русский профессор анатомии в Петербургской академии наук, был незаурядным человеком. Горячий патриот, активный борец за самостоятельность и самобытность русской медицины, не боявшийся восставать против незыблемости зарубежных медицинских авторитетов, уже на студенческой скамье Прота-

¹ В. Я. Джунковский в течение нескольких лет занимал специальную должность переводчика при Медицинской коллегии.

² Вороблевский короткое время был деятельным сотрудником Н. И. Новикова. В 1779 г. было издано пять его переводов. В дальнейшем среди изданий Новикова имя Вороблевского не встречается. Это произошло, как недавно установлено, из-за того, что Шереметьев строго-настрого запретил своему крепостному печатать свои переводы у Новикова (см. Светлов Л. Б., Издательская деятельность Н. И. Новикова, М., 1946, стр. 50).

сов мог много сделать для развития русской медицинской науки и медицинской литературы. До нас дошли сведения о ряде литературных работ, предпринятых Протасовым. К сожалению, крайне перегруженный многочисленными и весьма разнообразными служебными обязанностями по академии, Протасов не завершил их.

Протасов принимал деятельное участие в «Словаре Российской академии», где ему принадлежит истолкование многих анатомических терминов и «слов, болезни означающих». В своих определениях он смело отошел от общепринятого у западноевропейских врачей идеалистического толкования болезней и дал сжатые оригинальные определения их, основанные на клиническом наблюдении.

Речи, произнесенные Протасовым в Академии наук «О физическом воспитании» и «О пользе движений», к сожалению, до нас не дошли. Сохранились только его переводы. Еще будучи студентом, Протасов перевел с немецкого «Ясное показание... о анатомии живописцев» И. Д. Прейслера. Как упоминалось выше, эта книга представляет атлас из 15 таблиц с экспликациями. Это была первая анатомическая книга на русском языке. Таким образом, Протасов — основоположник русской анатомической терминологии.

В дальнейшем, став уже профессором, Протасов перевел две книги Х. Пекена — «Домашний лечебник» (1765) и «Способ как сельским обывателям пользоваться себя в оспе». Переводя сочинения Пекена, Протасов много потрудился, чтобы сделать их доступными и полезными русскому читателю. Сам Пекен писал в предисловии к своему «Лечебнику», что «г. Профессор Протасов усмотрел в книге сей несколько такого, которое показалось ему требовать некоторого изъяснения, что он и постарался дополнить собственными своими примечаниями». На некоторых примечаниях Протасова мы специально остановимся в дальнейшем¹.

Среди переводчиков медицинских книг на русский язык особо должен быть отмечен также Мартын Ильич Шеин (1712—1762).

Шеин пришел в Кронштадтский адмиралтейский госпиталь сперва как рисовальный мастер, «для лучшего обучения в анатомии» учеников госпитальной школы. Но, соприкоснувшись с медициной, Шеин заинтересовался ею, окончил госпитальную школу и в 1745 г. получил звание лекаря. Умелый и опытный хирург, он в дальнейшем стал главным лекарем, т. е. главным хирургом адмиралтейского госпиталя в Петербурге. После основания Академии художеств Шеин стал в ней первым профессором анатомии.

¹ Об А. П. Протасове см. кн. М. И. Сухомлинова, История Российской академии, в. II, СПБ, 1880; статью Б. С. Бессмертного в «Советском врачебном сборнике», № 11, 1948.

Шеину принадлежит почетная роль в истории русской медицинской науки, главным образом в развитии анатомии и хирургии. Еще будучи рисовальным мастером, Шеин подготовил большинство анатомических рисунков в первом изданном в России анатомическом атласе (1744). Затем Шеин перевел на русский язык «Анатомию» Гейстера. Она была издана в 1757 г. и явилась первым руководством по анатомии на русском языке. Спустя четыре года после издания «Анатомии» Шеин выпустил в свет перевод «Основательных наставлений хирургических» И. З. Платнера. Он снабдил свой перевод обширными примечаниями, на которых мы остановимся далее. Обе эти книги были учебными руководствами, на которых воспитывалось не одно поколение русских врачей XVIII в. Шеин перевел еще две книги по хирургии, но эти переводы остались ненапечатанными¹.

М. И. Шеин был горячим патриотом, он радовался развитию медицинской науки в России и стремился к ее дальнейшему процветанию. Посвятив свой перевод сенату, он просил милостию принять его труд, «дабы через то и прочие в науках упражняющиеся Российские подданные охоту и поощрение иметь могли, чего от всего сердца желаю»².

Большая роль в переводах на русский язык произведений медицинской литературы принадлежит Петру Ивановичу Погорецкому (1740—1780).

Воспитанник русской госпитальной школы, получивший в числе десяти посланных Кондоиди за границу лекарей звание доктора медицины в Лейдене, Погорецкий был очень образованным и оригинально мыслящим врачом. Он был преподавателем Московской госпитальной школы, но проработал на этом поприще недолго.

Погорецкий был воинствующим патриотом, он восстал против преимущественного положения немцев в госпитальной школе и предложил принять меры к увеличению числа русских учеников в школе. Он резко и открыто критиковал недостатки в постановке обучения в госпитальной школе и клеймил недобросовестное отношение многих немецких преподавателей к обучению русской молодежи. За это он подвергся преследованиям, и ему пришлось оставить службу. Он, однако, и «в отставке» принимал самое активное участие в самоотверженной борьбе русских врачей с эпидемией чумы в Москве в 1770—1772 гг., работая добровольно в чумном госпитале.

Непризнанный и преследуемый, Погорецкий рано умер, не

¹ Для полноты освещения литературной деятельности Шеина следует упомянуть еще об одном его труде, ускользнувшем от биографов Шеина: в 1748 г. он перевел Плутарха «Краткое наставление о воспитании детей». Этот перевод остался ненапечатанным («Чтения в Обществе истории и древностей российских», № 2, 1846, Смесь, стр. 28).

² О М. И. Шеине см. статью Б. Н. Палкина, «Хирургия», № 6, 1948.

совершив того, что мог и должен был бы сделать для развития русской медицинской науки.

Из оригинальных сочинений Погорецкого нам известна лишь одна статья в «Трудах Вольного экономического общества», не на медицинскую тему, но весьма интересная — «О предохранении яблонь от червей». Но Погорецкий немало занимался переводами. В 1768 г. в его переводе вышел переведенный на все европейские языки трактат Корнаро (Корнелия) «Опыт о пользе трезвого жизни» — апология умеренности в питье и пище. Трактат Корнаро не только переведен Погорецким, но и «нужнейшими примечаниями изъяснен».

В следующем году Погорецкий перевел с французского книгу, получившую в его переводе название «История и записки Амстердамского общества в пользу утопших собравшегося в 1767 г.». Своему переводу Погорецкий предпослав обширное предисловие.

Ранее Погорецкий перевел отдельные статьи из знаменитой французской энциклопедии. В вышедшей в 1767 г. книге «Переводы из энциклопедии» несколько статей переведены Погорецким. К ним относятся: «Доктор медицины», «Догматический», «Палец в анатомическом смысле», «Пальцы в хирургическом разуме», «Дракункул». И эти переводы он сопроводил своими примечаниями.

Наибольшее количество переводов медицинских книг на русский язык в XVIII в. принадлежит Ф. И. Барсук-Моисееву. Фома Иванович Барсук-Моисеев (1768—1811), воспитанник Московского университета, ставший впоследствии его профессором. Он был первым врачом, получившим степень доктора медицины в Московском университете.

В студенческие годы и позже Барсук-Моисеев переводил медицинские книги самого различного характера. В XVIII в. им переведены книги «Способ лечить болезни» Г. Э. Гамбергера (1789), «Новый безопасный и весьма удобной способ лечить каменную и цинготную болезнь» Гулме (1789), «Способ лечить от ядов» С. де Мецы (1789), «Медицинская практика» (1789) и «Полный и всеобщий лечебник» Рубеля (1791), «Удобные средства познавать и лечить начинаяющуюся чахотку» А. Фогеля (1790), «Практические наблюдения... над любострастной болезнью» Лохера (1790), «Путь к здравию» (1791), «Описание целительного декокта Ловера» (1792), «Детский лечебник» (1793), «Аптека, или наука составлять лекарства» Шлетера (1793), «Физиология» Блюменбаха (1796).

Переводы Барсук-Моисеева весьма характерны для русских медицинских переводов XVIII в. Мы коснемся их впоследствии.

Мы подробно остановились на переводчиках, так как в истории развития русской медицинской литературы XVIII в. удельный вес переводов достаточно велик.

На этом-то в значительной мере и строилось ложное и вредное представление о полной несамостоятельности и незначительности русской медицинской литературы XVIII в.

Именно потому исследователь оказывается обязанным внимательно и объективно рассмотреть вопрос о переводах, их месте и значении в развитии русской медицинской литературы.

При таком рассмотрении выясняется прежде всего, что далеко не все работы, написанные на иностранном языке и лишь переведенные на русский язык, должны быть отнесены к категории переводных в обычном понимании этого слова.

Многие из ученых врачей России того времени были иностранцами по происхождению и, естественно, писали свои труды на родном языке или на международном языке той эпохи — латинском. Но эти ученые были тесно связаны с Россией, провели в ней всю свою сознательную жизнь, из русской действительности черпали свои наблюдения и опыт, некоторые из них даже родились в России. Все это позволяет нам причислить их, несмотря на нерусские фамилии и даже нерусский родной язык, к ученым нашей родины.

К ним относились Паллас, Пекен, Эллизен, Бахерахт и др. Книга Пфелера «Наставление для людей за больными наблюдение имеющих» (М., 1792), написанная на немецком языке, прежде всего была издана на русском языке в Москве, затем уже на немецком — в Риге и позже — за границей. «Фармакология» Эллизена вышла в Петербурге в переводе с рукописи, написанной, как было указано на ее титульном листе, по приказанию Медицинской коллегии.

Станислав Ели, чех по национальности, писал свою книгу «Физико-медицинские примечания о вреде, происходящем от употребления рожков» тоже на немецком языке, но впервые она увидела свет в России на русском языке, а автор ее многие годы работал в Петербурге.

То же было с книгами Вельцина, Лутца, Вунзеля и ряда других врачей-иностранцев, служивших на русской службе.

Книга Шрейбера «Руководство к познанию и врачеванию болезней» написана на немецком языке, но автор ее — хирург Петербургского госпиталя и академик Петербургской академии, и эта книга — плод его петербургских наблюдений, о чем он сам сказал в заглавии иностранного издания его книги¹.

Конечно, в этих случаях слово «перевод» является лишь формальным признаком, не дающим права на исключение этих книг из списка оригинальных произведений русской медицинской литературы.

Иной подход привел бы нас к грубым ошибкам, к явной

¹ Kurze doch zulängliche Anweisung zur Erkenntniss und Cur der vornehmsten Krankheiten wie solche in den grossen Hospitälern zu St. Petersburg alle Jahre seit 1742 bis hieher ist vorgetragen und erklärt worden. Leipzig, 1756.

ФАРМАКОЛОГІЯ
или
ОПИСАНІЕ ЛѢКАРСТВЪ,
для
ІМПЕРАТОРСКІХЪ Россійскихъ
Сухопутныхъ Войскъ.

По приказанію Государственной Медицин-
ской Коллегії сочинилъ

Іоганнъ Георгъ Давыдъ Елизенъ,
Медицины Докторъ Надворный Совѣтникъ,
Санктпетербургскій Шпадѣтъ Физикъ, об-
ществъ ИМПЕРАТОРСКАГО вольнаго Эконо-
мического, Герцогскаго Нѣмецкаго въ Гелм-
штадтѣ ординарный, Іенскихъ Нѣмецкаго
и Испытателей природы Почетный Членъ.

Съ Нѣмецкаго рукописнаго подлинника перевель
Максимъ Парлуръ.

Напечатано иждивенiemъ Государственной Медицинской
Коллегії, съ перевода окою разсмотрѣнаго и одобреннаго.

Въ Типографіи Государственной Медицин-
ской Коллегіи, 1797 года.

нелепости, заставил бы исключить без всякого основания из числа оригинальных русских произведений и некоторые речи русских профессоров Московского университета, написанные и произнесенные ими на латинском языке.

Кроме того, если, пересмотрев под таким углом зрения распределение русской медицинской литературы XVIII в. на оригинальную и переводную, мы все же должны будем немалую часть книг отнести к переводам, то тем не менее не следует делать поспешных выводов о малом их значении в развитии русской медицинской науки и литературы.

Роль и значение ранних медицинских переводов не ограничивается только тем, что они знакомили русских врачей и широкие круги читателей с иностранной медицинской мыслью. Переводы XVIII в., во всяком случае многие из них, являются несомненным вкладом в русскую медицинскую науку, заключают в себе элементы оригинальности, самобытности, критического восприятия, а иногда и преодоления ошибок медицины Запада.

Оригинальное, свое, самобытное заключалось прежде всего в создании русской медицинской терминологии.

XVIII век — век быстрого развития русской науки и русской техники — неизбежно стал и веком обогащения и уточнения русской научной терминологии. «Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, — говорил И. В. Сталин, — торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы»¹.

В XVIII в. все науки — от философии до фортификации, включая, конечно, и медицину, — нуждались в словесных определениях большого числа новых понятий.

В начале XVIII в. возникла необходимость создания научной терминологии — математической, механической, навигационной, географической, несколько позже — философской и затем — медицинской. Задача эта была ответственная и очень нелегкая. Некоторые слова приходилось создавать, некоторые заимствовать из иностранных языков. В предисловии к своему нашумевшему переводу «Разговоров о множестве миров» Фонтенелля (1730) Кантемир признавался, что он «не хотя принужден был употреблять» иностранные слова, «своих равносильных не имея». В начале XVIII в. переводчики, употребляя какое-либо новое русское слово, сами не были уверены в его полной пригодности и на полях приводили его на языке подлинника.

С большими затруднениями встретились и переводчики медицинских книг.

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, М., 1950, стр. 22.

«Предуведомления» переводчиков медицинских книг перестрят указаниями на терминологические затруднения.

Мартын Шеин писал: «Новость сего труда извинит меня в том, есть ли в нем что не ясно изображено, или по сходству и по подобию других вещей наименовано. Изобретение приличных названий, или учебных слов коль трудно есть, всякому упражняющемуся в науках известно»¹.

Барсук-Моисеев признавался: «Ничто столь не делало мне затруднений в сем переводе, как технические, искусством то есть изобретенные и в употребление введенные термины»².

Особенные трудности представлял перевод книг по анатомии. Если болезни, симптомы, многие лекарства часто имели в русском языке бытовые названия, то незнакомые анатомические термины, как, например, *diaphragma*, *pleura*, *pancreas*, *trochanter* и мн. др., не имели в русском языке слов, вполне им соответствующих. Талантливый педагог и новатор К. И. Щепин, стремившийся преподавать в госпитальной школе анатомию и хирургию на русском языке, в 1764 г. жаловался на трудность преподавания из-за отсутствия русской номенклатуры, в результате чего, писал он, «я на латинском языке десять коллегий [т. е. лекций] прочитаю лучше, нежели на русском одну»³.

П. И. Погорецкий писал: «На Русском языке существенных анатомических слов немного; на славянском, впрочем, преизобильном, языке юные забвены...»⁴.

Таким образом, необходимо было создавать анатомические термины, и это сделали переводчики XVIII в. Естественно, что новосозданные термины и названия не всегда были удачными, некоторые были найдены не сразу, встречались и неуклюжие, неудобопроизносимые.

М. Шеин в предисловии к переводу «Анатомии» Гейстера как бы заранее извинился перед читателями за сложность вводимых им в научный обиход слов, ссылаясь на то, что «одно имя, особливо греческое, два или три имени в себе заключающее, российским одним простым же, а несложным, и точную силу и знаменование имеющим, составлено быть не может».

Действительно, ему часто приходилось одно латинское или греческое слово переводить несколькими русскими. Так, например, *diaphragma* он переводил — преграда грудобрюшная; *pleura* — плева подреберная; *abscessus* — чирей безверхушечный; *carbunculus* — веред многоголовый; *podagra* — расслабленность пожносоставная. Но иногда, правда, народный рус-

¹ И. З. Платнер, Основательные наставления хирургические, 1761; посвящение.

² И. Ф. Рибель, Полный и всеобщий лечебник, М., 1791; предуведомление переводчика.

³ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 9, л. 172.

⁴ Переводы из Энциклопедии, ч. III, М., 1767, стр. 59.

ский язык подсказывал ему перевод сложного латинского термина одним словом. Так *inflammatio mammae* переводится им одним словом — грудница.

Забота о сохранении «силы и знаменования» подлинника и точного воспроизведения его средствами русского языка пронизывает труд большинства переводчиков того времени и преобладает над заботой о красоте слога. Это отмечали и сами переводчики. Максимович-Амбодик признавался: «Я не столько старался о витиеватом велеречии и выборе пышных слов, сколько о подлинном выражении и изъяснении мыслей и рассуждений сочинителя»¹. И. Дvigubский писал: «Что касается до моего перевода, я всевозможно старался сохранить ясность подлинника и свойственнее определить слова не довольно еще в российском языке употребительные»².

В процессе создания новой медицинской терминологии переводчикам часто приходилось исходить из иностранных образцов. Филологи указывают, что «усвоение иноязычной терминологии возможно двоякое: заимствуя или самое слово, или же только его значение»³.

В России XVIII в. поверхностно воспринявшие западную культуру «петиметры» пошли по первому пути и обильно пересыпали свою речь иностранными словечками, придавая им лишь русские падежные окончания.

Русские же научные писатели того времени избрали второй, более трудный, но и более почетный путь. Так поступали и медицинские переводчики. Они старались создавать новую медицинскую терминологию, передавать новые для русского читателя понятия, черпая для этого слова из богатой сокровищницы живого русского языка.

В нашу задачу не входит проследить историю русской медицинской терминологии. Это могло бы служить предметом специального, полезного и увлекательного исследования. Однако даже при беглом знакомстве с русской медицинской терминологией XVIII в. сами собой возникают некоторые выводы и положения.

Ясно определяются три основных направления, по которым шли наши первые медицинские переводчики, создавая новую клиническую и анатомо-физиологическую терминологию.

Часто они дословно переводили, «кальвиривали» иностранное слово на русский язык. Так, *clavícula* в первой же русской печатной анатомии⁴ стала называться ключицей (от *clavis* — ключ, задвижка) и сохранила это наименование почти во всех книгах XVIII в.; *acetabulum* был переведен как уксус-

¹ «Краткое испытание многих закоснелых мнений», СПБ, 1781.

² И.И. Пленк, О строении частей человеческого тела, М., 1796.

³ История русской литературы, М., 1941, т. 3, стр. 66.

⁴ Г. Прейслер, Ясное показание о анатомии живописцев, СПБ, 1749.

ница; *intestinum jejunum* — как постная, голодная кишка; *pancreas* переводилось как всемясная железа от греческих слов *pan* (все) и *creas* (мясо).

Иногда же подбирали независимо от иностранных терминов название из русского бытового языка по сходству. Так, появляется «ложка» (*processus xiphoides*), «дужка» (*clavicularis*), «лодыжки или бутылки», «языкообразная железа» (*pancreas*), «гнездо» (*acetabulum*) и др.

И, наконец, нередко создавались названия, отражающие функцию органа. Так, например, «жилы биючие» (артерии) и «жилы кровевозвратные» (вены), «духодвижный канал» (*trachea*), коловращатель (*trochanter*) и даже «гузничос» (*m. latissimus dorsi*).

Анатомическая и вообще медицинская терминология на протяжении XVIII в. устанавливалась не сразу¹. Термин, предложенный одним переводчиком, не всегда сразу принимался и повторялся другими. Каждый из переводчиков старалсянести в молодую, неустановившуюся терминологию свои улучшения и уточнения. В конце века Иван Дvigubский в своем предисловии к переводу Пленка² указывал, что он старался «свойственнее определить слова не довольно еще в российском языке употребительные. Некоторые термины принимал я так, как они введены уже во врачебную науку были, а другие переменил и на место их употребил новые, — и как кажется приличнейшие».

Стремление отдельных переводчиков найти «приличнейшие» названия привело к ряду параллельных терминов, сменяющих друг друга или существующих. Так, например, *os ileum* в разных переводах обозначается то как подвздошная, то как лонная или чресловая, то как лунная кость; *Clavicula* — как ключица, ключик, остьовая кость и снова — как дужка или ключик; *intestinum rectum* — как прямая, задняя, задняя проходная кишка; *intestinum caecum* — как слепая кишка и глухая кишка; *Pancreas* — как всемясная, пригожемясная и языкообразная железа. Таких примеров много.

¹ Показательна в этом смысле история слова «воспаление». Впервые подобным образом перевел латинский термин *inflammatio* М. Шеин в 1761 г. Спустя несколько лет в одном из своих примечаний к «Домашнему лечебнику» Пекена (1765) А. П. Протасов утверждал: «Припадок сей или болезнь называется принятым с латинского языка именем и *inflammatio*, которую покойный штаб-лекарь Шеин хотя и перевел в *воспаление*, однако всегда почти означают оную у нас огнем или жаром» (стр. 31). В 1793 г. Протасов помещает в IV томе Словаря Российской академии слово «воздпление», правда, со звездочкой, означающей, что оно употребляется в переносном смысле, и определяет его как «состояние какой-нибудь части телесной, которая от сильного жара или трудного прохождения крови в сосудах рдеет, краснеет или горит и притом пухнет с болью» (т. IV, стр. 705), т. е. дает все четыре классических признака воспаления.

² И. Пленк, О строении частей человеческого тела, М., 1796.

Многие из введенных в XVIII в. медицинских терминов не сохранились до наших дней. Исчезли такие термины, как «жилы боевые» и «жилы кровевозвратные», «пасока» (лимфа), «телораздутье» (эмфизема), «сидень» (рахит), «каракатица» (полип), «разноглазность» (косоглазие) и ряд других. Однако многие термины прочно вошли в научный обиход и употребляются поныне.

Как уже отмечалось, в нашу задачу не входит проследить историю русской медицинской терминологии. Мы стремились лишь показать в ней одну из прогрессивных сторон ранних русских медицинских переводов.

Созданием новой медицинской терминологии отнюдь не исчерпываются, однако, те элементы оригинальности, которые привлекают нас в медицинских переводах XVIII в. При внимательном чтении этих переводов становится очевидным, что русские переводчики XVIII в. очень часто передавали на русском языке содержание книг зарубежных авторов не механически, не слепо следя оригиналу.

Традиция критического отношения к переводимым сочинениям восходит в России к Петру I. Известно, что, давая наставления переводчикам, как переводить, Петр указывал: «Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего, кроме самого дела и краткого пред всякой вещью разговора, переводить не надлежит», и предлагал переводить книги «без излишних разговоров, которые время только тратят и чтущим охоту отъемлют»¹. Медицинские переводчики XVIII в. полностью усвоили этот сотворческий метод перевода.

Они далеко не всегда переводят дословно, а отступают от оригинала. Подчас переводчики открыто в этом признаются. Так, С. Порошин в одном из своих переводов признал, что «следуя более собственных мыслей течению, нежели точную связь подлинника наблюдая, иное выпустить, иное перенесть, иное прибавить разсудил за благо»².

В другом переводе читаем в предисловии: «Если любопытные читатели найдут в сем переводе какие-либо от подлинника отступления, то да извинят в том по своей благосклонности трудившегося в нем...»³.

В третьем переводчик представляет «почтенной публике» свой перевод «с довольною однако переменою против подлинника»⁴.

¹ А. Н. Пыпин, Книжная деятельность времен Петра Великого, «Русский вестник», июль, 1898, стр. 269.

² «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», июль 1756.

³ Г. Адамс, Електрические опыты, любопытства и удивления достойные, М., 1793.

⁴ И. Пленк, Избранные предметы относительно судебной медико-хирургической науки, СПБ, 1799.

ЛУДОВИКА КОРНЕЛІЯ
ВЕНЕЦІАНИНА
О П Ы Т Ъ
о
ПОЛЬЗѢ
ТРЕЗВЫЯ ЖИЗНИ.

переведенъ ,
и
нужнѣйшими примѣчаніями
изъясненъ ,
Докторомъ
Петромъ Погорецкимъ ,
сибирскаго корпуса
МЕДИКОМЪ .

Печатанъ при Императорскомъ
Московскомъ Университетѣ
1768. года.

Титульный лист книги Л. Корнаро (Корнелия), в переводе и с примечаниями П. Погорецкого

Специальное сличение русских медицинских переводов XVIII в. с их подлинниками дало бы, вероятно, обильные примеры преобразования текста переводчиками. Но даже без такого сличения мы находим в этих книгах немалый элемент самобытности.

Носителем этих элементов оригинальности, самобытности обычно являются примечания переводчиков, которые очень распространены в переводных медицинских книгах XVIII в. Они, разумеется, очень разнородны и по количеству и по значению у разных переводчиков и в разных книгах. Порой это единичные или даже единственное примечания совершенно случайного характера. Но встречаются книги, изобилующие примечаниями переводчика. Таков «Опыт о пользе трезвия жизни» Л. Корнелия, где даже на титульном листе было указано: «Переведен и нужнейшими примечаниями изъяснен доктором Петром Погорецким»; таковы почти все переводы Барсук-Моисеева, переводы Протасова, Озерецковского, Шеина; таков, наконец, анонимный перевод «Лечебника» Бухана, содержащий очень большое количество ценных и интересных примечаний переводчика.

Что же заключали в себе примечания переводчиков XVIII в.? Нужно прежде всего отметить большую группу примечаний, с помощью которых переводчики пытаются приспособить или дополнить данные иностранной медицины, исходя из климатических, социальных и бытовых особенностей нашей страны, с одной стороны, и с учетом богатого опыта русской народной медицины — с другой.

Это была полезная и нужная задача. Еще Ломоносов в своем поразительном письме к И. И. Шувалову «О размножении и сохранении российского народа» (1761), советуя составить по книгам лучших авторов наставление по повивальному искусству и об излечении младенческих болезней, настойчиво рекомендовал «притом не позабыть, что наши бабки и лекари с пользою вообще употребляют». Письмо Ломоносова не стало достоянием современных ему читателей. Оно было опубликовано (да и то не полностью) впервые лишь в 1819 г.¹. Но в журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», издававшемся Академией наук, в январской книжке за 1764 г. помещено рассуждение (возможно, также принадлежащее Ломоносову) о популярных медицинских книгах для населения: «Без сомнения преполезное было бы упражнение, есть ли бы кто из всех оных предпринимал сочинить сокращение на российском языке, наблюдая притом житие, обыкновения и прочие обстоятельства нашего народа, также и климат наш, и лекарственные вещи простолюдинам известные, а отча-

¹ Журнал древней и новой словесности, март, 1819.

сти вовремя нуждыми и употребляемые» (разрядка наша. — С. Г.)¹.

Необходимость «наблюдать обстоятельства нашего народа» вполне сознавалась переводчиками.

Профессор Петербургского медико-хирургического училища П. Гофман, касаясь прославленной книги швейцарца Тиссо «Наставление народу», получившей сразу широкое признание и переведенной почти на все европейские языки, писал: «Если же спросить, может ли нежный обитатель Швейцарских долин быть наставником всего света? — не должно ли в постановлении лечебных правил соображаться свойству климата, сложению и прибытию каждого народа. Не происходило ли иногда и вреда или недоразумения от такого пользе народа усердствующего лечебника, то не знаю — что мне отвечать»². Это риторическое уклонение от ответа является, конечно, достаточно красноречивым. И сам Гофман, переводя руководство знаменитого в то время лейденского врача Гаубия³, присоединяет к своему переводу примечания, дополняя автора или возражая ему, на основании наблюдений обычных и быта жителей России.

Среди многочисленных примечаний, которыми снабдил Озерецковский свой перевод знаменитой книги Тиссо, есть немало таких, которые основаны на наблюдении русской действительности. Значение этих примечаний было оценено современниками. Президент Академии наук Е. Р. Дашкова, представляя Озерецковского к награде, писала: «Он, как доктор медицины, не малую услугу оказал своим соотечественникам исправным своим на российский язык переводом полезной книги — Тиссотова наставления народу в рассуждении здоровья, которую не только перевел, но объяснил своими примечаниями, и сколько можно приоровил к употреблению российских жителей»⁴.

Прекрасно сознавал необходимость применяться к климатическим и бытовым условиям России и переводчик «Лечебника» Бухана. Недаром он, по его собственному признанию, стремился «заимствовать сведения и опыт» у тех московских врачей, которые знают «совершенно не токмо климаты обширной Российской империи, влияния оных на тело, сложения и темпераменты, — но и образ жизни различных классов людей»

¹ «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», январь 1764, стр. 93.

² П. Гофман, Краткая история врачебного искусства, СПБ, 1789, стр. 114.

³ Гаубий, Начальные основания врачебная пафология, СПБ, 1792.

⁴ М. И. Сухомлинов, История Российской академии, в. II, 1870, стр. 314.

(т. I, стр. 16). Лечебник обильно снабжен примечаниями, преследующими эту цель¹.

Переводчик сознавал значение этих примечаний и в пространном объявлении о выходе в свет своего труда специально отметил, что перевод сделан «с присовокуплением в приличных местах замечаний, относящихся собственно до здешнего края»².

В примечаниях переводчики XVIII в. не ограничивались, однако, только приурочением иностранных медицинских взглядов и теорий к русским условиям. Переводчики нередко своими примечаниями дополняли авторов.

В ряде случаев эти дополнения заимствованы из литературы и обнаруживают большую эрудицию русских врачей-переводчиков. Иногда же, что особенно ценно, эти дополнения отражают соображения самого переводчика или почерпнуты из его опыта, его собственных врачебных наблюдений.

Так, например, П. Погорецкий в примечаниях к трактату Корнелия пытается дать физиологическое объяснение изнуряющего действия «излишнего любодеяния» или вреда от того, что «дряхлые бабушки кладут своих внучков с собою спать на одной постеле» и т. п.³.

Переводу «Записок Амстердамского общества» Погорецкий предпослав обширное (39 страниц) предисловие, в котором он излагает причины смерти при утоплении и меры неотложной помощи при спасении утопленников. «Довлело бы, — начинает он это предисловие, — оставить сей перевод таким, каков его подлинник. Но как сей писан в такой земле, где большая часть жителей в дальних оного объяснения нужды не имеет... я уповаю, что читатели мои примут за благо, когда... сообщу здесь... краткое описание того, что ко предварительному знанию сея книги послужить может»⁴.

Так же дополняют автора и некоторые примечания А. Протасова к «Лечебнику» Х. Пекена: о диагностическом значении осадка в моче (стр. 62), об уходе за вередом (стр. 78), о применении селитры (стр. 125), резкое осуждение различных, широко рекламируемых на Западе лекарств — Гальских, Газенских, Альгодских, Льеврских и их продавцов (стр. 36).

Таковы и многочисленные примечания переводчика «Лечебника» Бухана. Автор, например, возражает против высоких каблуков ради удобства ходьбы. Переводчик в своем примечании

¹ Бухан, Полный и всеобщий домашний лечебник, т. I, М., 1790, стр. 133, 297, 302, 317, 380; т. II, стр. 414; т. III, стр. 494.

² «Московские ведомости», № 102, 1790, стр. 1405.

³ Д. Корнелий, Опыт о пользе трезвяя жизни, М., 1768, стр. 31, 98, 100 и др.

⁴ «История и записки Амстердамского общества в пользу утопших собравшегося в 1767 г.», СПБ, 1769.

ний пишет по этому поводу: «Но не в одной ходьбе дело состоит: ежели женщина на высоких каблуках, будучи беременной, упадет, что весьма удобно случиться может, то какого бедствия от сего ожидать надлежит?» (т. I, стр. 300).

При боли в горле переводчик рекомендует «известный у простого нашего народа взварец из меда, клюквы и стручкового перца» (т. II, стр. 366), при кашле — пластырь из сапожного вара с терпентином и воском (т. II, стр. 382).

Особый интерес представляют, конечно, примечания переводчиков, основанные на их собственном опыте. Их чрезвычайно ценили и современники. Об этом можно судить хотя бы по отзыву о книге А. Бахерахта «Способ к сохранению здоровья морских служителей», в котором, между прочим, с одобрением отмечалось, что автор, «пользуясь с разумной разборчивостью всем тем, что чужестранные врачи о сей материи писали, и применяя оное к здешним учреждениям и обычаям, прибавил к тому собственные свои наблюдения и опыты; чем самым книга его для российского флота и может гораздо полезнее быть, нежели другая какая сего же рода переведенная на наш язык»¹.

К таким примечаниям, основанным на собственном опыте, принадлежат, например, примечание А. Протасова о лечении цынги лошечной травой², примечания Д. Писчекова, в которых переводчик дополняет автора своими наблюдениями, в частности, по вопросу о лечении чесотки, подагры, «молочной горячки», желчной колики и др.³.

Наиболее интересны примечания М. Шеина в его переводе «Хирургии» Платнера⁴. В этих примечаниях он подробно приводит случаи из своей хирургической практики в адмиралтейском госпитале, убедительно доказывающие, что хирургия стояла в России в XVIII в. на гораздо более высоком уровне, чем это принято было думать.

Так, например, в примечании к § 513, трактующему о ранах головы, Шеин приводит историю болезни Григория Максимова, которому воры «так голову проломили, что оная рана не с гривенник, но с целой большой рублевик была, и череп в мозг был вдавлен». По указу Медицинской канцелярии, пострадавший был направлен в адмиралтейский госпиталь и там лечил его М. Шеин, «который и самого мозгу унцов до четырех вычерпал», и больной «чрез два месяца и восемь дней, почти без всяких важных припадков, кроме горячки в некоторые времена, выздоровел, мозг наполнился, жестокая мать к дите проломленной присовокупилась, и произвела своими же-

¹ «Санктпетербургский вестник», май 1780, стр. 300.

² Х. Пекен, Домашний лечебник, СПБ, 1765, стр. 148—150.

³ И. Эллиот, Карманный лечебник, СПБ, 1790.

⁴ И. З. Платнер, Основательные наставления хирургические, СПБ, 1761.

лями, бьющимися из черепа головного новую кость, и таким образом он марта 29 дня здоровый при репорте Канцелярии медицинской обратно представлен» (стр. 303).

В примечании к § 546 Шеин приводит историю болезни И. Волкова, излагая с забавными бытовыми подробностями, как Волков «оступясь упал на каменья, разsek на несколько частей лоб и бровь на левом боку, и расколол кость лобную наскроль с дугою бровною, привезен в госпиталь, где по обстоятельным исследованиям думали, что он от того случая умрет, а по крайней мере глаз потеряет, только же все предсказанию противно явилось, через шесть недель рана залечена, глаз сбережен, и больной старик вылечен» (стр. 324—325).

В примечании к § 916 о пластике нёба Шеин указывает, «что самое здесь в адмиралтейской госпитали 1757 г. у одного магазинвахтера и у другого матроса сделано» (стр. 544).

В одном из примечаний Шеин рассказывает о применении в адмиралтейском госпитале тампонады ран (стр. 138).

Русские переводчики медицинских книг XVIII в. в своих примечаниях не только дополняют переводимых авторов, но в некоторых случаях и критикуют их, возражают, опровергают.

Так, известный английский врач Бухан считает «кистине противным» вред слишком раннего стояния младенцев, отрицает искривление ног от этого. Переводчик же утверждает, что ноги «и в самой вещи [т. е. в самом деле] могут сделаться такими, когда у младенца вместо костей находятся только хрящи» (т. I, стр. 112).

С. Сулима переводит книгу прославленного английского врача Р. Мида (R. Mead) и помещает «примечание переводчика», в котором смело высказывает свое суждение, противоположное мнению автора¹.

Критическое отношение к переводимому оригиналу находим мы и у Д. Я. Писчекова. Автор переводимого им «Лечебника» рекомендует при прыщах мыть лицо свинцовкой известью. Переводчик же в примечании напоминает об опасности, связанной с длительным применением свинца, и советует заменить свинцовую известь соленой водой².

Несколько страницами далее автор рекомендует при рожистом воспалении смягчающие припарки. Примечание же переводчика гласит: «В сем случае с г. сочинителем согласиться я не могу...», и далее следует совет применять сухие мучные присыпки, в которые добавлена камфора со спиртом. Не говоря даже о безусловной целесообразности (в условиях XVIII в.) предложенных переводчиком средств, мы должны

¹ Р. Мид, О моровой язве, СПБ, 1772, стр. 37.

² И. Эллиот, Карманный лечебник, СПБ, 1790, стр. 177—178.

отметить эти примечания как показатель свободы научного мнения, критического восприятия переводимой книги.

С большой силой это критическое отношение к переводимым книгам сказалось в переводах Барсук-Моисеева. На примере Барсук-Моисеева можно очень хорошо проследить все отмеченные нами характерные прогрессивные черты русских медицинских переводов XVIII в. Многие его переводы сделаны им еще в бытность студентом. Казалось бы, его переводы должны быть лишены всякой самобытности. Но тем интереснее именно на его примере показать, насколько ошибочно игнорирование переводов при изучении истории медицины в России, ибо в его работах, «как солнце в малой капле вод», отразился процесс преодоления авторитета зарубежной медицинской науки и рост самостоятельной русской научной медицинской мысли.

Барсук-Моисеев поступил на медицинский факультет Московского университета в 1787 г. И уже спустя полгода года, в 1789 г., в Москве, в типографии Н. И. Новикова вышла книга «Способ лечить болезни Г. Э. Гамбергера, ...который по смерти его издал на латинском языке Э. Г. Балдингер, а перевел на российской Московского императорского университета медицинского факультета студент Фома Барсук-Мойза».

Труд молодого переводчика не ограничился переводом, так как он, по собственному его указанию, в конце книги составил перечень всех рекомендованных автором лекарственных веществ «с описанием свойств каждого вещества, происхождения оного, силы, действия и употребления»¹. Этот перечень на 42 страницах содержит 152 лекарственных средства, описанных достаточно подробно, со ссылками на многих иностранных авторов. А при описании явления, именуемого им «*conpulsio cerealis*» — «хлебенное коверканье» (повидимому, речь идет об отравлении спорыней), он, помимо ссылок на иностранных авторов, упоминает и то, что «не давно... в окрестности города Киева виденно было, где многие бедные землекопы иные жизни, иные цельных частей тела лишались» (стр. 147).

В том же 1789 г. вышла книга с длинным заглавием: «Иоанна Фридриха Рубеля медицинская практика, или наставление лечить болезни, по большей части случающиеся в общежитии; с приложением кратких, но весьма удобных рецептов, и с приложением с некоторыми рисунками материи медицины или науки о лекарствах, разположенной по началам преславного Гофмана и знаменитого Гамбергера, философии и медицины доктора; перевел с латинского М. И. У. М. Ф. С. Ф. Б. М.».

Загадочные девять букв расшифровываются следующим образом: Московского императорского университета медицинского факультета студент Фома Барсук-Моисеев.

В 1790 г. он выпустил книгу, содержащую перевод двух медицинских сочинений: Максимилиана Лохера «Практические наблюдения над любострастной болезнью» и Р. А. Фогеля «Удобные средства познавать и лечить начинающуюся чахотку».

В 1791 г. в переводе Барсук-Моисеева выходит «Полный и всеобщий лечебник, или полное и полезное врачебное наставление народу» И. Ф. Рибеля.

¹ Так же поступил и другой студент, Марк Гороховский. В том же 1789 г. вышла переведенная им по совету и под руководством С. Г. Зыбелина книга: «Лечебник» Штерка. В конце книги автор дает рецепты нужных лекарств — всего 319 рецептов. Переводчик же «для желающих иметь некоторое понятие о общих лекарствах, сделал от себя краткое оных описание с изъяснением действий, производимых ими в человеческом теле».

Свою деятельность переводчика Барсук-Моисеев не оставил и по окончании университета, будучи уже профессором. Так, в 1796 г. вышла «Физиология или наука о естестве человеческом, сочиненная на латинском языке с приобщением четырех картин врачебных науки профессором, общества королевского геттингенских знаний и других членом — Д. Иваном Фридрихом Блуменбахом; а на российский язык переведена М. Д. и П.¹ Фомою Барсук-Моисеевым».

В переводах Барсук-Моисеева заслуживает внимания прежде всего стремление к созданию русской медицинской терминологии. Для определения медицинских понятий он ищет соответствующих исконных русских слов.

Это у него встречаются уже упомянутые нами выше остьвая кость (*clavicula*), каракатица (*полип*), а также теплораздутье (*emphysema*), выдугливость (*lordosis*), адский огонь (*herpes*) и др.

Наибольший интерес представляют в большинстве переведенных им книг примечания переводчика. Именно в них, в этих примечаниях, сквозит оригинальное мышление, здоровый критицизм русского ученого, и они-то и дают нам право считать переводы Барсук-Моисеева, как и многих других переводчиков, самостоятельным вкладом в медицинскую науку.

Позволяю себе воспроизвести некоторые из этих примечаний.

И. Ф. Рубелий, доктор медицины и советник курфюрста Бранденбургского, сохраняет в своем научном багаже отзвуки средневековых астрологических представлений и в своей «Медицинской практике» утверждает, что не следует предпринимать лечения носового полипа «разве когда начнет умаляться луна». Студент же Московского университета Барсук-Моисеев, переводя его книгу, присоединяется к этому месту следующее примечание: «Какое действие здесь умаление луны имело бы, о том не можно ничего точного сказать».

Приведем и другой пример. «Полный и всеобщий лечебник» Рибеля трактует процесс зачатия следующим образом: «Один токмо семянной самотонкайший дух проникает в яичники, способный к учинению зачатия; который дух возбуждает внутреннее движение во влаге спелого яичка» и т. д. Студент-переводчик не опровергает автора, но он помещает к этому параграфу примечание, знакомящее читателя с другими, противоречащими автору и, как мы теперь знаем, гораздо более близкими к истине воззрениями: «Из сего удобно видеть можно, что сочинитель отвергает мнение Левенгока, который, будучи крайне привержен к оптическим не редко обманывающим глаза наблюдениям, утверждал, что зародыш в матке производит один из тех червей, которые с семенем мужским извергаются в матку».

¹ М. Д. и П. — медицины доктором и профессором.

Необходимо привести и такой разительный пример критического отношения к переводимому труду. Идет речь о физиологии дыхания. Рибель утверждает, что «не находится никакой такой причины, по которой бы внешний воздух мог преодолеть внутренний и проникать в кровавый состав, почему воздух в легких прохладает только кровь, а не смешивается с оною» (разрядка наша. — С. Г.). К этому пункту прилагается пространное примечание переводчика, в котором он задает вопрос: «какие бы претерпевал перемены воздух, будучи вдохнут в легкое, когда не может статься, чтобы оный без всякой иззыхаем был перемены». И сам на этот вопрос отвечает так: «Причины перемены воздуха должно искать не в потере какой-либо упругости, но в разрушении стихии и оного» (разрядка наша. — С. Г.).

По указанию переводчика, воздух состоит из трех основных веществ: дефлогистированного, или лишенного огненного начала ($\frac{1}{4}$), флогистического, или горючего ($\frac{11}{16}$), и огнепостоянного, или сосущественного воздуху начала ($\frac{1}{16}$). «Воздух, будучи втянут в легкое... такие претерпевает перемены, что $\frac{1}{4}$ дефлогистированного воздуха разрушается и большей частью смешивается с флогистическим и огнепостоянным воздухом... Огненные частицы оного, учинившись свободными, проникают в кровь бьющихся жил, и тем доставляют сосущественному воздуху надлежащую упругость; напротив, основание постоянного воздуха с флогистом и кровью приносятся к правой половине сердца через крововозвратные жилы, и как непотребные вещества извергаются из легкого вон».

Пусть и в этом примечании много наивных представлений, много ошибок и заблуждений, но все же мы видим здесь некоторое представление о газообмене крови и главное — твердую уверенность в изменении «стихии» воздуха в процессе дыхания. Скромный студент-переводчик оказывается много прозорливее и научно прогрессивнее почтенного автора — доктора медицины и советника курфюрста Бранденбургского.

Все приведенные нами примеры, а они легко могут быть умножены, дают право утверждать, что даже в переводной русской медицинской литературе XVIII в. нашли свое отражение элементы самостоятельной творческой медицинской мысли.

Этим самым переводная литература получает право на наше внимание.

Этим самым из-под утверждения о полной подражательности русской медицины XVIII в. выбивается последняя опора

Глава III

ТЕМАТИКА РУССКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в.

Важнейшим показателем в характеристике русской медицинской литературы XVIII в. является тематика этой литературы.

Попытка хотя бы в общих чертах осветить вопрос, какова была тематика русских медицинских книг XVIII в., сгруппировать эти книги по ведущим, основным темам таит, однако, в себе немалую трудность.

Трудность заключается прежде всего в том, что в XVIII в. медицина была сравнительно мало дифференцирована и поэтому число книг, посвященных какому-либо одному вопросу, одной отрасли медицины, относительно невелико. Большинство книг касается нескольких медицинских вопросов. Поэтому при рубрикации книг по отраслям одна и та же книга попадает сразу в несколько рубрик.

Так, физиология чаще всего неразрывно связана с анатомией. С другой стороны, часто трудно разграничить физиологию и гигиену. К части медицинской науки XVIII в. нужно сказать, что эти две ее отрасли тесно связаны между собой и подчас неотделимы. Более того, физиология считалась частью гигиены.

Гигиена нередко переплеталась и с лечебной медициной. С лечебной медициной в свою очередь тесно связана и физиология.

Поэтому классифицировать медицинские книги XVIII в. очень трудно. И если любая классификация обречена на известные неточности, то это с особой силой относится к попытке классифицировать медицинскую литературу прежних веков.

Тем не менее очень приближенно, грубо разделить ее можно и нужно, поскольку это поможет нам уяснить характер русской медицинской литературы XVIII в. В результате такой группировки становится ясно, насколько отдельные медицинские темы нашли свое отражение в литературе.

Относительно большую группу составляют книги по анатомии и физиологии. Эти две отрасли науки в XVIII в., как упоминалось выше, окончательно не отделились одна от другой.

Русские врачи XVIII в. не отрывали функции органа от его строения и изучали, а также преподавали морфологию совместно с физиологией.

Талантливый русский врач Н. М. Максимович-Амбодик, к высказываниям которого нам неоднократно придется обращаться, писал: «Анатомия с физиологией сопряжены весьма

тесным союзом, и одна без другой либо весьма малую, либо вовсе никакой пользы не приносят»¹.

О тесной связи анатомии с физиологией говорил и А. М. Шумлянский². Тем не менее многие книги посвящены по преимуществу анатомии, а о физиологии в них упоминается лишь попутно; другие же, наоборот, преимущественно излагают «действие человеческого тела», т. е. физиологию, и лишь в связи с ней затрагивают анатомию.

Последовательность издания книг по анатомии и физиологии в какой-то степени соответствовала последовательности развития этих наук.

Подобно тому как в истории медицины развитие анатомии предшествовало развитию физиологии, так и в России XVIII в. издание книг по анатомии в основном приходится на относительно ранние годы — с 1749 по 1782 г., тогда как книги по физиологии издаются по преимуществу позднее — с 1787 по 1800 г.

Эта последовательность не случайна. Русские врачи XVIII в. воспринимали анатомию как фундамент, как необходимую основу для изучения медицины. В своей предполагаемой речи к ученикам госпитальных школ Самойлович присягал анатомию к первоосновам медицинской науки³.

Эта же мысль четко сформулирована в анонимной журнальной статье. Автор ее утверждал, что «показать людям правила сохранения здоровья» невозможно «без предварительного показания им строения человеческой природы»⁴.

Еще ранее анатомия была названа среди трех основных наук, на которых покоятся медицина: анатомия, химия и ботаника. Для соблюдения «здравия» необходимо «знать расположение человеческого тела и составление лекарств из трав и минералов»⁵. Особое значение имеет анатомия для хирургии. «Медик, — говорил Эразмус, — в лечении внутренних болезней без анатомии мало имеет ясности, а в хирургии и совсем слеп»⁶.

Один из первых русских профессоров, талантливый анатом и хирург К. И. Щепин писал в своих тезисах «Об анатомии вообще»: «Польза от анатомии... всякого состояния людям велика. Богослову-философу, гражданину, судии и военному и как любопытство принуждает человека, то и землемедельцу и женщинам без того и быть нельзя, лекарю же и доктору ме-

¹ Н. М. Максимович-Амбодик, Анатомико-физиологический словарь, СПБ, 1783, стр. V.

² «Мнение одного инстинциолюбца», СПБ, 1787.

³ Discours aux élèves. См. Самойлович, Избранные произведения, М., 1949, стр. 32.

⁴ «Санктпетербургский вестник», март 1781, стр. 187.

⁵ «Полезное увеселение», январь 1762, стр. 19—20.

⁶ И. Ф. Эразмус, О противостоях анатомического учения, М., 1765, стр. 19.

дицины и бабушке повивальной без нея никаким образом свою совесть без повреждения сохранить невозможно...»¹.

В русской медицинской литературе XVIII в. анатомия впервые представлена переводной «Анатомией живописцев» Прейслера (1749). Это анатомический атлас для художников из 15 таблиц с объяснениями на немецком и русском языках. Он представляет интерес главным образом потому, что это первая книга по анатомии, изданная на русском языке, и, кроме того, потому, что в создании русских анатомических терминов для нее принимал участие великий Ломоносов.

В журнале Академии наук 17 февраля 1748 г. имеется следующая запись: «Переведенные студентом Протасовым анатомические термины из Прейслеровой книги, для свидетельства русский перевод с оригиналом, отослать к профессору г-ну Ломоносову при копии с сего, а как освидетельствует, взнесть в канцелярию при репорте»².

В 1757 г. вышла в переводе М. Шеина обширная двухтомная «Анатомия» Гейстера, «все дело анатомическое кратко в себе заключающая». Она в течение многих лет служила единственным руководством по анатомии на русском языке, пока не вышли в русском переводе «Первые черты анатомии» Пленка (1796).

В период между ними вышли «Слово о сложениях тела человеческого» С. Зыбелина (1777), интересное сочинение, излагающее учение о типах сложения человеческого тела, темперамента и характера в зависимости от сочетания основных жидкостей, и анонимный «Опыт к познанию сложения человеческого тела» (1782), за несколько лет до этого напечатанный в «Месяцеслове с наставлениями» на 1777 г.³.

Нужно чрезвычайно сожалеть, что остался незавершенным труд акад. А. П. Протасова, работавшего над созданием оригинального и доступного широким читателям русского руководства по анатомии⁴.

В 1783 г. вышел Анатомико-физиологический словарь

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 9, лл. 178—181.

² Материалы для истории Академии наук, т. IX, СПБ, 1885—1900, стр. 73.

³ Первые годы русской медицинской литературы были ознаменованы еще несколькими неосуществленными попытками создания книг по анатомии на русском языке. Так, известно, что еще в 1732 г. Академия наук поручила своему переводчику М. Сатарову срочно перевести «Компендиум анатомикум, состоящее в 40 страницах» и «для скорости по переводу каждую главу объявлять во академическую канцелярию немедленно». Но Сатаров спустя месяц умер не успев выполнить поручения (Материалы для истории Академии наук, т. II, стр. 123—124, 132).

В 1750 г. Протасову было поручено переводить «книгу, называемую Башентонову анатомию» (там же, т. X, стр. 324), но и это поручение почему-то осталось невыполненным.

⁴ М. И. Сухомлинов, История Российской академии, в. 3, 1875, стр. 97.

Максимовича-Амбодика. Основное значение этого словаря анатомических и физиологических терминов, приведенных параллельно на трех языках — русском, французском и латинском, заключалось, конечно, в создании русской медицинской терминологии. Но Словарю предпослано «Предуведомление», излагающее «пользу анатомии и физиологии». В нем автор утверждал, «что анатомико-физиологическое познание расположения, строения и пользы всех частей человеческого тела каждому любому друму человеку, а особенно посвятившему себя врачебной науке, есть необходимо нужным и полезным» (стр. V). Вслед за этим следует глава «О частях анатомии и о наименованиях человеческого тела», в которой в сжатой форме (на 53 страницах) изложены основы анатомии человека.

Изучение анатомии на первых порах наталкивалось в России на немалые трудности: не было трупов, в анатомировании народ видел богопротивное дело и т. п. В атмосферу этих трудностей вводит нас напечатанное в 1765 г. «Слово» проф. И. Ф. Эразмуса «О противностях анатомического учения, увеселением и превеликою оного пользою несравненно превышаемых».

Автор признает, что изучение анатомии сопряжено с рядом «противностей», как, например, «понесение стужи, претерпение смрада, ругательства народные» и т. п., но подчеркивает значение анатомии для физики, богословия, юриспруденции и особенно для медицины.

На «великое пренебрежение» к изучению анатомии указывал и в цитированном выше «Словаре» Максимович-Амбодик. Основными причинами этого он считал «недостаток в мертвых телах, для анатомии потребных, а паче крайнее омерзение к оным, нередко являемое живыми» (стр. VII).

«Наука о естестве человеческом», т. е. физиология, представлена большим числом книг, хотя и вышедшим за более короткий отрезок времени, в конце XVIII в. Среди этих книг должны быть названы в первую очередь переработанная и изданная Н. М. Максимовичем-Амбодиком «Физиология» (1787), «Физиология» М. Пекена (1788) и переводы обширных руководств по физиологии Пленка (1789) и Блуменбаха (1796), которые были, еще до их перевода, приняты в качестве учебников в русских медицинских учебных заведениях.

К этой же группе книг относится и переведенное студентом Московского университета А. Ястребцовым французское сочинение, вышедшее на русском языке под названием «Читай и познавай» (1799). Эта книга представляет собой интересный очерк различных типов сложения человеческого тела (темпераментов) и намечает различную диету для каждого темперамента.

Студент Н. Щеголев перевел сочинение Валкенера «Враческое рассуждение о сочувствии частей тела человеческого

во время здравия и болезни». Оно было представлено в московскую цензуру в 1797 г., но, повидимому, в свет не вышло¹.

Среди русских медиков возбуждала, очевидно, интерес и физиологическая химия, как она понималась в XVIII в. Ей посвящены «Начальные основания врачебной и всеобщей химии» Жакена, вышедшие в разных переводах почти одновременно (1795 и 1796) в Москве и Петербурге, и «Игрология, или химико-физическая наука о соках человеческого тела» Пленка (1800).

В русской медицинской литературе нашла свое отражение и зарождавшаяся электрофизиология. Ей посвящены переводы книги Бертолона «Об электрической материи тела человеческого в здоровом и больном состоянии» (1789) и отдельные главы книжки Адамса «Электрические опыты, любопытства и удивления достойные» (1793).

Количественно значительную группу составляют книги по гигиене. Мы встречаем в этой группе книг как соединения, посвященные отдельным элементам внешней среды и их воздействию на человека, так и обширные сочинения по диететике в широком смысле слова.

Что представляла собой диететика как отрасль медицины, можно видеть хотя бы из ее определения, данного во вступлении к «Полной диететике» Г. Г. Рихтера: «Диететика есть руководство, как сохранить здравие посредством тех вещей, с коими мы во всегдашнем находимся сообщении».

Этих «вещей», от которых зависит здоровье или болезнь, носивших название «неестественных» (*res non naturales*), в противовес шести естественным свойствам человека (строение тела, возраст, пол, темперамент, род жизни и «особливая нежность», т. е. *idiosincrasia*), наука XVIII в. также насчитывала шесть: 1) воздух, 2) пища и питье, 3) испражнения, 4) покой и движение, 5) сон и бодрствование и 6) душевые страсти. Соответственно этому, почти все руководства по диететике, распадаясь на шесть-семь соответствующих глав, обнимали по существу все гигиенические вопросы: внешнюю среду, питание, режим и образ жизни. В России XVIII в. был издан ряд таких книг; некоторые из них были весьма обширными и обстоятельными, другие ограничивались краткими афористическими поучениями.

Наряду с руководствами по диететике, «полезными всему свету»², имеется ряд книг, трактующих о диететике отдельных групп и рассчитанных на определенный круг читателей, напр. «О здравии ученых людей» (1789), «Врач светских людей» (1792), «Дамский врач» (1793) и т. п.

¹ П. Н. Рогожин, Дела Московской цензуры в царствование Павла I, СПБ, вып. 1, 1903, стр. 9.

² См., например, «Новое наставление о сохранении здоровья всякому человеку, которое всему свету полезное» аббата Жакена, М., 1786.

Создание регулярного морского флота в России и появление моряков-профессионалов, проводящих длительное время в совершенно особых бытовых условиях, вызвали необходимость в книгах, посвященных вопросам морской гигиены.

Среди них заслуживает быть особо отмеченным передовое и в научном и в общественном смысле произведение А. Бахерахта «Способ к сохранению здоровья морских служителей» (1780)¹.

Несколько книг и брошюров посвящены вопросам гигиены воздуха. Это — физико-гигиенические речи профессора Московского университета И. И. Роста: «Рассуждения о проницательном действии малейших частиц» (1765), «Слово о вредном воздухе в жилищах» (1772), «Слово о избрании выгодных мест для построения городов» (1781), а также речь студента Окулова «Рассуждение о свойстве и силе воздуха» (1783), «Исследование о воздухе» бывшего архиатера Ригера (1767), и замечательное «Слово о вреде, проистекающем от содержания себя в теплоте излишней» С. Г. Зыбелина (1773).

Наконец, отдельные брошюры были посвящены узким гигиеническим вопросам. К ним относятся «Показание... как воду от порчи предохранить» Ловица (1791) и «Описание, каким образом... в рудниках нечистый воздух очищать можно» К. Беберта (1797)².

Мы указали выше книги, посвященные тем частям медицины, которые авторы XVIII в. объединяли понятием «гигиена», относя к ней «все то, что до здорового человека принадлежит».

Книги, посвященные тому, «что в болезненном и сверхъестественном состоянии приключается», т. е. той части медицины, которая объединялась под названием «Иатрика», следуют разбить на несколько подгрупп.

Прежде всего это книги, дающие общее представление о сущности болезни, то, что мы сейчас называем бы общей патологией. К ним принадлежат объемистые переводные труды: «Начальные основания врачебной науки Гульме» (1786), «Па-

¹ За эту книгу Бахерахт получил письменную благодарность от Адмиралтейской коллегии, и книга была разослана по всему флоту как руководство для офицеров (см. об этом «St. Petersburgisches Journal», VII, 1780, 19).

² Эта книга на немецком языке была прислана в Петербургскую академию наук на конкурс на новые изобретения по механике и получила половину премии (см. Протоколы конференций Академии наук, СПБ, т. IV. 1911, стр. 468, 507, 554 и сл.). Академия приняла решение перевести эту книгу. Перевод был поручен переводчику Академии наук А. Н. Гронскому, но он рапортом от 23/IX 1796 г. сообщил Академии, что за «разнообразностью других поручений» закончить перевода не может (Архив Академии наук, ф. V, оп. II, № 32), и в следующем, 1797 г. эта книга вышла в переводе В. Севергина.

фология» Людвига (1790), «Начальные основания врачебной пафологии» Гаубия и др.

Одну из наиболее многочисленных групп книг по лечебной медицине составляют сочинения по родовспоможению и уходу за новорожденными детьми.

Это объяснялось тем, что как правящие, так и просвещенные круги России XVIII в. были серьезно обеспокоены высокой детской смертностью в стране, о чем свидетельствуют самые разнообразные документы, относящиеся к этому столетию.

В специальном параграфе известного «Наказа» Екатерина II отметила, что «мужики большою частию имеют по двенадцати, пятнадцати и до двадцати детей из одного супружества; однако, редко и четвертая часть оных приходит в совершенный возраст, для чего непременно должен быть тут какой-нибудь порок, или в пище, или во образе их жизни, или в воспитании, который приносит гибель сей надежде государства»¹.

Публицист XVIII в. М. М. Щербатов писал: «Воззрим на сих младенцев, подающих надежду государству: мы узрим их в обыкновенных их болезнях, в оспе, сыпях, жарах и прочих, без всякого присмотру подверженных к суровости времен и пищи... то удивительно ли сие, что сия надежда государства прежде назначенного судьбою времени косою смерти посекается?»².

И, наконец, Фонвизин вложил в уста г-жи Простаковой следующую реплику: «Нас, детей было у них 18 человек; да кроме меня с братцем все, по власти господней, примерли»³.

Высокая детская смертность в сочетании с кровопролитными войнами, которые вела Россия на протяжении всего столетия, грозила, как мы уже указывали, прекращением естественного прироста и убылью населения.

Проблема «размножения и сохранения российского народа» приобретала первостепенную государственную важность. Впервые с необычайной широтой и смелостью она была поставлена и сформулирована М. В. Ломоносовым в его известном письме Шувалову 1 ноября 1761 г. Особо широкого распространения это письмо не получило, так как было опубликовано лишь много лет спустя, уже в XIX в., но надо полагать, что все же оно стало известно достаточно широкому кругу лиц. В частности, нам кажется не случайным повторение примененного Ломоносовым словосочетания в одном из медицинских сочинений того времени: «Я весьма уверен, что

¹ Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения, § 266; цит. по изд. 1893 г.

² М. М. Щербатов, Сочинения, т. 1, 1896, стр. 138.

³ Д. И. Фонвизин, Недоросль, д. III, явление V.

для размножения и сохранения народа сей способ [т. е. оспопрививание. — С. Г.] есть из всех лучший»¹.

Эта же проблема послужила темой для публичной речи профессора истории Московского университета И. Г. Рейхеля «О наилучших способах к умножению подданных» (1766). Она отражена и в названиях других речей университетских профессоров: Керштенса «Наставления и правила врачебные... служащие к умножению недовольного числа людей в России» (1769), Зыбелина «О правильном воспитании... служащем к размножению в обществе народа» (1775), его же «О способе, как предупредить... медленного умножения народа причину» (1780), В. Рихтера «Слово о врачебных пособиях, служащих к приращению многолюдства в обществе» (1797) и т. д.

Поскольку «размножение и сохранение народа» в значительной мере определялись рождаемостью и выживанием новорожденных детей, то естественно, что и медицинская литература широко откликнулась на этот вопрос как популярными «наставлениями» для народа, так и солидными руководствами по акушерству и педиатрии.

Первые же профессоры-медики Московского университета выступают в печати — Эразмус с «Наставлением как каждому человеку вообще в рассуждении диеты, а особливо женщинам в беременности, себя содержать надлежит» (1762) и Керстенс с «Наставлениями и правилами врачебными для деревенских жителей, служащими к умножению недовольного числа людей в России» (1769).

В 1764 г. акушер Пагенкампф перевел книгу «Повивальная бабка» шведского врача И. Горна, «достоверное наставление... каким образом... в родах вспоможение чинить», написанное очень популярно, «для крестьян» в виде вопросов и ответов.

В 1780 г. вышло в переводе Д. Самойловича руководство для акушерок, также состоящее из вопросов и ответов, — «Городская и деревенская повивальная бабка».

В 1781 г. Н. М. Максимович-Амбодик издал перевод книги Соссерота «Краткое испытание многих законыелых мнений и злоупотреблений до беременных женщин, родильниц и новорожденных младенцев относящихся и к произведению уродов в человеческом роде служащих, с присоединением средств, коими такие пороки отвратить можно». В 1784 г. начал печататься обширный шеститомный труд Максимовича-Амбодика «Искусство повивания». До конца века вышло еще несколько книг, посвященных «повивальному искусству».

Задача «сохранения и размножения народа» предусматривала заботу не только о повышении рождаемости, но и о пред-

¹ А. Бахерахт, Описание и наставление о прививании оспы, СПБ, 1769, стр. 58.

отвращении смертности среди детей, т. е. требовала правильного ухода за детьми, физического воспитания и лечения детских болезней.

Поэтому все книги по «повивальному искусству» касались ухода за детьми и лечения детских болезней.

Кроме того, вышел ряд книг, специально посвященных этим же вопросам и пограничным с ними вопросам физического воспитания.

Первыми из них были книги известного педагога и государственного деятеля И. И. Бецкого «Генеральный план Московского воспитательного дома» (1766) и «Краткое наставление.... с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества» (1766).

Затем последовали «Слова» Зыбелина: «О правильном воспитании с младенчества в рассуждении тела» (1775) и «О способе, как предупреждать... медленного умножения народа причину» (1780), и далее еще ряд книг, среди которых заслуживают быть отмеченными «Физико-медицинские примечания о вреде, происходящем от употребления рожков» (1785), принадлежащие перу Станислава Ели, чеха по происхождению, много лет работавшего в России, врача-филантропа, горячего пропагандиста борьбы с детской смертностью, сочинение Нера «Исследование причин, от которых большая часть детей умирают» (1790) и «Руководство к познанию и врачеванию младенческих болезней» Розен фон Розенштейна (1794).

Эпидемия «моровой язвы» в Москве и ряде других городов в 1770—1772 гг. вызвала повышенный интерес к изучению этой болезни. Этот интерес нашел свое отражение и в медицинской литературе. В 1771—1772 гг. вышло несколько книг о чуме, а также ряд «наставлений», изданных комиссией по борьбе с моровой язвой, составленных Самойловичем, Ягельским, Орреусом и другими известными врачами. Эти документы носили официальный характер, издавались Сенатом и в дальнейшем большинство из них вошло в «Полное собрание законов».

Говоря об изданиях 1771—1772 гг., нельзя оставить без внимания авторитетное указание Самойловича. Самойлович отмечает, что три курительные обеззараживающие порошка, предложенные Ягельским, были опубликованы в Москве впервые в особом указе, затем перепечатаны в маленькой брошюре, изданной Московским воспитательным домом, а затем — в Описании моровой язвы 1775 г.¹.

Брошюра, изданная Московским воспитательным домом, о которой упоминает Самойлович, не фигурирует в библиографических справочниках и нам не известна. Известно лишь соответствующее описание Самойловича издание Петербургского воспитательного дома — «Краткое предохранительное спознование о заразительной язве», напечатанное в 1772 г. в брошюре «Известие о подаяниях в Императорский санктпетербургский

¹ D. Samoilowitz, Memoire sur la peste, Paris, 1783, 235, 251.

ИСКУССТВО ПОВИВАНІЯ
или
НАУКА
О БАБИЧЬЕМЪ ДѢЛЬ.
на пять частей раздѣленная
и
многими рисунками снабдѣнная.

ВЪ КОЕЙ

Кратко и ясно толкуется: какое дѣлпородныя женскія части имѣютъ спроеніе; коимъ образомъ надлежитъ пособлять Беремѣннымъ при родахъ, роженицамъ послѣ родовъ, и новорожденнымъ ихъ младенцамъ во время младолѣтства; и какія именно болѣзни, какъ Беремѣннымъ чрезъ все время ихъ беремѣнности, и при родахъ: шакъ и роженицамъ послѣ родовъ, и новорожденнымъ ихъ младенцамъ обыкновенно при-
ключаються.

Для пользы повивальныхъ Россійскихъ Бабокъ и Лѣкарей.

Сочинилъ

врачебной науки докторъ, и повивального искусства профессоръ

НЕСТОРЪ МАКСИМОВИЧЪ - АМБОДИКЪ.

Печатано во Градѣ С. Петра 1784. года.

воспитательный дом». Между тем упомянутая Самойловичем брошюра существовала. На ее след наводит нас упоминание о ней в одном из документов, сохранившихся в архиве Московского воспитательного дома.

В черновике очерка истории Московского воспитательного дома, написанного в 1856 г. на основании тщательного знакомства с архивом Воспитательного дома и поэтому заслуживающего доверия, значится: «В то же время (т. е. с 1770 по 1772 г.—С. Г.) Бецкой издал особое сочинение под названием «Краткое спознание о заразительной язве», которым надеялся успокоить страх народа от язвы, описывая свойства болезни и научая предохранительным от нее мерам; в этом же издании в особом рассуждении «О баниях» старался умерить страсть к ним простого народа. Распространение этого издания в обществе в числе 10 000 экземпляров было поручено Московскому воспитательному дому»¹. В петербургском издании нет главы «О баниях». Стало быть, предварительно эта брошюра была издана в Москве. Петербургское издание представляет ее частичную перепечатку.

Спустя несколько лет вышло составленное старшим доктором московского госпиталя А. Шафонским «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год» (1775), незаменимый до сих пор источник сведений как о теоретических представлениях того времени о чуме, так и о предпринятых мерах борьбы с нею. Книга эта интересна, между прочим, и тем, что приложенный к ней план строения «предохранительного дома», т. е. карантина, полностью предвосхищает идею боксов. В приложениях к книге были собраны и многочисленные популярные наставления, изданные во время эпидемии.

Интересно, что мысль о необходимости «собрать во одну книжку» все «вышедшие в публику по частям способы о предохранении и врачевании от моровой заразительной язвы» возникла в «Комиссии для предохранения и врачевания моровой язвы» еще в самый разгар эпидемии.

Сенат согласился с этим предложением², но осуществлено оно, повидимому, не было.

«Моровая язва» в Москве прекратилась, но она не переставала волновать медицинскую мысль. Ей посвящены крупная работа Виена «Лоимология, или описание моровой язвы» (1786), сочинение работавшего в России голландского врача Вунзеля «Рассуждение о моровой язве» (1791), а также выдающиеся по своему научному значению произведения Д. Самойловича, о которых было сказано выше.

Широкое отражение в русской медицинской литературе XVIII в. получил и второй страшный бич того времени — осла. При этом из вышедших книг лишь одна была посвящена

¹ МОГИА, ф. 108, оп. 1, л. 89, л. 37.

² ЦГАДА, ф. 263, д. 1555, лл. 285—286.

О П И С А Н И Е
М О Р О В О Й Я З В Ы,

БЫВШЕЙ ВЪ СТОЛИЧНОМЪ ГОРОДѢ

М О С К В ѣ

съ 1770. по 1772. годъ,

съ

П Р И Л О Ж Е Н I Е МЪ

В С Ѵ ХЪ

для

ПРЕКРАЩЕНИЯ ОНОЙ

ТОГДА

УСТАНОВЛЕННЫХЪ

У Ч Р Е Ж Д Е Н И Й.

по

ВСЕВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

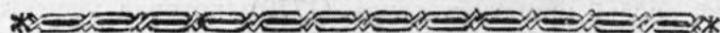
НАПЕЧАТАНО

1775. ГОДА

въ

М О С К В ѣ

При Императорскомъ Университетѣ.

А. Шафонский, Описание моровой язвы, 1775. Титульный лист

лечению оспы¹, остальные же касались способа предупреждения этой страшной болезни — прививок, в их первоначальной форме — вариоляции, т. е. искусственного заражения гноем из осенних пустул.

Народная медицина восточных стран и ряда местностей России давно знала этот способ борьбы с оспой. В 60-х годах XVIII в. он внедряется и в научную медицину, его начинают применять врачи.

В отличие от стран Западной Европы, где введение оспопрививания встретило большое сопротивление, Россия сразу заняла по отношению к этому способу прогрессивную позицию.

Отдельные врачи прививали оспу в России уже в начале 60-х годов XVIII в., а с 1768 г., когда была привита оспа Екатерине II и ее наследнику Павлу, оспопрививание быстро распространяется по России, доходит до далеких ее уголков, охватывает широкие круги населения.

В центре же России, в столицах и в крупных городах были созданы так называемые «осенние дома» и выделены специальные «осенние доктора», которым было поручено производить оспопрививание.

Распространение оспопрививания, естественно, сопровождалось и изданием соответствующей литературы. За короткий период — с 1766 по 1776 г., — не считая многочисленных «похвальных слов» Екатерине («На прививание оспы», «На благополучное выздоровление» от привитой оспы и т. д.), вышло 9 брошюрок об оспопрививании. Часть из них пропагандирует этот способ борьбы с оспой, другие посвящены обсуждению различных применявшимся методов вариоляции. Первые предназначались для широких читательских кругов, вторые — в основном для врачей. Четкого разграничения и различия между ними, впрочем, отметить нельзя.

Для характеристики прогрессивной роли России в развитии оспопрививания показательно то, что все книги этой группы, за одним исключением, были написаны в России. Единственное исключение представляло брошюра Димсаля «Нынешний способ прививать оспу» (1770), которая переведена с английского издания, но и к ней «присовокуплены новые самого сочинителя прибавления». Эти прибавления были написаны Димсалем в России и вышли в России на русском языке ранее, чем в Англии².

¹ Х. Пекен, Способ как сельским обывателям пользовать себя в оспе, М., 1766.

² См. переписку Димсаля по этому поводу в Сборнике Русского исторического общества, т. XIII, стр. 126.

Публикуя свои труды в Англии, Димсдаль сам подчеркнул, что они были «написаны и опубликованы в 1768 г. в Петербурге»¹.

Указание на 1768 г., вместо 1770, повидимому, относится не к изданию, а к переводу его книги. Переведена же она была действительно в 1768 г. В брошюре А. Бахерахта «Описание и наставление о прививании оспы», вышедшей в 1769 г., уже упоминалось, что «Г-н барон Димсдаль сам написал книгу о прививании оспы на английском языке, которая здесь в Петербурге на российский язык переведена».

Остро стоял вопрос в медицине XVIII в. и о борьбе с венерическими болезнями. Венерические болезни, или «любострастная», «французская» болезнь, как их тогда называли, были достаточно распространены в России XVIII в. В 1762 г. последовал указ сената об организации специальных больниц для сифилитиков², в 1767 г. Екатерина II упомянула в своем «Наказе» о необходимости «пресечь ся болезни сообщение чрез законы»³.

Гневные строки посвятил этому социальному злу в своей знаменитой книге Радищев⁴.

Естественно, что эти болезни привлекли внимание и врачей. Им посвящены книги русских авторов — А. Бахерахта («О неумеренности в любострастии», 1775) и С. Венечанского («Способы и наставления, по которым зараженные французскою болезнью... сами собою вылечиваться могут» (1776) и переводы книг Лохера (1790), Пленка (1790) и Фалка (1800).

Из книг по другим отраслям медицины может быть выделена небольшая группа книг, посвященных хирургии. За исключением «Основательных наставлений хирургических» Платнера в переводе М. Шеина, одной из первых русских медицинских книг (1761), все они приходятся на последнее десятилетие века. Это — переводы «Начальных оснований рукодеятельных врачебных наук» А. Рихтера (1790), книг

¹ Th. Dimsdale, Tracts on Inoculation written and published at St. Petersburg in the year 1768 by command of the Empress of all the Russia, London, 1781. В библиотеках Москвы мне не удалось найти этой книги. Сужу о ней по ее немецкому переводу, включенному в книгу Des Barons Thomas Dimsdale Schriften über die Einpfropfung des Blattern, Leipzig, 1782. В немецкий перевод, как, повидимому, в английский оригинал, включены следующие статьи, отсутствующие в русском издании 1771 г.: «Известие о путешествии автора в Россию» (оно опубликовано на русском языке в Сборнике Русского исторического общества, т. II, СПБ, 1868) и «Краткое известие об устройстве медицинской коллегии в Петербурге в 1767 г.».

² Собрание законов, т. 16, № 11728.

³ Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения, § 267.

⁴ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву; главы «Яжелбицы», «Валдай», «Едрово».

Тедена (1794)¹, Мартина (1795), Мурзинны (1798),
Фрама (1800).

Ведущая отрасль медицины — терапия с трудом может быть выделена в русской медицинской литературе XVIII в. Трудно назвать книги, посвященные специально «внутренним болезням», по нынешней терминологии. Вопросы диагностики в терапии внутренних болезней трактуются чаще всего либо в тех книгах по общей патологии, о которых мы говорили выше, либо в таких пытающихся быть всеобъемлющими руководствах по медицине, как «Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних» Шрейбера (1781)², «Медицинская практика» Рубеля (1789), «Лечебник» Штерка (1789), «Врачебный искусствник» Мида (1800).

Из книг, посвященных отдельным болезням, должны быть

¹ Русские библиографические указатели называют две книги Тедена: «Новые наблюдения и опыты для обогащения врачебного искусства» (1794) и «Ручная книга в пользу легкого и верного врачевания самых опасных наружных болезней, с присовокуплением нужных чертежей и новоизобретенных к тому способов через опыты и наблюдения самоточнейшие» — 1796 г. (по Сопикову, № 5238 и 6427). Однако, это, без сомнения, одна и та же книга, переведенная в 1771 г. в Берлине книги Theden, «Neue Bemerkungen und Erfahrungen zur Bereicherung der Wundärztekunst und Medizin». Русское заглавие 1794 г., как мы видим, дословно повторяет немецкое, так что идентичность этих двух книг не вызывает сомнения. Сличение же немецкого подлинника с русским изданием 1796 г. показывает полное их совпадение.

По всей видимости, мы встречаемся здесь с определенным коммерческим приемом. Если книга не распродается, старый заглавный лист срывают и заменяют новым, на котором изменяют название. Этот прием был достаточно распространен в XVIII в. и в первой половине XIX в.

В предисловии ко второй части своего «Опыта» Сопиков писал: «В книжной нашей торговле недавно появилось некоторое непохвальное ремесло, возбуждающее общее негодование читателей. Оно состоит в легком способе старые книги превращать в новые, и из одной вдруг сделать две, а именно: к старой книге припечатывать совсем новое, с другим годом заглавие» (В. Сопиков. Опыт российской библиографии, в. 2, 1904, стр. VI. См. об этом также у Столлянского «Книга в старом Петербурге», сб. «Русское прошлое», в. 1, 1923).

Сопиков в своем труде дал список («особую роспись») таких книг-двойников. Рогожин, перепечатывая в составленном им указателе к «Опыту» Сопикова эту «роспись» со своими дополнениями, внес в нее и книгу Тедена.

В медицинской литературе XVIII в. мы встречаемся с этим приемом еще раз: в 1790 г. вышла книга М. Пекена «Начальные основания деятельности врачебных наук. Часть первая — О лихорадках». Имеется также книга под названием «О лихорадках». На титульном листе ее значится 1791 г. Это та же самая книга; в 1791 г. она отличалась от издания 1790 г. только наличием посвящения фон Фитингоффу.

² J. F. Schreiber. Kurze doch zulängliche Anweisung zur Erkennung und Cur der vornehmsten Krankheiten. Максимович-Амбодик, переводя эту книгу с немецкого, дополнил ее «прибавлением главных недомощей женского пола и малолетних детей». Это прибавление самим Шрейбером никогда издано не было, а впервые увидело свет в латинском переводе этой книги, выпущенном П. Погорецким в 1768 г. Погорецкий внес это дополнение из немецкой рукописи автора.

названы прежде всего обстоятельный трактат М. Пекена «О лихорадках» (1790), а также группа книг, посвященных цынге.

Судя по медицинской литературе XVIII в., наряду с самыми неожиданными представлениями о происхождении и характере цынги, под именем которой, повидимому, объединяли ряд различных заболеваний, русские врачи обладали и более или менее правильными понятиями о природе цынги. Так или иначе, цынга, или скорбут, привлекала внимание врачей. Ей посвящены книги русских авторов «Практическое рассуждение о цынготной болезни» Бахерахта (1786) и «Наставление в пользу поселян, болезнующих цынготною болезнию» Писчекова (1798).

Из остальных отраслей медицины нашли свое отражение глазные болезни в двух книгах: «Публичные лекции о глазных болезнях» Бургава (1798) и «Вернейший способ лечить застарелые очные болезни» Стерка (1799). Нервные и психические болезни еще не выделены в отдельную ветвь медицины. Им посвящены обычно главы в энциклопедических руководствах, и лишь один вопрос — влияние «страстей душевных» на здоровье — нашел свое отражение в изданной речи проф. Скиадана «О причинах и действиях страстей душевных» (1794) и в любопытной переводной книге видного деятеля французской революции врача Доппе «Врач философ» (1792).

Большое количество книг посвящено вопросам медицинской помощи при так называемых несчастных случаях.

Должны быть названы и книги (наиболее многочисленные), посвященные различным лекарственным средствам.

XVIII век — это эпоха господства фармацевтических, даже полифармацевтических воздействий. Арсенал фармацевтических средств был чрезвычайно обширен, включая минеральные, растительные и химические вещества, а также воды всевозможных источников. Число растений, которым приписывались целебные свойства, было очень велико. И этот фармацевтический арсенал неустанно пополнялся все новыми и новыми средствами, среди которых, наряду с истинными медикаментами, очень часто процветали и всевозможные непроверенные, а порой и попросту шарлатанские средства: эликсиры, капли, порошки.

Это обилие лекарств порождало, с одной стороны, многочисленную литературу рекламного характера, а с другой — вызывало необходимость в руководствах по лекарствоведению, отвечающих научному уровню медицины того времени.

Обе эти отрасли фармацевтической литературы нашли свое отражение в русской печати XVIII в. В ней имеются небольшие рекламные книжки, посвященные какому-нибудь одному лекарству, и ряд относительно обширных руководств по фармакологии и рецептуре как иностранных авторов, так

и русских (Кашинский, 1797)¹. Интересны попытки создания русскими авторами, так сказать, «специализированных» фармакопей, для нужд определенных групп, в частности, войсковых. Таковы «Аптека для российского флота» Бахерахта (1783) и «Фармакология или описание лекарств для российских сухопутных войск» Эллизена (1797).

Большое внимание, уделявшееся целебным свойствам всяких трав и растений, естественно, вызвало интерес врачей к ботанике и способствовало в связи с этим появлению немалого числа медико-ботанических работ. Первым среди них появилось в 1767 г. «Слово о свойствах и пользе растений» Вениаминова. Большой интерес представляют работы Максимовича-Амбодика — «Первоначальные основания ботаники» (1796)² и, конечно, прежде всего его «Врачебное веществословие» (1783), а также ряд работ, посвященных целебным свойствам отдельных «произрастений», как, например, «Рассуждения о растениях в Крымской степи полковым лекарем усмотренных» Трохимовского (1772), «Опытами изведенное полезное действие желудей» Маркса (1789), «О действии и силе шалфея» (1792) и др.

Свойственное русским врачам XVIII в. стремление к развитию отечественного лекарственного растениеводства, к замене иностранных лечебных средств отечественными нашло свое отражение в изданной речи врача, естествоиспытателя и этнографа, акад. Лепехина — «Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастений» (1783).

Мы уже отмечали пробудившийся в XVIII в. интерес к целебной силе минеральных вод. Этому посвящены книги о минеральных источниках России: первенец русской медицинской литературы — «Объявление о лечительных водах, сысканных в Олонце» (1719), две книжки, где Веревкиным (1780) и Болтиным (1782) описан целебный источник Сарепты, близ Царицына, «Известие о Балдонском ключе» (1799), а также перевод книги В. де Бомара «Описание вод всякого рода» (1789).

Среди литературы XVIII в. может быть выделена еще небольшая группа книг, касающихся общей постановки медицинского дела в России, медицинского образования. К ним

¹ В 1782 г. старший доктор Петербургского морского госпиталя Маттеи написал на русском языке «Materia medica». По сведениям Медицинской коллегии, первая часть была уже «готова к печати» (*Neues Magazin für Aerzte, Leipzig*, в. IV, 1782, S. 562 Auszuge aus Briefen von St. Petersburg). Маттеи объявил уже подписку на эту книгу («СПБ ведомости», № 79, 1782; прибавления, стр. 709). Но книга почему-то не вышла. Возможно, что не нашлось достаточного числа подписчиков.

² Максимович-Амбодик ботанику считал «частью врачебной науки». Его ботаника — это медицинская ботаника. Это и дало нам основание включить эту книгу в медицинскую литературу.

относятся брошюра архиатра Г. Кау Бургава «Медицинской канцелярии поступки с окулистом И. Гильмером» (1751), речь Эразмуса «Слово о нынешнем состоянии врачебной науки в России» (1768), памфлет Г. Н. Теплова «Рассуждение о врачебной науке, которую называют докторством» (1774), «Мнение одного истиннолюбца о поправлении полезнейшей для людей науки» (1787) А. Шумлянского, а также несколько инструкций «медицинским чинам», врачебным управам и т. д.

Особый интерес представляют книги, характерные для той эпохи, так называемые «Лечебники». Это книги, призванные снабдить медицинскими сведениями людей, не имеющих специального медицинского образования. Потребность в таких книгах диктовалась относительно малым числом врачей во всех странах Европы. В России также ощущалась необходимость в таких книгах. Относительно малое число врачей при огромной территории страны приводило к полному отсутствию их в деревнях и во многих городах.

Указом 10 мая 1737 г. было велено «для пользования обывателей в их болезнях» иметь по лекарю «в городах, лежащих от Санктпетербурга и Москвы, а именно: во Пскове, Новогороде, во Твери, Ярославле и прочих знатных городах». Хотя, по сведениям Главного магистрата, в 60-х годах XVIII в. лекари находились уже «почти во всех губернских и провинциальных городах»¹, но эти сведения были явно преувеличены. К тому же один лекарь, находившийся в губернском или даже уездном городе, естественно, не мог оказывать медицинскую помощь населению всей губернии или даже уезда, и значительное большинство населения оказывалось совершенно лишенным медицинской помощи.

Наказы, данные депутатам Комиссии о сочинении проекта нового уложения в 1767 г., пестрят жалобами на отсутствие врачей в провинции².

Все это, с одной стороны, создавало благоприятную почву для процветания знахарства и шарлатанства, а с другой — вызывало у более или менее культурных людей потребность в элементарных медицинских познаниях для оказания медицинской помощи.

Была настоятельная потребность в популярных книгах, содержащих медицинские сведения.

Первый русский журнал «Ежемесечные сочинения к пользе и увеселению служащие», сообщая о выходе подобных книг за границей, призывал русских писателей составить «из оных... сокращение на Российском языке, наблюдая при

¹ Сборник Русского исторического общества, т. 43, стр. 244.

² См. интересную сводку этих наказов в статье В. Бочкирева «Врачебное дело и народное призрение в России XVIII в. по материалам законодательной комиссии 1767 г.», Сборник статей в честь М. К. Любавского, П., 1917, стр. 442—489.

том житие, обыкновения и прочие обстоятельства нашего народа»¹. Этой потребности и отвечали лечебники.

В России первенцем этой литературы явился «Домашний лечебник или простой способ лечения» Х. Пекена. Он был написан в 1761 г., но четыре года пролежал у автора без движения и лишь в 1765 г. вышел в свет по инициативе Вольного экономического общества, членам которого он и посвящен². В 1766 г. книга вышла вторично и затем выдержала еще ряд изданий.

До конца столетия вышел еще ряд лечебников как русских авторов — Роста, Чулкова, Енгалычева, М. Пекена-младшего, так и иностранных — Тиссо, Бухана, Эллиота, Рибеля. К этой же группе книг можно отнести «Врачебный искусствник» Мида в переводе Я. Благодарова³, а также переведенную М. Тереховским книгу Ван-Свитена «Краткое описание болезней, часто встречающихся в армиях».

Переводя иностранные лечебники, русские переводчики XVIII в. выбирали наилучшие образцы западноевропейской литературы этого рода.

В первую очередь были переведены книги Тиссо и Бухана. Тиссо, известный швейцарский врач, автор многих научных и популярных книг по медицине, выпустил свое «Наставление народу» в 1761 г. Оно вскоре же было переведено почти на все европейские языки и менее чем в 20 лет выдержало около ста изданий на разных языках.

В России были одновременно предприняты два перевода этой книги: «Общество, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык», поручило перевод этой книги Н. Я. Озерецковскому. Независимо от этого в 1778 г. был предпринят другой перевод этой книги, который должен был включать не только текст самого Тиссо, но и ряд примечаний из различных переводов. Относительно узкий круг читателей не допускал успеха двух одновременно вышедших переводов. Поэтому «Общество, старающееся о переводе» обеспокоилось и поспешило заявить о своем первенстве в этом предприятии и дать знать «намеревающемуся издать на российском языке» наставление Тиссо, что «книга сия, давно уже будучи переведена на оной языке, действительно печатается под стремлением вышеупомянутого собрания... и в скором времени выйдет из печати»⁴.

Объявление подействовало: второй предложенный перевод напечатан не был, перевод же Озерецковского вышел, но лишь спустя три года.

Не меньшим успехом, чем книга Тиссо, пользовался

¹ «Ежемесячные сочинения», январь 1764, стр. 93.

² Пекен пишет в предисловии, что написал эту книгу по совету одного из его приятелей, который к учреждению Вольного экономического общества «первый подал повод».

³ «Врачебный искусствник, или легчайший способ для излечения всякого здания людей от всякого рода обыкновенных болезней, сочиненный славным медиком Г. Медом разных медицинских обществ членом», М., 1800.

⁴ «Санктпетербургские ведомости», № 21, 1778; Приложение.

НАСТАВЛЕНИЕ НАРОДУ въ разсуждении его здоровья,

сочиненное

Г. ТИССОТОМЪ,

Докторомъ и Профессоромъ Медицины, Членомъ Лондонскаго Королевскаго Союзетта Базельской Физико-медицинской Академии и Бернскаго Економического общества.

Съ Францускаго на Россійской языке перевелъ, и
мѣстами свои примѣчанія присовѣтилъ Медицины Докторъ, Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ Адъюнктъ и Бернскаго Економического общества Членъ

Николай Озерецковскій.

Цѣна 180 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ,
1781 года.

«Лечебник» английского врача Бухана. Эта книга¹ была первым сочинением подобного рода в Англии. Вышедшее в 1769 г., оно выдержало 19 изданий и было переведено на все основные европейские языки. Особенной популярностью пользовалось оно в Англии и Америке, но получило признание и в других странах.

Авторы других переведенных лечебников или книг подобного типа были не менее известны.

Лечебники XVIII в. русского происхождения весьма неоднородны и по величине и по содержанию.

Первый русский «Лечебник» Христиана Пекена охватывал достаточно широкий круг вопросов гигиены и лечения ряда болезней, кроме тех болезней, при которых, по мнению автора, вмешательство врача совершенно необходимо. Содержание книги полностью отвечало уровню знаний его времени. «Лечебник» вышел в 1765, 1766, 1768 и 1787 гг.

«Новый домашний лечебник», выпущенный в 1796 г. Матвеем Пекеном, представлял по словам автора, лишь переиздание книги его отца с дополнителями. Но по существу это была совершенно новая книга. Сохранена была лишь ее структура. Содержание же ее совершенно изменилось соответственно тому большому сдвигу, который произошел в медицинской науке за эти 30 лет.

Вышедший же почти одновременно «Деревенский врачебник» штаб-лекаря Х. Роста (1793) совершенно игнорировал достижения науки. Он полон ненаучных указаний и советов, суеверий и изобличает реакционную позицию его автора, убежденного, что простой народ не нуждается в квалифицированной врачебной помощи и может обходиться в основном «кровопусканием, перевязыванием ран и поставлением промывательного».

Два других русских лечебника — «Сельский лечебник» М. Д. Чулкова и «Простонародный лечебник» П. Енгалычева — написаны не врачами и носят компилятивный характер. Этим объясняется то, что, наряду с цennыми передовыми идеями, они содержат в себе подчас архаические, ненаучные даже для того времени указания².

Применяя нашу нынешнюю терминологию, мы причислили бы лечебники к литературе санитарно-просветительной и должны были бы предположить, по примеру нынешних изданий, резкое отличие этих книг как по содержанию, так и по языку от книг научных. Это, однако, не соответствует действительности.

Восемнадцатый век не знал резкой грани между книгами

¹ W. Buchan, *Domestic Medicine of the Family Physician*.

² Более подробное описание русских лечебников XVIII в. см. в работе С. М. Громбаха «Материалы к истории санитарного просвещения в России в XVIII в.», М., 1951, стр. 45—60.

ДОМАШНІЙ
ЛЪЧЕБНИКЪ
или
ПРОСТЫЙ СПОСОБЪ ЛЪЧЕНІЯ,
сочиненъ
христіаномъ пекеномъ
Медицины Докторомъ и Коллежскимъ
Совѣтникомъ,
а по аппробаціи Государственной Меди-
цинской Колледжіи
на Россійской языку переведенъ
АЛЕКСѢЕМЪ Протасовымъ.
Императорской Академіи Наукъ Эксптраорди-
нарнымъ Профессоромъ и Докторомъ
Медицины.

ВЪ САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ
При Императорской Академіи Наукъ
1765 года.

научными и популярными. Несмотря на совершенно определенное предназначение лечебников, недвусмысленно подчеркнутое их заглавиями («Сельский лечебник», «Простонародный лечебник», «Деревенский врачебник» и т. п.), они не только использовались и врачами и не врачами, но и предназначались как для одних, так и для других. Недаром М. Пекен, касаясь лечебников Тиссо и Х. Пекена, указывал, что они, «хотя и писаны для простолюдинов, однако же весьма часто и искуснейшими врачами с пользою употреблены быть могут»¹, а выпустив спустя пять лет свой «Домашний лечебник», он рассчитывал, что его книга «принесет пользу не токмо людям, неупражняющимся во врачебной науке, но даже и самым младым врачам...».

С другой стороны, и книги для врачей предназначались одновременно и для неспециалистов. Максимович-Амбодик в предисловии к одному из своих трудов указывал, что он «весьма полезным быть может не токмо для медицинских чинов, ... но и для всякого чина и состояния людей, любящих таковые науки»².

И даже о такой, казалось бы, сугубо специальной медицинской книге, как «Основы врачебная патология» Гаубия, современники писали, что она «не для одних только врачей нужна, но она также общеполезна для всякого звания любителей, желающих вникнуть в преудивительное устройение телесного здания...»³.

Поэтому для медицинских книг XVIII в. трудно провести границу между книгами научными и научно-популярными.

Лечебники получили большое распространение и широко расходились как в печатном виде, так и в виде многочисленных копий, переписанных от руки. Они были непременным предметом домашнего обихода среди «просвещенного» населения России XVIII в.

Чрезвычайный интерес представляло бы проследить, как воспринимались произведения русской медицинской литературы XVIII в. их читателями. К сожалению, для этого сохранилось слишком мало материалов. Между тем, несомненно, что читатели достаточно живо реагировали на изданные медицинские книги. Русская медицинская литература не поспевала за потребностью в ней. Современники часто отмечали недостаток в русских медицинских книгах⁴, и поэтому почти каждая вы-

¹ М. Пекен, О лихорадках, СПБ, 1791; предисловие.

² Н. Максимович-Амбодик, Врачебное веществословие, ч. 1, СПБ, 1783, стр. V.

³ «Московские ведомости», № 18, 1792, стр. 359.

⁴ См., например, у М. Пекена: «Недостаток во врачебных книгах на русском языке всякому довольно известен и не требует доказательств...» (М. Пекен, Начальные основания деятельная врачебная науки, СПБ, 1790; предисловие.)

ходящая книга была событием, заслуживающим быть отмеченным. Эти книги часто упоминались, на них ссылались.

Встречаются в литературе и специальные заметки о книгах. В газетах и журналах часто помещались объявления и «известия» о новых книгах. В большинстве такие объявления исходили от книгопродавцов и ограничивались только названием книги и указанием ее цены и места продажи. Порой, сообщая о выходе новой книги, газета вкратце пересказывала ее содержание. Иногда же подобные извещения содержали и оценку книги. Такие заметки были написаны, по всей вероятности, врачами, нередко — самими авторами или переводчиками, носили чаще всего рекламный характер, но порой содержали высказанные по поводу конкретной книги общие рассуждения о состоянии медицины в России, о наилучшем способе изложеия в медицинских книгах и т. п., и поэтому представляют несомненный интерес¹.

Помимо таких, преимущественно рекламных объявлений в газетах, встречаются и отзывы о новых книгах в журналах. О выходе медицинских книг чаще всего извещал журнал «Санктпетербургский вестник». Эти отзывы обычно состояли из кратких замечаний рецензента и из довольно больших выписок из рецензируемой книги для сведения «о слоге и образе рассуждений сочинителя». Сжатые, в три-четыре строчки, заметки дают при всей их краткости ясное представление о том, чаще всего приветственном, отношении, которое встречали новые книги, а иногда раскрывают перед нами оценку современниками того или иного деятеля русской медицины XVIII в., их взгляды на оригинальную и переводную литературу.

Так, извещение о выходе перевода Самойловича «Городская и деревенская повивальная бабка» сопровождается следующей сентенцией: «Переводы книг, распространяющие полезные знания, сделанные людьми тех наук, в коих они трудолюбием своим приобрели достаточные сведения, достойны всякия похвалы. Настоящий перевод кажется нам быть из числа оных»².

Признание пользы переводов и высокая оценка переводчика нашли свое отражение и в извещении о выходе книги Фан-Свитена «Краткое описание болезней, которые весьма часто приключаются в армиях» в переводе Тереховского: «В пользу подлинника уверяет нас имя славного его сочини-

¹ См., например, извещение о выходе в свет книги «Краткое описание болезней, каковые часто приключаются в армиях» в «Санктпетербургских ведомостях», 22 июня 1778 г.; извещение о выходе «Мнения одного истиннолюбца» в «Санктпетербургских ведомостях», 12 марта 1787 г.; о выходе книги Гаубия «Начальные основания патологии», там же, 29 января 1787 г., и др.

² «Санктпетербургский вестник», август 1780.

теля; российский оного перевод не теряет ничего, ибо оный сделан таким человеком, который кроме приобретенных в сей науке глубоких знаний, отличается сверх того чистотою и ясностью своего стиля»¹.

Признавая все значение переводов, критика, однако, отдавала преимущество оригинальным сочинениям русских авторов. Это проявилось в извещении о выходе книги Бахерахта «Способ к сохранению здравия морских служителей», где, между прочим, говорилось: «Г. сочинитель сея книги, доказавший оною ревность к службе своей, пользуясь с разумною разборчивостью всем тем, что чужестранные врачи о сей материи писали, и применяя оное к здешним учреждениям и обычаям, прибавил к тому собственные свои наблюдения и опыты; чем самым книга его для российского флота и может гораздо полезнее быть, нежели другая какая сего же рода, переведенная на наш язык»².

Наибольший обмен мнениями вызывали лечебники. Наряду с неоспоримой пользой, лечебники приносили и известный вред: сообщая сведения о болезнях и их лечении, они неминуемо упрощали и внушали мысль о возможности лечить болезни без достаточной медицинской подготовки, быть «каждому самому себе доктором».

Это противоречие вызвало оживленную полемику, которая развернулась вокруг лечебников³.

Все это, как и приведенные выше данные о выходе ряда книг повторными изданиями, показывает, что произведения русской медицинской литературы находили живой отклик, вызывали интерес в читательской среде.

Глава IV

ВОПРОСЫ МЕДИЦИНЫ В ОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ

История медицины XVIII в. в России в сферу своего изучения обычно включала лишь сочинения явно медицинского характера. Между тем, вопросы медицины затрагивались в большей или меньшей мере и во многих сочинениях, на первый взгляд далеких от медицины.

Знакомство с рядом таких сочинений позволяет установить литературные работы некоторых видных деятелей русской ме-

¹ «Санктпетербургский вестник», октябрь 1778.

² Там же, май 1780.

³ Более или менее подробное ее изложение см. в упомянутой книге С. М. Громбаха «Материалы к истории санитарного просвещения в России в XVIII в.», М., 1951.

дицины, до сего времени ускользавшие от исследователей и библиографов¹, и обнаружить интересные высказывания по медицинским вопросам².

Не касаясь всех таких сочинений (список их приведен в приложении), остановимся на нескольких группах книг, которые в первую очередь должны быть включены в орбиту историко-медицинского изучения.

Достаточно широко освещались вопросы медицины в литературе сельскохозяйственной, экономической. Это не должно нас удивлять. Здоровье крестьян являлось фактором производительности сельского хозяйства, поэтому, безусловно, оказывалось в сфере внимания и каждого «рачительного» хозяина и тех, кто заботился о состоянии хозяйства страны в целом.

М. В. Ломоносов, намечая в начале 60-х годов проект учреждения «Государственной коллегии (сельского) земского домостроительства», в число советников этой коллегии, наряду с физиком, химиком и натуралистом, включал и медика³. С другой стороны, недостаточное число врачей приводило к тому, что не только крестьяне, но даже и живущие в деревнях помещики не всегда могли пользоваться их помощью. Поэтому, в силу необходимости, помещикам приходилось нередко функции лечения брать на себя. Этим объясняется, что именно они и были главными читателями и покупателями лечебников. В связи с этим вопросы медицины оказались включенными в круг интересов экономических обществ и экономической литературы.

Вольное экономическое общество, основанное в России в 1765 г. «к поощрению в России земледелия и домостроительства», занималось и тем, что «способствовать может к сохранению здоровья сельских жителей». Один из наиболее активных деятелей этого общества, Болотов, считал необходимым, чтобы «попечение о сохранении здоровья сельских жителей и о возможности врачевания оных домашними лекарствами в случающихся болезненных припадках экономами за особливую почту часть сельского домостроительства почиталось»⁴.

Сам Болотов, составляя в течение 10 лет журнал «Экономический магазин», сообщал в нем очень много медицинских сведений. Немало внимания уделяло медицине и другое эко-

¹ Так, например, не указаны ни у Змеева, ни у других авторов перевода Зыбелина, Вениаминова и Погорецкого, вошедшие в три выпуска «Переводов из Энциклопедии» (М., 1767).

² В качестве примера можно указать на интересные медицинские рассуждения в книге «Китайский философ» (1788), или на подробные гигиенические советы в популярной книге «О должностях человека и гражданина» (СПБ, 1783).

³ М. В. Ломоносов, Избранные философские сочинения, М., 1940, стр. 283—284.

⁴ «Труды Вольного экономического общества», ч. 23, 1773, стр. 52—53.

номическое издание — «Санктпетербургское еженедельное сочинение, касающееся до умножения домостроительства»¹.

Русская экономическая литература XVIII в., за исключением многотомных «Трудов Вольного экономического общества» и упомянутых периодических изданий, о которых речь будет ниже, — сравнительно немногочисленна. Наиболее капитальными трудами являются сочинения и переводы Василия Левшина. В. Левшин (1746—1826) — плодовитый писатель конца XVIII и начала XIX в., автор очень большого числа сочинений и переводов самого различного характера — сказок, сатир, а главным образом по вопросам хозяйства.

В конце XVIII в. в издании Н. И. Новикова вышел перевод Левшина сочинения Х. Ф. Гермесгаузена «Хозяин и хозяйка» в 12 томах. Своими наставлениями автор и переводчик старались предусмотреть все стороны хозяйственной деятельности помещиков, начиная от крупных хозяйственных мероприятий до мелочей в руководстве домом, вроде проверки количества истраченного на стирку мыла и т. п. Среди многочисленных указаний имелись и касающиеся вопросов медицины. Так, при наставлении о способах выращивания огородных культур, деревьев и кустарников почти для всех из них указываются и их целебные свойства (ч. IV—VI).

В разделе «Упражнения хозяйки в поварне» (ч. VIII) очень большая глава (250 стр.) посвящена «диэтическим правилам». В ней даны гигиенические правила составления пищевого рациона, приведены простейшие способы определения доброкачественности пищевых продуктов и т. д. Подробно разобраны диэтические погрешности, как, например, неумеренность в пище и пресыщение. Особое внимание удалено посуде, ее гигиеническому содержанию, указывается на необходимость лужения посуды, вред медной посуды.

Гигиенические советы в большинстве своем разумны и изложены весьма обстоятельно, чтобы заменить женщинам медицинские книги, читать которые, по мнению автора, «не есть дело их звания».

Последние части этой энциклопедии домашнего хозяйства касались «нравственной части должностей хозяйки», к которым относится и уход за больными, а также «род жизни беременных женщин, о родах, о хождении за детьми, их припадках, образе лечения».

Спустя несколько лет в переводе В. Левшина вышло многотомное руководство под следующим названием: «Всеобщее и полное домоводство, в котором ясно, кратко и подробно показываются способы сохранять и преумножать всякого рода имущества, с показанием сил обыкновеннейших трав и домашней аптеки и пр. и пр.». Это руководство представляет

¹ Об этих периодических изданиях см. гл. VI.

«извлечение» из обширного французского издания «*Nouvelle Maison Rustique*» тех «вещей», которые могут «отнести в пользу нашего отечества». На русском языке это сочинение состоит из двенадцати частей. Девятая часть посвящена садоводству, во второй главе этой части «О ботаническом садике» описаны лекарственные травы, которые рекомендуется разводить «деревенским жителям». Дано описание в алфавитном порядке 162 растений. Для каждого растения указаны благоприятные условия его разведения и его лечебное применение.

Автор (или переводчик) рекомендует помещикам не только знать и разводить лекарственные растения, но, чтобы не стать жертвами шарлатанов, самим «иметь у себя небольшую лабораторию, и под собственным надзорием велеть составлять употребительные лекарства». Для этого в главе «Домашняя аптека» приводится список необходимой посуды и приборов домашней аптеки, а также способы приготовления различных фармацевтических препаратов. Глава заканчивается следующим «Известием» переводчика: «Здесь описаны только самые употребительные лекарства, и как план сего сочинения не позволяет о домашней аптеке распространиться больше, то желающих отсылаю ко врачебным книгам, которых уже довольно вышло на нашем языке»¹.

В 1794 г. в Москве вышла переводная книга И. Ф. Майера «Искусный эконом, или хозяйственная книга». Она состоит из небольших статей, размером от одной до десяти страниц, каждая из которых содержит, как написано на титульном листе, «полезнейшие и вернейшие экономические опыты с показанием употребления их». К так называемым экономическим сведениям отнесены и сведения медицинские. Характер медицинских статей явствует из их заглавий: «Аглинская болезнь», «Антонов огонь», «Аптекарский вес», «Бальзам лекарственный», «Блох истреблять», «Болезни эпидемические, как от них предохранять себя», «Бородавки, лекарство от них», «Бешеные животные, средства от их угрозения» и т. д.

Выщенная членом Вольного экономического общества С. В. Друковцевым и выдержанная несколько изданий книга «Экономический календарь, или наставление городским и деревенским жителям в разных частях экономии» в конце содержит небольшой раздел «Лекарства». Это — перечень некоторых (42) болезней или болезненных симптомов с указанием, какие лечебные средства при них следует применять².

* * *

Чрезвычайно богатый и доселе далеко неиспользованный источник различных медицинских сведений представляют опи-

¹ «Всеобщее и полное домоводство», ч. IX, М., 1791, стр. 213.

² С. В. Друковцев, Экономический календарь, 2-е изд., М., 1786.

сания путешествий. В XVIII в. в России, сперва по приказу Петра I, а особенно во второй половине столетия по инициативе Академии наук, были проведены научные экспедиции. Они ставили своей целью научное освоение бескрайних просторов нашей родины, поиски полезных ископаемых, изучение чрезвычайно богатого и разнообразного животного и растительного царства, знакомство с бытом, нравами и обычаями населяющих Россию народностей. По словам акад. Л. С. Берга, «в течение 1768—1774 гг. академия, можно сказать, открыла всему свету новую часть мира — Россию. Грандиозный план исследований, широта размаха их и удачный подбор руководителей до сих пор вызывает в нас изумление»¹.

Экспедиции направлялись во все концы земли русской — на север — к Белому морю, на восток — в Сибирь, вплоть до Камчатки, и на юго-восток — к границам Персии и Индии.

Результатами этих экспедиций оказались многочисленные географические открытия, появление на карте имен славной плеяды русских мореплавателей и землепроходцев, в музеях — обширные ценные коллекции (минералогические, ботанические и зоологические) и, кроме того, подробные описания путешествий. Некоторые из этих описаний были написаны на латинском языке, но многие — по-русски или вскоре же переведены на русский язык.

Таким образом, русская литература XVIII в. обогатилась рядом так называемых «путешественных записок».

При этом авторами этих записок в большинстве своем были академики Петербургской академии наук — естествоиспытатели, т. е. люди, не чуждые медицине, так как единственным ученым званием в области естествознания в то время было звание доктора медицины.

Этим званием юблены и П. С. Паллас, и С. Г. Гмелин, и И. И. Лепехин, и Н. Я. Озерецковский, и В. Ф. Зуев, и И. Г. Георги.

Первым на русском языке вышло в 1755 г. «Описание земли Камчатки» Степана Крашенинникова. Это первая оригинальная научная географическая монография на русском языке. Автор ее, сын солдата, ставший академиком, талантливый естествоиспытатель, один из первых русских ученых в Петербургской академии, не был врачом. Тем не менее, описывая Камчатку и ее жителей, он специальные главы посвящает обычаям камчадалов при родах и при уходе за младенцами (ч. III, гл. XVII) и распространенным среди местного населения болезням (ч. III, гл. XVIII). В книге много указаний на целебные свойства трав, встретив-

¹ Л. С. Берг, Очерки по истории русских географических открытий, М.—Л., 1946, стр. 334.

шихся Крашенинникову на его пути, и на принятые у жителей Камчатки способы их применения.

Чуждый презрительного отношения к «инородцам», Крашенинников с похвалой отмечает «любопытство» камчадалов, их «знание силы в травах»: «Нельзя его ни лечить, ни вредить ему растущим на Камчатке произрастающим, чтоб он не узнал лекарства или яда в то самое время»¹.

Описывая климатические условия Камчатки, путешественник считал нужным отметить, что там «здоровый воздух и воды, что нет неспокойства от летнего жара и зимнего холода, нет никаких опасных болезней, как, например, моровой язвы, горячки, лихорадки, оспы и им подобных...»².

Еще больше внимания медицинским вопросам уделил в своих записках акад. Гмелин (младший)³.

Самуил Георг Гмелин был талантливым и разносторонним наблюдателем. Он путешествовал в 1768—1774 гг. по южной России, вдоль западного побережья Каспийского моря и по северной Персии, к которой принадлежала тогда значительная часть нынешнего Дагестана (Дербент) и Азербайджана (Баку). В результате конфликта с ханом в Дербенте Гмелин был заключен в тюрьму, где и умер в возрасте всего 29 лет.

Записки Гмелина вышли в трех томах (1771—1785) под названием «Путешествие по России для исследования трех царств естества».

Прежде всего, подобно Крашенинникову и другим его современникам-путешественникам, Гмелин прилежно отмечал все виды встретившихся ему многочисленных трав и лечебное их применение, с которым он сталкивался в различных местах. При этом Гмелин неоднократно подчеркивал вред от необоснованного и неосторожного применения некоторых народных средств. Помимо лекарственного использования трав, он

¹ С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, цит. по «Полному собранию ученых путешествий по России», т. I, СПБ, 1818, стр. 328.

² Там же, стр. 244.

³ Это и понятно, так как Гмелин и другие, отправлявшиеся одновременно с ним в экспедиции академики должны были следовать специальной инструкции, которая, между прочим, гласила: «Изыскания и наблюдения разъезжающих испытателей нагуры касаться должны вообще до следующих предметов, а именно:

...4) до описания особливых болезней, в той стране обыкновенно случающихся, также до скотских падежей, ежели где бывает, о сих болезнях и падежах примечать, какие в тамошних местах против оных употребляют средства; или какое бы, по их мнению, можно было употреблять с успехом, и вообще примечать, чем крестьяне и другие языческие народы обыкновенно себя лечат от всяких, болезней...

...5) до познания разных в медицине, экономии и купечестве полезных трав, а особенно, таких, которые или иностранные наградить или совсем новую отрасль торгу произвести могут...» (цит. по кн. Н. Фрадкина, «Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768—1773 гг.», М., 1950; приложения, стр. 204—205).

останавливается и на других лечебных приемах представителей разных народностей, в частности астраханских татар, у которых его заинтересовала помочь при родах, операция обрезания и т. д. (т. II, стр. 182—183).

Говоря о жителях Персии, или, вернее, Азербайджана, Гмелин не только описывает распространенные среди них болезни, обычай помочи при родах, операции обрезания и т. д. (т. III, стр. 231—253), но подробно останавливается на соблюдении ими чистоты и опрятности, ритуальных омовениях, банях и т. д. (т. III, стр. 242—244, 288—303, 416—418).

Однако проникнутый лишенным всякого основания высокомерием и пренебрежительным отношением к народам Востока и их культуре, Гмелин свысока отзыается о «персидской врачебной науке». Она, по его словам, основывается главным образом на суевериях, и поэтому «столь смешна,... что ни малейшего вида учености» в ней не осталось. Вместе с тем он с одобрением отзыается об оспопривании, которое, по его словам, в той местности «из незапомнимых времен всем известно» (т. III, стр. 511—512).

Впрочем, распространение в народе оспопрививания Гмелин отметил и в России, и этонушило ему мысль о необоснованности притязаний некоторых западноевропейских ученых на научное первенство. Так, Гмелин отметил, что в Острогожске и его окрестностях в народе очень распространено применение ртути как для лечения, так и для предохранения «французской болезни», т. е. сифилиса, и прибавил при этом: «Итак употребление меркурия, которое показал г. барон Свитен, и чем он снискал великую себе честь, совсем не нов... По крайней мере малороссийские старики (о прочем я уже не говорю) уверяют, что предки их знали о меркурие, употребление которого они от них и переняли¹. Бессспорно, что многие лекарства, почитаемые ныне за новые, были и прежде сего известны... Я приведу еще другой тому пример. В Малороссии уже давно есть обыкновение прививать малым ребятам оспу... Купив или скрытым образом взяв хорошей оспы, призывают ее матери детям своим к разным частям тела и оставляют их так до тех пор, пока не усмотрят в них жару».

¹ На применение в России ртутных препаратов в качестве противовенерического средства указывали и некоторые добросовестные иностранные авторы. Так, французский химик Макёр писал: «Известно, что внутреннее употребление слемы успешно применяется с давних пор у татар и у русских (M a c q u e i g, Dictionnaire de Chymie, v. II, p. 65). А. Саншес в своей книге «Observations sur les maladies vénériennes» (Paris, 1785) указывал, что он впервые узнал о лечении сифилиса слемой в 1742 г. от одного немецкого врача, который в свою очередь научился этому в Сибири, когда там получили распространение венерические болезни после появления там в 1709 г. нескольких тысяч пленных шведов (цит. по реферату в «Medizinische Bibliothek von Blumenbach», Bd. II, St. 3, S. 404).

Некоторые дети от этого умирают, но «по большей части пребывают в сей произведенной искусством болезни совсем здоровы». В Острогожске Гмелин встретил 70-летнюю старуху, которая незадолго перед тем привила своей внучке оспу, «как и ей самой некогда привита она была от матери».

«Не ясно ли видно из сего, — заключает Гмелин, — что прививание оспы в некоторых российских провинциях гораздо раньше, нежели в других местах, известно, хотя в самой России и ничего о том не знали? Не можно ли подумать, что новые изобретения начало свое иметь могут от преданий?» (т. I, стр. 140—143).

Многие страницы его книги посвящены описаниям отдельных болезней, с которыми ему пришлось столкнуться в пути. Эти описания позволяют нам познакомиться с теоретическими медицинскими взглядами самого Гмелина. Они в общем на уровне знаний его эпохи. Сущность болезней он видит в «испорченном смешении крови», «беспорядочном стремлении крови» и т. п.

Несомненный интерес представляет попытка Гмелина доказать зависимость характера людей от их сложения. «Сложения и различия оных, — пишет он, — по моему мнению, основываются на одних телесных причинах... Сии телесные причины столь сильно действуют на бестелесную часть человека, что почти действительно так кажется, что он по оной себя располагает». И он приводит особенности строения и функции «твердых и мягких частиц» у людей разного сложения и вытекающие из этого различия их поведения и характера.

Эти различия особенно заметны между людьми «мокротными» (т. е. флегматиками) и «сердитыми» (т. е. холериками). «Сердитый от телесных причин сердит бывает», — так подытоживает Гмелин соотношение психики и строения тела.

Одновременно с Гмелиным работала экспедиция акад. П. С. Палласа. П. С. Паллас, доктор медицины, профессор натуральной истории Петербургской академии, венгр по происхождению, свою долгую научную жизнь посвятил русской науке. Приехав в Россию в молодости, он в течение 43 лет работал в России, обогатив русское и мировое естествознание. В 1768—1773 гг. Паллас совершил путешествие по России, охватившее пространство от Петербурга до Забайкалья. Путь Палласа шел через Москву на Волгу, Яик (р. Урал), Уфу, Тобольск, отсюда на Алтай, затем на Иркутск, Байкал и Забайкалье, вплоть до Кяхты и Читы. Во время путешествия Паллас вел подробные и точные записки, которые явились одним из капитальных его трудов. Они были изданы на русском языке под названием «Путешествие по разным провинциям Российской империи» в трех частях, из которых

две последние состоят из двух книг каждой. Таким образом, все издание состоит из пяти томов, выходивших с 1773 по 1786 г.

Записки Палласа во многом напоминают (порой даже повторяют) записи Гмелина и также уделяют немалое внимание медицинским вопросам.

Прежде всего Паллас старательно отмечает целебную силу, приписываемую населением разных местностей различным травам. Страницы его книги пестрят описаниями этих трав и перечислением их действительных и вымышленных лечебных свойств¹. Иногда он доверчиво передает слышанные рассказы, иногда же подтверждает их собственными наблюдениями.

При этом к чести Палласа должно быть отмечено, что он стремился поднять русское лекарственное растениеводство и неоднократно вносил предложения о замене привозимых лекарственных растений отечественными.

Так, он рекомендовал «собирать для аптек» местную траву «кукушкины слезы» вместо привозного «салапного корня» (ч. I, стр. 16). Он «почитает нарочито важными» «учиненные в Московском аптекарском саду опыты над растущим настоящим ревенем». По его мнению, при надлежащей обработке корни этого растения «без сомнения будут иметь всю силу китайского ревеню» (ч. I, стр. 23).

Китайский ревень, составлявший, по представлениям того времени, необходимое и чрезвычайно распространенное лечебное средство, целебные свойства которого, несомненно, преувеличивались, представлял одну из крупных статей международной торговли России в XVIII в. Поэтому ревеню Паллас уделяет особое внимание, подробно описывает ту его породу, которую он встретил в Сибири, в окрестностях Красноярска, и указывает на недостатки в способе его сортирования для отсылки в Медицинскую коллегию (ч. III, кн. 1, стр. 8—10). Спустя несколько лет Паллас снова вернулся к вопросу об этой породе ревеня и сетовал на недостаточное его разведение в России, тогда как вывезенный бывшим архиатром Мунзеем в Шотландию он стал уже возделываться и применяться в Англии².

В Сибири же Паллас обратил внимание еще на одно растение — черногрив (*Rhododendron chrysanthum*), которое местные жители употребляли против «лома» и ревматических недугов. Паллас подробно описал это растение и настойчиво предлагал подвергнуть его испытанию (ч. III, кн. 1, стр. 517—519). Так-

¹ См., например, ч. I, стр. 16, 48, 56, 68, 77, 113, 551; ч. II, кн. 1, стр. 128, 244, 288; ч. II, кн. 2, стр. 25, 274, 291; ч. III, кн. 1, стр. 8, 517.

² П. С. Паллас, О различных породах ревеню, «Месяцеслов с наставлениями», 1781.

же заслуживающим внимательного исследования считал Паллас так называемый мунгальский чай (*saxifraga crassifolia*), обладающий вяжущими свойствами (ч. II, кн. 2, стр. 291).

Предлагая подвергнуть ряд принятых в народе растительных лекарственных средств испытанию, Паллас вместе с тем в общем доверял народной медицине. Он считал, что «многие деревенские лекарства подают подлинно сильное уврачевание», и поэтому внимательно присматривался к лекарственному использованию не только растений, но и других народных средств.

Так, он с явным интересом отмечал, что чуваши и татары пользуются жидкостью из нефтяного ключа «для полоскания и питья во время молошницы во рту и чирьев в горле», а также «прикладывают оную к свежим ранам, которые потом весьма скоро заживают» (ч. I, стр. 155).

При своем посещении «разных провинций Российской империи» Паллас интересовался не только их растительностью и ископаемыми, но и населяющими их народами, их обычаями, в том числе медицинскими, а также поражающими их болезнями.

Прилежно отмечая распространенные в отдельных местностях болезни, он попутно высказывал свои замечания, свидетельствующие нередко о незаурядной наблюдательности, о правильном клиническом подходе к объяснению болезней.

Так, описывая распространенную в окрестностях реки Яика (т. е. Урала) «особливую малоизвестную проказу», он предлагал новый способ лечения, но считал необходимым его тщательно проверить и потому тут же оговаривался: «но такие опыты должно делать врачам, пребывающим долгое время в тех местах, в коих ныне сия болезнь показывается» (ч. I, стр. 451).

В Сибири он наблюдал особую «моровую язву», поражающую людей, лошадей и рогатый скот, имеющий «кожу не довольно шерстью закрытую» (сибирская язва? — С. Г.), и приходил к заключению, что «причиною сея язвы» являются «простым глазом незримые насекомые», допуская, что они «двигаются в воздухе» (ч. II, кн. 1, стр. 401).

В одной из деревень на Оке увидел он «впервые в России людей с зобами» и сделал совершенно правильный вывод о связи этого заболевания с качеством питьевой воды, в частности, приписывал причину зоба «марциальным и мергельным частям» воды (ч. I, стр. 59—60).

Особо останавливался Паллас на эпидемии оспы и одобriтельно отмечал распространение оспопрививания.

Из его записок мы узнаем о привитии оспы 469 человекам на руднике Змеевой горы на Алтае (ч. II, кн. 2, стр. 364—365), о широком применении оспопрививания «во всей восточной Сибири до самого Якутска» (ч. III, кн. 1, стр. 420) и т. д.

При этом, вопреки политике русского царского правительства, не проявлявшего никакой заботы о нуждах и здоровье так называемых инородцев, Паллас настаивал на введении этого способа борьбы с оспой и среди местного нерусского населения Сибири — якут, бурятов, тунгусов — «во всех сибирских языческих народах, из коих по сие время многие, вместо того, чтоб размножиться, сею особливою заразою гораздо уменьшились» (ч. III, кн. 1, стр. 336).

Внимание Палласа привлекали не только болезни и лекарственная флора, но и гигиенические, или, вернее, антигигиенические условия жизни, с которыми ему пришлось столкнуться во время его путешествия.

Так, в Арзамасе он осуждал расположение в самом городе «нечистых рукоделий», т. е. кожевенных и красильных производств, наполняющих воздух узких улиц «нездоровыми парами», а также и то, что «всякий сор и грязь кожевенных и мыльных заводов валят в мимо текущую реку Тёшу, не помышляя о том, что за неимением хороших колодезей черпают воду из оной» (ч. I, стр. 76).

На Урале, на Васильевском руднике Паллас заинтересовался условиями труда и жизни крепостных рабочих и отмечал, что среди них распространена цынга, которая, по его словам, «рождается частию от мокрой и холодной... погоды, частию от недостатка свежей пищи, частию от употребления соленых мяс, вялых рыб и пр...». Сдержаный, но явный упрек жадным и жестоким промышленникам звучит в словах Палласа: «Одним словом, не проходило ни одной зимы, чтоб здесь многие работники не помирали...» (ч. II, кн. 1, стр. 299).

Мы видим таким образом, что путевые записки Палласа, как и Гмелина, должны войти в фонд истории не только русской географии, этнографии, геологии, но в равной степени и истории русской медицины. Они дают для нее обильный и интересный материал.

Еще больший интерес представляют путевые записки адъюнкта, а впоследствии академика Ивана Ивановича Лепехина. Вклад И. И. Лепехина в развитие русской науки и культуры исключительно велик. Он — врач, ботаник, этнограф и филолог, оставивший в этих отраслях русской науки очень заметный след. Он участвовал в экспедиции 1768—1771 гг., еще будучи адъюнктом Академии наук. Путь его лежал через Москву, Поволжье и Заволжье, а затем на Север России — Урал, Сибирь до Тюмени, Вятку и Поморье.

Во время путешествия Лепехин вел «Дневные записки», которые и были им опубликованы в трех томах в 1771—1780 гг. Четвертый том был издан уже в начале XIX в., после смерти Лепехина, его учеником и другом Озерецковским. При всем разнообразии его интересов Лепехин — прежде всего ботаник. Поэтому неудивительно, что и во время путешествия

Иван Иванович Лепехин (1740—1802)

его внимание привлекал прежде всего растительный мир. Он подробно описывает встретившиеся ему растения, способы их разведения и т. п.

Особое внимание уделял Лепехин лекарственным растениям. Мы указали уже, что он был горячим пропагандистом изучения отечественных лекарственных трав и замены ими дорогостоящих импортных лекарств. Естественно, что он очень внимательно присматривался к лекарственным растениям и очень внимательно прислушивался к указаниям на их целебную силу. И его записки несут упоминаниями о подобных растениях, как под их учеными латинскими названиями, так и русскими народными¹. Лепехин не относился свысока к народному использованию лекарственных трав. Он писал: «В селе Юксееве нашли мы пермьцкого врача, от которого научились употреблению некоторых простых трав. Я упущу все те, которые с особливым соединены суеверием, а расскажу о том, что на дело походит». И дальше Лепехин описывал множество растений, среди которых и земляной ладан (*valeriana*), корень которого «пригоден от сердечной болезни», и зверобой, и прикрыт, и сушеница, и купавник, и изгон и мн. др.². Лепехин внимательно присматривался не только к использованию лекарственных трав, но и к другим народным лечебным средствам. Так же, как и Палласа, его заинтересовало применение нефти с целебными целями. Обнаружив в Чувашии нефтяной ключ, Лепехин отмечал, что «мордва и чуваша, собрав жидкую материю, пьют ее от живота и чувствуют от нее в животных скорбях облегчение»³.

В степи у Эльтонского озера его поразило то, что местные жители для лечения опасных укусов тарантулов применяют настойку из самих тарантулов, которой смазывают ранку⁴.

Нужно, однако, заметить, что при всем своем внимании к народной медицине Лепехин не доверял ей слепо, а наряду с положительными примерами неоднократно указывал на вред различных средств, основанных на суеверии или принимаемых без учета характера болезни или дозировки.

Так, описывая применение увара из «ягодок» для полоскания горла при жабе, «от чего, как сказывают, вскоре изцеляются», Лепехин добавлял: «Я думаю, что щастлив человек, когда жаба приключается от мокрот. В сем случае, может

¹ Путевые записки Палласа и Лепехина, в частности, их описания целебных растений, были широко использованы А. Мейером при составлении его «Ботанического словаря», изданного Новиковым (А. Мейер, Ботанический подробный словарь или травник, ч. I, М., 1781; ч. II, М., 1783).

² Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям российского государства, СПП, ч. III, 1771—1780, стр. 200—201; ч. III, стр. 68, 117, 192 и др.

³ Там же, ч. I, стр. 199.

⁴ Там же, стр. 416.

быть, такое средство будет и полезно, но есть ли от застойки крови и возжения сия родится болезнь, то все равно будет, или больному перерезать горло, или присоветовать ему такое средство»¹.

Из этого замечания видно, что Лепехин не только критиковал бесконтрольное применение народного средства, но и высказывал безусловно передовую для того времени мысль о необходимости не симптоматического, а, если можно так выразиться в применении к медицине XVIII в., патогенетического лечения.

И. И. Лепехин осуждал так называемые «суеверные» народные способы лечения при укусах змей и при других болезнях², а также «бесовую игру» башкир, т. е. «изгнание беса» из больных. «Я думаю, — писал Лепехин, — что такое чертогонение по большой частию сопряжено бывает с кончиною больных, есть ли представить только то беспокойство, которое от крику и стуку... происходит, при том и страшное воображение о нечистом духе»³.

Не принимая на веру всех рассказней о целебном действии тех или иных средств, Лепехин одновременно не отрицал его там, где оно имеется, хотя для этого как будто нет оснований. Этот необоснованный эффект он совершенно правильно объяснял либо психотерапевтическим воздействием на больного, либо побочным физическим воздействием, которому знахари не придавали значения, но которое оказывалось решающим. Так, описывая пещеру на Яйве, он отмечал, что местное население собирает в этой пещере сосульки. «Опытами у них изведано, что истолченные в порошок сосульки и выпитые с ключевой водою колотье унимают. Несомненное их на сосульки надеяние и крепость желудка такое же делает в теле их действие, какое в нежных телах производят так называемые в аптеках втягивающие порошки»⁴.

В другом месте Лепехин рассказывал, что «жители волжских берегов... ремезово гнездышко почитают лекарством противу зубной болезни и опухоли от оной рождающейся. В таком случае нагревают ремезинные гнезда на печи и оными к опухоли прикладывают, чем нередко от мучительной боли избавляются. Всяк удобно понять может, что сие не ремезинному гнезду приписывать должно, но единственно теплоте» (разрядка наша. — С. Г.)⁵.

Путешествуя по востоку и северу России, Лепехин внимательно присматривался к жизни и быту населяющих эти обла-

¹ Дневные записки, ч. II, стр. 226—267; ч. I, стр. 16—18, 72—79 и др.

² Там же, ч. I, стр. 98—99, 102—103.

³ Там же, ч. II, стр. 73—76.

⁴ Там же, ч. III, стр. 126.

⁵ Там же, ч. I, стр. 350.

сти народов (калмыков, башкир, зырян и др.). Он подробно описал их наружность, одежду, обычай, не забывая отметить при этом распространенные среди них болезни и принятые меры врачевания¹.

Лепехин объективно и вместе с тем сочувственно описал тяжелые условия жизни угнетенных русским царизмом народов, живущих в нищете и лишенных какой бы то ни было заботы и медицинской помощи. «Мы увидели плачевное состояние жителей», — писал Лепехин об одном зырянском селении. «Не было возможности войти ни в одну крестьянскую избу, для несносной духоты от больных. Болезнь сия состояла в кровавом поносе... Бедственное их состояние тем более было, что они ниоткуда скорой помощи получить не могли; ибо не только в селах и деревнях нету у нас лекарей, да и в самых городах с Диогеновым фонарем их не сыщешь...».

Мрачными красками Лепехин описал неопрятность и грязь зырянских жилищ, но он не винил в этом зырян, а правильно видел причину этого в их некультурности и ужасающей бедности. «До такой неопрятности, — писал он, — довела их заскеселая привычка, а может быть, бедность»². Эти слова звучат упреком не зырянам, а царским администраторам.

Вопросам гигиены Лепехин уделял больше внимания, чем остальные учёные путешественники.

Наблюдения над тем, как в Муроме вымачивают содранные кожи в реке, продиктовали ему следующие соображения: «Вымачивание кож в реках неотменно запретить надобно; ибо из сего немаловажные выходят последствия»³. Он снова вернулся к этому вопросу в Арзамасе. Загрязнение протекающей через Арзамас реки сточными водами кожевенных заводов отмечал, как указано выше, и Паллас. Лепехин тоже обратил на это внимание. Он писал: «Списка арзамасским болезням я не читал, однако угадать не трудно, что в Арзамасе в летние жаркие дни более больных быть должно, нежели в других местах. Хотя воздух переменить не можно, разве помянутые заводы отнести на чистое место; однако о поправлении воды, как необходимо нужной для всякой вещи, старание прилагать надобно, что без дальнего труда через размножение в городе колодцов получить можно»⁴.

Лепехин отметил вред неизменного спутника крестьянской избы крепостной России — лучины, которая, «окроме нездорового и глазам вредного лучинного дыма», опасна и в пожарном отношении. Он предлагал отказаться от лучин и заменить их очниками из льняного и конопляного масла и

¹ Дневные записки, ч. I, стр. 227—230, 482—484.

² Там же, ч. III, стр. 274—275.

³ Там же, ч. I, стр. 39.

⁴ Там же, стр. 84—85.

«диких растущих трав, особенно стручковых, которые втуне исчезают»¹.

В деревнях Лепехин обратил внимание не только на дымные лучины. Он «с сожалением», по его словам, отмечал распространение среди крестьян различных болезней и отсутствие медицинской помощи. Он понимал, что в современных ему условиях трудно рассчитывать на обеспечение деревень врачами: «долго нам надобно ждать, чтобы в наших селах завелися лекаря, когда и в городах отдаленных мало их същешь». Поэтому он предлагал другой выход — «обучать первым основаниям врачебной науки и приучать познавать в России растущих врачебных трав действия» будущих священников. Попадая в глухие углы, где нет врачей, священники могли бы в некоторых случаях выполнять их функции. Кроме того, Лепехин предлагал снабдить крестьян «кратким и простым наставлением, каким образом поступать в главнейших и обыкновенных болезнях».

«Лечебник» Пекена, повидимому, не удовлетворил Лепехина. Не назвав его, Лепехин дал косвенную его критику, противопоставляя ему те свойства, какими, по его мнению, должна обладать книга для крестьян. «Я разумею, — пишет он, — такое наставление, чтобы всякий крестьянин мог довольствоваться простыми бытиями (т. е. травами. — С. Г.), на их полях растущими, чтобы слог был простой и внятный, травы природными бы изъяснены были наименованиями, а важнейших трав живые изображения, с которыми бы всяк зеленую траву сравнить мог. Не великай из того произойдет убыток, когда отдаленные места такими наставлениями снабдены будут даром...»²

Мы видим таким образом, что путевые записки Лепехина представляют собой не только ценное произведение по географии и этнографии России, но и являются выдающимся медицинским сочинением, сочинением врача, живо откликнувшимся на все острые для того времени вопросы медицины.

Для полноты обзора русской литературы XVIII в. о путешествиях следует упомянуть еще о вышедшей в конце века книге другого русского академика-врача Н. Я. Озерецковского «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому». В ней, правда, медицинские вопросы затрагиваются мало. Значительно больший и более интересный материал представляет эта книга для характеристики общественных взглядов Озерецковского. С этой стороны она и будет использована нами ниже. Из медицинских же вопросов представляют интерес рассуждения о естественной и неестественной смерти, высказанные Озерецковским по поводу встретившихся ему случаев долголетия среди финнов. По Озерецковскому, как и по мнению

¹ Дневные записки, ч. I, стр. 60.

² Там же, ч. III, стр. 41—42.

нию многих авторов того времени, люди, старея, постепенно «изсыхают». И если человек умирает тогда, когда его члены так высохли, что как будто окостенели, то «такую смерть можно почесть естественною или человеку сродною. А кто умирает с полными соков сосудами, с гибкостью и мягкостью всех членов, тот не долг отдает природе, а погибает прежде времени»¹.

К этой же группе книг примыкает сочинение К. Габлица «Физическое описание Таврической области, по ея местоположению, и по всем трем царствам природы». Габлиц — сотрудник Академии наук, сопровождавший ранее Гмелина в его путешествии. Состоя в 1783 г. при Потемкине, он составил описание недавно завоеванного Крыма, которое и было издано в 1785 г. В своем описании Габлиц восторженно описал климат Крыма, в частности «здравость» его, связанную с коротким периодом холодов. В угоду Потемкину Габлиц даже недостатки климата Тавриды изображал как достоинства.

Большая часть книги посвящена крымской флоре. Описывая многочисленные виды растущих в Крыму деревьев и кустарников, Габлиц у многих из них отмечает лечебные свойства. Кроме того, специальный раздел описания составляют лекарственные растения.

Габлиц указывает, что Крым особенно богат лекарственными растениями. Если их все в надлежащее время собирать, то будущие аптеки почти не будут испытывать нужды в доставке лекарств «из нутря России».

* * *

Следует также остановиться и на другой группе книг, не имеющих специально медицинского характера, но содержащих медицинские сведения. К ней относятся различные словари.

Первым изданием подобного рода был двухтомный труд, вышедший под названием «Чудеса натуры или собрание необыкновенных и примечания достойных явлений и приключений в целом мире тел, азбучным порядком расположено». Это — перевод книги известного французского врача и естествоиспытателя Сиго ла Фон (Sigaud la Fond) «Dictionnaire des Merveilles de la Nature», Paris, 1781. Перевод не с оригинала, а с немецкого перевода был осуществлен В. Левшиным. В этом словаре «Чудес натуры» можно насчитать 50 маленьких и больших статей, касающихся медицины. По замыслу автора, как это явствует уже из самого русского названия книги, речь в ней идет лишь о необычайных явлениях.

В соответствии с таким замыслом, в этой книге почти нет

¹ Н. Озерцовский, Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому, СПБ, 1792, стр. 26—27.

статей, посвященных явлениям нормальной физиологии или распространенной патологии. Здесь наиболее частый эпитет — «необычайный». Так, мы встречаем статьи «Беременности необычайные» (т. I, стр. 11—22); «Болезни необычайные» (т. I, стр. 22—36); «Плод рановременный» (т. II, стр. 70—83) и т. д.

Переводя эту книгу, Левшин внес в нее некоторые дополнения из русской литературы. Так, к статье «Болезни необычайные» (т. I, стр. 22—36) придано прибавление, заимствованное из Записок Петербургской академии наук, отсутствующее во французском подлиннике¹. Наиболее пространные статьи посвящены вопросам, которые возбуждали повышенный интерес в XVIII в.: нервной системе, ее физиологии и патологии.

Еще больший интерес представляет вышедший в 1795 г. в Москве «Словарь натурального волшебства»².

В двух томах «Словаря натурального волшебства» помещено около 80 статей на медицинские темы. При этом, в отличие от предыдущего словаря, они посвящены в основном не из ряда вон выходящим явлениям, а нормальной анатомии и физиологии человека и наиболее распространенным болезням. Это очень ясно подтверждается перечнем статей («Антонов огонь», «Аспекты», «Болезни», «Вкус», «Глаза» «Голод», «Груди женские», «Грыжа», «Движения человека» и т. п.).

На титульном листе этого словаря обозначено «перевод с немецкого». Помещенные в нем статьи, действительно, в значительной степени заимствованы из немецких источников, но заимствованы не механически. Во-первых, по выражению составителей, они содержат «ядро», т. е. самое существенное. Во-вторых, этот материал подвергался редактированию, обработке. Перевод был осуществлен, повидимому, В. А. Левшиным, о чем можно судить по биографии его работ, составленной им самим, где указан «Словарь натурального волшебства, в двух частях, с немецкого»³. Но Левшину принадлежал лишь первоначальный перевод, после которого статьи обрабатывались учеными-специалистами, повидимому, профессорами Московского университета.

«Каждая статья была обработана тем членом нашего общества, который в содержании оной преимущественное имел сведение», — говорится в предисловии. Обработка эта сказалась, между прочим, и в том, что в некоторых статьях есть ссылки на русские сочинения. Основное содержание словаря

¹ Сопоставлено со 2-м изданием книги Сиго де ла Фон, вышедшим в Париже в 1790 г.

² Полное его название «Opomatologia curiosa artificiosa et magica», или «Словарь натурального волшебства, в котором много полезного и приятного из естественной истории, естественной науки и магии азбучным порядком предложено», ч. I—II, М., 1795.

³ Историческое сказание об выезде, военных подвигах и родословии благородных дворян Левшиных, М., 1812, стр. 121.

составляли сведения естественно-научного характера, ничего магического он в себе не содержит. Статьи его далеки от утверждения чего-либо сверхъестественного, каких-либо чудес и волшебств. Более того, ряд статей сознательно направлен на разрушение сохранившихся суеверий и превратных понятий.

Так, в статье «Аспекты» (т. I, стр. 20—22) отрицается распространенное в средние века и сохранившееся и в XVIII в. представление о влиянии планет на здоровье людей. Издатели словаря опровергали убеждение, что кровопускание и прием лекарств возможны и полезны лишь при определенном положении луны и звезд, при хороших «аспектах». В статье «Домовой» (т. I, стр. 234) дается объяснение чувству давления, испытываемому порой во сне. Это ощущение или «стень», как оно называлось в XVIII в., часто приписывалось давлению домового или ведьмы. Словарь же объясняет это чисто физиологически — вздутием желудка.

Смело выступая против суеверий, пережитков средневековой астрологии и других заблуждений, авторы словаря и его русские издатели и редакторы не смогли полностью освободиться от идеалистических представлений о психической жизни человека, о наличии в нем души. В этом словаре мы находим статью «Душа» (т. I, стр. 249—250); она содержит полемические выпады против Ламеттри и его трактата «Человек-машина»; автор ее настаивает на наличии в человеке души, определяя ее как «то существо в человеке, которое его оживляет» и дает ему возможность мыслить. «Поелику, — говорится в этой статье, — по всем здравым доводам философов, материя ни мыслить, ни рассуждать не может», то, следовательно, «душа есть существо простое, дух бессмертный».

Нужно, впрочем, указать, что, принимая эту идеалистическую концепцию, авторы словаря сознавали ее бездоказательность, уязвимость: «Как же душа на тело действует, чрез влияние ли, или бог вложил... помышления в душу,... доказательством вывести не можно; ибо каждому мнению остается отвалить с пути своего великий камень, оный заграждающий».

Если все эти словари, переведенные и лишь в известной степени переделанные их издателями и переводчиками, имеют право на наше внимание, то совершенно исключительный интерес представляет большой словарь, составленный в России русскими авторами.

Речь идет о Словаре Российской академии. Российская академия была основана Екатериной II в октябре 1783 г. и, как гласил ее устав, должна была «иметь предметом своим вычищение и обогащение российского языка; общее установление употребления слов оного»¹.

¹ М. И. Сухомлинов, История Российской академии, в. 1, стр. 360.

Во главе Академии была поставлена кн. Е. Р. Дашкова; в состав Академии были привлечены 48 видных представителей знати, духовенства, науки и литературы. В дальнейшем этот состав постоянно пополнялся. В числе первых же членов Российской академии было несколько лиц, причастных к медицине. Непременным секретарем Академии был И. И. Лепехин. В списке первых членов Академии мы находим А. П. Протасова, Н. Я. Озерецковского и С. Г. Зыбелина. Все это люди, занимавшие почетные места в славной плеяде русских ученых-медиков XVIII в., немало сделавшие и для развития русской медицинской литературы.

Лепехин, Озерецковский и Протасов — участники первого организационного собрания Академии 21 октября 1783 г., Зыбелин же был избран в марте 1784 г.

Российская академия поставила себе первым и «главнейшим долгом... сочинение словаря или изучение слов, речений, речей и разного образа вещаний в языке славено российском употребительных» (Словарь, т. I, стр. V).

К выполнению этого долга Академия приступила с большим рвением и в сравнительно короткий срок его выполнила. Если французская академия составляла свой словарь в течение почти шестидесяти лет, то «на составление «Словаря Российской академии употреблено только 10 лет и 9 месяцев»¹. Первый том вышел в свет уже в 1789 г., второй — в 1790 г., третий — в 1792 г., четвертый — в 1793 г., последние — пятый и шестой — в 1794 г.

Словарь Российской академии заключает в себе около 43 000 слов. При этом в нем оказалось немало слов, относящихся к медицине, как народных, общеупотребительных, так и специальных терминов, как, например, «апоплексия», «анатомия», «диета», «камфора», «меланхolia» и много других. Этот словарь составлен в алфавитном порядке корней слов. Все слова одинакового корня, в свою очередь, расположены по алфавиту. Работа по составлению словаря складывалась из двух этапов. Вначале подбирались слова, а затем каждому слову давалось определение. Эти определения слов представляют для нас богатейшую сокровищницу, ибо они в сжатой форме отражают представления и понятия русских врачей XVIII в. во многих отраслях науки, в том числе и в медицине.

При беглом просмотре Словаря можно обнаружить около 600 слов, имевших непосредственное отношение к медицине. Внимательное изучение этого труда, безусловно, позволит найти их значительно больше. При этом нужно воздать должное участвовавшим в составлении словаря медикам — определение медицинских понятий часто дано с такой полнотой и

¹ М. И. Сухомлинов, История Российской академии, в. 8, стр. 65.

тичательностью, которыми не отличаются толкования терминов из других специальностей.

Мы можем примерно установить, кому принадлежит то или иное определение, так как, по указанию самой Академии, «определяли» слова: Лепехин — все слова, «изъявляющие естественные произведения в отечестве нашем», стало быть, и все травы и лекарственные растения; Протасов — «речения в телоразъярительной науке [т. е. анатомии] употребляемые» и Озерецковский — «слова означающие болезни». Начиная с четвертого тома, «слова болезни означающие» определял также Протасов, а Озерецковский лишь «посещал собрания Академии и сообщал свои замечания, споспешествовавшие общему труду». Должен быть еще упомянут акад. Н. П. Соколов, который в первых двух томах «определял» слова, «в химии и лекарнях употребительные».

В истории русской медицины и русской медицинской литературы Словарь Российской академии интересен прежде всего тем, что вводит нас в атмосферу создания, становления русской научной медицинской терминологии. Мы уже указывали, что медицинская терминология с XVIII в. до наших дней претерпела значительные изменения. С одной стороны, многие понятия получили новые словесные определения, новые наименования, с другой — некоторые сохранившиеся наименования приобрели совершенно иной смысл. Словарь Российской академии очень ярко иллюстрирует эти изменения.

Однако ценность этого литературного памятника заключается не только в терминологии. Особое значение он приобретает потому, что в нем сконцентрированы анатомические и физиологические представления, понятия о строении и функции отдельных органов, представления об общей патологии и характере отдельных болезней, диетике, о целебном действии трав и растений и т. д., принятые русской медицинской наукой в конце XVIII в.

Заслуживают внимания уже определения самих понятий «врач», «врачебная наука»: врач толкуется как «целитель, тот, который посредством врачебного искусства сохраняет здоровье и исцеляет болезни» (т. I, стр. 879). Врачебная наука: Medicina — наука, предписывающая средства, служащие к сохранению здоровья и к лечению болезней» (т. I, стр. 879). Из этих определений видно, что прежде всего подчеркиваются профилактические задачи медицины, «сохранение здоровья».

Словарь проливает некоторый свет на философские основы медицины в России того времени. Обращает внимание прежде всего здоровый характер основных определений, построенных на наблюдении, на опыте. Если учесть, что медицина в Западной Европе находилась в это время в плену умозрительных

идеалистических представлений, то заслуга русской научной медицины становится еще более ясной.

Значение опыта в медицине подчеркивается даже в определении слов немедицинских. Так, слово «Физика» трактуется как «наука, имеющая предметом своим познание природы вообще и всех естественных тел, их свойств, явлений и взаимного друг на друга действия». А среди примеров употребления этого слова значится: «Физика необходимо нужна во врачебном искусстве» (т. VI, стр. 485).

Нужно отметить, что определения в Словаре общих физиологических понятий, таких, как жизнь, болезнь и т. п., чуждо сугубо идеалистических, сумбурных представлений, неограниченно господствовавших в это время за рубежом. Возьмем, к примеру, слово «физиология». Если известный в то время западноевропейский ученый Пленк трактовал физиологию как «знание о действиях и силах тела душою одаренного» и начинал свою «Естественную науку о действия человеческого тела» положением: «живой человек состоит из тела и души»¹, то Словарь Российской академии в то же самое время определял физиологию как «часть врачебной науки, в которой описываются естество и свойство всех как твердых, так и жидкых частей, составляющих тело человеческое, относительно к здравому его состоянию, с означением к чему каждая часть в оном определена, також законы и способы, по которым онъ взаимно друг на друга действуют и какие через то происходят в теле следствия» (т. VI, стр. 486). Здесь нет никакого тумана, никакой мистики. Человек определен как «превозходнейшее из всех животных, одаренное способностью думать и рассуждать» (т. VI, стр. 689). Трудно даже понять, как Академия, в составе которой было немало представителей духовенства во главе с петербургским митрополитом, допустила подобное определение, ставящее человека, «созданного по образу и подобию божию», в ряд животных.

Не следует, конечно, думать, что понятие «душа» вообще было изгнано из словаря, по крайней мере из медицинской его части. Отнюдь нет. Так, например, «жизнь» определялась как «состояние, в котором находится человек, когда его душа бывает соединена с телом» (т. II, стр. 1121), а «смерть» — соответственно, как «конец жизни, разлучение души с телом, разрушение всех жизненных орудий» (т. V, стр. 587). Но к понятию «душа» прибегают редко и очень осторожно.

Возьмем, к примеру, слово «боль». В то время как виднейший врач того времени, ученик Бургава, Гаубий утверждал, что «боль... есть особенное печальное ощущение, которое душа в некоторой страждающей части тела ищет. Она затем болеет,

¹ И. Я. Пленк, Естественная наука о действиях человеческого тела. М., 1789.

что тело страждёт»¹ и т. п., в Словаре «боль» трактуется как «чувствование скорби в какой-нибудь части животного тела, от чрезмерного напряжения чувственных жил рождающееся» (т. I, стр. 278). Другой пример — слово «сон». Чрезвычайно распространенная в то время «Физиология» Блуменбаха трактовала сон как «совершенно урочное действие природы, которым союз души с телом как бы пресекается»². Словарь Российской академии определяет сон следующим образом: «Естественное состояние животного, в котором наружные чувства, утруждены будучи, успокаиваются, и внешние предметы на них не действуют» (т. V, стр. 653).

Так же здраво, без идеалистического тумана толкуются слова «здоровье» и «болезнь». «Здоровье» определяется как «состояние тела животного, когда все оного части безпрепятственно и во всей силе естественные свои действия производят» (т. III, стр. 42). Соответственно этому «болезнь» трактуется следующим образом: «то состояние тела в животном живущем, когда оно сродные ему действия не может производить так, как оные производят в состоянии здоровом» (т. I, стр. 279). Даже такие болезни, в объяснении которых наиболее стойко сохранялись средневековые астрологические представления, как, например, лунатизм, словарь толкует, не прибегая к этому устарелому арсеналу. Лунатики (т. III, стр. 1330) определены как люди, «подверженные странному роду болезни, состоящей в том, что они, во время глубокого сна встав, ходят, говорят» и т. п., но нет ни единого намека на влияние луны, звезд и тому подобного.

Определение болезней строится в Словаре обычно по следующему принципу: дается симптоматика и этиология болезни. Однако лечение не указывается. Этиология чаще всего отражает господствовавшую в то время гуморальную теорию. Например, «чесотка» определена так: «Болезнь наружная, на поверхности тела гнездящаяся, прилипчивая, от особой остроты кровяной сыворотки происходящая...» (т. III, стр. 920). Симптомы же часто описаны с такой полнотой, которая почти ничего не позволяет прибавить даже в настоящее время. Примером подобного определения служит «сухотка»: «*Phtisis*. Болезнь внутренняя, вообще все тело изсушающая, происходящая от возродившегося в легком, либо в другой какой-либо знатной внутренней части вереда, сопровождаемая весьма тихою, но безпрерывною лихорадкою, которая обыкновенно увеличивается к вечеру и после кушанья, к чему присовокупляется по ночам пот, особенно на груди, с небольшою трудностью

¹ Гаубий. Начальные основания врачебная пафология, СПБ, 1792, стр. 334.

² Цит. по русскому переводу Барсук-Моисеева. М., 1796. стр. 265.

в дыхании и с кашлем, усиливающимся по вечерам и перед разсветом, которым извергается харкотина, сперва с небольшой примесью крови, а потом и гноя» (т. V, стр. 976).

Иногда этиология не указывается вовсе, но течение болезни описывается тем не менее очень четко. Так, например, «Эпилепсия, или падучая болезнь» определена так: «Скоропостижное чувство и памяти лишение, сопровождаемое незапынным пораженным сею болезнью человека упадением на землю, дерготою, корчением и кривлением то всего тела, то некоторых только его членов, а наипаче нижней челюсти, пеной изо рта, храпением частым и неровным дыханием и на конец невольным испущением мочи» (т. IV, стр. 677). Корь описана следующим образом: «*Morbilli*. — Болезнь наипаче у детей бывающая, начинающаяся сухим кашлем и горячкою, частым чханием, течением слез из глаз и налитием оных кровью; на третий или четвертый день выступает сыпь мелкая и красная, которая мало по малу разширяется, но не столь как в оспе; в седьмой или осмой день сыпь начинает бледнеть, иногда просто пропадает, иногда же лупится, но никогда не наливается гноем» (т. III, стр. 846).

Так же подробно описаны и многие другие болезни. Их описание свидетельствует о клиническом, опытном подходе к болезням, об изощренной наблюдательности.

Есть, конечно, и заблуждения, превратные представления и понятия. Преобладают, однако, определения, основанные на совершенно здравом наблюдении и опыте.

Чрезвычайно ценный материал для изучения русской медицины XVIII в. представляют определения различных трав, цветов и ягод, помещенные в словаре; все эти определения принадлежат акад. И. И. Лепехину. Как и в своих путевых записках, Лепехин не упускал возможности в каждом случае, для каждого почти растения отметить его лечебные свойства, его медицинское применение. Многие из тех трав, которым Лепехин приписывал лекарственную силу, сейчас забыты, но некоторые из них, может быть, забыты незаслуженно.

Используя опыт своих наблюдений во время путешествия, Лепехин указывал на лечебное применение отдельных растений, входящее в национальные обычай некоторых народностей.

Его настойчивые указания на целебные свойства трав не случайны. Как мы уже отмечали, Лепехин был горячим проповедником уменьшения ввоза лекарственных растений из-за границы и широкого использования отечественных растений. «Коликой новый озарил бы свет врачебное искусство, когда бы мы со временем, усугубив свое рачение, всех своих произрастений силы и действия, соответственно их природному

месту, познали»¹. Свое активное участие в Словаре Российской академии Лепехин использовал, в частности, и для того, чтобы осуществить эти пожелания.

Мы видим таким образом, что фонд русской медицинской литературы XVIII в. должен быть значительно расширен за счет ряда не медицинских книг.

Эти книги содержат очень обширный и ценный материал по самым разнообразным медицинским вопросам и должны быть учтены при разработке истории отечественной медицины.

Дальнейшими разысканиями круг этих книг, несомненно, будет расширен.

Глава V

ВОПРОСЫ МЕДИЦИНЫ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ XVIII в.

Наше представление о русской медицинской литературе XVIII в. было бы далеко не полным, если бы мы ограничились рассмотрением только медицинских книг. Для получения полного представления о медицинской литературе XVIII в. необходимо ознакомиться и со многими впоследствии забытыми статьями, помещенными в периодических изданиях. Периодическая печать в России в XVIII в., особенно во второй его половине, была достаточно обширна. Специальные библиографические указатели Н. Лисовского, А. Н. Неустроева насчитывают свыше 100 названий периодических изданий XVIII в. Эти издания — одни больше, другие меньше — предоставляли свои страницы для статей на медицинские темы.

Это объяснялось большим интересом читателей к медицине.

Просмотр периодических изданий XVIII в. позволил обнаружить свыше 1500 статей и заметок, касающихся медицины. Они очень разнообразны как по величине, так и по тематике. Среди них есть заметки в несколько строк, есть и большие серьезные статьи, по своему объему и значению равные специальным книгам. Они принадлежат как русским, так и иностранным авторам, среди которых встречаются и врачи и чуждые медицине люди. К сожалению, еще чаще, чем в книгах, имена авторов не указаны и установить их удается лишь в редких случаях.

Тематика статей в общем повторяет тематику книг. Подавляющее большинство статей касалось лечения различных бо-

¹ И. И. Лепехин, Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастений, СПБ, 1783, стр. 29.

лезней, по преимуществу так называемых внутренних. Очень многие статьи посвящены всякого рода лекарствам, целебным свойствам различных трав, минеральных вод и даже животных.

Ряд статей сообщал правила гигиены, диететики взрослых и детей. Свыше ста статей посвящены анатомии и физиологии.

Поскольку каждый журнал, в котором помещены медицинские статьи, имеет свои особенности, свой неповторимый колорит, свое лицо, определившееся как временем его выхода, так и взглядами его издателей и редакторов, представляет интерес, отказавшись от характеристики всей журнальной литературы в целом, остановиться на отдельных изданиях.

Остановимся на изданиях, наиболее интересных и характерных для русской периодической печати XVIII в.

Первым (кроме газет) изданием, которое может называться периодическим, явились в России календари или месяцесловы, издававшиеся ежегодно, начиная с 1710 г.

Первоначально они представляли дословный перевод иностранных календарей. В дальнейшем же месяцесловы стали составляться в Петербурге. Месяцесловы представляли собой календари, где на каждый день были указаны часы восхода и захода солнца, фазы луны, имена чествуемых святых и т. п. Затем следовали одна-две статьи. И в первом же месяцеслове мы находим статью «О здравии и болезнях», а также указания «Какое увещение и каковые лекарства всяк месяц иметь» и «О кровопускании жилном и рожечном».

«Каковые лекарства всяк месяц иметь» и «О кровопускании жилном и рожечном» — это перечень чисел в каждом месяце, когда рекомендуется пускать кровь и принимать лекарства. Эти рекомендации лишены, конечно, какого бы то ни было научного основания, а являются отголоском астрологических представлений средневековья. Астрологический характер этих наставлений особенно ярко проявляется в месяцесловах на 1713 г. и ряда последующих лет, где к статье «О кровопускании» приложено изображение человека с проведенными от различных частей его тела линиями к знакам зодиака, «ведающим» эти части тела и органы, заимствованное из западноевропейской астрологии и нередко в русской рукописной литературе XVII и начала XVIII в.

Указания на числа, благоприятные для кровопусканий, приема лекарств, приводятся в месяцесловах из года в год.

Однако составили русских календарей и переводчики первых календарей иностранного происхождения на русский язык относились достаточно скептически к значению положения планет для приема лекарств и кровопусканий и сами отмечали, что рекомендуемые числа — это лишь «регула генеральная; нужда и закон пременяет, — тем не зри на нумеры и

числа, где стоящим, но каждый в нужде себе да ищет помощи»¹.

Статья «О здравии и болезнях» также появляется в месяцесловах из года в год, но содержание ее меняется. Порой она заменяется статьей «О болезнях сего года». В первом календаре на 1710 г. «издатель колеблется между верой и неверием в астрологическое учение о происхождении болезней непосредственно от звезд и более склоняется к тому мнению, что звезды сперва переменят погоду, а потом уже от нея начнутся болезни»².

Месяцеслов на 1712 г. совершенно правильно отмечает, что болезни зависят не столько от звезд, сколько от сложения тела и образа жизни: «Понеже комплексия не у всех человек равна, для того не могут звезды у всех равно и единако действовать. Ибо звезды иначе действуют у флегматика, иначе у холерика, иначе действуют звезды у оных, которые непрестанно едят и упиваются и своим недержанием сами себе болезни делают...».

Это же колебание между верой и неверием в силу звезд встречаем мы и в последующие годы в статьях «О здравии и болезнях» и «О болезнях сего года».

В календаре на 1722 г., перечислив болезни, которые «по звездному показанию рождаются имут», автор статьи «О болезнях сего года» добавляет: «Сии суть болезни, яже небо показует. Ныне остается мнение, всем ли всенонечно оные приключаются? Никако же. Ибо человек много зла через порядочное и умеренное житие, так же, когда он от великого засушения и взогрения стрешился будет, избежать может».

В месяцеслове на 1724 г. статья «О здравии и болезнях» посвящена вопросу о степенных или климактерических³, т. е. переломных годах, наступающих через каждые 7 или 9 лет человеческой жизни.

Первые 7 лет жизни — младенчество, вторые — юношество, в третьем семилетии юношество «процветает аки шипок». Четвертое семилетие — «посредствие между юношеством и мужеством». С 28 до 42 лет — «мужественные лета, егда человек есть в силе своей; однако же в 42 году оная сила начинает убывать». 49 лет — вершина, после которой человек «вниз возвращается». Шестьдесят третий год, где числа 7 и 9 встречаются, — опасный год, многие в этом возрасте умирают. Кто же это год переживает, тем опасны 70-й и 77-й год. «Но то мнение не tanto состоит, что токмо людем в таком климактерическом gode умирать надлежит. Понеже искусство показует, яко многие, и большая часть, кроме тех степенных лет скончалися. Но и в всегдашнем человеческом состоянии всякое седмилетие в щастии и нещастии, в здравии и болезненном припадке пременения показует...».

С организацией в 1725 г. Академии наук издание месяцесло-

¹ Месяцеслов на 1724 г.

² Нам не удалось видеть месяцеслов на 1710 г., и поэтому пришлось заимствовать сведения о нем из обстоятельной статьи Д. Переображенова «Обозрение русских календарей или месяцесловов», помещенной в «Магазине землеведения и путешествий», т. III, 1854.

³ От слова *climax*, означающего лестницу, ступень или степень.

словов вошло в ее обязанность. Сперва месяцесловы не изменили своего характера. Так, например, в неизбежной статье «О здравии и болезнях» в месяцеслове на 1726 г. проводится аналогия между человеком (микрокосм) и всей вселенной (макрокосм) и повторяются средневековые бредни об управлении различных частей человеческого организма отдельными планетами.

В месяцесловах этих лет сохранились также указания, когда принимать лекарства проносные, рвотные, слабительные, крепительные.

В дальнейшем статьи «О здравии и болезнях» исчезают, однако указания, в каких случаях нужно ограничивать прием лекарств и кровопускание, остаются.

Вновь появляется изображение человека, от разных частей тела которого отходят линии к изображенными вокруг него знакам зодиака. У линий, идущих к изображениям овна, водолея и весов, написано — *gut* (т. е. хорошо); у линий, идущих к тельцу, козлу, льву и близнецам, — *bos* (т. е. худо) и у линий, идущих к раку, деве, скорпиону, рыбам и стрельцу, — *mit* (т. е. посредственно).

Это изображение носило название рудомета, так как указывало, когда и из какой части тела можно было, а когда не следовало «пускать кровь».

Появление в календаре рудомета, как и некоторых других материалов, например, «прогностиков», предсказаний на предстоящий год, было известной уступкой русских академиков европейской традиции и вкусу воспитанных в ней читателей. Но, как указал один из первых историков изданий Академии наук, «покоряясь необходимости, академические математики и естествоиспытатели не могли и не хотели скрыть своего недовольства; излагая астрологические предсказания, которые еще при императрице Анне имели высоких покровителей, они допускали примесь такой иронии, в которой суеверие гадателя не могло уже находить себе пищи»¹. Так, в месяцеслове на 1729 г., указывая дни, в которые принимать лекарство, пускать кровь «жилную и рожечную», составители указывают, что они делают это для «тех людей, которые верят, что сила аспектов может наше здравие пременити, немощным много помошествует здравое увещание и мнение...». Рассказав анекдот о крестьянине, который, неправильно поняв врачей, проглотил рецепт и от этого одного излечился, составитель месяцеслова добавляет: «То жде разумей о правилах астрологических, помоши бо иногда могут, наипаче тем людям, которые сему поселянину подобны суть».

¹ Кунчик, Введение об ученых сборниках и периодических изданиях Академии наук с 1726 по 1852 г. Ученые записки Императорской академии наук по первому и третьему отделениям, т. I, в. 1, СПБ, 1852, стр. XLVI—XLVII.

Уступку привычке читателей составляло и печатание «рудометов». Сперва составители месяцесловов ссылаются на «защитителей астрологии» в том, что влияние «небесных знаков» на части тела «чрез долговременное употребление уже довольно засвидетельствовано» (месяцеслов на 1737 г.), но затем, продолжая помещать «рудометы», они как бы оправдываются в этом.

«Понеже оные причины, для которых бы являющегося в нашем календаре рудомета обыкновенного его места лишить можно было, некоторым нашим благодетелям недостаточны показались, то мы охотно позволяем, чтоб он на малом том пространстве, которое он в нашем календаре занимает, и впредь на свой страх показывался и сам за себя говорил» (месяцеслов на 1740 г.).

Спустя два года: «Рудомета мы ставим в нашем календаре больше по обыкновению, нежели для нужды. И понеже он весьма немного места занимает, то надеемся мы, что благосклонный читатель и в нынешнем году позволит ему здесь оставаться» (месяцеслов на 1742 г.).

В месяцеслове на 1746 г. рудомет сравнивался с астрологами и волхвами древнего Рима, которых считали недостойными, но все же не изгоняли. Так и рудомет, который «сколько нам известно, ни от кого особливой похвали не удостоился, а однако всегда охотников находил. Того ради и в сем году в нашем календаре оставлен, а повидимому, и впредь останется».

В 1747 г. рудомет исчезает из календаря и больше уже в нем не появляется.

Во второй половине XVIII в. в месяцесловах появляются статьи научно-популярного характера. Некоторые из них касаются и вопросов медицины. Так, в месяцеслове на 1754 г. помещена статья «Мнение о различных действиях горячего вина в теле человеческом». В календаре на 1777 г. перечислены «Главнейшие изобретения с некоторых веков в Европе учениенные», среди которых названы сочинения Безалия и Гарвея, переливание крови от одного животного другому (1659) и некоторые другие медицинские открытия, и, наконец, в месяцеслове на 1781 г. помещена большая статья «Собрание разных знаний о законах рождения и смертности в роде человеческом», сообщавшая в доступной форме сведения о рождаемости, смертности, выживаемости, вероятности смерти в разном возрасте, т. е. основы демографии, или, как она называлась тогда, — «политической арифметики». Автор воспользовался приведенными в статье таблицами о смертности на различном году жизни, чтобы подчеркнуть «неосновательность предрассудка» об опасности «климактерических» годов, особенно 49 и 63 года. В 1724 г. этот предрассудок, как мы упоминали выше, на страницах месяца слова же преподносился еще как научная истина.

Мы остановились так подробно на месяцесловах, ибо это— первые (помимо газет, конечно) зачатки периодической печати в России. И показательно, что уже в самом начале периодическая печать уделяла внимание вопросам медицины.

По характеру освещения этих вопросов в месяцесловах видно, как изменились взгляды в течение XVIII в. Если в начале века они полны астрологических суеверий и предрассудков, к тому же перенесенных из Западной Европы, то во второй половине века они носят уже научный характер.

Как уже указывалось, с конца 20-х годов издание месяцесловов осуществлялось Академией наук. В составе Академии в числе трех ее отделений или классов второй класс — физический — с самого начала ее существования включал в себя и медицинские науки. И во всех периодических научных изданиях Академии как на латинском, так и на русском языке мы находим сочинения на медицинские темы.

Первым таким изданием на русском языке было «Краткое описание комментариев Академии наук, часть первая на 1726 г.».

В нем помещено сокращенное изложение статьи корреспондента Академии — Микелотти «История о скорби, приключившейся в Митие», а также двух оригинальных работ петербургских академиков: «Описание сосудов млечных» Дювернуа и «О движении мышиц» Даниила Бернулли.

Издание «Краткого описания комментариев» прекратилось после первого выпуска. Академия наук регулярно издавала свои Commentarii, но лишь на латинском языке, и только спустя 20 лет, в 1748 г., приступила к выпуску на русском языке «Содержания ученых рассуждений Академии наук», изданных в «Новых комментариях». Вышли четыре выпуска этого издания (за 1748—1758 гг.), отразившие содержание первых четырех томов «Новых комментариев». В этих выпусках были помещены рефераты анатомических сочинений академиков Вейтбрехта, А. Кау-Бургава и Шрейбера.

Параллельно с изданием на русском языке сокращенного изложения ученых трудов своих членов Академия наук вскоре же после своего возникновения начинает популяризацию науки.

С этой целью, начиная с 1728 г., Академия публикует «Примечания» к петербургской газете «Санктпетербургские ведомости». Вначале, в 1728 г., эти «Примечания» появлялись лишь один раз в месяц, но уже со следующего 1729 г. они сопровождают каждый номер «Ведомостей», выходивших два раза в неделю, составляя таким образом за год 104 или 105 номеров или частей. В таком виде «Ведомости» выходили по 1742 г., за исключением 1737 г.¹.

За это время не проходит почти ни одного года, чтобы среди материалов, помещенных в «Примечаниях», не оказалось

¹ Неустроев в своем «Историческом розыскании о русских повременных изданиях» пишет: «Примечаний» за 1737 г. мы нигде не могли видеть». В библиотеке Академии наук «Примечаний» за 1737 г. нет. В «Примечаниях» же на 1738 г. есть ссылка на то, что издание вновь печатается и т. п. Повидимому, в 1737 г. «Примечания» не выходили.

статей и сообщений на медицинские темы; чаще же их бывает по две-три в год. При этом некоторые статьи достаточно обширны, они не умещаются в одном номере и продолжаются в двух, трех и более номерах.

Академики, участвовавшие в издании «Примечаний», определили свою задачу как старание «о распространении науки» и в связи с этим «кособиво о том тщание имели, чтобы некоторые нужные материи... на надлежащий свет вывесть»¹. Поэтому тематика медицинских статей в «Примечаниях» весьма разнообразна.

Медицинские статьи трактуют о моровом поветрии (1728), о бешенстве (1729), о симпатии и антипатии (1731), об обычаях «излечивать» больных прикосновением руки короля (1728 и 1729), о прививании оспы (1732), о так называемых степенных годах (1733), о теплоте и стуже (1733) и т. п.

Во всех этих статьях, разделяя в основном взгляды и представления современной им науки, члены молодой русской Академии наук выступают часто с прогрессивными взглядами, с разоблачением ряда предрассудков и суеверий.

Так, заметка «О моровом поветрии» (№ 10, 1728) доказывает, что эпидемические болезни заразительны («поветрие прилипает»), и разбивает ходячее представление о том, что причина болезни — в самих заболевших, в их «страхе и трусости». При этом, соглашаясь, что в отдельных случаях болезни действительно не поражали тех, кто их не боялся, автор справедливо подчеркивает, что «не крепок довод, от некоторых только случаев приятый» (разрядка наша. — С. Г.).

В статье о так называемых «степенных годах» (№ 36—38, 1733), принадлежащей акад. Вейтбрехту, звучит явное, хотя и не очень решительное, сомнение в истинности значения переломных, степенных лет для человека, его жизни и здоровья.

Вейтбрехт в статье «О симпатии и антипатии» (№ 42—44, 47, 1731) критически отзывался об учении о симпатии и антипатии и о понятиях магнетизма, аттракции, идиосинкразии и т. п., названия которых их действие «в людях и зверях неясно и неразумно отражают».

В 1738 г. после годичного перерыва «Примечания к Ведомостям» несколько изменили свой характер. Статьи становятся больше, содержание их серьезнее, и под ними появляются подписи, которые содержат лишь инициалы, причем одна из букв указывала фамилию автора, вторая же — фамилию переводчика.

Появление инициалов переводчика в подписи под статьями указывает на то значение, которое придавали издатели «Примечаний» переводу их статей на русский язык. Более того,

¹ «Предсказание» к «Примечаниям к Ведомостям» на 1733 г.

часто в подписи начальная буква фамилии переводчика ставилась раньше начальной буквы фамилии автора.

Зная состав академиков этого периода, а также состав переводчиков, мы можем попытаться расшифровать подписи под статьями.

Статья «Физическое известие о целительных водах вообще» (№ 15—20, 1739), подписанная В. Р., написана будущим академиком, а тогда еще студентом, Рихманом¹. Буква В. принадлежит переводчику, вероятно, Волкову.

Статья «О вампирах», разрушающая суеверные представления о вампирах (№ 27—33, 1737), подписанная Т. Г., принадлежит, по указанию Пекарского, адъюнкту Академии Геллерту². Буква же Т. указывает фамилию переводчика—предположительно Теплова.

Подпись В. В. под статьей «О бороде и волосах» позволяет предположить, что автором ее является Вейтбрехт, а переводчиком — Волков.

Наибольший интерес представляет подпись Л. К. под статьей «О сохранении здоровья» (№ 80—83, 1741), ибо К. означает фамилию автора — акад. Крафта, а Л. — фамилию переводчика, и этим переводчиком оказывает не кто иной, как М. В. Ломоносов.

На этой статье нужно остановиться более подробно. Во-первых, содержание ее представляет несомненный интерес, а во-вторых, интерес этот усиливается тем, что над переводом этой статьи трудился великий Ломоносов. При этом его участие было, повидимому, немалым.

Георг-Вольфганг Крафт, крупный ученый и блеснящий популяризатор, математик, физик и астроном, однако он не был врачом. Его статья — это пересказ трех книг знаменитого Ф. Гофмана.

М. В. Ломоносова, переведившего эту статью, на всем протяжении его научной деятельности привлекали вопросы физиологии и гигиены. Есть все основания предполагать, что ряд мыслей, высказанных в статье «О сохранении здоровья», принадлежит Ломоносову.

В этой статье наше внимание привлекает утверждение, что «несравненно легче настоящее здоровье соблюсти, нежели потерянное возвратить». Гигиенические советы, которые приводятся в ней, вполне соответствуют научным представлениям той эпохи.

¹ П. Пекарский, История Академии наук, СПБ, т. I, 1870, стр. 698.

² Там же, стр. 568. (Не ошибка ли это? Не означает ли буква Г. фамилию Гмелина, который, уезжая в 1733 г. в путешествие по Сибири, среди прочих рукописей оставил одну под названием «Von denen Vampyrgen»? (см. у Пекарского, стр. 435, и протокол конференции Академии наук от 3 июля 1733 г., Протоколы, т. I, стр. 69).)

Часть статьи представляет собой изложение теории Гофмана о воде, как о средстве, помогающем при всех болезнях, так как она разжижает «сгустившиеся соки», «съедает излишние серные и земляные частицы», способствует выведению из организма вредных веществ. Эта теория была широко распространена в XVIII в., получила отражение и в русской медицинской литературе¹. Заслуга же Крафта и Ломоносова состоит в том, что, излагая теорию Гофмана, они вместе с тем предостерегали от модного представления о панацеи, об универсальном лекарстве. Если, писали они, мы «не имеем поныне еще и такого средства, которое бы только едину болезнь всегда верно и безопасно вылечить могло, то как и тому статья можно, чтобы лекарство сыскать, которое бы против всех болезней довольно силы имело...».

Поэтому и в воде они видят не такое лекарство, которое «без выключения всем болезням помочь дать может», но только такое, которое между всеми известными до тех пор «есть самое лучшее и безопаснейшее».

Чрезвычайный интерес представляет в эпоху полной уверенности в исключительно целебной силе лекарств их замечание о роли организма, воспринимающего лекарства: «Лекарства действуют не только по одному состоянию своих собственных сил, но купно и по свойствам того тела, которое их принимает».

В 1742 г. издание «Примечаний к Ведомостям» прекратилось. Этим самым полностью прекратилась публикация трудов Петербургской академии наук на русском языке. Это было одним из проявлений того пренебрежения к России к русским, которое отличало единоличного в то время правителя Академии — Шумахера и его ставленников-академиков.

В известном доношении сенату, поданном в феврале 1742 г. Нартовым и в значительной степени написанном Ломоносовым, говорилось: «Выписанные Шумахером профессоры, какое в собраниях имеют рассуждение, то все выдают в печать на чужестранных диалектах, а прежние выдавали на российском диалекте, что и российский народ знал и чрез что любопытные люди пользовались, а ныне оное закрыто...»².

Публикация на русском языке научных сочинений академиков возобновилась, как мы уже указывали, в 1748 г. изданием «Содержания ученых рассуждений Академии наук». Однако в среде ученых и читающих людей России ясно ощущалась потребность и в научно-популярных изданиях, подобных

¹ В 1789 г. в Киеве вышел перевод книги Гофмана под названием «Рассуждение о воде, как всеобщем врачевстве».

² В. И. Ламанский, Ломоносов и Петербургская академия наук, СПБ, 1865, стр. 3.

«Примечаниям к Ведомостям». Спустя много лет после выхода «Примечаний» ими продолжали интересоваться. Известно, что в 1754 г. Шувалов просил Ломоносова достать ему «Примечания к Ведомостям». Обещая ему исполнить это поручение, Ломоносов вместе с тем писал Шувалову 3 ноября 1754 г.: «Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы в академии начались подобные сим периодические сочинения, только не на таких бумажках по одному листу, но по всемесячно или по всякую четверть или треть года...»¹. Желание великого ученого об изменении характера издания вполне понятно. «Примечания к Ведомостям», ограниченные своим весьма малым форматом, не могли печатать крупных сочинений. России нужны были уже не листки, не примечания, а журнал.

Мысль Ломоносова вскоре осуществилась.

С 1755 г. при Академии стали издаваться «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Это был первый русский журнал в настоящем смысле этого слова, первый ежемесячник, родоначальник всех наших «толстых» журналов.

Как показывает само его заглавие, журнал выходил ежемесячно.

Журнал издавался с 1755 по 1764 г. включительно, трижды меняя свое название. С 1755 по 1757 г. он выходил под указанным названием, с 1758 по 1762 г. он назывался «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», а в последние два года своего существования, с 1763 по 1764 г., носил название «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах».

Согласно «Предуведомлению» редактора, акад. Г. Миллера, журнал должен был быть научным и в то же время популярным: «мы за правило себе приняли писать таким образом, чтоб всякой, какого бы кто звания или понятия ни был, мог разуметь предлагаемые материи».

По словам первых исследователей этого журнала, «вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый русский ежемесячник»², и успех его был «так велик, что побудил и многих других писателей приняться также за издание журналов», чем «положил прочное начало отечественной журналистике»³.

Успех журнала объяснялся не только простотой изложения, но и чрезвычайным разнообразием публиковавшихся материалов. И в этом пестром собрании научно-популярных статей одно из первых мест принадлежит медицине.

¹ П. Пекарский, История Академии наук, СПБ, т. II, 1873, стр. 560.

² Митрополит Евгений, Словарь русских светских писателей, т. II, М., 1845, стр. 67.

³ В. А. Милютин, Очерки русской журналистики, преимущественно старой, «Современник», т. XXV, 1851.

За 10 лет существования этого журнала в 120 его выпусках насчитывается свыше 60 статей и заметок, касающихся медицины и пограничных с нею областей, не считая статей по ботанике, зоологии и ветеринарии. Авторами многих статей были русские академики.

Помимо статей, подписанных русскими учеными, многие статьи, помещенные без имени автора, также, без сомнения, принадлежат русским ученым.

Ряд статей является переводными. Нужно, однако, помнить, что переводы эти зачастую представляли собой переделку и многие из них, безусловно, отражают взгляды и мысли переводчиков.

Содержание этого журнала показательно для характеристики медицинских интересов и знаний в России XVIII в.

Многие статьи посвящены отдельным болезням. Среди них, пожалуй, самое большое место занимают статьи об оспе и об оспопрививании. При этом «Ежемесячные сочинения» ясно показывают, что если Западная Европа в это время была ареной жестокой полемики между горячими сторонниками вариолиации и не менее горячими ее противниками, выдвигавшими аргументы биологические, моральные и даже богословские, то молодая русская наука сразу заняла прогрессивную позицию; она признала оспопрививание и способствовала его распространению.

Прививкам против оспы посвящена анонимная статья «О воспе и о прививании оной», помещенная в первой же книжке журнала (январь 1755). Особый интерес в этой статье представляют ценные наблюдения автора над бытом, сбываями и представлениями народов, населяющих Сибирь¹.

В майской и июньской книжках за 1756 г. помещен перевод известной речи де ля Кондамина в Парижской академии наук 24 апреля 1756 г., представляющей горячую полемику с противниками оспопрививания. Излагая историю оспопрививания, вернее вариолиции, начиная с конца XVII в., Кондамин, между прочим, упоминал, что оспопрививание давно известно у черкесов.

В следующем 1757 г. мы находим в переводе И. Голубцева статью «Каким образом воспа в Англии прививается, по показанию лондонского лекаря Ранбия», описывающую технику инокуляции.

Статьи об оспе помещались каждый год. И в следующем 1758 г. мы встречаем большую статью «О прививании воспы у китайцев». Она содержит подробное описание китайского способа инокуляции закладыванием «оспенной шелухи» в

¹ Это заставляет предположить в авторе статьи редактора журнала, акад. Миллера, путешествовавшего по Сибири 10 лет (с 1733 по 1743 г.).

ноздри или же принятием ее внутрь с питьем. Этот последний способ кажется автору наиболее безопасным.

Как мы отмечали, в вопросе оспопрививания журнал бесповоротно занимал прогрессивную позицию, безоговорочно рекомендовал прививки и отмечал всякие возражения против оспопрививания, исходившие не только от врачей, но и от духовенства и богословов. В этом направлении представляет интерес перевод сочинения датского проповедника Крамера «Дозволяется ли прививание оспы по христианскому закону и правоучению» (июль 1760), в котором ставится вопрос, не грешно ли прививать оспу, поскольку есть некоторая, хотя и очень малая, возможность смертельного исхода, и вопрос этот с богословских позиций решается отрицательно.

В дальнейшем, с введением в журнале раздела «Известия о ученых делах», сообщающего о выходе новых книг и событиях научной жизни в России и за рубежом, регулярно публикуются с одобрительными комментариями сообщения о выходе за границей книг, посвященных оспопрививанию. Появление же анонимной книги «L'inoculation terrassée par le bon-sens», представляющей, повидимому, возражения против инокуляции, встречается язвительной заметкой: «отважное предприятие писать против прививания оспы, против способа, кое-го польза бесчисленными примерами доказана. Такой сочинитель умно делает, когда имя свое скрывает» (май 1764).

Ряд статей посвящен «оживлению» замерзших, утонувших, задохнувшихся¹.

Развитие химии в XVIII в. сказалось и на развитии фармакологии. Арсенал фармацевтических средств чрезвычайно расширился и включал огромное количество лекарств, в настоящее время давно забытых. При этом как врачи, так и аптекари не знали хорошо ни фармакодинамики многих веществ, ни наилучшего метода их применения. Это приводило порой к совершенно фантастическим представлениям о действии некоторых лекарств и к спорам о способах их изготовления.

В атмосферу этих споров вводит нас статья «О новой и важной пользе химии» (май 1761). Перечислив ряд лекарственных веществ, «которых пользу ясно видеть можно», автор признает тем не менее, что есть и много бесполезных.

Число различных предлагаемых лекарств было в то время чрезмерно велико, и это диктовало издателям журнала разумную осторожность. Только те из лекарств достойны, по их мнению, употребления, действие которых проверено опытом и многократными наблюдениями (май 1764).

¹ «О производении над замерзшими людьми опытов для их оживления» (апрель 1755); «Поощрение к опытам с замерзлыми людьми, чтоб их паки привесть в чувство» (ноябрь 1759); «Показание, как тех, которые недавно утонули, опять оживлять» (декабрь 1759).

Журнал призывал русских врачей проверять и испытывать предлагаемые новые лекарственные средства.

С 1763 г. в журнале печатались так называемые «задачи». Чаще всего они содержали предложение разрешить какой-нибудь спорный или неясный вопрос из области филологии или истории. В феврале же 1764 г. была предложена «Задача для медиков и лекарей». «Мы намерены здесь предложить о двух изобретенных лекарственных способах не довольно еще известных и для того, достойных, чтоб искусные медики и лекари постарались при случае оные изведать, а какое усмотрено будет действие, о том бы для общенародной пользы публику уведомили».

В той же майской книжке 1761 г., в которой напечатана упомянутая выше статья «О пользе химии», помещена также статья «О вредном обыкновении без ведома» врачей употреблять лекарства; она ставит принципиальный вопрос, приобретший в то время злободневную остроту и, нужно сказать, не потерявший ее до настоящего времени.

В XVIII в. существовала довольно большая группа людей, которые, не будучи врачами, считали себя тем не менее вправе вмешиваться в лечение больных, критиковать или даже подменять врачей. Против таких людей и направлена статья. Мы остановимся на ней в дальнейшем.

В группе статей о болезнях и их лечении заслуживает внимания небольшая статья «О критических, или решительных днях при болезнях». Автор ее высказывает против утверждения Гиппократа, что седьмой день болезни — переломный, и возмущается тем, что многие врачи «ревностные иппократовы единомышленники верят больше Иппократу, чем собственным глазам» (июль, 1759).

К этой же группе статей примыкают «Описание теплиц святого Петра» и «Описание серного ключа у пригорода Сергиевского» доктора Г. Шобера (ноябрь 1760). Это — описания лечебных свойств горячего источника и серного ключа, расположенных в Астраханской губернии. Описания эти были произведены Шобером по указу Петра I в 1717 г. Редактор «Сочинений» обнаружил их, наряду с другими сочинениями Шобера, к этому времени уже умершего, в библиотеке при Академии наук, перевел их и опубликовал, обещая остальные сочинения Шобера «объявить в другое время».

Статьи по физиологии трудно выделить в совершенно обособленную группу. Чаще всего они касаются, с одной стороны, гигиены, с другой — затрагивают и вопросы патологии. Постараемся, однако, выделить их. Некоторые из них касаются отдельных физиологических функций, другие же пытаются разрешить сложные биологические проблемы.

Наибольшего внимания в этой группе статей заслуживают «Размышления о долготе жизни человеческой» (сентябрь 1756), переведенные С. Порошиным. К сожалению, не указан

ни источник, ни автор, между тем имя автора представляло бы несомненный интерес, так как в этой статье встречаются чрезвычайно интересные мысли, получившие распространение лишь значительно позднее.

Наше внимание останавливают прежде всего формулировки понятия естественной и неестественной смерти. «Совершенно естественная смерть», по мнению автора, не зависит ни от каких внешних причин и происходит следующим образом: «тело человеческое растет и насыщается тем, что тончайшие естествы и пития частицы, с ним соединяющиеся в малейших сосудах, плоть и кости составляющих, прицепляются...», и так как все тело состоит из подобных «малых сосудов и трубочек», то «нанимает приростать вещества тела от самого зачатия беспрестанно. Сие приростание до тех пор умножается, пока упомянутые сосуды более уже раздаться не возмогут. И тогда то перестает человек в величине прибавляться... Но чем далее таковое нарощение продолжается, тем больше в малых сих сосудах насижает, и тем уже становятся их промежутки. Долготою же времени запираются они наглухо; и когда зделается сие в тех частях тела, где свободное жидкости сбраживание к жизни необходимо потребно, как, например, в сердце или мозге, то таковому движению непременно пресечься должно; и в сие то время смерть последует».

Большой интерес представляет также статья (повидимому, оригинальная, так как нет указания на перевод) «О степенных годах».

Вопрос о переломных, «степенных» возрастах, повидимому, занимал Академию наук. Как мы указывали выше, «степенным годам» были посвящены статьи в «Месяцеслове на 1724 г.» и в академических «Примечаниях к Ведомостям» на 1733 г. Автор статьи в «Ежемесячных сочинениях» отвергает принятую астрологией и средневековой медициной «сообщение между телами человеческими и небесными», определяющее влияние планет на организм, но тем не менее признает, что в жизни человека имеются так называемые степенные, т. е. переломные возраста, которые являются наиболее опасными.

Не будучи, однако, в силах дать какое-либо убедительное объяснение существованию переломных возрастов, автор вынужден признаться в недостоверности выдвинутой или, вернее, поддержанной им теории. «Но для того, — заканчивает он, — что я утверждаю возможность как бы расположенного движения, или, правее сказать, перемены в теле человеческом, не должно думать, будто я сию перемену почитаю за совершенно известную... И потому я ничего подлинного не утверждаю, но остаюсь в рассуждении сей материи в сумнении»¹.

Наиболее обширна, как и следовало ожидать от популяр-

¹ В 1781 г. Академия наук снова вернулась к этому вопросу. Как уже указывалось, в «Месяцеслове на 1781 г.» в анонимной статье «Собрание разных знаний о законах рождения и смертности в роде человеческом» автор резко возражал против страха перед «степенными» годами и доказывал «неосновательность сего предрассуждения».

ного журнала, группа статей на гигиенические темы. Среди них преобладают темы индивидуальной гигиены, но порой затрагиваются и вопросы общественной профилактики.

В этом смысле интересно «Рассуждение о вредности медной посуды» (апрель 1759), на котором мы остановимся в дальнейшем.

Что касается правил индивидуальной гигиены, то большинство предлагаемых правил зиждется на «естественному законе», на принципе «следования натуре». Вера в непогрешимость «натурь», т. е. природы, и в необходимость приближения к природе и следования ей характерна для просветителей XVIII в. Первый русский журнал чутко отражает эти веяния.

Наиболее четкое выражение эта теория находит в статье неизвестного автора «О употреблении овощей» (июль 1757): «Самого знатного мужа слушаться не должно, когда он побуждению натуры прекословит». Во всем, а особенно в пище, необходимо следовать своим естественным потребностям и побуждениям. По мнению автора, нас всегда влечет к той еде, в которой мы в данный момент испытываем потребность. Поэтому следует есть те овощи, которые хочется, не считаясь, какие из них более, какие менее полезны.

Мысль о необходимости следования натуре находим мы также в небольшой статье «Средства к сохранению здоровья служащие» (ноябрь 1757).

Те же мысли высказаны и в сочинении «Некоторые правила до здоровья касающиеся» (март 1760): «Вообще для разумного человека во всяком возрасте жизни прилично употреблять умеренность, смотреть на следующее и следовать натуре».

Представляет интерес сочинение «О людях, кои думают про себя, что они здоровы» (март 1760). Начинается оно утверждением, что «с того времени, как Молиэр представил на театре больного — в размышлении», появилось большое количество мнительных людей, которых автор называет «больными, страждущими воображением». Однако еще больше имеется таких, которых он называет «здоровыми по их воображению», подразумевая «таких людей, которые или действительно больны, или в великой опасности находятся быть нездоровыми, хотя они и воображают, якобы они совершенно здоровы». К этой категории автор относит прежде всего людей тучных, которые предрасположены к «жестоким болезням»: апоплексии, подагре, сонной болезни, одышке.

Для того чтобы избежать этого и «весьма сухим зделаться», автор предлагает тучным людям поменьше спать, «много рассуждать мыслями, а телом отправлять тяжелую работу», мало есть и пить, иногда пускать кровь, потеть и принимать слабительное. Впрочем, автор, по его собственному заявлению,

«наперед знает, что никто не хочет подвергнуть себя оному», ибо никто не считает полноту вредной, а наоборот, все расценивают ее как признак здоровья.

Против другого не менее, а может быть и более распространенного предрассудка направлено «Показание некоторых заблуждений, случающихся при наблюдении теплоты телесной и охранении от простуды» (январь 1756). Эта статья посвящена вопросу, не потерявшему своей гигиенической злободневности до наших дней, — вопросу о том, что перегревание не менее вредно для организма, нежели охлаждение.

«Не всякое прикосновение холодного воздуха к нашему телу есть вредительно», — говорит автор. Простуда «случается в то время, когда между жаром и холодом телесным скорая делается перемена... такожде тогда, когда только некоторая часть тела остынет, а другая тепла будет». Отсюда следует вывод о необходимости одинаково тепло одевать все тело.

Этого же взгляда придерживается и автор «Рассуждения врача об одежде» (декабрь 1762). Это рассуждение представляет наиболее обширное и наиболее обстоятельное гигиеническое сочинение из всех, помещенных в «Ежемесячных сочинениях». Автор указывает, что «правила, как в рассуждении одежды поступать должно», принадлежат к числу основных гигиенических правил. «Иногда... вред, от платья происходящий, бывает гораздо больше, нежели польза, которую мы... от оного получаем. А вред такой, что платье иногда препятствует некоторым частям тела нашего в натуральных их действиях».

После общих рассуждений автор переходит к специальному рассмотрению детской, женской и мужской одежды. И там, среди множества здравых мыслей, правильных и с нынешней точки зрения, вдруг неожиданно проскальзывают «истины», сразу восстанавливающие историческую перспективу и заставляющие нас вспомнить о почти двухвековом расстоянии, отделяющем нас от этого «рассуждения». Так, например, признаются полезными парики, так как они предохраняют «от головной боли». Более того, полезными оказываются и серьги, причем по весьма оригинальным соображениям: «По большей части пронятые уши в год однажды или несколько раз гноятся, чего ради можно сие украшение признавать за изрядный фонтанель, пользу свою имеющей»¹.

Впрочем, подобные «истины» встречаются не часто, основ-

¹ Это неожиданное для нас рассуждение о пользе нагноения ушей отражает весьма распространенные в XVIII в. представления. Так, компилятивные «Правила для соблюдения здоровья» П. Богдановича включили специальный раздел: «О истреблении мокрот из тела чрез нарочно делаемые раны», где рекомендовалось делать на теле несколько ран, не давать им заживать, чтобы с гноем постоянно удалялись излишние «вязкие мокроты».

ные же указания на вред высоких каблуков, тугих галстухов, тесной шнуровки, чрезмерного укутывания, пеленания и т. п. вполне правильны.

В большинстве своих указаний автор ссылался на сочинение Винслоу. К чести нашего первого журнала следует сказать, что это сочинение Винслоу еще 5 лет назад было напечатано в «Ежемесячных сочинениях» в переводе Ф. Яремского.

Это — «Господина Винслова анатомические рассуждения о припадках и болезнях прикладывающихся от платья и положения тела» (апрель 1757). В этом сочинении приводится ряд примеров вредного влияния тесной шнуровки, подвязок, высоких каблуков и неправильной позы. Интересно, между прочим, указание Винслоу на роль неправильной посадки учащихся: «Я видел многих учащихся молодых людей, кои по принуждению наклонившись писали в классах на колене, великим припадкам по причине наклонения подверженных, которые у них принужденное сие и всегда повторяемое положение в нижней части тела причиняло. Сие особенно случалось тем, кои для тупого своего зрения более других были к тому принуждаемы».

Эти крупицы того, что сейчас назвали бы «школьной гигиеной», приводят нас к группе статей, посвященных вопросам гигиены детства.

XVIII век ознаменован повышенным интересом к воспитанию и гигиене детей, что получило отражение и на страницах «Ежемесячных сочинений». Мы находим в них относительно большое количество статей, посвященных вопросам воспитания. В некоторых из них разбросаны и указания гигиенического характера. Так, «Правила воспитания детей» (май 1755) указывают, что нужно «о здравии детей не меньше стараться, как о поправлении их нравов», и советуют «их содержать в умеренном движении, и по большей части в свежем воздухе, которого иногда примечается недостаток в обыкновенных тесных детских горницах».

Отголоски прогрессивного учения о физическом воспитании детей звучат в советах автора «детей особенно много не нежить, но есть ли они по натуре терпеть могут, то лучше их поваживать к крепости, нежели к слабости. Детское платье должно служить к покрытию тела и к ореванию оного, а не к великолепию и роскошам».

Этот же призыв к отказу от изнеженности и роскоши в воспитании детей звучит и в переведенном В. Лебедевым сочинении «О воспитании детей у лакедемонян» (сентябрь 1757).

Вопросу о гигиене новорожденных и трудных детей посвящено «Рассуждение о состоянии человека в младенчестве» (ноябрь 1759). В статье «О вреде, который происходит от того, когда детей вдруг много принуждают учиться» (январь

1760) прекрасно сформулирован ряд положений гигиены обучения. Эти положения не потеряли своей актуальности до настоящего времени.

Статья направлена против тех родителей, которые заставляют детей непосильно заниматься, чтобы приобрести знания и умения, не свойственные их возрасту.

С 1763 г. в «Ежемесячных сочинениях» появляется раздел «Известия о ученых делах». Возможно, что это произошло по настоянию Ломоносова, который еще в 1758 г. обратился в канцелярию Академии наук с «Представлением», где, между прочим, напоминал, что регламентом Академии предписано, «чтобы выдавать от академии ведомости о делах ученых людей, как иностранных, так и здешних», и предлагал «выпускать таковые ведомости еженедельно... а титул дать Санкт-петербургские ведомости о делах ученых людей»¹.

Возможно, что на этом издании великий ученый настаивал еще неоднократно, и, в конце концов, такой раздел появился в «Ежемесячных сочинениях».

Этот раздел должен привлечь наше внимание. Формально— это лишь извещения о вышедших книгах и о выдающихся событиях научной жизни в России и за рубежом. Но краткие аннотации книг, критические замечания и рассуждения по поводу отдельных книг и фактов делают этот раздел «Сочинений» особо интересным для нас, так как все, что в нем написано, это уже, безусловно, не переводы, не заимствования, а собственные высказывания русских ученых.

В этом разделе медицина занимает почетное место. Прежде всего в нем помещено большое количество извещений о выходе медицинских книг.

Большинство из этих извещений снабжено краткой аннотацией. Некоторые из них мы уже цитировали выше. Вот еще несколько, наиболее интересных:

О выходе в Германии книги «Medizinische Bemerkungen und Untersuchungen einer Gesellschaft von Aerzten» сообщается со следующим примечанием: «Есть ли бы во всяком народе и государстве искусные медики и лекари согласились записывать свои наблюдения о тяжких или других редко случающихся болезнях и о действии новых прежде не употребительных лекарств, тоб медицинская практика получила от того знатное приращение. Ни на чем она больше, как над экспериментою, не основана. Экспериментация есть либо собственная, либо чужая. Чужая подобна истории; чего ради читать и употребить в пользу врачебные такие наблюдения, не иное есть, как пользоваться других разумных мужей и прошедших веков экспериментою...» (июнь 1766).

Следует привести пример критического, даже язвительного примечания: извещается о выходе в Берлине книги доктора Коста «Практиче-

¹ «Ученые записки императорской Академии наук», т. I, 1853, стр. LXVI.

ское описание подагры и средств от оной избавляющих». Примечание: «При сем примечать должно, что господин сочинитель о себе пишет, что он сам подагрист, а однако не упоминает, что объявленными им средствами избавился он от оной болезни совершенно. Конечно, легче дать другим советы, нежели самому оным следовать. В подагре потребна крайняя воздержность в кушании, в гигии и в любви. Кто в сем пропустится, у того все прочие средства недействительны» (август 1763).

Подобные примеры могут быть умножены.

Таковы те статьи и заметки на медицинские темы, которые были помещены в «Ежемесячных сочинениях» за 10 лет их существования. Они дают нам право сказать, что первый русский журнал широко откликался на интерес общества к медицине. При этом тематика этих откликов в достаточной степени разносторонняя. Сон, питание, одежда, уход за младенцами, гигиена обучения, проблема долголетия, помошь при несчастных случаях, роль и положение врачей в обществе, действие различных лекарств и их применение, лечение отдельных болезней и предупреждение их — таков далеко неполный круг затронутых вопросов.

В трактовке этих вопросов журнал вполне на уровне знаний своей эпохи. Медицинская наука того времени не свободна от ошибок и заблуждений, и мы находим их и в этом журнале. Но мы можем отметить, что в ряде вопросов, спорных для того времени, журнал занимал передовую позицию.

Как положительный момент следует отметить также, что при всем стремлении к доступности изложения большинство статей в журнале написано доступно, но не упрощенно. В этом смысле русский журнал может в известной степени служить образцом медицинской научной пропаганды и санитарного просвещения.

Мы остановились так подробно на «Ежемесячных сочинениях», потому что это был, как уже указывалось, первый русский журнал, и он в значительной степени определил характер многих последующих изданий. Помещенные в нем материалы, касающиеся медицины, также типичны для журнальной литературы XVIII в.

В 1764 г. журнал прекратил свое существование, и на ряд лет единственным периодическим популярным изданием Академии наук и ее единственным изданием на русском языке оказались ежегодные месяцесловы. К этому времени они приобретают иной характер. Это уже не тоненькие узкие книжки начала века с одной-двумя псевдонаучными статьями. Месяцесловы носят характер научно-популярных сборников, причем параллельно выходят месяцесловы различного характера: месяцеслов исторический, придворный, с наставлениями, с росписью чиновных особ и т. п.

Интересующие нас статьи находятся в месяцесловах экономических, месяцесловах в пользу домостроительства и особенно в месяцесловах с наставлениями.

Тематика их в основном повторяет тематику «Ежемесячных сочинений». Мы находим статьи, посвященные «оживлению» утопленников (Месяцеслов в пользу домостроительства на 1770 г., Месяцеслов с наставлениями на 1778 г.), замерзших (Месяцеслов в пользу домостроительства на 1770 г.), помощи людям, «бешеною скотиною угрязенными» (Месяцеслов с наставлениями на 1792 г.).

Ряд статей посвящен анатомии и физиологии: «О пульсе» (Месяцеслов с наставлениями на 1770 г.); «О способе продолжить жизнь» (Месяцеслов с наставлениями на 1773 г.) — очень интересная статья, затрагивающая вопросы роста и старения человеческого организма, а также «Изчисления до некоторых физических предметов касающиеся» (Месяцеслов с наставлениями на 1776 г.), трактующие ряд вопросов физиологии, гигиены и демографии, возможности выживания различных возрастов и т. п. И, наконец, интересная статья «Опыт к познанию человеческого тела» (Месяцеслов с наставлениями на 1777 г.), вышедшая затем, в 1782 г., отдельным изданием.

Так же, как и в «Ежемесячных сочинениях», в месяцесло-вах помещено много статей по гигиене. Некоторые из них касаются частных вопросов — очищения воздуха (Месяцеслов с наставлениями на 1777 г.), предупреждения вредного воздействия сырых стен (Месяцеслов с наставлениями на 1780 г.), сохранения доброкачественной воды в морском плавании (Месяцеслов с наставлениями на 1777 и 1782 гг.); другие же статьи посвящены диетике в широком смысле слова, общим правилам поведения, как «Рецепт... лекарства... к отвращению разных болезней и к достижению глубокой старости» (Месяцеслов в пользу домостроительства на 1771 г.). «Рецепт» этот, по мысли автора, заключается в том, чтобы побольше двигаться, соблюдать умеренность и скромность и преодолевать страсти.

В Месяцеслове с наставлениями на 1779 г. помещены две статьи Кука и Форстера «О сохранении здоровья мореходцев». Они касаются главным образом борьбы с бичом мореплавателей — цынгой. Статья Форстера заканчивается девятью основными правилами, предохраняющими, по мнению автора, от цынги. В месяцеслове же к ним прибавлены (повидимому, акад. П. С. Палласом) «еще три, которых г. Форстер не предлагаєт».

Начиная с 1780 г. в месяцесловах все медицинские статьи принадлежат русским академикам и в большинстве их указан автор. Эти авторы — Паллас, Лепехин, Озерецковский, Крафт, Соколов. Большинство из этих статей посвящено отдельным лекарственным травам. При этом почти все они пропагандируют отечественную лекарственную флору — сибирскую траву, называемую черногрив (Месяцеслов с наставлениями на

1780 г.), сибирские породы ревеня (Месяцеслов с наставлениями на 1781 г.), траву чистотел (Месяцеслов с наставлениями на 1782 г.), можжевельник (Месяцеслов с наставлениями на 1786 г.).

Чрезвычайно интересна в этой группе статья акад. Лепехина «О домашних средствах, простым народом в болезнях употребляемых» (Месяцеслов с наставлениями на 1782 и 1783 гг.).

Лепехин указывал, что «лучшие лекарственные средства не умствованием врачей, но употреблением простолюдинов открыты были». Например, траву кашкуру, «которая с толикою пользою приумножает ныне врачебный припас и надежное составляет пристанище обуреваемым ломотными болезнями, простое же сибиряков употребление открыло». Лепехин описал 11 трав, будто бы помогающих от венерических болезней, 14 народных средств от лихорадки и т. п.

Признавая целесообразность многих народных средств, Лепехин, однако, предлагал относиться к ним критически, принимать лишь рациональные из них и отбрасывать многие, основанные на суеверии и невежестве. Применение в народе этих последних и доверие к ним Лепехин объяснял тем, что «при употреблении разных из сих способов проходит время, природа, работая, очищает и на конец совершенно извергает неприязненное и вредное из тела вещество; и так приписуют излечение свое на последок употребленному средству».

В Месяцеслове с наставлениями на 1784 г. помещена интересная статья акад. В. Л. Крафта, касающаяся вопроса о влиянии зеленых насаждений на чистоту воздуха. Не называя ни кислорода воздуха, ни углекислоты, в то время еще неизвестных, Крафт совершенно правильно оценивает роль зеленых частей растений в обмене газов в воздухе.

Месяцесловы с наставлениями приносили несомненную пользу. Их издание прекратилось тогда, когда снова возник научно-популярный журнал Академии наук «Новые ежемесячные сочинения» (1786).

Позже месяцесловы также издавались, однако они не имели такой познавательной ценности и их популярность не была использована для научной пропаганды, на что справедливо сетовали некоторые. Так, Болотов писал в 1793 г. о календарях:

«Книга сия из всех российских есть одна только, которая тем похвастаться может, что она по привычке уже множайши ми людьми покупается и во множайших домах как в городах, так и уездах находится. Есть целые тысячи домов по всем краям государства, в которых нет никакой иной книги, а сии календари, развозимые купцами по всем почти городам, всякий год бывают покупаемы и с вожделением выписываемы. Как полезно б по сему было, есть ли б в оных не так, как ныне помещаемы были, не все одни да одни и те же самые вещи, из коих некоторые никому не нужны и никем не чита-

ются, но между прочими материями хотя наикратчайшие известия о том, о чём всему государству знать бы нужно было... коль многие были б тем довольны! Не обратилось ли б сие самой Академии в пользу?»¹.

Но статьи, которые были напечатаны в месяцесловах, не утратили своего значения и после прекращения издания месяцесловов. Со статьями научно-популярного характера акад. Н. Озерецковский предпринял издание «Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов», и осуществил это издание в десяти частях с 1785 по 1793 г. В предисловии к этому изданию Озерецковский писал, что он предпринял его, «чтобы сохранить... от едкости алчного времени и доставить в дальнейшие годы труды Академии наук, в прежние лета ею содеянные». Озерецковский включил в это издание статьи из месяцесловов, начиная с 1726 г., за исключением «только тех сочинений, которые или нашлися неполны, или собственно относятся к тем годам, на которые месяцесловы были издаваемы. Сюда принадлежат предвещания солнечных и лунных затмений и толкования о выгодных днях для кровопускания. Первые давно уже прошли, а последним в нынешнее время никто разумный больше не верит».

Медицинские статьи из месяцесловов включены в VII — X части «Собрания». Среди них, конечно, нет «Рудомета» и статей «О здравии и болезнях», помещенных в первых месяцесловах, но медицинские статьи из месяцесловов в пользу домостроительства и месяцесловов с наставлениями, начиная с 1768 г., включены почти все.

В течение 3 лет, с 1779 по 1781 г., Академия наук издавала на русском языке журнал под названием «Академические известия». Как указывалось на титульном листе, журнал этот должен был содержать «историю наук и новейшие открытия оных; извлечение из деяний славнейших академий в Европе, новые изобретения, опыты в естественной истории, химии, физике, механике и в относящихся к оным художествам. Отличнейшие произведения в письмах во всей Европе; академические задачи; любопытные и странные тяжбы и прочие примечательные происшествия...». Медицина среди перечисленных наук не названа (она, повидимому, отнесена к естественной истории и физике), но за три года мы находим в этом журнале около 30 статей и заметок на медицинские темы.

В подавляющем большинстве это рефераты из иностранных журналов и трудов зарубежных академий. Но некоторые из этих рефератов заслуживают особого нашего внимания, так как они излагают статьи русских ученых или исходившие из России. Так, в ноябрьской книжке 1779 г. помещен реферат

¹ Письмо А. Т. Болотова А. А. Нартову 18 августа 1793 г. Архив Вольного экономического общества, ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 1, кн. 46, л. 346 обор.

статьи из «Трудов Берлинского общества друзей и испытателей природы», принадлежащей перу русского акад. Палласа «О действии некоторого сибирского горного растения», посвященной траве черногрив (*Rhododendron chrysanthum*). Спустя некоторое время статья об этой траве появилась в Месяцеслове на 1780 г. (см. выше).

В майской книжке за 1780 г. напечатан реферат статьи Гутри из сочинений Лондонского королевского общества «Каким образом простой народ в России предохраняет себя от цынги». М. Гутри — шотландский врач, служивший в России во второй половине XVIII в., в противоположность многим иностранным врачам, служившим в России, доброжелательно относился к России и русским, чем, между прочим, вызвал неприязнь со стороны некоторых из врачей-иностраниц, беззастенчивых стяжателей, незаслуженно злобствующих по отношению к приютившей их стране. В конце XVIII в. Гутри написал книгу о русских древностях, в которой очень положительно отзывался о русском народе и находил сходство в нравах и обычаях славян и древних греков, что в его устах звучало высшей похвалой славянам.

В своей корреспонденции из Петербурга в Лондон к доктору Пристли, реферат которой был помещен в «Академических известиях», Гутри тоже с большой похвалой отзывался о русских обычаях и указывал, что ряд мероприятий, предохраняющих от цынги (соблюдение опрятности, употребление в пищу кислой капусты, свежего питья и т. д.), искусственно внедряемых в Англии для сохранения здоровья моряков, В России издревле являются обычаями народа.

Хотя, как указывалось, содержание «Академических известий» состоит преимущественно из рефератов и переводов иностранных научных трудов, однако в них помещались и труды русских академиков, в том числе и по медицине.

Так, в июльском выпуске за 1780 г. помещена статья акад. Гильденштедта «Географическое, химическое и врачебное описание теплиц¹, в Астраханской губернии при реке Тереке находящихся», ранее напечатанная в Историческом и географическом Месяцеслове на 1775 г. и затем перепечатанная в «Собрании сочинений, выбранных из Месяцесловов» (ч. IV); в февральском выпуске за 1781 г. помещен реферат статьи Вольфа «О двуобразном уроде, у коего оба тела срослись задом».

В той же книге опубликованы сведения о количестве родившихся и умерших в Петербурге за 1780 г. по данным синода. Публикуя эти сведения, Академия наук совершенно правильно останавливалась внимание на ранней детской смертности (из каждой тысячи умерших — 243 ребенка первого года жизни).

¹ Теплицы — минеральные и горячие источники.

Академической
ИЗВѢСТИЯ
на 1779 годъ.

Содержащія въ себѣ Исторію наукъ и но-
вѣйшія открытия оныхъ. Извлеченіе изъ
дѣяній славнѣйшихъ Академій въ Европѣ, но-
вые изобрѣтенія, опыты въ естественной
Истории, Химіи, Физикѣ, Механикѣ и въ
относящихся къ онымъ художествахъ. От-
личнѣйшія произведенія въ писменахъ во всей
Европѣ; Академическая задачи; любопытныя
и странныя тяжбы и противія примѣчатель-
ные произшествія.

Часть III.

При С. Петербургской Императорской
Академіи наукъ.

Обложка журнала «Академические известия»

но тем не менее отмечала, что это «гораздо менее против некоторых других больших городов, как-то Вены и Парижа».

Наряду с научными статьями, посвященными отдельным вопросам медицины, мы находим в «Академических известиях» сатирическое произведение «Советы о сохранении здоровья» (май, 1781), скрывающее за внешне серьезным названием явно пародийное письмо, написанное якобы мнительным человеком, прочитавшим труды Санктория и пытающимся по его способу, тщательно многократно взвешивая себя, направлять свою жизнь соответственно данным своего веса. Так, например, количество съедаемой пищи зависит от веса тела, прогулка должна дать «5 унций и 4 скрупулы испаринны», сон — $\frac{1}{4}$ фунта, «а пробудясь, когда увижу, что сня доля еще не совсем издержанна, то достальной вес досыпаю на ступе...» и т. д.

В 1786 г., как уже указано выше, Академия наук возобновила издание ежемесячного научно-популярного журнала, прерванное в 1764 г. На этот раз журнал получил название «Новые ежемесячные сочинения». Он просуществовал 11 лет (1786—1796). Редактором его были поочередно академики Румовский, Озерецковский, Протасов.

В этом журнале по сравнению с его предшественником, отделенным от него двумя десятилетиями, резко возросло количество оригинальных работ русских ученых. Они принадлежат в основном И. Лепехину, Н. Озерецковскому, Н. Соколову, В. Зуеву, И. Георги, В. Севергину.

Первым произведением русского автора, помещенным в «Новых ежемесячных сочинениях», была статья Н. Я. Озерецковского «О наружном употреблении клюквы». В ней говорилось о лечении лишаев наружным употреблением клюквы. Эта статья интересна высказанными в ней мыслями о целесообразности многих народных лечебных средств и о наличии многих «вещей, которых пригодность к разным болезням более известна в народе, нежели между врачами» (октябрь, 1786).

В мартовской книжке за 1787 г. напечатана «Речь о пользе химии» акад. Никиты Соколова, произнесенная им «при открытии публичных химических лекций» 30 мая 1786 г.

В своей рече он особо останавливался на «приложении химического знания к медицине» и, в частности, на роли химии в изучении физиологии и особенно в «аптекарском искусстве или науке, которая по употреблениям своим хотя наиболее относится к медицине, но сама по себе есть настоящая и существенная часть химии».

Достойный продолжатель Ломоносова, Соколов не мыслил себе науки — какой бы то ни было — в отрыве от ее практического применения. «Все вообще науки, — говорил он, — тогда только в точном смысле совершенно полезными называться могут, когда правила и учение их к каким ни есть потребностям или творениям человеческим могут быть применяемы; например, все пространное и из различных наук состоящее

учение священной медицины было бы маловажно, есть ли бы действительно из оного не последовало успеха в соблюдении здравия человеческого, в облегчении слабостей и в лечении различных болезней, коим человек подвержен бывает».

Заслуживают внимания две статьи В. Ф. Зуева: «О действии воздуха на тело человеческое» (сентябрь 1787) и «Причины, от коих воздух в покоях испортиться может» (октябрь 1787)

В этих статьях Зуев указывает, что качество воздуха (климат) влияет на человека, на его кожу, на строение его тела. При этом он совершенно правильно подметил значение физических свойств воздуха: его температуры, перемен его «упругости и тяжести». Эти свойства воздуха в закрытых помещениях, в «покоях» изменяются к худшему от дыхания находящихся в помещении людей, от горения свечей и т. п. Этому способствует обычай наглоухо закрывать окна.

После 1787 г. в течение нескольких лет в «Новых ежемесячных сочинениях» не появлялось статей на медицинские темы, принадлежащих русским авторам. Наконец, в январской книжке за 1793 г. печатается статья В. Севергина «О минеральных водах», являющаяся частью его большого курса по минералогии, публично прочитанного им в 1792 г. В статье дается характеристика минерального состава наиболее известных целебных источников в России и в Западной Европе, не касаясь, однако, их лечебных свойств.

Затем в мае 1795 г. напечатана работа акад. И. И. Лепехина «Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастений». Это — речь, произнесенная Лепехиным в конференции Академии наук еще в марте 1783 г., тогда же изданная отдельной брошюрой, о которой уже упоминалось выше, и перепечатанная в журнале с некоторыми незначительными разноточениями стилистического характера, преимущественно в начале статьи, и с небольшим (в шесть строк) добавлением о пользе взвара калинового куста для лечения золотушных болезней и «очищении других острот в соках телесных», в чем автор «многократно сам был уверен различными опытами».

Помещенная в июльской книжке 1795 г. статья академика Георги «Химическое исследование Невской воды, протекающей через город Санктпетербург» также представляла перевод на русский язык старой работы, доложенной в конференции Академии наук еще в октябре 1786 г. и напечатанной в 1787 г. во II томе «Новых актов Академии» (на латинском языке)¹.

¹ Протоколы конференций Академии наук, т. IV, СПБ, 1911, стр. 49 и 102.

Вопрос о качестве невской воды не в первый раз поднимался на страницах академического журнала. Он затрагивался еще выше 30 лет назад в статье аптекаря Моделя «Разыскание воды Невы» (Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, ноябрь 1763).

Из переводных работ наибольший интерес представляет длинное, печатавшееся более полугода (март — ноябрь, 1794) сочинение Баллексерда «Какие суть главные причины смерти толь великого числа младенцев, и какие действительнейшие и простейшие к сохранению их жизни предохранительные средства».

По мнению Баллексерда, причинами ранней детской смертности были: 1) наследственная слабость, зависящая от отцов и матерей, 2) отказ матерей кормить своих детей и передача их для вскармливания кормилицам, 3) вред, причиняемый детям пеленанием, и 4) раннее отнятие детей от груди и, следовательно, преждевременное прекращение грудного кормления.

Другие переводные статьи в основном касались различных вопросов гигиены.

Несколько статей посвящены вопросам помощи при укусах бешеных животных (октябрь, 1787 и октябрь, 1791), при укусах ос (июль, 1787); в одной из них мы снова встречаемся с задачей «оживления» тех, «которые кажутся умершими» (февраль, 1790); остальные касаются лечения разных болезней и различных лекарственных средств.

В 1796 г. «Новые ежемесячные сочинения» перестали издаваться, прекратился и выпуск Академии наук периодических изданий на русском языке. Он возобновился лишь в XIX в.

* * *

Большая роль в истории русской периодической печати XVIII в. принадлежала Московскому университету и его типографии. Вскоре же после основания университета в нем возникают творческие коллективы, начинают издаваться журналы. Тематика их весьма разнообразна и хотя по преимуществу она далека от вопросов естествознания, однако отдельные статьи касаются в той или иной степени и естествознания и медицины.

В «Собрании лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия», издававшемся профессором истории И. Г. Рейхелем, в 1762 г. появляются сочинения, в известной степени посвященные медицине. Так, например, статья «О нюхательном табаке» (ч. I), большая часть которой посвящена целебным свойствам табака; статья «О сновидениях» (ч. II) и «Рассуждение о бальсамировании египтян» (ч. III).

В литературном журнале «Доброе намерение» (1764) помещены переведенные с английского «Правила, касающиеся до сохранения младенческих, юношеских, мужественных и престарелых лет» (май 1764), дающие на нескольких страницах наиболее распространенные советы «диететики» XVIII в. В другом выпуске (декабрь 1764) помещен анекдот под названием «Лекарство хромым, слепым и колченогим», указывающий способ узнавать притворщиков.

Но вот в 1771 г. при университете возникает «Вольное российское собрание», ставящее своей целью «исправление и обогащение российского языка, через издание полезных... сочинений и переводов». В числе членов этого собрания мы находим прогрессивных профессоров университета — Десницкого, Афонина, Аничкова и первых русских профессоров-медиников П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина.

Это собрание издавало «Опыты трудов Вольного российского собрания при Московском университете». Всего вышло шесть частей этих «Опытов».

Во второй части «Опытов», вышедшей в 1775 г., помещена речь Зыбелина «Слово о причине внутреннего союза частей между собою и о происходящей от того крепости в теле человеческом», произнесенная еще 23 августа 1768 г. Эта речь Зыбелина весьма примечательна. Интерес ее не столько в теме и даже не в том, как эта тема разрешается, а в том, с какой смелостью молодой русский ученый восставал против научной косности и незыблемости авторитетов. Вслед за Бэконом Веруламским Зыбелин искал причин, препятствующих развитию науки, и находил их в чрезмерной приверженности к устаревшим своим или чужим теориям. «Особливо, — говорил он, — страждут науки весьма много от тех, кои или обожают древность мнения, или старость сочинителя, или его знатность; ибо оные, почитая таких писателей за неложных своих законодателей, подражают им по единому токмо предубеждению, и так, старшим младшие последуя, в той же остаются тьме неведения истины, от чего падению наук непременно надлежит следовать...».

Обращаясь к своим слушателям, Зыбелин предостерегал их «от ложных вымыслов и от предубеждений в рассуждении разных писателей» и призывал «для достижения истинного просвещения» «в предводительницы разума нашего и рассуждений избирать... более самую природу, а не ее пристрастных толкователей». Эта речь отражала материалистическую направленность мышления Зыбелина, кипящий в нем дух смелого новатора, борьбу русской медицины того времени за самостоятельность, за свободу от подчинения иноземным авторитетам.

Она является лучшим опровержением ложного мнения о слепой подражательности русской медицины в XVIII в.

Начиная со второй части «Опытов» и до пятой части включительно печатался перевод сочинения неизвестного автора «Повествование человеческого разума». Отдельные главы этого «Повествования» имеют непосредственное отношение к медицине.

В 1779 г. издательское дело при Московском университете возглавил Н. И. Новиков.

Значение Н. И. Новикова в издании русской медицинской литературы в XVIII в. очерчено нами выше (см. главу I).

Неменьшая роль принадлежит ему и в продвижении медицинских вопросов в периодическую печать.

В течение того времени, когда Новиков принимал активное участие в Типографической компании, руководил университетской типографией и газетой «Московские ведомости» (1779—1789), периода, вошедшего в историю культурного развития России, по выражению В. О. Ключевского, как особе «новиковское десятилетие», выдающийся русский просветитель издавал свыше десяти периодических изданий¹.

Во многих из этих изданий немалое место отводилось медицинским вопросам. В журналах, чуждых Новикову по духу и лишь печатавшихся в его типографии, имеющих масонское, мистическое направление², таких, как «Вечерняя заря» (1782), «Покоящийся трудолюбец» (1784—1785), все статьи, соприкасающиеся с медициной, носят идеалистический характер, трактуют главным образом «о соединении души с телом» («Вечерняя заря», март 1782), «О симпатии, физиognомии и предвествии сердца» («Покоящийся трудолюбец», ч. II, 1784) и потому сравнительно мало способствовали распространению положительных знаний и полезных сведений по медицине.

Однако и в них сквозь толщу идеалистического тумана порой пробиваются интересные мысли о «сходстве» души с телесной материей, о наличии телесных темпераментов и их влиянии на нравственные свойства человека. Темпераменты могут меняться; эти перемены зависят от физических условий (например, сырости или сухости воздуха), от образа жизни и т. п.

Так, здоровое наблюдение опрокидывало отвлеченную умозрительную теорию раздельного существования материального тела и невещественной души.

Несравненно большее значение имеют медицинские статьи в тех изданиях Новикова, которые не только печатались, но и создавались им, в частности, в «Прибавлениях к Московским ведомостям».

Газета «Московские ведомости» издавалась Московским университетом с 1756 г. Она выходила два раза в неделю. С 1779 г. ее стал издавать Новиков. По словам современников,

¹ Л. Б. Светлов, Издательская деятельность Н. И. Новикова, М., 1946, стр. 34—38.

² Последними исследованиями доказано, что ряд московских изданий Новикова не отвечают его мировоззрению и изданы им по необходимости по настоятельным требованиям масонского начальства, которому ему приходилось подчиняться, несмотря на постоянную борьбу, происходившую между Новиковым и розенкрейцеровскими главарями (см. Макогоненко, Н. И. Новиков и русское просвещение XVIII в., М., 1951, стр. 357).

под его руководством газета стала неузнаваемой. Новый редактор стремился сообщить своим читателям разнообразные научные сведения, занимательные произведения. Интерес к газете резко возрос. Число подписчиков за время его руководства поднялось с 600 до 4000¹. Не имея возможности поместить в газете все, что он хотел сообщить читателям, Новиков сопровождал «Московские ведомости» разнообразными приложениями. В 1783—1784 гг. выходили «Прибавления к Московским ведомостям», содержащие обстоятельные статьи по самым различным вопросам.

В них очень много внимания уделено вопросам воспитания с педагогической и гигиенической точки зрения. В ряде номеров «Прибавлений» за 1783 г. (№ 2, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 28, 34) была помещена статья «О воспитании и наставлении детей». Эту статью специалисты по истории педагогики считают «лучшим педагогическим сочинением в России конца XVIII в.»². По мнению ряда исследователей (А. Незеленов, Е. Н. Медынский, Э. М. Конюс, Г. Макогоненко), она принадлежит самому Новикову. Автор ее следует передовой для того времени идеи о первенствующем значении воспитания в формировании личности человека, в создании тех «добрых нравов», от которых зависит процветание государства и благополучие народа. Законодательство, религия, «благочиние» науки и художества лишь «способствуют» защите нравов. «Единое воспитание есть подлинной творец добрых нравов»³.

Поэтому все родители должны быть знакомы с правилами воспитания. Но поскольку книги по этому вопросу читаются мало, то автор статьи пришел к «намерению сделать через публичные ведомости известными те правила и положения воспитания, без знания и исполнения которых все распоряжения и все издержки по большей части бесплодны».

Главный предмет воспитания автор видел в том, чтобы «образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами».

Очень большое значение автор придавал физическому воспитанию, которое считал «первой главной частью воспитания». Под физическим воспитанием он понимал «попечение о теле», или заботу о том, чтобы дети имели «здравое и крепкое сложение тела». А первой и главной она является потому, что «образование тела и тогда уже нужно, когда иное образование не имеет еще места»⁴.

Автор статьи настаивал на грудном вскармливании младенцев. Если мать не может кормить сама, следует прискать

¹ Н. М. Каримзин, О книжной торговле и любви ко чтению в России, Сочинения, т. III, СПБ, 1848, стр. 546.

² Е. Н. Медынский, История русской педагогики, М., 1938, стр. 99.

³ «Прибавления к Московским ведомостям», № 2, 1783, стр. 5.

⁴ Там же, № 6, стр. 21.

«доброй кормилицы». Молоко полезно детям до трех лет. После этого возраста молоко постепенно заменяется пищей твердой, требующей разжевывания. С шести лет детям разрешается есть все, кроме острых приправ. Особо отмечался вред вина, водки, пива, кофе и шоколада.

В последующих номерах автор останавливался на уходе за младенцами, возражал против пеленания, укачивания.

Очень подробно разбирались требования к одежде детей старшего возраста; указывалось, что тесная и слишком тяжелая одежда, шнурки и высокие каблуки вредны для детей.

Особое внимание былоделено воспитанию моторики у детей.

По окончании этой статьи «Прибавления к Московским ведомостям» снова вернулись к вопросу о физическом воспитании. В № 40 и 43 была помещена статья «О воспитании», указывавшая, что «первое правило воспитания есть: старайтесь о сохранении здоровья детей ваших и о том, чтобы приобретали они телесную крепость». Автор статьи выступал против вредных обычаяев в уходе за детьми, среди которых он называл пеленание, укачивание, пользование «жевкой», «спанье в жарких комнатах, недопущение вольного воздуха в те комнаты, где дети спят и живут, часто и без предписания искусного врача употребляемые лекарства; недостаток движения, причиняющий сгущение крови; и небрежение чистоты, производящее чесотку и повреждение соков».

Статья «О воспитании» полна разумных советов, направленных на укрепление здоровья детей, их выносливости, физического развития.

Вопросу физического воспитания посвящена еще одна статья: «О должном попечении родителей в рассуждении телесного образования детей их» (№ 80, 1783).

В ней подчеркивалась необходимость заботы о правильной осанке, о хорошем сложении детей. С этой целью следует не пеленать детей, не носить их на руках, не позволять слишком рано ходить.

У старших детей необходимо следить за позой, особенно во время письма. В связи с этим выдвигался вопрос о соответствии размеров мебели росту детей. «Когда дети учатся писать, то должно смотреть, чтоб вышина столов, на которых они пишут, была пристойна их возрасту. Родителям надлежит наблюдать, чтоб дети их не читали, не писали и не ели за столами слишком высокими или слишком низкими: от первых подвержены они той опасности, что шея врастет в плеча, а от последних — сделаться горбатыми»¹.

Мы видим таким образом, что Новиков стоял в вопросах физического воспитания и гигиены детства на передовых пози-

¹ «Прибавления к Московским ведомостям», № 80, 1783, стр. 316.

циях, и если мотивировка различных рекомендаций исходила из теоретических представлений той эпохи и в настоящее время звучит архаически («порча соков», «врастание шеи в плечà» и т. д.), то сами рекомендации в подавляющем своем большинстве сохранили свое значение и справедливость до сего времени.

Помимо вопросов физического воспитания детей, на страницах «Прибавлений к Московским ведомостям» мы встречаем статьи «О турецких предохранениях от моровой язвы» (№ 47—48, 1784) и «О старости» (№ 53, 1784); они представляют меньший интерес.

Признавая столь большую роль воспитания и посвятив так много места и внимания вопросам воспитания в «Прибавлениях к Московским ведомостям» в 1783—1784 гг., Новиков, начиная со следующего, 1785 г., изменил характер этих «Прибавлений», превратив их в назидательный журнал непосредственно для детей: «Детское чтение для сердца и разума». Это был первый русский журнал для детей.

Журнал выходил еженедельно по одному листу с 1785 по 1789 г. включительно. Главными его сотрудниками были А. А. Петров, Н. М. Карамзин. Детский журнал Новиковаставил перед собой необходимую для детских журналов, но и очень трудную задачу — сочетать познавательную ценность с занимательностью. В обращении к своим юным читателям, открывавшем журнал, издатели его писали: «Содержание сего журнала будет хотя различное, но нужное и соразмерное вашему возрасту, вашим силам и вашему развивающемуся понятию... Для обогащения ума вашего журнал наш будет содержать в себе пьесы из физики, натуральной истории, географии и некоторых других наук, которые будут доставлять вам сведения о разных вещах, кои знать вам нужно. И так главным предметом сих листов будет польза ваша; но при том постараемся мы делать их вам приятными, для того, чтобы вы полюбили свою пользу»¹.

Журнал имел успех. Участник этого журнала Карамзин писал: «Детское чтение, новостию своего предмета и разнообразием материи... нравилось публике»². Еще в первой половине XIX в. журнал этот почитался «едва не лучшою книгою из всех, выданных для детей в России». Современники вспоминали, «с каким наслаждением его читали даже взрослые дети»³. Белинский писал в 1847 г.: «Бедные дети! Мы были счастливее вас: мы имели «Детское чтение» Новикова»⁴.

¹ «Детское чтение для сердца и разума», ч. I, стр. 56, 1785.

² Н. М. Карамзин, Сочинения, т. III, СПБ, 1848, стр. 546.

³ М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, М., 1869, стр. 57.

⁴ Цит. по Г. Макогоненко, Н. Новиков и русское просвещение XVIII в., М., 1951, стр. 9.

Исходя из желания соединить полезное с «приятным», в первые годы существования журнала его издатели познавательный и санитарно-просветительный материал облекали в легкую занимательную форму, преподносили в рассказах и повестях. Наибольший интерес представляет «Разговор о здоровье» (1786).

Устами отца в этом разговоре автор подчеркивал, что человек — сам творец своего здоровья. «Из рук натуры выходим мы всегда здоровыми», и от нас зависит, сохраним ли мы здоровье или утратим его. Отец перечислял ряд вредных воздействий, которых следует избегать: резкое охлаждение, неумеренность в пище и питье, разные опасности при лазаньи, прыжках и т. п., чрезмерные книжные занятия и др. При этом (в этом большая ценность данного «разговора») то или иное явление не только называется вредным, но часто идается объяснение механизма его вредного воздействия, исходя, конечно, из состояния науки того времени.

Большое достоинство этой статьи также в том, что, указывая на ряд вредностей и рекомендую остерегаться их, автор в то же время не запугивал детей, не обрекал их на жизнь в постоянном страхе, не толкал их на чрезмерную осторожность.

«Чрезмерная осторожность в рассуждении погоды и воздуха, пищи и питья смешна... Кто хочет быть здоровым и крепким, тому надобно привыкать сносить жар и стужу, ветер и сырую погоду; иначе же в самом деле в некоторых обстоятельствах все может быть вредно... Изнеженные люди, которые ничего вытерпеть не могут, почти ни к чему в свете непригодны...».

Автор издавался над теми, кто, войдя в комнату, тотчас закрывает форпокту, кто чрезмерно кутается, кто слишком разборчив в еде. Он подчеркивал, что правильное физическое воспитание ведет к укреплению здоровья, изнеженность же делает людей слабыми и болезненными: «Не избегайте таких упражнений, которые могут придать проворство и крепость вашему телу. Бегайте, но не до тех пор, пока, лишившись силы, упадете. Всходите на крутые горы, есть ли можете крепко стоять на ногах и не подвергаетесь опасности упасть и ушибиться. Учитесь плавать, когда можете, без нарушения благопристойности и в таких местах, где не очень глубоко. Не бойтесь ходить в темноте, оберегайтесь только, чтоб не разшибить голову...».

В дальнейшем медицинские статьи в журнале «Детское чтение» изменили свой характер. Издатели как бы забыли о возрасте своих читателей, перестали заботиться об облегчении восприятия преподносимых сведений, о придании им занимательной формы.

В журнале помещались переведенные из английских журналов статьи «Рассуждение о анатомии» (ч. XVII, 1789) и «О нервной системе» (ч. XVII, 1789) и «Статьи из Contemplation de la Nature, Боннетова сочинения» (ч. XIX, 1789).

При всем интересе этих статей они, конечно, совершенно не подходили для детского чтения.

Особо следует остановиться на издании, вышедшем в течение 10 лет (1780—1789 гг.) в виде приложений к «Москов-

ским ведомостям». Это — «Экономический магазин»¹, составлявшийся единолично известным А. Т. Болотовым.

Для нашей темы «Экономический магазин» представляет особый интерес, так как в 40 его томах помещены 940 статей и заметок на медицинские темы, т. е. вдвое больше, чем во всех прочих периодических изданиях за весь XVIII в. Это делает его богатейшим источником сведений о медицинских знаниях и представлениях той эпохи по самым разнообразным вопросам. Но, с другой стороны, личность его составителя, наложившая очень сильный отпечаток на это издание, в известной и довольно большой степени снижает его ценность. Болотов — не врач, он помещик, эконом, в его журнале медицинские статьи чередуются со статьями о сельском хозяйстве, садоводстве, «домоправительстве». При всем своем интересе к медицине (он много читал, собирая лечебные травы, готовил лекарства, изобрел свой особый декокт, который широко применял, лечил и своих домашних и крестьян), он был недостаточно сведущ в медицине, некритически относился к доходящим до него медицинским сведениям. И наряду с серьезными научными статьями, составляющими последнее слово науки его времени, он помещал в своем журнале нелепые рассказы, изложение суеверий, бытовых представлений о природе и лечении отдельных болезней. Он не задумывался рекомендовать такие «лекарства», как овечий помет — при горячке (ч. I, № 19), толченое ласточкино гнездо — при жабе (ч. II, № 47), толченого живого рака — при порезе (ч. III, № 53) и т. п. Таких «медицинских» заметок очень много. Нередко Болотов сам оговаривался, что он не уверен в истинности приводимых им средств, а сообщает их «только из любопытства»; иногда же он приводил их без всяких оговорок.

Наряду с подобными заметками, Болотов приводит в своем «Экономическом магазине» очень много описаний различных трав с указанием их целебных свойств.

Эти статьи составляют львиную долю всех статей из «Экономического магазина». Кроме них, встречаются и большие статьи, посвященные самым разнообразным медицинским темам.

Многие заметки о различных лечебных обычаях и некоторые статьи (их мало) излагают наблюдения самого Болотова. Большинство же статей на медицинские темы заимствовано Болотовым из книг, притом по преимуществу иностранных. Хотя в предисловии к своему журналу Болотов и объявил

¹ Полное его название следующее: «Экономический магазин или собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до других всяких нужных и не бесполезных городским и деревенским жителям вещей, в пользу российских домостроителей и других любопытных людей, образом журнала издаваемый».

о своем недоверии к иностранной науке¹, однако подавляющее большинство его статей на медицинские темы имеет подзаголовок: «Замечание иностранных», или «Извлечено из сочинений одного иностранного врача» и т. п. Правда, критическое отношение к зарубежной медицинской науке не оставляло его и, сообщая некоторые лечебные средства, заимствованные им из иностранных сочинений, Болотов нередко снабжал их такими примечаниями: «Нижеследующее замечание взято мною из одного новейшего иностранного сочинения, и я сообщаю оное не в том мнении, чтоб описанной в оном особливой род лечения был достоверен, но для единого любопытства; потому, что лечение сие принадлежит к странным и таким, в действительности которых можно еще много сомневаться»², или «Справедливо ли сие или нет, в том не могу поручиться; а говорят сие иностранные; а я за что купил, за то и продаю»³.

Такие же примечания сопровождали и заметки о симпатическом дереве от ран (ч. XVIII, № 52, 1784), «О средстве к произведению сна для неспящих больных» (ч. XXXII, № 93, 1787) и многие другие.

И в заключении своего журнала, прощаясь со своими читателями, Болотов снова повторил: «За справедливость всего того, что говорят иностранные, поручиться мне никак не можно»⁴.

Некоторые заметки, помещенные в «Экономическом магазине», как с критическими примечаниями Болотова, так и без них, имели совершенно абсурдный характер и не могли не казаться такими даже в то время. Недаром Лепехин, критикуя некоторые укоренившиеся «странные образы лечения» и укоризненно отмечая, что «сюда принадлежат и многие сего рода тиснению преданные средства», в качестве примеров такого «тиснения», т. е. печатания, указывал на «Экономический магазин»⁵. Нужно сказать, что такому осуждению могли подвергнуться в «Экономическом магазине» главным образом короткие заметки о каком-либо «любопытном» способе лечения. Большие же статьи, помещенные Болотовым в «Экономическом магазине», большей частью заимствованы им из новейшей литературы и отражали состояние медицинской науки.

¹ Говоря о статьях из иностранных журналов, он указывал, что в них «есть много такого, чему иногда и верить и не верить можно. А при таких обстоятельствах не слишком бы хотел я к ним приставать, а прилепляться более к таким опытам и примечаниям которые у нас в России и нашими соотечественниками деланы. В рассуждении которых искренно признаюсь, что для меня и одно из них дороже многих чужестранных» («Экономический магазин», ч. I, № 1, 1780, стр. 9—10).

² О некоем особливом роде лечения болезней, «Экономический магазин», ч. XVIII, № 37, 1784.

³ Нечто об оспе, «Экономический магазин», ч. IX, № 8, 1782.

⁴ «Экономический магазин», ч. XL, стр. 407, 1789.

⁵ Месяцеслов с наставлениями на 1782 г., цит. по «Собранию сочинений, выбранных из месяцесловов», ч. IX, стр. 359.

ки того времени. Для широкого круга русских читателей XVIII в. «Экономический магазин» Болотова был источником медицинских сведений. Об этом свидетельствуют, например, обширные заимствования из «Экономического магазина», включенные в «Лечебник» Чулкова¹.

Последним из осуществленных Новиковым периодических изданий, касающихся вопросов медицины, был «Магазин натуральной истории, физики и химии» (1788—1790)². Редактором его был А. А. Прокопович-Антонский, будущий ректор, а тогда еще только адъюнкт Московского университета, первым начавший читать натуральную историю на русском языке.

Собственно говоря, «Магазин натуральной истории, физики и химии» не имел характера периодического издания, однако он выходил в свет в виде приложений к «Московским ведомостям» (первые два года — по два раза в неделю и последний год — один раз в неделю), что заставило нас отнести его к разряду периодики.

«Магазин натуральной истории, физики и химии» представляет перевод избранных статей из трех французских словарей-энциклопедий: Словаря натуральной истории Вальмон де Бомара, Химического словаря Маккёра и Физического словаря Сиго де ла Фон.

Новиков и Прокопович-Антонский намеревались продолжать печатание «Магазина» до тех пор, пока не будут полностью переведены все указанные три словаря, с тем, чтобы, воспользовавшись этими переводами, издать на русском языке каждый из этих словарей отдельно. Однако это намерение не было осуществлено.

Далеко не исчерпав всех трех словарей, издатели (к этому времени издание «Московских ведомостей» после состоявшихся в 1789 г. торгов перешло уже от Новикова к другому издателю), выпустив десять частей (234 листа), на этом закончили выпуск «Магазина».

Статьи медицинского характера заимствованы главным образом из словаря Вальмон де Бомара. Этот словарь привлекал внимание русских ученых. На него ссылался в 1780 г. в своих выступлениях Зыбелин. «Общество, старающееся о переводе иностранных книг», поручило перевод этого словаря В. Зуеву; отдельные статьи этого словаря составили содержа-

¹ Об этом свидетельствует также хранящийся в Отделе письменных памятников Государственного исторического музея в Москве рукописный сборник, состоящий из выписок статей медицинского характера из «Экономического магазина» (первых пяти частей) с оглавлением после каждой части.

² Полное его название следующее: «Магазин натуральной истори, физики и химии; или новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам, заключающее в себе: важные и любопытные предметы оных, равно как и употребление премногих из них во врачебной науке, в экономии, земледелии, искусствах и художествах».

ние «Физиологии», изданной Максимовичем-Амбодиком в 1787 г.

Из вышедших десяти частей «Магазина натуральной истории, физики и химии» медицинские статьи сосредоточены в основном в четвертой части. Здесь находится большая статья «Человек» и ряд более мелких статей, касающихся в основном анатомии и физиологии человека. Отдельные статьи, разбросанные по другим томам, касаются некоторых других медицинских тем, как, например, лекарственных растений (статьи «Растение», «Ревень», помещенные в VII части), благоустройства городов («Кладбище», «Мефитический воздух» — в IX части) и др.

«Магазин натуральной истории» был последним приложением к «Московским ведомостям» и вообще последним периодическим изданием Новикова. Как мы уже указывали, в 1789 г. истекал срок аренды Новиковым университетской типографии. Еще за год до того Екатерина II при перлюстрации корреспонденции, просматривая чье-то письмо, услужливо вскрытое на почте, распорядилась: «Новикову не отдавать университетской типографии»¹. Указание императрицы было выполнено.

С 1 мая 1789 г. типография перешла в руки другого лица, а в 1792 г. последовал арест Новикова, и его просветительная деятельность волею «просвещенной» императрицы прекратилась.

Издание журналов в XVIII в. осуществляли не только Академия наук, Московский университет и Типографическая компания.

Журналы возникали и по инициативе отдельных лиц, печатались в самых различных типографиях.

Не касаясь всех медицинских статей и всех журналов, в которых они напечатаны, остановимся лишь на некоторых, наиболее интересных.

К ним прежде всего относится «Санктпетербургское еженедельное сочинение», выходившее, как показывает его название, раз в неделю и продолжавшееся всего полгода — с 3 мая по 18 октября 1778 г.

Издателем его был А. Вицман. Это был, повидимому, человек предприимчивый. В 1778 г. он издает «Санктпетербургское еженедельное сочинение»; в 1780 г. оказывается во главе частной школы, в которой, однако, почти не было учеников², в 1794 г. Вицман учредил коммерческое училище с пансионом, а в конце века — он издатель (автор?) ряда книжек, среди которых есть и медицинские: «Правила для желающих на-

¹ Дневник А. В. Храповицкого, Запись 15 октября 1788 г. СПБ, 1874, стр. 173.

² Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности, т. 2, СПБ, 1868, стр. XXIX.

слаждаться долголетною жизнию» и «Краткая для народа книжка, содержащая легкое... наставление, как с утопшими... поступать надлежит».

Вицман считал необходимым распространять в народе медицинские знания. Недаром, задумав открыть особое учебное заведение, «семинарию» для юношей «из простолюдинов», Вицман, наряду с письмоводством, арифметикой, географией, историей, домоводством и т. п., намеревался с помощью врача преподавать наставления «о хранении здоровья и целебных способах» по Тиссо, а также обучать «простым нужно бывающим действиям», как кровопускания, лечение легких ран, перевязка, первая помощь при тяжелых ранениях и, наконец, помочь при родах, «чтоб хотя на первый случай сокращать вредные и убийственные суеверных повитух злоупотребления, от чего множество детей, при самом на сей свет их произведения, уже в царство мертвых посылаются»¹.

Имя Вицмана заставляет нас вспомнить крупное общественное событие конца XVIII в. — следствие и суд над А. Н. Радищевым. Среди пяти экземпляров «Путешествия из Петербурга в Москву», розданных Радищевым разным лицам, один был подарен «инострانцу Вицману». На вопросы следователей Радищев показал: «Вицман, имени не знаю, живет в Измайловском полку при школе».

При первой же публикации следственного дела Радищева² было высказано предположение, что иностранец Вицман — это один из лейпцигских учителей Радищева и его товарищей, принимавший в них большое участие и приехавший в Россию, чтобы довести до сведения русского правительства жалобы наших студентов на их воспитателя и притеснителя Бокума. Этого учителя, не называя его по имени, упомянул Радищев в своем «Житии Федора Васильевича Ушакова»³. Идентичность обоих этих людей сейчас считается почти доказанной. Что касается издателя Вицмана, то его неоднократные попытки к педагогической деятельности позволяют предположить, что это тот же Вицман, который был учителем Радищева и обладателем одного из подаренных автором экземпляров книги «Путешествия из Петербурга в Москву». За это говорит и ярко демократическое направление его журнала.

Это обстоятельство особенно привлекает наше внимание к «Санктпетербургскому еженедельному сочинению».

Уже в объявлении о предполагающемся издании Вицман, перечисляя те сведения, которые намечено сообщать в нем,

¹ «Санктпетербургские ведомости», 1778. Прибавление к № 32, 20 апреля, стр. 390—392.

² В. Я кушкин, Суд над русским писателем в XVIII в., «Русская старина», 1882, т. 35, стр. 496—497.

³ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, М.—Л., 1938, стр. 173, 174, 465; см. также «Сборник Русского исторического общества», т. X, стр. 114.

упоминал, что «не будет упущенено касательно до преподавания легких средств к соблюдению и восстановлению здравия, в пользу тех больше, которые жительство ищут по деревням и не имеют по близости при себе искусственных лекарей»¹.

И действительно, почти в каждом из вышедших 25 листов находится заметка на медицинскую тему. При этом они редко касаются «восстановления» здоровья. Большинство из них посвящено «соблюдению здравия», гигиеническим вопросам: борьбе с сыростью стен (лист 8), уничтожению мух и комаров (лист 15) и др. В этой группе статей представляют интерес главы из «Лечебника» Бухана (листы 11—12), посвященные гигиене труда и профессиональной патологии. При этом знаменательно, что из трех глав лишь одна посвящена труду людей «из общества» — ученых, а остальные две — труду крестьян, ремесленников и рабочих. Этим главам предпослано очень интересное рассуждение издателя о необходимости распространения медицинских знаний, о пользе и вреде лечебников, об обязанностях государства и благотворителей обеспечить бедное население медицинской помощью.

Многие статьи «Еженедельного сочинения» посвящены вопросам ухода за детьми раннего возраста и детским болезням.

Наиболее солидным и пространным медицинским сочинением в «Еженедельном сочинении» является статья «О истинных способах, которыми достигается глубокая старость» (листы 21—25). В ней даются гигиенические правила жизни в различные возрастные периоды, или, как выражается сам автор, «порядок содержания тела своего, каков может предписать только бескорыстный и патриотический врачеватель».

Многое в этих правилах основано на заблуждениях и своеобразных представлениях науки той эпохи — о том, что в юношестве «горячая кровь выбивается из сосудов», что в старости тело «утрачивает соки»; но в основном они разумны и разносторонни. Они касаются поведения, сна, пищи, дают своеобразные «нормы» питания и оценку отдельных пищевых продуктов, рекомендуют чистый воздух, одежду, соответствующую температуре, и т. д. Они восстают против распространенного в то время обычая периодического приема лекарств и кровопусканий здоровыми людьми «на всякий случай».

«Санктпетербургское еженедельное сочинение» прекратило свое существование на 25-м листе, т. е. всего через полгода, из-за малого числа подписчиков и недостатка средств. Если бы этого не случилось, русская читающая публика получила бы еще немало ценных медицинских сочинений. В своем про-

¹ «Санктпетербургские ведомости», Прибавление к № 16, 23 февраля 1778, стр. 174—177.

щальном «Предисловии» издатель писал: «А желание наше прямо настояло еще предложить некоторые материи» и в числе их называл «всеобщее познание касательно до жизни и здравия человеческого».

В тот же год, когда издавалось «Санктпетербургское еженедельное сочинение» Вицмана, стал выходить и ежемесячный журнал, также уделявший большое внимание вопросам медицины, «Санктпетербургский вестник». Журнал этот издавало «Общество любителей науки» «иждивением» известного петербургского издателя Вейтбрехта. Редактором журнала, по указанию Бакмайстера¹, был Г. Л. Брайко.

Этот журнал спустя много лет получил высокую оценку Н. А. Добролюбова. В статье, с которой он впервые выступил в печати, Добролюбов, сравнивая «Санктпетербургский вестник» с другими журналами XVIII в., писал: «Этот журнал, менее обнаруживающий склонность к отвлеченным, бесплодным умствованиям, больше вникающий в жизнь и лучше ее понимавший, скоро овладел общим вниманием». Особым достоинством журнала Добролюбов считал наличие в нем «библиографии — довольно полной и дельной для своего времени»².

И по отношению к медицинской тематике журнал оправдывал характеристику великого критика.

В «Санктпетербургском вестнике» мы находим прежде всего выписки из «ведомостей о родившихся, браком сочетавшихся и умерших» по Петербургу, Москве, Тверскому и Новгородскому наместничеству за ряд лет, а также извещения и отзывы о новых медицинских книгах — «О парных российских банях» Саншеса, «О неумеренности в любострастии» и «Способ к сохранению здоровья морских служителей» Бахерахта, «Краткое описание болезней, которые весьма часто встречаются в армиях» Ван-Свитена, в переводе Тереховского, «Городская и деревенская повивальная бабка» в переводе Самойлова.

В журнале помещены также около 20 статей на медицинские темы, причем многие из них представляют большой интерес. Ряд статей заимствован из иностранных журналов, но подавляющее большинство, несомненно, оригинальные сочинения врачей, работавших в России. Тематика их разнообразна и отражает потребности и интересы русской читающей публики той эпохи.

Две статьи посвящены помощи утонувшим и замерзшим (январь 1778), три — новонайденным целебным источникам у Сарепты и в Иркутской губернии (март и ноябрь 1778; ноябрь 1779); некоторые статьи трактуют вопросы анатомии и физио-

¹ B a c k m e i s t e r, Russische Bibliotek, Bd. V. S. 530.

² Н. А. Добролюбов, Собеседник любителей российского слова, Полное собрание сочинений в шести томах, т. I, 1934, стр. 34.

логии (май 1778; март, май 1781); ряд статей посвящен вопросам гигиены и диетики (февраль 1778; январь, май 1781). Вопросы гигиены журнал, как и большинство книг того времени, сводят к рекомендации умеренности во всем, как это отражено даже в заглавии одной из них — «О умеренности в пище и питии» (май, 1781). Эта последняя статья направлена, впрочем, главным образом против пьянства.

Особый интерес представляет статья под названием «Нечто о искусственных и несмышленых врачах» (декабрь 1779). Она подписана только инициалами А. Б., причем редакция снабдила ее следующим примечанием: «Сие сообщено нам на немецком языке, от одного из почтенных здешних медиков». Это примечание и инициалы подписи позволяют предположить, что ее автором был Андрей Бахерахт¹. Статья направлена против двух распространенных в то время обычая. Против первого — обычая многих людей судить врачей и вмешиваться в лечение, не имея никаких медицинских знаний, — восставали еще «Ежемесячные сочинения», 18 лет назад. И статья в «Санктпетербургском вестнике» снова возмущенно повторяет:

«Люди ни о каком деле столь безрассудно и легкомысленно не рассуждают, как о том, которое имеет в предмет знатнейшие человеческие добра, жизнь и здоровье... Сколько глупых людей есть, которые думают довольно иметь разума решительно судить о болезнях, имена их определять, средства противу их предлагать и поступок знающего врача хулить...»

... В городах и деревнях нет такой глупой бабы, которая бы не сочла себе за должность ругать и поправлять врача, ей не совершенно нравящегося.

Ничего смешнее и глупее нельзя себе представить, как если человек, едва человеческий разум имеющий, сам себя во врачи производит, без размышления кормит больного лекарствами, о которых он никакого понятия не имеет»².

Второй обычай, против которого ополчалась статья «Санктпетербургского вестника», — обычай предпочитать знающим опытным врачам шарлатанов и знахарей и легковерно вручать им свое здоровье.

Однако и дипломированные врачи неравнозначны. «Истинный врач, кроме глубокого в науке своей знания, должен иметь и природные дарования». Отдельная удача или неудача не может еще служить основанием для суждения о знаниях и опытности врача.

¹ Предположение это переходит в уверенность, поскольку месяцем раньше эта же статья, напечатанная на немецком языке, подписана инициалами Д. Н. В., т. е. Doktor Heinrich Bacheracht (*«St.-Petersburgische Journal»*, XI, 1779, S. 366).

² «Санктпетербургский вестник», декабрь 1779, стр. 425—426

НОВЫЙ
САНКТПЕТЕРБУРГСКИЙ
ВѢСТИНИКЪ.

Ежемѣсячное изданіе
Петра Богдановича

Въ Санктпетербургѣ

1786.

Обложка журнала «Новый Санктпетербургский вестник»

Как мы уже указывали, «Санктпетербургский вестник» прекратил свое существование в 1781 г. Спустя 5 лет, в 1786 г., в течение короткого времени выходил «Новый Санктпетербургский вестник». Издавал его, редактировал и в значительной степени наполнял своими произведениями Петр Иванович Богданович.

П. И. Богданович был образованным человеком, знал немецкий, французский и английский языки. С 1777 по 1782 г. состоял на службе в Академии наук в должности переводчика и помощника библиотекаря. Некоторое время он редактировал «Академические известия». После указа о «вольных типографиях» имел свою типографию. В 1796 г. он был признан «человеком беспокойным и упорного нрава, неповинующимся властям» и был выслан из Петербурга в Полтаву, к отцу¹.

П. И. Богданович проявлял несомненный интерес к медицине. В своей типографии он напечатал и издал несколько книг по медицине; в 1786 г. перевел сочинение доктора Д. Писчекова «Новый и легчайший и безопаснейший способ лечения чесотки», а в 1788 г. издал свои компилятивные, как и все его сочинения, «Правила для соблюдения здоровья». В 1792 г. эта книга вышла вторым изданием.

В своем журнале он поместил написанные им четыре статьи на медицинские темы (кн. 2, 1786); три из них — по истории медицины. Наиболее интересной является статья «О Иппократе и его правилах для сохранения здоровья». Богданович не перевел, а «своими словами» свободно изложил учение Гиппократа, используя для этого отдельные афоризмы, отрывки из ряда сочинений: «О природе человека», «О пище», «О диете при острых болезнях», «О здоровом образе жизни», «О воздухах, водах и местностях» и т. д.

Применительно к распространенному в XVIII в. построению диететики по разделам о «шести принадлежностях, необходимых нужных для жизни, как-то: воздухе, пище, движении и покое, сне и бдении, влажностях испражняемых и удерживаемых и душевных страстиах» Богданович подразделяет свое изложение на следующие разделы: «О воздухе. О пище. О банях. О бдении и сне. О содержании желудка. О движении и покое. О страстиах». В заключение он «предлагал» «всеобщие великого сего мужа (т. е. Гиппократа) правила о сохранении здоровья».

Это также не перевод из Гиппократа, а свободное изложение его взглядов, при этом, нужно сказать, в достаточно «вольной» редакции.

Статья Богдановича представляет несомненный интерес как

¹ И. Ф. Павловский, Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии, Полтава, 1912.

первое встретившееся нам в русской печатной литературе подробное изложение учения великого врача древности.

Несколько не лишенных интереса статей на медицинские темы было помещено в журналах Ф. О. Туманского «Зеркало света» (1786—1787) и «Российский магазин» (1792—1793) и в журнале И. Д. Герстенберга «Магазин общеполезных знаний и изобретений» (1795).

Большой интерес представляет журнал «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей», издававшийся в Сибири, в далеком Тобольске. За два года своего существования этот журнал поместил свыше 60 медицинских статей и заметок.

Издателем и редактором его был Панкратий Платонович Сумароков. Сосланный в Тобольск, он занялся там литературной деятельностью. В 1791 г. он издавал литературный журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», а в 1793—1794 гг.— «Библиотеку ученую».

Журнал этот выходил один раз в два месяца. Каждая книга состояла из пяти разделов или «статьей»: «Ученость», «Домоводство», «Нравоучения», «История» и «Увеселения». Первые два раздела — «Ученость» и «Домоводство» включали материалы медицинского характера.

Большинство статей на медицинские темы посвящено способам лечения различных болезней, именуемых «лекарствами»: «Лекарство от несносной колики желчной», «Лекарство от падучей болезни», «Лекарство от подагры» и т. п.

По своему характеру медицинские статьи из «Библиотеки ученой» чрезвычайно напоминают таковые из «Экономического магазина». Не исключена возможность и прямого заимствования оттуда.

В конце XVIII в. П. П. Сумароков выпустил книгу «Источник здоровья или словарь всех снедей», для которой он в значительной степени воспользовался материалами своей «Библиотеки ученой».

Мы видим таким образом, что медицинские статьи в русских журналах значительно обогащают русскую медицинскую литературу XVIII в. Среди массы мелких и мало значащих статей имеется множество серьезных и обстоятельных сочинений, касающихся самых различных отраслей медицины, содержащих глубокие и оригинальные мысли. Их игнорированиеискажало бы картину действительного развития медицинской мысли в России XVIII в. Историк русской медицины мимо них пройти не может.

ВОПРОСЫ МЕДИЦИНЫ В ИЗДАНИЯХ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Немалая роль в развитии русской медицинской литературы XVIII в. принадлежала Вольному экономическому обществу.

Вольное экономическое общество возникло в 1765 г. по инициативе высшего дворянства в целях «распространения в государстве полезных для земледелия и промышленности сведений». Создание общества было вызвано стремлением помещиков увеличить доходность своего хозяйства путем рационализации и повышения его производительности.

Наряду с этим все разраставшиеся крестьянские волнения заставляли задумываться и о том, чтобы хотя несколько облегчить труд и условия жизни крепостного крестьянства.

По мнению М. Горького, основание Вольного экономического общества было вызвано «исключительно волнениями крестьян, принимавшими характер массовых восстаний»¹.

Желание повысить производительность своего хозяйства, как и необходимость некоторой заботы о крепостных крестьянах, в основе которой лежало корыстное стремление повысить их работоспособность, побуждали помещиков заботиться о здоровье крестьян. В уставе Вольного экономического общества, принятом в первом собрании его членов 15 июня 1765 г., значилось: «Действительные члены обязаны... способствовать успехам сего общества и народной пользе: для сего должны они по своей силе и возможности: а) делать верные опыты, касающиеся до домостроительства, земледелия, бережения и размножения лесов, скотоводства, рыбных и звериных промыслов, горных дел, мануфактур, всяких рукоделий и прочего, не пренебрегая и того, что способствовать может к сохранению здоровья сельских жителей, о которых опытах и их успехах сообщать обществу от времени до времени...»².

Основным, что вызвало интерес «к здравию сельских жителей», была, повторяем, корыстная забота о поднятии доходности помещичьего хозяйства. О такой лицемерной «заботе» о крестьянах писал впоследствии З. П. Соловьев: «Кое-кто из помещиков небезразлично относился к здоровью крепостных, но опять-таки только «своих» и опять постольку, поскольку здоровая сила выгоднее в хозяйстве, чем хворая»³. Эти эко-

¹ М. Горький. История русской литературы, М., 1939, стр. 10.

² Устав Вольного экономического общества, глава IV, § 2 (разрядка наша). — С. Г.).

³ З. П. Соловьев. Пятидесятилетие земской медицины. Сборник «Вопросы здравоохранения», М., 1940, стр. 18.

номические корни филантропии неприкрыто проявились в сочинениях и речах некоторых членов общества. Так, один из его активных членов Ф. И. Туманский, выступая в 1793 г. по случаю годовщины общества, произнес речь «о некоторых причинах, препятствующих усовершенствованию хозяйств в России». Среди этих причин Туманский называет болезни крестьян и их малосемейность. «Хозяйство часто страдает от больных селян»¹, — сказал он. Другой член этого общества, доктор Генер, писал: «От размножения крестьян зависит сила государства и благо дворянства»². Третий (Шторх) представил обществу свое «статистическое» сочинение «О размножении народа»³.

Включив в сферу своих интересов здоровье населения, общество привлекало в свои ряды врачей. Среди первого же состава членов-учредителей, наряду с вельможами Воронцовым, Орловым, Чернышевым, Олсуфьевым, мы встречаем и лиц, причастных к медицине: А. И. Черкасова, президента Медицинской коллегии, Х. Пекена, доктора медицины, члена и ученика секретаря Медицинской коллегии и академика Моделя, аптекаря Главной петербургской аптеки и члена Медицинской коллегии.

В дальнейшем число врачей в обществе постоянно увеличивалось. По спискам его членов можно проследить, что (не считая зарубежных врачей) в 1767 г. в Вольное экономическое общество вступил бывший архиатр Фишер, в 1770 г. — Паллас, Лепехин, Гильденштедт и Круз, в 1771 г. — Бахерахт, в 1777 г. — Соболевский и Гутри, в 1778 г. — Кельхен, в 1780 г. — Тереховский, в 1782 г. — Орреус, Ели, Зуев, в 1785 г. — Озерецковский, Георги, Писчеков, в 1789 г. — Максимович-Амбодик, в 1792 г. — Самойлович, в 1793 г. — Уден, Эллизен, Виен, Фриз, в 1794 г. — Карпинский, Лодер и т. д.

Внешне либеральный характер, провозглашенные обществом гуманные лозунги, появление на страницах первых «Трудов общества» сочинений, обосновывающих необходимость освобождения крестьян, — все это завоевывало обществу популярность среди передовой части разночинной интеллигенции, к которой в массе своей принадлежали и врачи. В результате, как мы видим, почти все крупные и передовые представители русской медицины того времени тяготели к Вольному экономическому обществу.

Многие из врачей играли руководящую роль в обществе, периодически выступая в качестве членов его комитета. Этим определился и тот факт, что Вольное экономическое общество сыграло немалую роль в распространении медицинских знаний и в издании медицинской литературы. Мы уже указывали,

¹ «Труды Вольного экономического общества», ч. 49, 1794, стр. 303.

² Там же, ч. 48, 1793, стр. 197.

³ Там же, ч. 46, 1792, стр. 383.

что «Домашний лечебник» Пекена был издан по инициативе Вольного экономического общества, членам которого он посвящен.

По указанию А. Н. Никитина, и Н. М. Максимович-Амбодик «написал многие сочинения по поручению Вольного экономического общества»¹.

Некоторые ранние исследователи истории русской журналистики были склонны издание «Санктпетербургского еженедельного сочинения», в котором, как мы указывали, была довольно обширно представлена медицинская тематика, также приписать Вольному экономическому обществу².

Но если даже не касаться тех книг и журналов, в выходе которых Вольное экономическое общество принимало только косвенное участие, а обратиться лишь к изданиям самого общества, то и в них мы найдем обильный медицинский материал.

Поскольку по плану общества каждый член его должен был «во всяку треть (года) подать в собрание для напечатания по крайней мере одну пиэсу», а среди членов общества было, как мы указывали, немало врачей, то поступление медицинских статей было обеспечено. Впрочем, статьи на медицинские темы принадлежали перу не только врачей. Среди авторов мы встречаем «рачительного хозяина» А. Т. Болотова, историков В. Крестинина и П. И. Рычкова, и пастора Эйзена, и офицеров, и помещиков. Они не пытаются выдавать себя за особо сведущих людей. Иногда они сообщают встретившиеся им те или иные лечебные средства, наблюдавшиеся ими случаи излечения и, не умея сделать о них «истинных заключений», оставляют «просвещеннейшим и искуснейшим мужам познать и изъяснить оные»³.

Прежде всего наше внимание должны привлечь «Труды Вольного экономического общества», выходившие периодически (но нерегулярно), начиная с первого года существования общества. С 1765 по 1775 г. вышло 30 частей трудов, затем с 1779 по 1794 г. — 19 частей «Продолжения трудов» и с 1795 по 1798 г. — три части «Нового продолжения трудов». Всего таким образом в течение XVIII в. было выпущено 52 части «Трудов Вольного экономического общества». В этих небольших томиках с эмблемой общества — ульем с пчелами и надписью «Полезное» — на титульном листе содержится около 50 больших и малых статей на медицинские темы. Некоторые из них являются премированными сочинениями, представленными на конкурс на заданную обществом тему или «задачу».

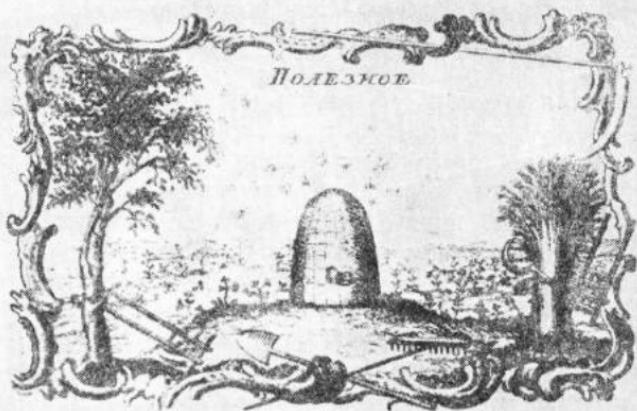
¹ Энциклопедический лексикон Плюшара, т. II, 1835, стр. 75.

² Обозрение русских газет и журналов с самого начала их, «Московский телеграф», ч. 18, 1827.

³ Продолжение трудов Вольного экономического общества, ч. 15 (45), 1792, стр. 137.

ТРУДЫ
вольнаго экономическаго
ОБЩЕСТВА
къ поощренію
въ Россіи
ЗЕМЛЕДѢЛІЯ
и
ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА
1766 года.

Часть II.

Въ САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1766 ГОДА.

Помимо «Трудов», с июля 1788 по июнь 1789 г. общество издавало «Еженедельные известия Вольного экономического общества» (или «Еженедельные экономические известия»).

«Еженедельные известия», как и «Труды Вольного экономического общества», уделяли достаточно места и внимания медицине. Среди статей и заметок, помещенных в «Еженедельных известиях» за весь короткий период их существования, — 17 посвящены медицинским вопросам. Соответственно характеру этого издания, статьи в нем не являются обширными трактатами, как в «Трудах» общества, а маленькими заметками.

Помимо непосредственно медицинских статей, напечатанных в этих изданиях, интересный, хотя и не обильный материал, отражающий медицинские представления населения, дают ответы на заданные обществом «экономические вопросы». В первой же части «Трудов» один из членов-основателей общества указал на необходимость «лучшего сведения о земледелии и о внутреннем деревенском хозяйстве» в разных провинциях России и просил читателей представить сведения соответственно предложенному им вопроснику из 65 пунктов.

Это предложение совпало с рядом аналогичных ему начинаний.

60-е годы XVIII в., годы роста элементов капитализма, характеризуются усиленным интересом к хозяйственным вопросам, к экономике страны. Эти вопросы привлекают внимание и общества, и государственной власти. Издается ряд законодательных актов, посвященных вопросам экономической жизни России, организуются экспедиции, главной целью которых является изучение производительных сил России. Инициатором этого познания экономики России и государственного управления его был, как и во многом другом, М. В. Ломоносов¹.

В этом вопросе, более понятном и близком широким кругам дворянства, чем многие другие предложения Ломоносова, инициатива его нашла более быстрый отклик. Ряд организаций пытался собрать сведения о хозяйственной жизни России, используя с этой целью своеобразные вопросники-анкеты.

Во всех этих вопросниках, однако, за исключением того, который был предложен Вольным экономическим обществом, отсутствовали пункты, касающиеся здоровья населения и борьбы с болезнями². И только в вопроснике Вольного эконо-

¹ Следует напомнить его проект Государственной коллегии сельского домостроительства (1759) и его анкету «по тридцати запросам» экономического характера (1759—1760).

² Справедливость требует, впрочем, отметить, что еще ранее такие пункты были включены в проект пространного вопросника, представленный В. Н. Татищевым в Академию наук в 1737 г. как предложение о сочинении истории и географии российской. Однако вопросник Татищева разослан не был и остался в рукописи.

мического общества последний, 65-й, пункт был посвящен вопросу: «Какие обыкновенные болезни случаются в тамошних местах и не употребляют ли там каких домашних лекарств с пользою?».

На вопросник Вольного экономического общества отклинулись сравнительно немногие. По крайней мере, ответы, напечатанные в последующих томах «Трудов» общества, немногочисленны. Что касается интересующего нас вопроса, то многие, даже приславшие свои ответы этот пункт обходили молчанием.

Полученные же ответы разнородны, в зависимости не только от местных различий, но и от осведомленности и заинтересованности отвечающего. Все они, однако, рисуют неприглядную картину отсутствия заботы о здоровье и лечении крестьян, полностью предоставленных самим себе в борьбе с косившими их эпидемиями и изнурявшими лихорадкой и цынгой¹. Ответы эти отражают также двойственное отношение к народным средствам: полное доверие к ним у одних и полное, огульное отрицание их пользы у других.

Анкета Вольного экономического общества не достигла своей цели: поступило слишком мало сведений, и картина экономической жизни России очерчивалась далеко не полно.

Много лет спустя, в 1791 г., общество напомнило читателям его «Трудов», что еще «в самом первом томе своих экономических сочинений обнародовало 65 экономических вопросов, но большая часть провинций оставили вопросы без ответов». И общество предложило новую программу описания всех наместничеств и их уездов. Эта программа состояла из шести разделов, которые распадались на ряд вопросов. Некоторые из них касались и медицины. Так, раздел I «О положении и состоянии наместничества вообще» включал пункты: «О действии климата над здоровьем, плодородием людей и скота» и «Часто являющиеся болезни людей и обыкновенные скотские заразы».

Раздел III «Естественные произведения и примечания достойные вещи» включал в подразделе «В царстве ископаемых» сведения о минеральных, серных и других источниках, в подразделе «В царстве растений» — сведения о растениях, «кои домашними лекарствами служат, их употребление и действие», а также о вредных и ядовитых растениях и, наконец, в подразделе «В царстве животных» — сведения о наличии змей, лягушек, ящериц и о применяемых средствах «против ужаления и укушения ядовитых»².

¹ Труды Вольного экономического общества, ч. 2, 7, 8, 26 и др.

² Продолжение трудов Вольного экономического общества, ч. 13 (43). 1791, стр. 278—292.

Неизвестно, поступили ли из наместничеств сведения по этой программе. Во всяком случае, в течение XVIII в. опубликованы они не были.

Тематика медицинских статей, помещенных в «Трудах» и «Еженедельных известиях Вольного экономического общества», как и следовало ожидать от издания, рассчитанного на читателей, не являющихся специалистами, главным образом посвящена вопросам гигиены. Диететика в широком смысле, т. е. гигиена образа жизни, гигиена жилища, гигиена питания, — вот основные вопросы, освещавшиеся на страницах изданий общества. Большинство статей принадлежит перу врачей, но, как уже указывалось, некоторые статьи написаны не врачами, а помещиками. Это еще раз подтверждает, что заботу о здоровье населения, в первую очередь крестьян, помещики воспринимали как один из элементов «домостроительства», хозяйственной деятельности, направленной на извлечение большей прибыли.

Наиболее многочисленна группа статей, посвященных гигиене жилища. В первой же книжке «Трудов общества» была помещена статья одного из основателей общества — доктора Х. Пекена «О строении жилых покoев для простого народа». В ней Пекен указывал на неоднократно им самим установленный вред землянок и строений, расположенных непосредственно на земле. Учитывая широко распространенное среди русского дворянства преклонение перед иностранными авторитетами и недоверие к своим ученым, Пекен приводил при этом ряд примеров вредного воздействия сырости из Прингля, так как «иностранных свидетелей... обыкновенно признают больше достоверными». Пекен возражал и против чрезмерно низких потолков и рекомендовал «всячески остерегаться» «вредного порока» строить плохие здания для крестьян и дворовых.

Характерна двойная аргументация Пекена. Прежде всего он взывает к кошельку помещиков: «Кто, строя дом, делает из одной скучности низкие покoи для своих людей, тот со временем от частых... их болезней, а случиться может, и от потерию оных вовсе, претерпит двойной убыток против того, что он таким своим строением сберечь надеялся». А затем уже — к чувству гуманности: «Сверхъ сего почесть можно за некоторое (!) безчеловечие, чтоб для сбережения небольшой корысти, что единственно причиною есть такого дурного строения, причинять вред здоровью других»¹.

Много лет спустя, в 1793 г., общество снова вернулось к этому вопросу, поместив статью штадт-физика города Чечерска в Белоруссии Генера «Примечания о худом строении крестьянских изб и о случающихся от того болезнях». Автор этой статьи отмечал, что, живя 12 лет в Белоруссии и стараясь «входить в причины» частых эпидемий и «великого умирания»

¹ Труды Вольного экономического общества, ч. 1, 1765, стр. 141—150
172

от них, он пришел к заключению, что главная причина кроется «в хозяйственном строении жилищ» крестьян. «Представим себе крестьянскую избу, как она в здешних странах тесно и низко построена, куда дневной свет и воздух входит не более, как через два малых отверстия», где живут 10—15 и больше человек, где вместе с людьми живут зимой телята и пороссята. Воздух в ней «насыщен испариной», вреден. Отсюда и распространение эпидемий. «Видел я, — пишет автор, — что чем больше живет вместе людей, и чем менее и теснее избы, тем смертоноснее были там болезни». Отсюда вывод — нужно строить для крестьян более благоустроенные избы. А аргументация — та же, что и у Пекена: от этого уменьшится заболеваемость и смертность среди крестьянских семей, а «чем каждая семья многочисленнее, тем она зажиточнее и может исправлять все, как государево, так и помещичье»¹.

Общество не ограничились только общими указаниями на антисанитарное состояние крестьянских жилищ, а давало и конкретные советы, в частности, в статье «Самый лучший план для построения и расположения вновь деревни, в соотношении к здоровью, безопасности и способности жителей». В ней даны указания по распланировке деревни, озеленению ее, осушке улиц и т. п. Автор резко возражал против чрезмерно низких строений и узких комнат. И снова тот же вопрос: «Ужели сбережение некоторых строевых материалов важнее человеческого века, сокращаемого незддоровостию таковых жилищ?»².

Вопросам благоустройства населенных мест посвящены и статьи «О мощении улиц в городах»³ и «Способ вычерпывать и очищать глубокие колодцы»⁴.

Не меньшее значение, нежели качеству деревенских строений, общество придавало городским каменным зданиям.

В 1788 г. оно объявило конкурс на сочинение, отвечающее на следующие вопросы: 1) «Действительно ли новые наши дома так вредны, как чужестранцы утверждают о своих? А когда действительно вредны, то какая тому причина?»; 2) «Какие ранние и поздние следствия имеет жительство в наших каменных домах... на состояние здоровья различных по образу жизни и по летам жителей?» и 3) «Какие суть надежнейшие экономические средства, служащие хотя не к совершенному отвращению проис текающих от новых каменных домов действий на здоровье человеческое, однако по крайней мере к избежанию от оных и к прекращению?».

Вопросы эти возникли в связи с неоднократными указания-

¹ Продолжение трудов Вольного экономического общества, ч. 18 (48), 1793, стр. 190—197.

² Там же, ч. 16 (46), 1792, стр. 132—146.

³ Новое продолжение трудов Вольного экономического общества, ч. 2 (51), 1796, стр. 177—212.

⁴ Там же, ч. 3 (52), 1798, стр. 142—147.

ми со стороны врачей на вред, происходящий от жизни в новых домах с непросохшей штукатуркой¹.

Премия в этом конкурсе была присуждена за сочинение доктора медицины К. Ф. Борна, профессора анатомии и хирургии Кронштадтского медико-хирургического училища, а в дальнейшем — профессора Московского медико-хирургического училища и почетного члена Медицинской коллегии. Это сочинение было напечатано². Члены «особого комитета», которые рассматривали статьи на эту тему, — Энгельгардт, Кельхен, Орреус, Георги и Ловиц — прислали свои объяснения и дополнения к статье Борна. Георги составил из них особое прибавление, которое было напечатано непосредственно за статьей Борна.

Конец XVIII в. ознаменован повышением интереса к проблемам гигиены воздуха в связи со значительным ростом (да же в пределах флогистонной теории) научных знаний о химии воздуха. Знания эти были еще далеко несовершенны, не давали еще полного представления о характере изменений, происходящих в воздухе закрытых помещений, но все же позволяли некоторые из этих изменений уловить и направляли мысль на поиски способов обмена и главным образом «очищения воздуха в жильях». Были изобретены «евдиометры», или «орудия, показывающие различную степень чистоты воздуха», и вентиляторы, или «ветродуи», для его очищения.

Разделяя общий интерес к проблеме «очищения воздуха», Вольное экономическое общество в 1793 г. объявило конкурс на сочинение «О очищении воздуха в жильях». От ответа на поставленные в задаче вопросы Экономическое общество ожидало большой пользы для всех, а «особливо для больших сбирающих зал, воспитательных учреждений, казарм, фабрик, богаделен, больниц, темниц, и для всех таких заведений, где множество людей собирается или вместе жить должны»³.

Спустя два года в «Трудах общества» был напечатан удостоенный золотой медали ответ на поставленную задачу. Он принадлежал жителю Лифляндии В. Х. Фрибе и представлял обширное сочинение на 122 страницах⁴. Фрибе обстоятельно отвечал на все поставленные вопросы, исходя из современных ему положений физики, химии и физиологии; кроме того, дал

¹ См. статьи на эту тему в Месяцеслове с наставлениями на 1780 г. в «Санктпетербургском еженедельном сочинении» (л. 8, 1778), в «Академических известиях» (сентябрь 1779), в «Новых ежемесячных сочинениях» (июнь 1790) и др.

² Продолжение трудов Вольного экономического общества, ч. 8 (38), 1789, стр. 3—71.

³ Там же, ч. 17 (47), 1793, стр. 372—378.

⁴ В. Х. Фрибе, Ответ на задачу о очищении воздуха, «Новое продолжение трудов Вольного экономического общества», ч. 1 (50), 1795, стр. 1—122.

ряд практических советов, или правил, «как содергать себя против испорченного горнишного воздуха, и средство его исправлять».

Статья Фрибе содержит ценный материал для всех, кто интересуется развитием гигиенической мысли. В русской литературе XVIII в. это сочинение — одна из самых обстоятельных работ по гигиене воздуха.

К проблеме гигиены воздуха примыкает и предложенная обществом задача: «Какое вредное влияние имеют болота и другие влажные места над климатом, здоровьем и хозяйственным состоянием жителей?».

В «Трудах» общества были напечатаны два ответа на эту задачу¹.

В «Трудах Вольного экономического общества» мы встречаем еще одну статью, носящую название «О очищении воздуха». Однако в ней речь идет об освобождении воздуха от заразы. Статья была напечатана в 1772 г. под впечатлением минувшей опустошительной эпидемии «моровой язвы». Автор ее И. Д. Регенсбургер исходил из положения, что моровая язва передается через воздух и «через пароисхождения зараженных людей». Поэтому воздух должен быть очищен от паров. Меры же, которые автор для этого предлагал, несколько неожиданны. Они заключаются в вырубке всех деревьев, леса и кустарников внутри и вне города, «дабы ничто ветрам препятствовать не могло со всех сторон входить...».

Кроме этого, даже для того времени странного способа очищать воздух от вредных паров, автор предлагал как на улицах города, так и вокруг города устроить очаги и «содержать на оных сильный пламень», а также приводить воздух «в содрогательное колебание» выстрелами из пушек и звоном колоколов, а в помещениях ставить воздушные насосы, чтобы вытягивать «пароисхождения»².

Другим вопросом, получившим относительно широкое отражение в изданиях Вольного экономического общества, был вопрос о гигиене питания и пищевых продуктов. Первой статьей, посвященной этому вопросу, была статья Х. Пекена «О изгаре в хлебе». Речь в ней идет о спорынье. Пекен отказывался присоединиться к тем, кто отрицал вред спорыни, и настаивал на специальных исследованиях в этом направлении³.

Несколько статей касаются сохранения пищевых продуктов; среди них интересны статьи помещика П. Рычкова «К сбережению съестных вещей от повреждения и гнилости»⁴ и пастора И. Эйзена «Наставление, каким образом всякие по-

¹ Новое продолжение Трудов Вольного экономического общества, ч. 2 (51), 1796.

² Труды Вольного экономического общества, ч. 20, 1772, стр. 81—106.

³ Там же, ч. 5, 1767.

⁴ Там же, ч. 24, 1773.

варенные травы и коренья на салат и приправу прочих яств сушил и в картузы скласть»¹.

В двух книгах «Трудов» помещена работа московского аптекаря И. Я. Биндгейма «Наблюдения и опыты над некоторыми обыкновеннейшими приготовленными и сырыми прозябающими питательными средствами»². Она вышла одновременно и отдельным оттиском.

Желая установить питательную ценность разных пищевых продуктов растительного происхождения, Биндгейм попытался определить количество содержащегося в них сахарного и не растворимого «иловатого вещества». Он подвергал химическому исследованию различные сорта хлеба, картофель, свеклу, белую репу, соленые огурцы, арбузы, тыкву, капусту, а также напитки — кофе, какао, чай, пиво, квас, хлебные водки.

Не входя здесь в оценку полученных Биндгеймом результатов по существу, следует отметить интерес его статьи как свидетельства об одном из ранних опытов химического исследования пищевых продуктов.

Не менее интересна статья будущего академика, а тогда еще адъюнкта Тобиаса Ловица «Показание нового средства, как воду во время путешествий на море от порчи предохранить и гнилую воду делать опять к питию удобною»³.

Вопросу о качестве воды Вольное экономическое общество уже уделило внимание, поместив в одном из первых выпусков своих «Еженедельных известий» статью «Каким образом простую воду скоро и легко испытывать, здорова ли она для питья или нет»⁴.

В этой статье указывались признаки доброкачественной воды. Статья же Ловица была посвящена способу исправления недоброкачественной воды. Эта статья представляла собой перевод изданной ранее (1790) брошюры Ловица на немецком языке под тем же заглавием. В 1791 г. она вышла отдельной брошюрой на русском языке.

По мнению Ловица, при длительном хранении портится не вода, а растворимые в ней растительные и животные вещества. Поэтому предохранять воду от порчи лучше всего прибавлением к ней таких примесей, которые либо препятствуют порче воды своими «противоборными гнилости силами», либо «поглощают в себя способные ко гнилости части и оные у воды отнимают». Наилучшей из таких примесей является древесный уголь. Это мнение Ловица является выво-

¹ Труды Вольного экономического общества, ч. 25, 1773.

² Продолжение трудов Вольного экономического общества, ч. 16 (46), 1792, стр. 1—50; ч. 18 (48), 1793, стр. 43—80.

³ Там же, ч. 14 (44), 1791, стр. 119—163.

⁴ Еженедельные известия Вольного экономического общества, № 2, 1788, стр. 3—8.

дом из сделанного им ранее (1785) открытия, что уголь очищает раствор виннокаменной соли.

Теоретическое объяснение, данное Ловицем его открытию, было ошибочным: он считал, что уголь способен жадно поглощать флогистон. Но самое открытие его, правильно объясненное лишь впоследствии, в связи с возникновением учения об адсорбции, имело большое практическое значение. Одним из первых практических следствий был предложенный Ловицем способ очищать воду.

Предложение Ловица вызвало длительную полемику с врачом русского флота Спединати, который объявлял изобретенный Ловицем способ вредным и противопоставлял ему свой метод очистки воды, предложенный еще в 1788 г.¹.

В Вольном экономическом обществе метод Ловица находил, повидимому, поддержку и признание, несмотря на возражения Спединати.

Спустя некоторое время общество опубликовало письмо одного полковника, извещавшего, что способом Ловица пользуются в армии для очищения мутной воды рек Дуная и Серета и что он приносит «весьма важную пользу»². Такие же похвальные отзывы о своем способе Ловиц представил в апреле 1792 г. в Академию наук³.

Сомнения в возможности без вреда для здоровья употреблять древесный уголь сохранились, однако, еще немалое время. Из «Трудов общества» мы узнаем, что в 1794 г. Н. Карпинский объявил обществу, «якобы из опытов известно», что водка, очищенная с помощью древесного угля, «производит в желудке неприятные чувствования».

По этому поводу общество запросило доктора медицины Элизена, проф. Кольрейфа и самого Ловица, который к этому времени стал уже академиком, «находят ли они при очищении хлебного вина уголь вредным здравию человеческому?» Все запрошенные дали отрицательный ответ, утверждая, что древесный уголь сам по себе совершенно безвреден, а «неприятные действия» происходят не от угля, а от «естества самого хлебного вина»⁴.

Заявление Карпинского отражает, между прочим, тот интерес, который проявляло Вольное экономическое общество к хлебному вину, т. е. к водке.

¹ Протоколы заседаний конференций Академии наук, т. IV, СПБ, 1911, стр. 120, 124, 260, 271, 280; о предложенном Спединати способе очистки воды см. «Санктпетербургские ведомости», № 38, 1788, стр. 521—522.

² Продолжение трудов Вольного экономического общества, ч. 16 (46), 1792 стр. 341—342.

³ См. «Nova Acta Academiae Petropolitanae», vol. X, 1797, Historia, р. 13—14; в этом же томе (стр. 187—208) помещены Expositio метода Ловица и новые опыты, его подтверждающие.

⁴ Продолжение трудов Вольного экономического общества, ч. 19 (49), 1794, стр. 206—231.

На страницах его «Трудов» помещено много статей, посвященных водке, и в них находила яркое отражение классовая позиция Вольного экономического общества. Пьянство наносило большой ущерб здоровью населения. Но с другой стороны, винокурение было одной из доходных статей помещичьего хозяйства. Более того, винокурение было привилегией дворянства: специальным указом от 9 августа 1765 г. царское правительство определило, что «вино курить дозволяется всем дворянам и их фамилиям, а прочим никому»¹.

Поэтому Вольное экономическое общество и всех его членов-помещиков водка интересовала главным образом с хозяйственной стороны. И большинство статей в «Трудах общества» посвящено способам ее изготовления, расширению числа продуктов, из которых она может изготавляться, и т. д.

Вопросу о влиянии водки на здоровье посвящены лишь две статьи. Автор одной из них почетный член петербургской Академии наук, шведский проф. П. Бергиус указывал, что водка может приносить пользу, так как служит «крепительным», «мочегонным», «производит пароисхождение» и т. д., и вредна лишь при частом употреблении².

И только один член общества, гуманный и просвещенный русский врач А. Бахерахт резко выступил против водки и спиртных напитков. Вопреки распространенному тогда мнению, что водка вредна лишь в больших количествах, а в малых — полезна, Бахерахт настаивал на том, что вредит не только «непомерное пьянство, уподобляющее человека несмысленному скоту», но и привычка к небольшим порциям вина. Особенно сильное действие «горючая винная часть» оказывает на мозг и нервы. Бахерахт подробно описал физиологию опьянения и происходящие от него патологические следствия. Особый интерес представляет его описание кровоизлияния в мозг³.

Соответственно тому, что мы отмечали в книгах и периодической литературе, и Вольное экономическое общество также уделило чрезвычайно большое внимание различным лекарственным веществам. На страницах своих изданий оно поместило много статей и заметок, посвященных описанию растительных и прочих лекарственных средств, применяемых как в научной, так и в народной медицине, с указаниями, при каких болезнях они помогают. Некоторые средства рекомендуются как вполне достоверные, другие сообщаются авторами статей лишь с той целью, что «упражняющиеся во врачебной науке могут их изведать и предать в публику с объявлением того

¹ Полное собрание законов, т. 17, № 12448.

² Труды Вольного экономического общества, ч. 30, 1775, стр. 1—34.

³ А. Бахерахт, О излишнем употреблении горячих напитков, Труды Вольного экономического общества, ч. 26, 1774, стр. 111—143.

едного, что найдется действительно полезное и благонадежное»¹.

Не перечисляя здесь всех этих статей, следует остановиться лишь на двух, наиболее интересных.

Одна из них принадлежала перу А. Т. Болотова и носила название «О некоторых употребляемых в деревнях домашних лекарствах»².

Болотов «удостоверился» в пользу некоторых «домашних» средств, которые он и предлагал на рассмотрение Вольного экономического общества. Сами по себе эти средства любопытны, но заслуживают внимания меньше, чем высказанные по этому поводу мысли, чрезвычайно интересные и ярко характеризующие медицинские представления культурных русских людей XVIII в. Болотов начал с утверждения, уже цитированного нами выше, что «недостаток довольно числа лекарей» приводит к тому, что «попечение о сохранении здравия сельских жителей» и врачевание их домашними лекарствами ложится на хозяев, на экономов. Необходимость в этом вызывается тем, что в деревнях нередки как серьезные («порядочные и обыкновенные») болезни³, так и частые повреждения как, например, порезы, занозы, засорение глаз, ногтоеды, зубные болезни и т. п., которые «хотя порядочными болезнями назвать не можно, и коим иногда тотчас и без дальнего труда пособить можно, но которые в упущении сего вспоможения обращаются иногда в великое зло».

Для излечения многих из «сих незнаменитых припадков», — говорил Болотов, — нет надобности в «неотменном призывае лекаря», им можно помочь «самыми простыми и домашними средствами».

Но, предлагая в ряде случаев пользоваться — по необходимости — домашними средствами, Болотов прекрасно сознавал весьма ограниченные возможности их применения. Он торопился предупредить, что «производимы они должны быть с возможным рассмотрением».

Болотов предлагал, чтобы «знающие и искусные в медицине люди снабдили помещиков «кратким и простейшим описанием всех таковых неопасных болезней, коим они сами всегда помогать могут», с указаниями, в чем должна эта помочь заключаться, а также с «изъяснением» тех болезней, «до которых ему (т. е. помещику) касаться не должно».

Неудивительно, что с этих позиций Болотов одобрил «Лечебник» Х. Пекена. А еще полезнее, по мнению Болотова, было бы «составить краткий и особливый реестр» всем растущим в России лекарственным травам с их подробным описанием. Но это Болотов «предает на дальнейшее рассмотрение тем, которые то учинить могут», т. е. врачам.

В этом и заключается заслуга Болотова, что в отличие от многих своих современников, противостоявших народной медицину научной медицине, отказавшихся от врачей, видевших в них лишь обременительную статью расхода, не понимавших роли лекарств и не нуждавшихся в них. Болотов, описывая различные «домашние средства», всегда тем не менее подчеркивал необходимость врачебной помощи населению.

Так и в данной статье, сообщая ряд «домашних средств», он, по его словам, делает это лишь для того, «дабы через аппробацию» Экономического общества «можно было тем более в полезности оных удостовериться». Болотов считает совершенно обязательным одобрение медиков,

¹ П. Рычков, Опыт о березовой воде, «Труды Вольного экономического общества», ч. 4, 1766, стр. 58.

² Там же, ч. 23, 1773, стр. 51—104.

³ «Коль бедственны бывают сии в деревнях, а особливо удаленных от городов, снабденных лекарствами, и сколь сельские жители в рассуждение сего пункта сожаления достойны, о том всякому довольно известно», — писал Болотов.

так как для суждения о лекарствах необходимо знать не только непосредственное, но и отдаленное их действие, «а сего рассмотреть, по незнанию медицинской науки во всем ее пространстве», он и подобные ему дилетанты «далеко не в состоянии».

Другая заслуживающая внимания статья «Лечебное хозяйственное употребление растущих у нас дерев, плодов и трав»¹ написана, очевидно, врачом. В ней изложены способы медицинского применения таких широко распространенных в России растений, как полынь, щавель, чеснок, лебеда, овес, капуста, вереск, пырей, герань, горечавка и др.

Ряд статей в «Трудах» и в «Еженедельных известиях» Вольного экономического общества посвящен оказанию помощи при несчастных случаях —утопленникам, замерзшим, укушенным пчелой, бешеными животными и т. д.

Из отдельных болезней, лечение и предупреждение которых получило отражение на страницах изданий Вольного экономического общества, первое место принадлежит оспе. В первые годы существования общества вопросы оспопрививания (вариоляции) были животрепещущими и находились в центре внимания. И во второй же книжке «Трудов общества» была помещена статья Х. Пекена в переводе А. Протасова «Способ как сельским обывателям пользовать себя в оспе». Одновременно она была издана отдельной брошюрой.

Через три года в «Трудах» было напечатано «Рассуждение о прививании оспы»². В этой статье приводились доводы в пользу оспопрививания. Указывалось, что оно не противно религии, что оно относительно безопасно, так как опасность смерти от привитой оспы в 30 раз меньше, чем от натуральной, и т. д.

Спустя несколько лет в «Трудах» появилось «Описание и наставление о прививании оспы», принадлежавшее активному члену общества врачу А. Бахерахту³. За это сочинение автору была присуждена серебряная медаль.

В последний раз общество обратилось к вопросу о вариолизации в 1773 году. Была помещена статья лифляндского пастора Эйзена «Прививание оспы легчайшим образом чинимое и самим матерям препорученное»⁴.

И. Г. Эйзен — выдающийся эстонский публицист-просветитель, активный борец против крепостного рабства в Остзейских губерниях. Вызванный в 1763 г. в Петербург, он стал одним из инициаторов учреждения Вольного экономического общества, и, по некоторым соображениям, ему же принадлежит идея объявления конкурса на тему о пользе крестьянской собственности на землю и на движимое имущество⁵. Прогрессивные взгляды Эйзена нашли свое отражение и в упомянутой статье.

¹ Еженедельные экономические известия, № 129—130, январь, 1789.

² Труды Вольного экономического общества, ч. 10, 1768, стр. 1—15.

³ Там же, ч. 11, 1772.

⁴ Там же, ч. 24, 1773, стр. 190—204.

⁵ Я. Зутис, Остзейский вопрос в XVIII в., Рига, 1946, стр. 334—338.

Эйзен рассказывал в ней, как он, движимый желанием сделать вариоляцию наиболее доступной «простому народу», обучал крестьянских матерей самим производить ее своим детям, и это проходило успешно. Статья Эйзена интересна, впрочем, не столько этим его сообщением, сколько тем, что она указывает на то сопротивление, которое приходилось преодолевать сторонникам этого способа борьбы с оспой. Эйзен возмущенно упоминает о тех, кто за прививание оспы детям обвинял его в «дерзновении и безбожности». Да и ныне, говорил Эйзен, среди духовенства «еще есть такие, которые, будучи ослеплены суеверием, не видят очевидной толь многим тысячам подаваемой помощи; а от простого народа чего же ожидать должно?». Эйзен настаивал на том, чтобы оспопрививание широко применялось, и тогда все увидят его пользу, а те «которые по своему застарелому обыкновению и неразсудку будут иметь отвращение от сего похвального дела, те, конечно... придут со временем в разкаяние...».

К вопросам оспопрививания Вольное экономическое общество снова вернулось уже после открытия вакцинации и было горячим ее пропагандистом в начале XIX в.

Как мы уже отмечали, после оспы наибольшее внимание в XVIII в. привлекала к себе цынга. Не имея точных научных знаний о природе цынги, питаясь порой самыми фантастическими, но весьма распространенными теориями и мнениями по этому вопросу, русские авторы, однако, нередко эмпирически нащупывали истинные причины цынги и верные способы борьбы с цынгой и ее предупреждения. Да это и неудивительно, поскольку в народе эти способы были давно уже подмечены и ими широко пользовались.

Отражение этого правильного понимания цынги мы находим и на страницах «Трудов Вольного экономического общества».

В 1794 г. в «Трудах общества» была напечатана небольшая заметка историка и общественного деятеля В. В. Крестинина «О морошечном квасе, предохраняющем от цынги»¹. Житель Архангельска, Крестинин был хорошо знаком с бытом северных «мореходцев», поморов-рыбопромышленников. У берегов Новой Земли и Шпицбергена, пишет он, «во время зимней величайшей ноши» «морошка почитается необходимым запасом для предохранения здоровья и жизни от цынги российских мореходов». Крестинин описывает способ приготовления из морошки особой браги, которую «промышленники пьют ежедневно во время чувствемых ими начатков цынги, и тем освобождаются, но не всегда, от сея страшной болезни».

Выходец из народа, Крестинин не может пройти мимо чрезвычайно тяжелых условий кабального труда поморов и упрекает их хозяев за неразумную скопость, которая заставляет их строить дома для зимовщиков из дешевого сырого леса. Такие дома зимой промерзают настолько, что изнутри покры-

¹ Продолжение трудов Вольного экономического общества, ч. 19(49), 1794, стр. 163—167.

ваются льдом. Это увеличивает заболевания цынгой, «от которой погибают там мужественные наши мореходы нередко».

Вопрос о происхождении цынги нашел свое отражение и в статье Д. Писчекова «О перечищении поваренной соли»¹. «Профессор земледелия и доктор медицины» Писчеков интересовался цынгой и несколько лет спустя выпустил популярную книжку, посвященную лечению цынги². В упомянутой выше статье автор исходит из распространенного в то время положения, что цынга принадлежит к «гниющим болезням». Однако общепринятое объяснение причин возникновения цынги Писчекова не удовлетворяет. «Исследование главных оной причин, от коих рождается повреждение и гниль в телесных соках, — пишет он, — оставлено, по моему мнению, или по крайней мере не принято в уважение в таком мнении, в каком приемлю я оное предложить»... «Мне кажется, — пишет он далее, — главные причины сей болезни суть недостаток зелий и плодов на корабле, и притом почти всегдашнее употребление заплесневелых сухарей, также и мяса, посоленного неочищеною солью».

Он считал, что для борьбы с цынгой необходимо прежде всего очищать соль от вредных примесей. Писчеков предлагал в связи с этим свой способ очистки соли.

Из работ, посвященных другим заболеваниям, должна быть упомянута обстоятельная статья неизвестного автора, но, несомненно, врача, — «Некоторые советы при грудных нарывах, случающихся после родов, и называющихся грудницею»³, а также большая статья А. Бахерахта «О вредных следствиях распространившейся в городах и деревнях нечистой болезни, и о всеобщей пользе публичных больниц, к прекращению сего зла служащих»⁴.

«Нечистой болезнью» Бахерахт называл венерическую болезнь. Мы уже отмечали, что распространение венерических заболеваний вызывало во второй половине XVIII в. тревогу, и медицинская литература откликнулась на это зло рядом книг. Среди них несколько принадлежат Бахерахту. В 1775 г. он без указания своего имени выпустил книгу «О неумеренности в любострастии обоих полов и о болезнях, приключающихся от оной», переизданную в 1779, 1780 и 1787 гг. Статья в «Трудах Вольного экономического общества» была его первым выступлением на эту тему. Она представляет несомненный интерес.

¹ Продолжение трудов Вольного экономического общества, ч. 7(37), 1787, стр. 1—13.

² Д. Я. Писчеков, Наставление в пользу поселян, болезнующих цынготною болезнью, СПБ, 1798.

³ Еженедельные известия Вольного экономического общества, № 280, июнь, 1789, стр. 405—408.

⁴ Труды Вольного экономического общества, ч. 24, 1773, стр. 115—130.

Бахерахт отмечал большое распространение венерических болезней и их опасность. Большой ущерб, наносимый этой болезнью населению, и в частности, войску, диктует необходимость принять меры против ее распространения. К ним «должно причислить не только те, коими изцеляют от помянутой болезни, но и надлежит в число оных включить те благоразумные учреждения, кои употребляются к препятствованию, чтобы оная больше не распространялась».

К числу этих мер Бахерахт относил организацию специальных лечебниц и отмену платы с больных за содержание в больницах, а главное — отмену наказаний заболевших. Наказанию, по мнению Бахерахта, подлежат лишь те, кто избегает лечения и «размножением заразы себе и другим вред причиняют».

Помимо статей, в «Трудах общества» временами печатались хозяйствственные известия или известия Экономического общества за минувший год. Из этих известий мы получаем не лишенные интереса сведения о различных медицинских вопросах, занимавших внимание общества¹.

Еще в 1768 г., вскоре после своего основания, общество объявило следующую задачу: «По сведению о состоянии российских крестьян, сочинить для их употребления и наставления книжку, под именем Зерцала крестьянского, величиною не более пяти или шести листов печатных, которая бы содержала простым, но чистым и ясным слогом изображенные краткие правила жизни крестьянина, среди которых на первом месте следовало поместить правила «о воспитании его детей и о соблюдении своего и домашних своих здравия»².

Задача эта, повидимому, осталась без ответа, и только много лет спустя Вольное экономическое общество вернулось к ней.

В 1796 г. общество объявило следующую задачу: «Недостает еще в России простонародным наречием писанной книги, понятной в примерах, повестях, разговорах и пр.; о различных, хотя по себе уже не новых, однако же российскому крестьянину еще не довольно известных или по предрассуждению им пренебреженных полезных способов поступления при разных в домашнем и сельском хозяйстве встречающихся отправлениях дел». Среди этих дел упомянуто и «о способе, как себе крестьянин в болезнях и в разных несчастных случаях пособить может, кои ему, его ближним, его скоту и имуществу случиться могут».

«Таким образом и о таких предметах настоящим простонародным наречием и с благоразумным соображением нужд, нравов, обычаев и предрассудков российского крестьянина сочиненная народная книга неминуемо имела бы мало по малу распространенное благотворное действие, а особенно если бы

¹ См., например, Продолжение трудов Вольного экономического общества, ч. 18(48), 1793, стр. 279—282, 303—309, 312—320; Новое продолжение трудов Вольного экономического общества, ч. 2(51), 1796, стр. 253, 329, 354.

² Труды Вольного экономического общества, ч. 9, 1768, стр. 176.

содействием помещиков сделать оную селянину приятною и споспешествовать практическому оной употреблению».

В качестве образца рекомендовалась книжка иностранного члена Экономического общества Беккера «Noth und Hülfsbüchlein».

Было объявлено две премии: первая — золотая медаль и 100 червонцев и вторая — 100 рублей¹.

На этот раз призыв был услышан. В 1797 г. в общество поступило четыре сочинения. Три из них по разным причинам были отвергнуты. Четвертое, присланное под девизом «Чего не знаешь, так учись и доброго держись», по отзывам общества, «описывает подробно и обстоятельно» все, что требовалось поставленной задачей, «а при том писано приятным, забавным и поучительным слогом».

На пяти специально созванных заседаниях общества, члены которого присутствовали в полном составе, была прочтена эта книга, и, в конце концов, общество вынесло следующее постановление: «Собрание, слушав с отличным удовольствием чтение сей книги и одобрав как приятность слога, так и общеполезность описанных в оной предметов, заключило, что она не только желанию общества и к поучению селянина совершенно соответствует, но и перед всеми прочими на сию задачу присланными сочинениями преимуществует»². Поэтому за это сочинение были присуждены обе назначенные премии. Автор его остался неизвестным.

В 1798 г. была объявлена подписка на подготовлявшееся издание. Подписка шла довольно быстро, и в тот же год прецированное сочинение стало печататься под названием «Деревенское зеркало»³. В 1798 г. вышла первая часть, в 1799 г. — две части (вторая и третья). Все три части составляют обстоятельное сочинение размером в 800 страниц небольшого формата. Книга написана в виде повести. Из 86 глав многие касаются наиболее жизненных вопросов охраны здоровья и по существу почти повторяют тематику медицинских статей как в «Трудах Вольного экономического общества», так и в других журналах. Много места отведено гигиене жилища (главы 47, 49, 50, 51, 71), гигиене пищи (главы 35, 37, 47, 48, 51, 52, 53, 70, 77), помочи при несчастных случаях, «оживлению» утонувших, замерзших, угоревших, удавившихся и т. д. (главы 78, 79, 80, 81, 83), вопросу о признаках смерти, об опасности преждевременного погребения (главы 75, 76), прививанию оспы (глава 82) и т. п.

¹ Новое продолжение трудов Вольного экономического общества, ч. 2(51), 1796, стр. 369—370.

² Архив Вольного экономического общества, ЦГИАЛ, ф. 91, кн. 56, лл. 156, 160, 165.

³ Полное название книги следующее: «Деревенское зеркало или общегородная книга. Сочинена не только чтоб ее читать, но чтоб по ней и исполнять».

Все эти главы содержат разумные гигиенические советы, отражающие как эрудицию, так и несомненный здравый смысл их автора. Некоторые из них, хотя и правильные по существу, являлись тем не менее неосуществимыми для крепостных крестьян России XVIII в. Автор не видел, или не хотел видеть, что большинство крестьян, изнемогавших под игом подневольного крепостного труда, лишено свободы, земли и элементарных условий культурного существования, и в силу этого не сможет воспользоваться его советами — два раза в неделю есть мясо, еженедельно менять белье, иметь носовые платки, не держать скот в избе и т. п.

Подобные советы, обращенные к крестьянам, конечно, носили на себе отпечаток лицемерия, обличали классовую характеристику их автора. Но большинство гигиенических рекомендаций, приведенных в книге, разумно и осуществимо, и это позволяет нам оценить книгу «Деревенское зеркало» как явление положительное.

Заслугой автора этой книги являлось также и то, что он не ограничился одними гигиеническими советами, а попытался дать читателям представление и о строении человеческого тела, и о природе и причинах болезней, и о том, «как сдерживать себя в болезнях».

Одна глава была посвящена специально описанию деревенской больницы, якобы устроенной помещиком Сердоболовым в своей деревне для лечения крестьян. Практическая ценность этой главы в книге, предназначенной для крестьян, ничтожна.

Однако для нас эта глава представляет немалый интерес, так как отражает представления автора о том, как должна быть организована подобная сельская больница. По описанию автора, в ней «врачует» крестьян и крестьянок сам помещик по «Лечебнику» Х. Пекена, а помогают ему «грамотные добрые служители, обученные бритью, перевязыванию ран, кровопусканию, костоправлению, зуборванию и прочему за болезнями хождению».

Большой заслугой автора сочинения «Деревенское зеркало» являлась его борьба с распространенными суеверными способами врачевания и с ворожеями и самозванными лекарями, «доками».

Уже в самом начале книги автор вкладывал в уста умного и рассудительного крестьянина Козьмы Досужева мысли, являющиеся ироническим опровержением ходячих предрассудков и суеверий. Так, например: «Когда порежешь или порубишь руку или ногу, пошли скорее за ворожею. Она заговорит. А ты между тем изойдешь кровью». Или — «Кто болен лихорадкою, положи к нему под зголовок кобылью голову; кость останется под подушкою, а больной с лихорадкою»¹.

¹ Деревенское зеркало, ч. 1, стр. 64—65.

Специальная глава (72) была посвящена опровержению распространенного среди неграмотных крестьян предрассудка — недоверия к врачам и предпочтения им ворожей, знахарей и доморощенных лекарей.

Русская медицинская литература XVIII в. уделила много страниц борьбе с этим предрассудком. Книга «Деревенское зеркало» также внесла свою долю в эту борьбу.

Сочинение «Деревенское зеркало» имело целью преодолеть еще один предрассудок — убеждение в корыстолюбии и недоступности врачей, которая будто бы толкает «простой народ» в объятия знахарей и шарлатанов.

Недоверчивых людей порой отталкивает от врачей отсутствие немедленного эффекта лечения. Автор предостерегал читателей от подобных взглядов. Человеческое тело, писал он, устроено очень «хитро» и не всякую болезнь так же легко вылечить, «как на прореху накинуть заплату». Всякое лекарство помогает лишь исподволь, постепенно. Поэтому следует тщательно выполнять все предписания врача, и если «излечения вскоре и не последует, не бегать от одного лекаря к другому и не принимать других лекарств по советам своих соседей, приятелей и кумовей, не разумеющих сего дела, но взять терпение»¹.

Выше указывалось, что Вольное экономическое общество, объявляя конкурс на популярную книгу для крестьян, в качестве образца рекомендовало немецкую книжку Беккера. Автор сочинения «Деревенское зеркало» последовал этому совету. Сопоставление книги «Деревенское зеркало» с трудом Беккера показывает сходство в построении книги и известное подобие глав, посвященных медицинским вопросам. Но сходство это чисто внешнее. Часто оно не идет далее заглавия. Иначе говоря, автор сочинения «Деревенское зеркало» заимствовал у Беккера главным образом перечень вопросов, но решение этих вопросов в подавляющем большинстве случаев оригинально, построено на знании русской действительности и применительно к ней. Кроме того, по сравнению с книгой Беккера, многое добавлено.

Вольное экономическое общество уделило много внимания обсуждению книги «Деревенское зеркало». Когда книга была уже одобрена, принята к печати, прошла цензуру, в одном из заседаний общества, 12 июня 1798 г., президент общества Нартов предложил, чтобы «для большего усовершенствования народной книжки» члены общества «объявили о тех предметах, какие в сей книжке присовокупить можно». После этого ряд статей был получен дополнительно. Нартов взял их, чтобы вы-

¹ Деревенское зеркало. ч. III, стр. 78—79.

ДЕРЕВЕНСКОЕ ЗЕРКАЛО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XXXIV.

Правдининъ расказываетъ на сходь-
бищѣ крестьянамъ притчины болѣзней и охраняющія отъ нихъ
средства.

Кто не щадитъ себя , здоровье не брежетъ ,
Тотъ преждевременно опъ хвости умретъ ;
Онъ можетъ быть жену , сиротъ дѣтей оставитъ ,
И по міру бродить по бѣдности заспавитъ .
Не тяжкой ли то грѣхъ , самоубїцемъ быть ?
Семъѣ своей бѣды , напасши приключить !
Опомнись селянинъ , всегда будь остороженъ ,
Для счастья общаго швой будешь вѣкъ умноженъ .

А

брать из них то, что может дополнить книгу «Деревенское зеркало». Какие это главы, — неизвестно¹.

Из глав медицинского содержания наиболее близко совпадает с книгой Беккера глава 72 «О мудром устройении человеческого тела». Замещены и некоторые правила, помещенные в главе 74 «Как содержать себя в болезнях».

Однако приведены выше весьма интересные замечания о необходимости постоянства в лечении и известного терпения принадлежат автору сочинения «Деревенское зеркало». В книге Беккера их нет.

Полностью оригинальна глава «Деревенская больница и врачевание». Нет в труде Беккера и чрезвычайно важной главы «Разные мысли Досужева», помещенной в книге «Деревенское зеркало». Следовательно, нет и тех «мыслей», которые направлены на разрушение некоторых суеверий в вопросах лечения.

Совершенно оригинальна также глава 34 «Правдинин рассказывает причины болезней и охраняющие от них средства» и глава 50 «Отвращение дыма от ночников, сальных свеч, луchin, и тому подобного в жилищах».

Таким образом, книга «Деревенское зеркало» представляла незаурядное и, несомненно, положительное явление в русской литературе XVIII в.

* * *

Все сказанное выше заставляет нас отметить значение Вольного экономического общества в развитии русской медицинской литературы.

При всем отчетливо классовом, крепостническом характере общества, проявившемся и в его изданиях, при всей корыстности интересов, побудивших общество предоставлять страницы своих изданий для распространения медицинских знаний, — следует отметить, что объективно эта деятельность общества принесла пользу.

Глава VII

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ «САНКТПЕТЕРБУРГСКИЕ ВРАЧЕБНЫЕ ВЕДОМОСТИ»

В конце века, в 1792 г., появился первый в России специальный медицинский журнал.

Мысль о необходимости периодического медицинского издания была высказана еще задолго до этого времени. Еще в инструкции Медицинской коллегии, написанной при ее основании в 1763 г., имелись следующие пункты:

¹ Протоколы («Дневные записки») Вольного экономического общества за 1798 г., ЦГИАЛ, ф. 91, кн. 58, лл. 90 и 188.

«9. Чтобы коллегия лучше и ближайше каждого доктора и лекаря искусство персонально знать могла, то надобно, чтоб каждой из них повседневного своего врачевания журнал у себя вел... и тот бы журнал в три месяца, или как назначат, в коллегию присыпал...»

10. История медицинской сей коллегии таким образом собираема изо всей империи будет, и по разности климатов и пространству земель много заключать нового в откровении натуры для врачевания рода человеческого, а уповательно, что и лекарства из произращений откроются новые. Коллегия из собрания таковых журналов негодное исключая, полезное издавать должна в печать на латынском языке особливо книгою под именем «Записки докторов российских», которые хотя для одних только докторов и физиков издаваться будут во всю Европу, и материя оных им одним вразумительна будет: однако же экстрактом надобно прилагать притом и перевод на российский язык» (разрядка наша. — С. Г.)¹.

Разъясняя и расширяя данную ей инструкцию, коллегия в своем циркуляре предлагала «медикам и лекарям», помимо упомянутых в инструкции историй болезни, присыпать «примечания достойные сочинения и записки по медицинской науке, а именно о таких вещах и делах, которые еще не довольно известны и о которых в книгах немного объявляется. Оным сочинениям и запискам быть должно из физиологии, патологии, ферапии, хирургии, фармации, физики вообще, ботаники, анатомии, натуральной истории, химии, истории и филологии медической, також математики, поелику она до физиологии касается»².

Программа журнала, как видно, была намечена достаточно широко. Однако реализована она не была. «Примечания» врачей поступали, Медицинская коллегия их рассматривала, давала им оценку, распределяя их по достоинствам на классы, и... сдавала в архив.

В 1787 г. президент Медицинской коллегии А. Закревский в своем докладе Екатерине II, между прочим, отмечал: «Члены коллегии в учреждении оной во многом по инструкции вящего императорского величества не исполнили 8, 9 и 10 пунктов, в собирании истории медицинской коллегии только начало имеет, собираются от врачей описания в откровениях новейших кратчайших и полезнейших лечительных способов, но остается сие тщетно; из собрания же таковых журналов выше

¹ Полное собрание законов, т. 16, № 11964.

² Чистович. История первых медицинских школ в России, СПБ, 1883, стр. 513—514.

императорское величество повелели полезное издавать в печать»¹. Положение, однако, не изменилось.

И только спустя 30 с лишним лет после своего возникновения Медицинская коллегия резолюцией от 26 марта 1797 г. постановила приступить «к составлению первого тома под названием: «Записки российских врачей» для напечатания купно на российском и латинском языках чрез страницу в четверть листовой формат». Поручение это было возложено на ученого секретаря коллегии И. Виена.

Содержание первого тома «Записок» должны были составить отредактированные Виеном 17 «врачебных примечаний», утвержденные коллегией, к которым он должен был присоединить, по своему усмотрению, «надлежащее число» находящихся в ученом архиве врачебных примечаний, «определенных к I и 2 классу».

Однако и это постановление осталось невыполненным. Известно, что на следующий же день, 27 марта 1797 г., «ревнитель» русской медицины, член Медицинской коллегии барон Г. Аш подал особое мнение, в котором, исходя из буквы инструкции, данной Екатериной II в 1763 г., и прикрываясь лицемерной заботой об экономии бумаги и средств, возражал против печатания журнала на латинском и русском языках и настаивал на печатании журнала только на латинском языке². Лицемерная аргументация Аша была не новой: когда в

¹ ЦГАДА, ф. 16, д. 322, ч. III, л. 204 об.

² Достойно внимания, что в первоначальном проекте инструкции Медицинской коллегии пункт об издании «Записок докторов российских» сопровождался следующим примечанием:

«Хотя многие о том рассуждают, что все нации, яко-то французы, немцы, англичане, датчане и шведы пишут свои ученые книги на своих природных языках, то для чего бы и на российском языке того же писать было невозможно. На сие относится, что такие записки публикуются для всех наций докторов и лекарей, которые бы в приращение к своей науке обращали, и не знающий докторства или лекарства их не читает, да и пользоваться ими не может.

А понеже всем европейским и особенно российским ученым людям латинский язык есть общий, то на латинском с русским переводом и публиковать таковые дела должно.

Когда российский язык в чужих краях столько будет известен, как французской, немецкой и английской, тогда ничто мешать не будет, чтоб и на нашем природном языке такие дела в Европу издавать» (ЦГАДА, ф. 16, д. 322, ч. I, лл. 160 об.—161).

Это примечание свидетельствует о том, что уже при создании Медицинской коллегии раздавались голоса, требовавшие издания русского медицинского журнала на русском языке. Вокруг этого вопроса шла, повидимому, борьба. Проект инструкции предлагал наиболее правильный выход: печатать журнал на двух языках: «на латинском с русским переводом». Это давало бы удовлетворение законной национальной гордости и вместе с тем делало бы журнал доступным для всех европейских врачей, к кому справедливо стремились авторы проекта. Однако в окончательном, печатном тексте инструкции Медицинской коллегии приведенного выше примечания не оказалось, и требование русского перевода было заменено указанием на перевод «Экстракта».

1734 г. при Академии наук «затевали историю печатать», т. е. издавать гражданские книги, то святейший синод высказался против этого «попенеже во оных писаны лжи явственные», и при этом главным доводом также выдвигалась забота о государственной экономии: «бумагу и прочий кошт терять будут напрасно»¹.

Медицинская коллегия не согласилась с доводами Аша и 1 июня 1797 г. подтвердила свое прежнее решение². Но вплоть до своей ликвидации Медицинская коллегия так и не осуществила выпуска своего журнала³.

Между тем, потребность в медицинском журнале остро ощущалась русскими врачами.

Уже в 1767 г., вскоре после организации Медицинской коллегии и опубликования данной ей инструкции, передовые русские врачи нетерпеливо ждали выхода обещанного журнала.

Касаясь одного спорного медицинского вопроса, П. Погорецкий писал: «Государственной медицинской коллегии господа члены как преобширного знания в натуральной истории, глубочайшего об ней рассуждения и великого дарования к изобретению доныне здесь чего-либо неизвестного; так и в грядущей из того пользе или непользе острого проницания мужи.., по ревности своей к общему всех благу, конечно, не преминут вывестъ нас из суммления о сем в российских своих медических действиях, которых наук любители, паче же между ними медики, с 1764 г. нетерпеливо ожидают» (разрядка наша.—С. Г.)⁴.

В этом заявлении Погорецкого звучит плохо скрытая ирония по адресу Медицинской коллегии и ее «ревности к общему благу». Однако высказанной им мысли по поводу ожидания журнала можно вполне верить.

Поскольку Медицинская коллегия этих ожиданий не оправдывала, инициатива издания медицинского журнала возникла у отдельных врачей.

¹ П. Столлянский. Книга в старом Петербурге, в сб. «Русское прошлое», в. I, 1923, стр. 109.

² Чистович, Исторический очерк русской медицинской журналистики. «Медицинский вестник», № 1, 1861.

³ Изданіе работ русских врачей было осуществлено лишь в 1805 г. Эти работы вышли на латинском языке под следующим заглавием: *Observationes medico-chirurgorum Rutheni imperii collectae et in ordinem redactae A. I. Vien. Volumen primum*. Первый том содержал в себе 50 статей сорока авторов, из которых тринадцать — русских (Поддубик-Сущевский, Травулинский, Еллинский, Ольхович, Юшкевич, Чернявский, Успенский, Другов и др.).

⁴ Переводы из Энциклопедии, т. III, 1767, стр. 102—103.

Издателем этого журнала стал И. Герстенберг, известный в Петербурге книго- и нототорговец.

Журнал этот не мог быть, однако, строго научным. Существование частного журнала зависело от достаточного его распространения. Судьба его была в руках подписчиков и покупателей. А при относительно малом числе врачей в России в XVIII в. журнал, рассчитанный только на врачей, существовать бы не мог. В целях привлечения большего числа подписчиков, журнал должен был носить научно-популярный характер. Такой его характер не являлся непривычным для медицинской литературы XVIII в. Как мы уже отмечали, эта эпоха не знала резкой грани между научными и популярными книгами по медицине.

Цели и характер намеченного журнала были освещены в пространном объявлении, помещенном в «Санктпетербургских ведомостях» 29 июня 1792 г.

«Некоторое общество опытных врачей, искусством будучи уверенно о великой пользе, которую принесли человеческому роду общеполезными сочинениями своими Тиссот в Швейцарии, Унцер, Циммерман, Вейкард в Германии, Бухан в Англии, предприняло для почтенной российской публики еженедельно издавать такого же рода сочинение, касающееся до человеческого здоровья. Цель его состоит в том, чтобы уяснить природу человека, открыть все, что имеет влияние на здоровье человеческое, истребить во врачестве встречающиеся предразсуждения, и по надежнейшим способам всех времен и народов, издать руководство к познанию и врачеванию почти всех болезней, которым подвержены бывают знатные и богатые, женский пол, сидячие люди, дети и простой народ; также как в приличных и заразительных болезнях себя содержать или предохраняться от оных. Сие сочинение издаваемо будет под именем: Беседующие врачи или общеполезная врачебная переписка, каждую неделю по одному листу». Далее указывались условия подписки и адрес издателя — И. Герстенберга. Затем шло полуфильтрическое, полуурекламное обещание давать подписчикам бесплатно заочные медицинские советы: «А как чаятельно случиться может, что в отдалности от искусственных врачей живущие читатели сего сочинения пожелают иметь от общества мнение и совет в некоторых особливых болезненных случаях; для того да благоволят таковое прислатъ к обществу описание своих болезней, на что оно им напискорейшим образом ответствовать будет безденежно». К этому присоединялось заверение, что «общество ни малейшего злоупотребления в рассуждении доверенности своих корреспондентов никогда не сделает»¹.

Кто был душой этого предприятия, его инициатором? А. Н. Неустроев² на основании данных, нам известных, утверждал, что инициатором этого журнала был некий доктор Клейнеш.

¹ «Санктпетербургские ведомости», № 52, 1792, стр. 1005—1006. По обычаю Ведомостей печатать каждое объявление трижды и эта публикация была повторена в № 53 от 2 июля и в № 54 от 6 июля 1792 г.

² А. Н. Неустроев, Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг., СПБ, 1874, и отд. оттиск под названием «Первый русский медицинский журнал — «Санктпетербургские врачебные ведомости», СПБ, 1874.

Это утверждение попало в Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон, а затем было повторено и Прокофьевым¹.

На чем основано указание Неустроева, неизвестно. Следует, однако, назвать другое лицо, роль которого в возникновении первого медицинского журнала подтверждается документами. Этим лицом был Ф. Уден. Доктор медицины Ф. Уден был принят в русскую службу в 1786 г. Он был знающим и опытным врачом, автором многих трудов, изданных в Германии.

В 1792 г. Уден состоял врачом Черниговского наместничества, а затем был вызван в Петербург на должность профессора Хирургического института. Позже он стал профессором Медико-хирургической академии, почетным членом Медицинской коллегии, ученым ее секретарем, а после ликвидации коллегии — ученым секретарем вновь организованного Медицинского совета.

5 июля 1792 г., т. е. спустя несколько дней после того, как было опубликовано объявление в «Санктпетербургских ведомостях», Уден обратился в Медицинскую коллегию со следующим «доношением»:

«Намерен я выдать еженедельное сочинение под названием «Беседующие врачи, или общеполезная врачебная переписка». Оного сочинения, собственно мною на российском языке написанного, часть имею первой лист при сем прилагать, и таким образом еженедельно поступать, и покорнейше прошу по разсмотрении дозволить мне оную выпустить в печать. Федор Уден»².

Инициатива и активность Удена таким образом не подлежит никакому сомнению.

На пути намеченного предприятия оказались, однако, неожиданные препятствия.

Спустя десять дней, 15 июля 1792 г., «Государственная медицинская коллегия приказали доктору Удену дать знать указом, что представленное от него... сочинение первой части начальное основание под названием беседующих врачей, как по разсмотрении коллегией примечено некоторое во оном положение до веры и церковных обрядов относящееся, то затем о напечатании оного дозволения дать не может»³.

«Положение», на которое ссылалась Медицинская коллегия, заключалось, по указанию Чистовича, в том, что в одной

¹ А. Прокофьев, Первая русская медицинская газета и дальнейшее развитие русской периодической медицинской печати, «Врачебное дело», № 17—18, 1926.

² ЦГИАЛ, ф. 1926, оп. 5, д. 421, л. 261.

³ Там же, л. 262.

из статей Уден разрешал или даже рекомендовал при болезнях желудка есть скромное в постные дни¹.

И только почти полгода спустя, изменив свое название, первый русский медицинский журнал начал свое существование под именем «Санктпетербургских врачебных ведомостей».

За это время, очевидно, удалось получить и разрешение Медицинской коллегии и привлечь достаточное количество подписчиков, для чего были использованы услуги ряда врачей, аптекарей и чиновников. Подписка принималась не только в Петербурге, но и в Астрахани, Туле, Киеве, Казани.

Первый лист журнала вышел во вторник 2 ноября 1792 г. О его выходе было сообщено обширным объявлением в тех же «Санктпетербургских ведомостях»².

Затем в течение полутора лет журнал регулярно выходил по вторникам, до 26 апреля 1793 г. включительно. Еженедельные листки имели единую нумерацию страниц, и полутора летний комплект, т. е. 26 номеров, составил, по примеру прочих периодических изданий XVIII в., первый том, или, как тогда говорили, первую часть журнала. К этому сброшюрованному тому был изготовлен титульный лист с изображением Асклепия, гравированный Набольцем, и предписано предисловие издателей³.

К этой части был также приложен список «господ пренумерантов», т. е. подписчиков, из которого видно, что подписчиков насчитывалось около 170. В числе подписчиков мы встречаем несколько весьма, в основном же подписчиками были офицеры, чиновники, священники и купцы. Врачей и аптекарей среди подписчиков было около 30 человек.

Большинство номеров расходилось в Петербурге и Москве. Но немало подписчиков было в Астрахани, а единичные экземпляры журнала доходили и до Смоленска, и до Риги, и до Костромы, и до Новгорода, и даже до мелких украинских городов — Нежина, Прилук и Миргорода.

Публикуя последний номер первой части и объединяя 26 номеров в единый том, авторы и издатели намерены были продолжать свое издание и в дальнейшем. По крайней мере, в предисловии они писали о том, что успех вышедших листов «поощряет их к продолжению оных», и намечали тематику ближайших выпусков.

¹ Чистович. История первых медицинских школ в России, СПб, 1883, стр. CCCXIII. Между прочим, Чистович ошибочно прочел слово «положение» как «отношение».

² «Санктпетербургские ведомости», № 89, 5 ноября 1792, стр. 1743—1745. Перепечатано в указанных сочинениях Неустроева и Прокофьева.

³ На титульном листе указана дата завершения части, т. е. 1793 г. Это и послужило причиной ошибки многих исследователей, обычно указывающих 1793 г. как год возникновения русской периодической медицинской печати. На самом же деле, как видно из вышеизложенного, таким годом является 1792.

Эти же мысли издатели журнала высказали и в объявлении, помещенном в 22-м номере журнала, вышедшем 29 марта 1793 г.: «Столь неожиданно приемлемое сочинение вновь беспрерывным изданием продолжаться будет... Поспешествователям сего сочинения приносят сочинители оных ведомостей свою благодарность, прося их, чтобы они благоволили и на следующие полгода на оное подписатьсь...»

Впрочем, не преминут сочинители приложить всевозможное старание, зделать показанное сочинение интереснее и к общей пользе нужнее, как было».

В дальнейшем, однако, журнал издавался нерегулярно, с перебоями. Первый номер второй части (№ 27) вышел с опозданием на неделю — 10 мая вместо 3 мая. Одновременно с выходом этого номера в «Петербургских ведомостях» появилось объявление: «От сочинителей врачебных ведомостей через сие почтеннейше объявляется: что они занимавшись в течение полугода разными предметами, и разсуждая о питательных средствах и способах воспитывания детей в первом человеческом теле возрасте, приняли намерение продолжать свое сочинение непрерывно, причем будут они стараться заслужить одобрение публики, кое они за честь себе вменяют. Продолжение сие паки начнется на 26 листов, в которых предложено будет о припадках женского пола, также о случающихся почти повсеместно заразительных болезнях. Сочинение же сие будет расположено к удовольствию читателя...»¹. Затем до № 35 журнал выходил регулярно каждый вторник, после чего произошел длительный перерыв. Так, № 35 вышел 5 июля 1793 г., а следующий (№ 36) появился только спустя 8 месяцев — 7 марта 1794 г.

Этот перерыв был вызван рядом причин. Одной из них Неустроев считает произошедший в это время выход доктора Клейнеша из состава «соинителей» журнала. В это же время Уден был назначен преподавателем математики и физики в Петербургскую хирургическую школу, и это, повидимому, отвекло его от работы в журнале. И, наконец, издатель журнала Герстенберг уезжал на некоторое время в Германию. Впрочем, он возвратился оттуда уже в ноябре 1793 г. и, возвратясь, известил публику, что он намерен «продолжать издание Врачебных ведомостей, печатание коих, по причине болезни поверенного его, несколько времени было остановлено, причем, ласкаясь, что публика извинит таковое законное умение, обязуется он с первого вторника будущего декабря месяца, т. е. 6 числа, каждую неделю непременно издавать по листу оных ведомостей в дополнение ко второй части»².

Дальнейшая задержка произошла, очевидно, уже не по вине издателя, а по вине авторов, «соинителей». Это приве-

¹ «Санктпетербургские ведомости», № 37, 1793, стр. 822—823.

² Там же, № 96, 25 ноября 1793, стр. 2243.

ло, повидимому к некоторому конфликту между издателем, стремившимся поддержать престиж своей «фирмы», и авторами. Некоторое отражение этого конфликта находим мы на страницах «Санктпетербургских ведомостей», где спустя несколько дней после приведенного выше объявления Герстенберга появилось следующее объявление.

«Лично публике известные сочинители Врачебных ведомостей через печатающего оные г. Герстенберга предуведомили ее, что остановившееся печатание издаваемых ими листочков декабря 6-го опять начнется, но как скопившееся по должности их множество дел не дозволило им заготовить вперед столько писес, сколько к начатию вновь печатания потребно, то они (а особенно, не хотев из уважения к публике издать творение сие в ином виде, нежели в каком они его свету представить могут) просят вину ныне вновь по необходимости учиненной отсрочки приписать не Герстенбергу, а им собственно, в оной их извинить. Они наверно полагают с половины генваря б. г. в состоянии быть издавать то число писес, коих публика от них право имеет требовать, потому что остановка сия произошла от неимения обработанных писес, а в течении наступающих праздников могут по крайней мере три писес напечатаны быть, ежели не встретится какое-нибудь иное препятство. Они же уверены, что публике приятнее иметь (хотя несколько и позже), но надлежащим порядком продолжаемое, нежели по вышеозначенным обстоятельствам перерывающим соделаться должностное сочинение»¹.

Однако и в обещанный сочинителями срок — в середине января — журнал не вышел. Он вышел только 7 марта.

В первом же вышедшем после перерыва номере журнала (№ 36) было помещено следующее извещение.

«Медицины доктор и профессор Уден имеет честь известить сим почтенных читателей еженедельного Врачебного сочинения, что встретившиеся при продолжении печатания второй части препятствия преодолены все совершенно; и он уверяет своим имянем, что от седьмого числа будущего марта месяца будет выходить Врачебных ведомостей по одному листу до 52 №, а сверхъ того постараается он, чтобы также выдавать иногда в неделю и по другому номеру, есть ли только то будет возможно, дабы тем удовлетворить почтеннейшую публику, удостоившую сие сочинение благосклоннейшего своего принятия»².

Спустя несколько дней это извещение было почти дословно повторено на страницах «Санктпетербургских ведомостей»³.

После этого в течение некоторого срока журнал выходил регулярно каждую неделю, вплоть до № 51. После выхода в свет этого номера перерыв продолжался не одну, а две недели. Наконец, 4 июля 1794 г. вышел и последний номер (52). Выпуская этот номер, издатели не дали ни обещания продолжать выпуск журнала, ни объяснения причин прекращения издания, как это нередко наблюдалось в журналах XVIII в.

¹ «Санктпетербургские ведомости», № 98, 9 декабря 1793, стр. 2323.

² «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 36, 7 марта 1794, стр. 79.

³ «Санктпетербургские ведомости», № 23, 26 марта 1794.

Создается такое впечатление, что издатели журнала изо всех сил, несмотря на большие трудности, стремились выполнить свои обязательства перед подписчиками, выполнили... и с облегчением от этого предприятия отказались.

Никакой публикации о прекращении этого издания не находим мы и в «Санктпетербургских ведомостях».

Такова внешняя история первого русского медицинского журнала.

Что же представлял он по существу? Кто были его авторы? Каково было его содержание? Какова была его роль в истории русской медицинской литературы?

Авторы большинства статей нам, к сожалению, неизвестны. Под заглавием двух из них указано: «Сочинение Аглинского врача». Некоторые статьи представляют собой переводы или рефераты из иностранных книг и журналов с ссылкой на источник. Но таких относительно немного.

Авторы же оригинальных статей, помещенных в «Санктпетербургских врачебных ведомостях», под ними не подписывались, и потому нам неизвестны. Лишь под одной статьей, помещенной в № 49—50, стоят инициалы Ф. У., что позволяет нам считать ее автором основателя журнала — Ф. Удена.

Существует мнение, что Ф. Уден был единственным автором «Врачебных ведомостей».

В какой-то степени это мнение подтверждается тем, что представленный им в Медицинскую коллегию первый лист предполагавшегося журнала был полностью написан им самим, а также приведенным выше объявлением, в котором Уден обещает продолжать издание «Врачебных ведомостей», выступая при этом от своего только имени.

Но это объявление было помещено в марте 1794 г. Все же предыдущие объявления в течение полутора лет исходили от «сочинителей Врачебных ведомостей», во множественном числе.

Известно также исходящее от современника свидетельство, указывающее на то, что авторов «Врачебных ведомостей» было по меньшей мере два.

В 1794 г., вышла в русском переводе книга Георги «Описание Санктпетербурга». Один из разделов этой книги носит название: «О сочинителях, живших в 1793 году в Санктпетербурге». Среди этих «сочинителей» назван Уден Конрад Фридрих, о котором после списка его сочинений указано: «Он ныне еще трудится в сочинении Российских врачебных ведомостей», а также Еллизен Иог. Г., о котором, между прочим, сказано: «Один из сочинителей врачебных ведомостей»¹. Георги был

¹ Георги, Описание столичного города Санктпетербурга, СПБ, 1794, стр. 555, 563.

доктором медицины, несомненно, он вращался в том кругу, который издавал «Ведомости», и, вероятно, был хорошо осведомлен о делах этого журнала. Поэтому у нас есть все основания ему верить.

Одним из сочинителей «Врачебных ведомостей» называет Эллизена и автор «Нового опыта исторического словаря о российских писателях», издававшегося также при жизни Эллизена¹.

О Эллизене мы упоминали выше. Точно установить, какие же статьи в «Санктпетербургских врачебных ведомостях» принадлежали ему, трудно.

Что касается содержания «Врачебных ведомостей», то в 52 номерах содержится 38 статей и заметок на медицинские темы. Часть из них представляет солидные по объему сочинения, переходящие из номера в номер. Такова, например, статья «О питательных средствах», напечатанная в № 11—13 и 15—18, «О первых естественных приключениях новорожденного человека» — в № 18—26, «О ломотной болезни» — в № 29—32, «О главнейших причинах продолжительных болезней» — в № 36—39, «О трясучке или перемежающихся лихорадках» — в № 44—48 и ряд статей, занимающих два или три выпуска журнала. Но наряду с ними есть и короткие, в полстраницы, заметки. Характер статей также различен. Некоторые из них откровенно популярны, другие — касаются вопросов, интересующих преимущественно врачей, третьи — и к ним принадлежат наиболее интересные и пространные статьи — пытаются удовлетворить интересы и запросы и врачей, и неспециалистов. Журнал явно пытался быть и специальным и популярным в одно и то же время. Издатели его сами на это указывали. С одной стороны, они обещали, что «каждое состояние и каждый возраст человека найдут в оном средства к знанию и содержанию себя», с другой — в отдельных статьях предугадывали, что скажут «некоторые из его читателей, причисляющиеся к званию врачей»².

Журнал явно пытался приобщить относительно широкие круги читателей к пониманию медицинских вопросов, уничтожить ту таинственность, которая создавала весьма благоприятную почву для процветания знахарства и шарлатанства.

В одной из статей автор прямо указывал: «Ведомости сии... имеют целью отдаление таинственной завесы, скрывающей ко вреду публики толь удобопонятные и явные истины врачебной науки, дабы сию полезную часть человеческого знания соделать внятною и тем людям, которым недостаток времени и заботы не позволяют особенно заниматься оною»³.

¹ «Друг просвещения», сентябрь, 1806, стр. 211.

² «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 2, стр. 9.

³ Письма к благородной особе, «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 35, стр. 68.

Основная масса статей журнала посвящена природе и лечению отдельных заболеваний — лихорадок, ломотной болезни, желудочной судороги, ночного удушия и т. п.

Некоторые из этих статей направлены на разоблачение предрассудков населения. Так, статья «О ночном удушье» стремится разрушить суеверие, приписывающее «сей отягчительный припадок домовому» или расстройству кровообращения. По словам автора статьи, «сей недуг происходит не от лишней крови или остановления оной, но от несварения желудка или от непорядочных действий чувственных жил»¹, т. е. нервов.

Другие статьи восстают против неправильных взглядов и понятий, распространенных даже среди врачей.

К таким принадлежит, например, статья «О кровопускании» (№ 2—4). Известно, насколько распространено было кровопускание как универсальный метод лечения при всех болезнях. Убеждение в целебной силе кровопускания сохранилось еще долго и на протяжении XIX в.

Автор же статьи во «Врачебных ведомостях», предвидя огорчение некоторых из его читателей-врачей, «единожды на всегда» утверждает, что «кровопускание, вообще взятое, приносит более вреда, нежели пользы, и выключая немногие только случаи, в прочем никогда предпринимаемо быть не должно».

Автор утверждает, что кровопускание лишь в некоторых случаях приносит облегчение, да и то кратковременное, и решительно возражает против распространения кровопусканий.

Прогрессивные мысли высказаны и в статье «О наследственных болезнях» (№ 6—7). Автор ее указывает, что представление о некоторых болезнях как о наследственных и, следовательно, неотвратимых и непреодолимых, приносит большой вред. «Некоторые недужные думают, что болезнь у них наследственна, и заключают из того, что осторожность в пище и питии им ни мало не полезна, потому что они судьбы своей никак избежать не надеются, но они причиняют себе чрез то великой вред, потому что часто можно бы было столь же легко отвращать их болезни, сколько и вылечивать оные, если б не предавались они вредному своему заблуждению...».

Автор задает вопрос: существуют ли вообще наследственные болезни? Прямого ответа он на поставленный им вопрос не дает, но всем последующим изложением подчеркивает, что большинство болезней, которые признаются наследственными, таковыми не являются. «Некоторые болезни в известных фамилиях существуют для того, что они всеобщи, что они действительно, как-то чахотка, целые роды умерщвляют, но только наследственными быть кажутся, а в самом деле не состав-

¹ О ночном удушии, «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 34.

ляют оных». Возникают же они в семьях, благодаря одинаковому воздействию среды.

«Болезни, свойственные известному климату и находящиеся в детях, как оные имели их родители, суть не наследственны: ибо они происходят не от родителей, но от общего с ними местопребывания». В качестве примеров приводится цынга в северных странах, чахотка в Англии, зоб в Швейцарии. «Я не называю, — пишет далее автор, — наследственною ту болезнь, которая происходила от одинакового образа жизни у родителей и детей».

Проявления наследственности автор видит лишь во врожденной слабости некоторых детей. «Родители рождают детей своих с слабыми волокнами; и так сии суть наследственны...». «Но сия наследственная слабость не есть еще болезнь, а только повод к дальнейшему получению болезни». «...Но самые болезни, которые от сей слабости при случае посторонних обстоятельств следуют, не суть наследственны...».

Передовую позицию занимал журнал и в вопросе о сновидениях. В то время как многие авторы склонны были понимать сновидения как «беспокойство души» и т. д., приписывать им пророческое значение, давать им самые фантастические объяснения, статья «О сновидениях», помещенная в «Санктпетербургских врачебных ведомостях», пытаясь толковать сновидения, исходя «из естественных оснований». «Большая часть сновидений происходит без сумнения естественным образом»¹.

Автор этой статьи утверждал, что сновидения бывают только при не очень крепком сне, представляя собой состояние, среднее между сном и бодрствованием; снится обычно то, о чем думали днем и т. п., т. е. давал такое толкование сновидений, которое близко к трактовке их в последующую эпоху.

Журнал не всегда, конечно, опережал свой век. Часто он полностью разделял его взгляды и представления как истинные, так и ложные.

Первый русский медицинский журнал отражал идеи своего века. Это сказалось, в частности, и в том, что он уделил внимание злободневному в то время вопросу о мнимой смерти и об опасности преждевременного погребения. Этой теме посвящены статьи: «Два... примера о вредности скоропостиных погребений» (№ 30—31) и «О сильных и долговременных обмороках... похожих на настоящую смерть» (№ 52).

Немало статей посвящено вопросам гигиены. Среди них обращают на себя внимание прежде всего две большие статьи — «О питательных средствах» (№ 11—18) и «О первых естественных приключениях новорожденного человека» (№ 18—26).

¹ «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 7, стр. 51.

Статья «О питательных средствах» дает классификацию, или, как выражался автор, «разделение» пищевых продуктов. Они делятся на три большие группы: 1) сиди или ясты; 2) пития и 3) приправы или пряные зелия. Каждая из этих групп распределяется на подгруппы, которые в свою очередь делятся на дальнейшие подгруппы, также подразделяющиеся.

В дальнейшем изложении дается характеристика всех этих групп пищевых продуктов, в основном близкая к истине.

Большой интерес представляет статья «О первых естественных приключениях новорожденного человека». Она касается ухода за детьми непосредственно после их рождения и в первые месяцы их жизни, вскармливания младенцев, а также воспитания детей в возрасте от года до трех лет. Мы уже отмечали, что эта тема была одной из наиболее злободневных во второй половине XVIII в.

Вопросы ухода за младенцами и их физического воспитания статья решает в духе передовых идей того времени, хотя несколько и отличается от распространенных взглядов и высказываний.

Как уже отмечалось, в русской литературе ряд авторов возражал против пеленания младенцев.

Автор же статьи во «Врачебных ведомостях», признавая вред тутого пеленания, считает вместе с тем пеленание необходимым и безвредным. Более того, он спорит с его противниками и указывает, что их возражения против пеленания приносят скорее вред, чем пользу. «Ни мало не нужно, — говорит он, — писать столь строго против сего безвредного обыкновения, когда находятся еще другие, которые должны истреблены быть гораздо прежде; ибо от сего теряется доверенность у родителей, привязанных к древним обычаям; которые (родители. — С. Г.) действительно вредным обычаям столь же охотно, как и безвредным последуют потому, что скоропостишно противу обоих с одинаковою строгостью возражаемо было»¹.

Не видя вреда в пеленании, автор считает непригодным лишь шерстяные пеленки, так как они, изнеживая ребенка, приучая к чрезмерному теплу, делают его тем самым «способным к простудам, потому что чем более тело содергаться будет в теплоте, тем скорее простудиться может»².

Автор — горячий сторонник грудного вскармливания. При этом он стремится теоретически обосновать преимущество грудного молока и в своих попытках высказывает несомненно здравые мысли, которые тогда были лишь талантливыми догадками и научная справедливость которых была доказана лишь впоследствии. Он пишет: «Молоко всех других млекопитающих животных весьма различествует от человеческого. Каждое молоко определено только для собственного своего рода... Сверх того всякое молоко, которое дитя не непосредственно из сосудов получает, не только от нагревания на огне, но и когда стоять будет на открытом воздухе, лишается душистого своего невидимого вещества, которое, может быть, между телоподкрепляющими частями молока занимает первое место. И самое матернее молоко не составляло бы такого для дитяти питательного средства, если бы его сперва доили и, потом нагрев, давали алчущему младенцу»³.

¹ «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 20, стр. 155.

² Там же, № 19, стр. 152.

³ Там же, № 22, стр. 171.

Русские врачи XVIII в., не располагавшие, само собой разумеется, научными сведениями о витаминах, уже догадывались о наличии каких-то неуловимых и вместе с тем весьма существенных составных частей в некоторых пищевых продуктах. В частности, мысль о наличии подобных нестойких веществ в молоке высказана не только в цитированной выше статье. Еще раньше ее совершенно четко формулировал Зыбелин, указавший, что при долгом стоянии или кипячении молока в нем исчезают те тончайшие «крепительные частицы, которые находятся в свежем молоке» («Слово о правильном воспитании», М., 1775).

Автор не устанавливает единого для всех детей срока кормления грудью. «Природа определила продолжать сие кормление до тех пор, а не далее, пока не имеет еще дитя довольно силы и пока не получит большей части зубов»¹.

Что касается питания детей в возрасте от 1 года до 3 лет, то, по мнению автора, в этом нельзя, как предлагали «Руссо и другие токмо умозрительные наставники», руководствоваться естественным стремлением детей, так как дети порой выбирают совсем не то, что им полезно, и могут съесть больше, «нежели желудок их сварить в состоянии»².

Приведенных примеров достаточно, чтобы показать самостоятельность и оригинальность автора и значение этой статьи в истории отечественной педиатрии.

Из других гигиенических статей представляет интерес статья «Для любителей учености» (№ 27—28). Она посвящена гигиене умственного труда. Статья начинается любопытным предостережением, указанием на опасности для здоровья, сопряженные с занятием умственным трудом.

Опасность умственной работы автор видел в чрезмерном умственном утомлении, а также в том, что ученые люди мало двигаются, слишком много сидят, увлеченные своей работой забывают есть, забывают испражняться, — отсюда развиваются нарушения их физиологических отправлений.

К группе статей на гигиенические темы может быть причислена и статья «Об обыкновенных испражнениях» (№ 42—44). Эта статья построена на распространенном в XVIII в. мнении о чрезвычайной важности для здоровья человека нормального выделения кала, мочи и «неприметной испарини». Задержка их в организме причиняет большой вред. «Если удержано будет долгое время то, что должно быть извержено из тела, то не только приключается от сего многокровие, но и соки принимают различные вредные свойства»³.

Более всего автор останавливался на необходимости нормального выделения испарини и советовал избегать причин, вызывающих нарушение его. К этим причинам он относил перемены в атмосфере, ночной воздух, мокрую одежду, которая «вгоняет назад испарину», мокрые ноги, влажные постели, сырье покой. Говоря об этой последней причине, автор (возможно, и переводчик, один из «сочинителей Врачебных ведомостей»), дал невольно привлекающий наше внимание совет:

¹ «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 25, стр. 196.

² Там же, № 25, стр. 200.

³ Там же, № 42, стр. 127.

«Служители и прочие люди, существующие жить в низменных покоях и почти под землею, редко бывают долгое время здоровы; почему господам не худо бы обратить внимание карательно здоровья их челядинцев»¹.

Две статьи на гигиенические темы касаются специально вопроса о значении и свойствах воздуха («О нагорном воздухе» в № 10 и «О черной пещере, представляющей пример, сколь вреден заключенной воздух», в № 10 и 11). Две большие статьи посвящены диетике в широком смысле слова, включавшей в XVIII в. и поведение, и питание, и весь жизненный уклад. Это — «Письма к благородной особе» в № 33—35 и «О главнейших причинах продолжительных болезней» в № 36—39. Они пропагандируют «умеренность» как основной жизненный принцип.

Совершенно неожиданно появление во «Врачебных ведомостях» такой статьи, как «Размышления врача о любви» (№ 32). Эта статья не содержит каких-либо научных медицинских мыслей и была, очевидно, какой-то попыткой внести в журнал некоторый элемент юмора, развлекательности; она резко отличается от других и воспринимается как иородная.

Несколько выпадают из общего характера журнала еще две статьи, далекие от утилитарной цели, не сообщавшие читателям никаких практических сведений. Но они касаются медицины и представляют интерес, так как посвящены принципиальным для того времени и в известной степени спорным вопросам.

Первая из них — «Исторический опыт о происхождении различия между врачами и лекарями».

Под лекарями в данной статье подразумеваются хирурги. Возникшее в средние века разделение представителей медицинской профессии на врачей и хирургов и многовековая вражда между ними общеизвестны. Лекари (хирурги) не имели теоретического медицинского образования, и к их компетенции относились так называемые наружные болезни, лечение которых производилось каким-либо активным воздействием, в ведении же врачей было лечение так называемых внутренних болезней².

Несмотря на горячие протесты наиболее прогрессивных и проницательных представителей врачебного искусства, разделение врачей и хирургов существовало в Западной Европе вплоть до XIX в.³.

Хотя в известной мере это разделение формально существовало и в России, но по существу оно не было таким резким

¹ «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 43, стр. 136.

² Этот термин, сохранившийся до настоящего времени, представляет собой отголосок давно ушедшего деления болезней на внутренние и наружные и медиков — на врачей и лекарей.

³ М. Лахтин, Этюды по истории медицины, М., 1902, стр. 82—83.

и антагонистическим, как в странах Западной Европы. Это положение нашло весьма приветственный отклик в упомянутой нами статье в «Санктпетербургских врачебных ведомостях».

Автор ее высказывал решительное порицание выделения хирургии из медицины и в значительной степени справедливо обвинял в этом католическую церковь, которая запрещала духовенству заниматься хирургией, и те уставы церковных соборов, которыми «упражняющиеся в хирургии ставятся наравне с палачами и разбойниками»¹.

В России автор совершенно не видел разделения на врачей и хирургов и очень одобрял это. «Мудрость сего учреждения столь очевидна, что ее только представить, а изъяснять не нужно. Как можно лечить раны без знания собственной врачебной науки, предполагающего как бы существенными частями совершенное понятие о всей природе человека, правильное рассуждение о настоящем через сравнения и следствия, знание действительных лекарств и определение их пользы или употребления? Как можно по надлежащему вылечивать внутренние болезни, которые столь часто сопряжены с ранами, без знания хирургии? Итак да не будет различия между внутренними и наружными болезнями; да устранится ненавистная школьная тонкость, ибо одно токмо существует врачебное искусство»².

Отсутствие этого разделения в России дало автору повод отметить и другие преимущества в постановке медицины и здравоохранения в России: «Россия имеет много, много преимуществ и во врачебных своих заведениях; по чему достойно было б по истине труда, если б кто предпринял сделать прибавление к познанию отечества, сравнив врачебные его заведения с состоянием оных в иностранных государствах. Какая земля может по соразмерности представить толикое число врачей, и столь великое об них попечение? Какой земле уступит Россия в рассуждении великих госпиталей, каковые существуют в Петербурге, Москве и Кронштадте? Какая земля имеет столько воспитательных домов, столько заведений для родильниц, для сумасшедших, для прививания оспы, кои последние почти единые токмо в своем роде?... И наконец, да отважуся спросить, где лучшие находятся учреждения для образования будущих врачей?»³.

В другой упомянутой статье намечены пути к дальнейшему развитию и распространению медицины в России. Она подписана инициалами Ф. У., за которыми можно угадать Федора Удена.

Статья носит название «О пользе учреждения в России скотоврачебных училищ».

¹ «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 1, стр. 3—4.

² Там же, стр. 7.

Наличие в медицинском журнале статьи о скотоврачебных училищах не должно нас удивлять. В XVIII в. ветеринария не отделялась от медицины. Следует отметить, что даже и впоследствии по университетским уставам 1804 и 1835 гг. кафедра скотолечения входила в состав медицинских факультетов.

Упоминаемая же статья Удена имеет непосредственное отношение не только к ветеринарии, но и к медицине. Автор указывал, что скотолечебное училище не только подготовит ветеринаров, но принесет пользу и врачебной науке, потому что на животных можно производить такие опыты, которых нельзя допустить «при лечении человеков». Поэтому в скотоврачебных училищах скотоврачевание может развиваться гораздо быстрее, чем медицина. А с помощью «чинимых при скотолечении опытов и замечаний открываются и во врачебной науке многие истины»¹.

Таков родоначальник русских медицинских журналов. Был ли он научным, или популярным, или, что вернее всего, объединяющим в себе оба эти качества, издание его составляло крупное событие в истории русской медицинской литературы.

Глава VIII

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в.

В предыдущих главах дано описание основного фонда русской медицинской литературы XVIII в.

Следует наметить те основные направления, которые определяли ее содержание, и подчеркнуть их передовой научный и научно-общественный характер.

Русская медицинская литература XVIII в. не была, конечно, лишена ошибок, заблуждений, наивных представлений, отражавших состояние медицинской науки того времени. Но не они должны останавливать наше внимание.

Ф. Энгельс, касаясь исходившего от пигмееев-критиков «анализа» произведений социалистов-утопистов, писал: «Предоставим литературным лавочникам вроде Дюринга, самодовольно перетряхивать эти, в настоящее время кажущиеся забавными, фантазии и любоваться трезвостью своего собственного образа мыслей по сравнению с подобным сумасбродством. Нас гораздо больше радуют прорывающиеся

¹ «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 49, стр. 182.

на каждом шагу сквозь фантастический покров зародыши гениальных идей и гениальные мысли...»¹

И в русской медицинской литературе XVIII в. нас должны прежде всего привлекать также зародыши гениальных идей, прогрессивные мысли, которые нашли свое отражение в книгах и журналах этой эпохи.

Специалисты-историки отдельных отраслей медицины в произведениях русских врачей того времени найдут немало смелых мыслей, идей, опередивших свою эпоху, оригинальных наблюдений, талантливых догадок, правильных определений и т. п.

Отметить их все не входило в нашу задачу, да и вряд ли оказалось бы нам под силу.

Но в качестве ярких примеров можно привести догадку о наличии весьма существенных и нестойких составных частей молока, высказанную Зыбелиным²; описание некоторых клинических признаков чумы и микроскопические исследования «яду язвенного» Самойловича, а также его толкование природы чумы и путей ее распространения и связанную с этим систему борьбы с чумой, разработанную им; намек Максимовича-Амбодика на возможность лечения одного заболевания другим³; догадку о дополнительной (внутрисекреторной?) функции половых желез — у Бахерахта⁴.

Специалистам нетрудно будет увеличить число таких примеров.

В данной же работе попытаемся наметить направление, в котором развивалась медицинская мысль, которое выходит за пределы одной медицинской специальности, одного узкого вопроса и является характерным для всей литературы в целом.

При внимательном знакомстве с русской медицинской литературой XVIII в. удается прежде всего отметить две руководящие идеи, несомненно положительные и прогрессивные.

Первая заключалась в признании и подчеркивании предупредительной роли медицины.

На всем протяжении XVIII в. при определении задач медицины сохранение здоровья ставилось всегда наравне, а часто и впереди врачевания болезней.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1945, стр. 242.

² С. Зыбелин, Слово о правильном воспитании, М., 1775. Этую же мысль, как мы указывали, высказал и неизвестный автор статьи в «Санктпетербургских врачебных ведомостях».

³ Н. М. Максимович-Амбодик, Врачебное веществословие, СПБ, 1783, ч. 1, стр. 51.

⁴ «Сего сока [т. е. мужского семени. — С. Г.] большая и самая лучшая часть отделяется в кровь и разливается наподобие жизненных соков во всем теле и производит разуму человеческому непонятные перемены в нашем теле, а именно: посредством оного растет борода, волосы, переменяется голос, показывается мужество... сие нам видно в здоровом и всеми своими членами крепком человеке, а противное в скопце, или слабом, своими членами не сильном, но женского сложения» («Собрание разных полезных лекарств», СПБ, 1779, стр. 14—15).

Так, в 1732 г. академики молодой Петербургской академии наук снабдили аллегорическое изображение медицины подписью: «Или сохраняет или возвращает», повторенной и в стихотворном тексте:

«Медицина избрана ко здравию людей,
Хранить оное нам тая поданна
И возвращать жизнь угласнути имущим»¹.

Обе надписи свидетельствуют о том, что сохранению здоровья уделялось первостепенное значение.

И в конце века другие академики повторяют то же. Они определяли медицину как «науку, предписывающую средства, служащие к сохранению здоровья и к врачеванию болезней», а врача как «того, который посредством врачебного искусства сохраняет здоровье и исцеляет болезни»².

В 1796 г. проф. Политковский определял врачебное искусство как «науку, содержащую правила здравоё человеческого тела состояния сохранять и поврежденное... исправлять и восстанавливать»³. И в этих определениях на первом месте поставлено сохранение здоровья.

Идея профилактики нашла свое отражение не только в этих определениях, но и в ряде сочинений на медицинские темы.

Ранее всего мы встречаем ее в одной из статей под заглавием «Рассуждение о вредности медной посуды»⁴.

В этой статье, посвященной, казалось бы, узкому гигиеническому вопросу, мы неожиданно наталкиваемся на прекрасные формулировки профилактической, и притом общественно-профилактической, роли врача. «Врача главнейшая должность состоит в том, чтоб по правилам врачебной науки содержать людей в здравом состоянии и предупреждать наступающие на них болезни. Стране его о том не должно простиаться до того или другого человека особенно; но повинен он пещися о здравии всех своих сограждан вообще; или свойственнее сказать, он должен стараться о пользе всего человеческого рода» (разрядка наша. — С. Г.).

Далее следовали рассуждения о вредном влиянии меди, излагались признаки и следствия медного отравления, объяснялись причины отравления при пользовании медной посудой и рекомендовалось употреблять вместо медной посуды железную. Заканчивалась статья указанием на роль врачей как стражей общественного здоровья. «И тако должностъ врачей, яко надзирателей нашего здоровья, требует, чтобы всякому гражданину накрепко подтверждать о том, чем грозит им медная посуда и без всяких околичностей явно предлагать, чтобы употребление медной посуды при приготовлении кушанья вовсе уничтожено было».

Эта статья была переводной. Но, как уже указывалось, в «Ежемесячных сочинениях» помещались лишь статьи, с кото-

¹ «Примечания на ведомости», 1732, стр. 116.

² «Словарь Российской академии», СПБ, 1789, т. I, стр. 879.

³ Ф. Г. Политковский, Слово о связи истории натуральной с физикою, химиею и врачебным искусством, М., 1796.

⁴ Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие, апрель 1759 г., стр. 352—367.

рыми были солидарны их издатели, причем переводы производились достаточно «вольно», так что, не зная подлинника, не всегда даже можно установить, кому — автору, переводчику или редактору — принадлежит то или иное утверждение.

Указание на предохранительную роль медицины мы находим и в оригинальных русских произведениях.

«Правда, что излечение болезней есть дело величия важности, но сохранение здоровья еще несравненно того важнее», — писал неизвестный русский автор XVIII в.¹.

Так как «гораздо легче предбуждшей скорби прелагать препону, нежели истреблять уже существующую», — писал И. Виен, — то следственно часть врачебной науки, преподающая предохранительные средства», должна быть «справедливым образом уврачевательной предпочитааема»². В оригинальной образной форме эта же мысль выражена в предисловии к одной из книг, вышедшей уже на исходе века. «Я не отвергаю, — писал ее автор, штаб-лекарь одного из полков русской гвардии, — достоинства кормчего, который и во время самой бури умеет спасать корабль; но тот надежнее спасает, кто предохраняет оный от бури... Я ведаю пользу практического медика и важность благотворительного знания, нежную жизненную нить паки связывать. Я чувствовал удовольствие при спасении человеческой жизни от предстоявшей смерти; но чувствую и ведаю, что гораздо благодетельнее и полезнее сию нить так укрепить, чтобы она не разрывалась при всяком насилии опасности»³.

Настойчиво проводил в своих работах идею профилактики А. Бахерахт. Его книга «Способ к сохранению здоровья морских служителей» вся построена на принципе, сформулированном им в более ранней работе: «Всякая болезнь имеет свою причину: уйми причину, болезнь уже сама собою отстает»⁴. Исходя из этого, он посвящает почти всю названную выше книгу вопросам гигиены корабля и личной гигиены матросов, чистоте, ибо «чистота есть настояще средство к сохранению здоровья», правилам питания и т. д. Бахерахт считал «неопровергаемым», что большой запас лекарств, который берут обычно лекари с собой в плавание, является скорее балластом, а почти все корабельные болезни «предупредительными средствами исцелены быть должны и могут». Книга заканчивалась советом лекарям даже при лечении болезней, «при употреблении средств для исцеления болезней, никогда

¹ «Санктпетербургское еженедельное сочинение», 12 июля 1778.

² И. Виен. Лоимология, СПБ, 1786, стр. 272.

³ И. Луц. Друг здоровья в пользу народа, СПБ, 1800, стр. 5.

⁴ Собрание разных полезных лекарств на разные болезни, СПБ, 1779, стр. 94.

не отходить от тех средств, коими болезни предупреждаются, но совокуплять оные вместе»¹.

В книге, посвященной борьбе с цынгой, Бахерахт снова возвратился к вопросу о необходимости мер, «пресекающих причины» возникновения болезни. «Ежели не пресекутся причины, рождающие болезнь, то и самые лучшие лекарства мало, а может быть и никакого уврачевания подать не могут»².

По представлениям XVIII в., эта предупредительная задача возлагается не только (и даже, может быть, не столько) на медиков, сколько на полицию. Еще петровский «Регламент главного магистрата» 1721 г. возлагал на полицию обязанность «предостерегать все приключившиеся болезни» и «производить чистоту на улицах и в домах»³.

В «Наказе» Екатерины II (1767) глава XXI «О благочинии, называемом иначе полицией» включает § 554, гласящий: «Здоровье—третий предмет полиции, и [полиция] обязует распространить свое тщание на безвредность воздуха, на чистоту улиц, рек, колодзей и других водных источников, на качество съестных и питейных припасов, наконец на болезни, как в народе размножающиеся, так и на прилипчивые».

Отголоски этих же представлений встречаем мы в утопии Щербатова «Путешествие в землю Офирскую» (1776—1777): в воображаемой счастливой земле «попечение о здоровье жителей» возложено на полицию. В каждой части города имеется один пристав, который наблюдает за доброкачественностью продаваемых пищевых продуктов, за чистотою улиц и домов, «чтоб ничего такого не было, что может воздух заражать», особо следит за чистотою колодцев и водоемов и имеет право, встретив водовозную бочку, «ее осмотреть и если найдет в ней дурной запах, велеть ее вычистить самому тому, кто ее везет»⁴.

В русской медицинской литературе XVIII в. мысль о связи медицины с полицией получила отражение у И. Велцина, который свое сочинение «о средствах зависящих от правительства к сохранению народного здоровья» посвящал «всем тем, коим попечение о общем благе вверено: правительям, надзирателям благочиния и начальствующим в приказе общественного призрения», так как считал, что основные профилактические мероприятия могут быть осуществлены «только властию начальства»⁵.

Хотя практическое осуществление санитарного надзора, по

¹ А. Бахерахт, Способ к сохранению здоровья морских служителей, СПБ, 1780, стр. 19, 94 и др.

² А. Бахерахт, Практическое рассуждение о цынготной болезни, СПБ, 1786, стр. 16.

³ Регламент или Устав главного магистрата, гл. X «О полицейских делах» (ПСЗ, т. VI, № 3708).

⁴ М. М. Щербатов, Сочинения, т. I, СПБ, 1896, стр. 812—814.

⁵ И. Велцин. Начертание врачебного благоустройства, СПБ, 1795, стр. II—V.

мысли Велцина и других авторов, и возлагалось на полицию, но руководящая роль оставалась за «искусными во врачебной науке людьми», т. е. врачами, и профилактика сохраняла значение первой и главной части медицины.

Вторая весьма прогрессивная идея, пронизывающая русскую медицинскую литературу XVIII в., в основном сводилась к следующему: первенствующий метод в медицине — это метод клинический.

Значение этой идеи особенно оттеняется, если вспомнить, что медицина в Западной Европе в это время еще в значительной степени оставалась в плену у схоластики. Врачи подменяли клиническое наблюдение больных заучиванием и толкованием книг медицинских классиков древности и средневековья.

Россия в этом отношении составляла известное исключение, занимала правильную и передовую позицию. С самого возникновения в ней госпиталей и медицинских школ лечение было тесно связано с обучением медицине и наоборот.

Еще Указ 1682 г. о постройке в Москве двух «шпитален» для нищих преследовал цели лечения больных и обучения лекарей.

«Которые между теми нищими будут больные или увечные, — говорилось в этом указе, — а лечить их можно, и у того дела молодым дохтурам не малая польза, в науке своей изощрение»¹.

Еще сильнее этот союз медицинского образования и клинического наблюдения определился в основанном Петром I Московском госпитале и госпитальной школе при этом госпитале, а затем в подобных же госпитальных школах в двух Петербургских, Кронштадтском, Елисаветградском госпиталях, Калинкинском училище, Повивальном институте.

В этих госпитальных школах обучение было наглядным, опытным. Анатомию изучали на трупах, лекарствоведение — в лекарственном огороде и в аптеке, терапию и хирургию — у постелей больных.

В инструкции профессору-хирургу, разработанной Кондоиди в 1742 г., предписывалось: «наиболее на то смотреть, чтобы учащиеся получали понятие о частях человеческого тела, о медикаментах и хирургических инструментах больше очным опознанием, нежели трудно понимаемым описанием... Операции сначала производить на мертвых телах, дабы учащиеся научиться могли, каким образом оные учинить, а потом, ежели к тому случай будет, делать операции и на живых...».

А «Предварительное постановление о должностях учащих и учащихся» (1795) вменяло в обязанность профессору пато-

¹ В. Берх, Царствование царя Федора Алексеевича, СПБ, 1834, стр. 90.

логии и терапии «изъяснять учение при постелях болящих, имея особенную палату, называемую обсервационною... Сему положению непременно следовать должно, ибо оное есть единое средство образовать молодых людей искусными врачами»¹.

Эти инструкции и положения закрепляли уже существующие традиции.

Русские госпитальные школы готовили образованных и умелых врачей. Примером их может служить неоднократно упомянутый нами М. И. Шеин, главный хирург Адмиралтейского госпиталя, человек, не знавший иностранных университетов, получивший свое медицинское образование в госпитальных школах России.

Д. Самойлович был совершенно прав, когда настаивал на том, чтобы для получения звания доктора медицины направлять в иностранные университеты лишь людей, окончивших госпитальные школы и овладевших клиническими знаниями. «Кто может сказать, — обращался Самойлович к своим воображаемым слушателям, ученикам госпитальных школ, — что это не самый лучший способ изучать медицину, если у нас каждый ученик с самого поступления в госпиталь должен ежедневно быть у постелей больных, пускать им кровь, делать перевязки, прописывать лекарства — словом, исполнять все то, что предписывает ему врач или хирург, наблюдающий за их излечением... Не согласится ли всякий со мною, что лучше одновременно изучать теорию и практику, нежели одну теорию!»².

М. Пекен также отмечал превосходство русского медицинского образования перед иностранным. «В России, — писал он, — каждый имеет свободный доступ к преподаваемым о врачебных и касающихся к ним науках учениям, и беспрепятственно посещая больницы, наиудобнейший имеет случай упражняться в деятельной врачебной науке под руководством искуснейших врачей, что в других государствах сопряжено с великими издержками, напаче же в Англии много требует иждивения...»³.

Медицинский факультет Московского университета, не имевший на первых порах своей клиники, в течение некоторого времени представлял шаг назад в этом направлении, но и в Московском университете анатомия изучалась опытным путем.

Даже весьма критически относившийся к русской медицине проф. Эразмус должен был признать, что московские студенты счастливее своих иностранных коллег, так как в иностран-

¹ Я. Чистович. История первых медицинских школ в России, СПБ, 1883, стр. 267, 385.

² Discours aus eleves, Opuscules sur la peste, Paris, 1787, p. 16, 24, 25.

³ М. Пекен. Начальные основания деятельности врачебных наук, СПБ, 1790; предисловие.

ных университетах «так редко бывает случай учиться анатомии надлежащим образом»¹.

В свете этого становится понятным, что авторы русской медицинской литературы, воспитанные в духе опытного, клинического подхода в медицине, в своих произведениях являлись пропагандистами клинического метода, опыта, наблюдения в медицине.

В медицине, считали они, нельзя пользоваться одними умозаключениями. «Заключение по одному сходству недействительно, когда дело есть о животе человеческом. В сем случае надлежит основаться на таких обстоятельствах, которые не только разумными заключениями неоспоримы, но и опытами доказаны»².

Заслуживают, по мнению русских авторов, внимания и имеют право на существование лишь те медицинские книги, которые основаны на опыте их авторов. Погорецкий утверждал, что «свидетельствуют жребий бессмертия в позднейшем потомстве» лишь те книги, которые «произошли от долговременного каких-либо вещей опыта»³.

В медицине этот опыт достигается тщательным наблюдением больных. Поэтому в ряде произведений русской медицинской литературы XVIII в. подчеркивается необходимость внимательного клинического наблюдения. Те врачи, которые лечат, основываясь на «здравом рассуждении, на довольном испытании и притом и на чтении приличных книг», имеют гораздо больший успех и приносят больше пользы, нежели «медики, без рассуждения наизусть выученные»⁴. «При врачевании болящих, — писал Максимович-Амбодик, — врачу и лекарю надлежит тщательно испытывать все бывающие в больных перемены»⁵. Произведения самого Максимовича-Амбодика в значительной мере являются плодом его клинического опыта, и он это специально подчеркивал. Сообщая о выходе в свет своего «Искусства повивания», он указывал, что внес в это сочинение не только плоды своего теоретического обучения по книгам и лекциям профессоров, но главным образом то, что ему пришлось «в иностранных повивальных больницах своими очами зреТЬ и в чем самому как тамо, так и здесь в России собственным опытом многократно удостовериться довелось»⁶.

Большая наблюдательность отражена и в клиническом

¹ И. Ф. Эразмус, Слово о противностях анатомического учения, М., 1765, стр. 19.

² «Ежемесячные сочинения», сентябрь, 1758, стр. 281.

³ Л. Корнелий. Опыт о пользе трезвяя жизни, М., 1768, стр. 66. Примечание переводчика.

⁴ «Санктпетербургское еженедельное сочинение», 1778, л. II, стр. 164.

⁵ Н. Максимович-Амбодик, Врачебное веществословие, СПБ., 1783, ч. I, стр. 48.

⁶ «Санктпетербургские ведомости», 1789, № 4, стр. 46—48.

описании болезней в Словаре Российской академии. Выше мы отмечали, что даже в переводах книг иностранных авторов русские врачи стремились внести дополнения, исходя из своих наблюдений. Вооруженные клиническим методом, русские авторы-врачи иронически и, можно сказать, враждебно отзывались о тех, как они их называли, «умствованиях», т. е. умозрительных и метафизических теориях, которые господствовали тогда в западноевропейской медицине.

«Все то, — писал Максимович-Амбодик, — что основывается только на едином умствовании и правдоподобии, не заслуживает внимания благоразумного врача... Он должен умствовать, последуя опыту... В противном случае деятельность врачебная наука много вреда нанести может»¹. Ему вторит Луц: «Врачебная наука есть знание, основывающееся на опыте. Опыт есть источник ея. История ея доказала, что она, основываясь единственно на опыте, была полезна, а удаляясь от оного, составляла бесполезное пустословие»².

Переводчик «Лечебника» Бухана в своем предисловии ставит автору в заслугу, что он «не великой охотник до так называемых греческим словом ипофезесов или предположений»³.

В «Кратком уведомлении» о моровой язве, изданном Комиссией по борьбе с чумой, Г. Орреус писал: «Сие краткое сочинение сообщается публике... с таким уверением, что оно не вымышленное и не из книг выписанное, но самою практикою и многими опытами все изображенные в оном предохранительные и врачевательные средства изведаны и дознаны»⁴.

Полны сознания преимущества собственных клинических наблюдений слова Д. Самойловича: «Ино есть быть токмо сведущим о чуме елико что от книг, елико что от иносказаний чуждых, елико увида токмо несколько раз язвозачумленных, и то как либо издали, но совсем есть другое ведать и язвоносные признаки первоначальнейшие и... заразы сей периодическое течение; при том не страшась и самой смерти! Хотя видимая смерть вся кому страшна!»⁵.

А. Шафонский резко осуждал тех авторов, «кто причину естественных в телах действий одною догадкою изыскивает, и в основание своим мнениям полагает то, чего в самом виде и опытами доказать трудно», чьи книги «больше заключают

¹ «Физиология», СПБ, 1787, стр. 137. Эта цитата заимствована из гл. XI «О началах и причинах болезней», написанной, повидимому, самим Максимовичем-Амбодиком.

² И. Луц, Друг здоровья в пользу народа, СПБ, 1800, стр. 17.

³ Бухан, Полный и всеобщий домашний лечебник, М., 1790, т. I, стр. 9.

⁴ «Краткое уведомление, каким образом познавать моровую язву...», М., 1771 (ПСЗ, т. 19, № 13682).

⁵ Д. Самойлович, Способ самый удобный... врачевания чумы, 1798; Избранные произведения, М., 1949, стр. 136.

в себе их произвольные положения (*hypotheses*) и основанную на них одну теорию». Этим авторам Шафонский противопоставлял московских врачей, которые непосредственно у постели больных, «истощая все свои труды и искусство, старались познавать существо, качество и... способ лечения... болезни»¹.

Этот клинический, основанный на опыте, на наблюдении больных, подход к определению сущности болезни и ее лечению играл решающую роль и в суждениях русских врачей об отдельных болезнях.

Медицина XVIII в. во многом соответствовала той характеристике, которую дал Ф. Энгельс так называемому априорному методу, «согласно которому свойства какого-либо предмета познаются не путем обнаружения их в самом предмете а путем логического выведения их из понятия предмета»². В частности, большое значение в патологии придавалось «остроте» соков, воображаемому «кислому» характеру их, и на этой чисто умозрительной отвлеченной теории строилось представление о природе многих болезней, происхождение которых, однако, никак не было связано с мнимой «кислотой» соков. Русские же врачи,— если не все, то во всяком случае наиболее передовые из них,— высказывались против этих ни на чем не основанных взглядов и понятий, прымкая к тем взглядам и теориям, которые покоились на опыте и наблюдениях.

При оценке различных лекарственных веществ русские врачи также руководствовались клиническим опытом.

В русской медицинской литературе XVIII в. неоднократно встречаются указания на то, что должны употребляться лишь те лекарства, действие которых проверено на практике.

Наиболее четко эта мысль высказана Максимовичем-Амбодиком. Он указывал, что «врачебная сила каждого растения познается... по опытам над животными учиненным и напаче по наблюдениям, кои с растениями над человеческим телом нарочито учинены были». При этих исследованиях врачи должны иметь «правдолюбие, тщание, постоянство и строгое наблюдение в повторении опытов». Опыты следует проводить внимательно, учитывая все привходящие обстоятельства, «и после одного или двух случаев не вдруг хвалить или хулить новоупотребленное лекарство»³.

Здоровое клиническое мышление,вшедшее свое отражение в русской медицинской литературе XVIII в., своим следствием имело индивидуальный подход к больным и отказ от шаблона.

¹ А. Шафонский, Описание моровой язвы, М., 1775, стр. III—IV.

² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1945, стр. 90.

³ Н. М. Максимович-Амбодик, Первоначальные основания ботаники, ч. II, СПБ, 1796, стр. 219—230.

С. Г. Зыбелин, излагая распространенное учение о четырех типах сложения тела и намечая для людей каждого типа особый образ жизни и особенности лечения, вместе с тем отмечал, что «сие разделение не весьма точно всех людей сложения в себе заключает; ибо едва ли не всякий человек свое и собственно ему одному принадлежащее имеет...» (разрядка наша. — С. Г.)¹.

А. П. Протасов говорил, что врач назначает больному лекарство, лишь «рассмотрев надлежащим порядком и болезнь и натуру своего больного...»².

Прогрессивная идея русской клинической школы — лечить не болезнь, а больного, со всеми присущими ему индивидуальными особенностями сложения, пола, наследственности и патологии, — была по существу, хотя и не в такой афористической форме, высказана русскими врачами уже в XVIII в.

Особенно четко и настойчиво проводил ее в своих сочинениях Максимович-Амбодик: «Благоразумие требует всегда прежде, нежели предпримлется врачевание, прилежно и тщательно исследовать все обстоятельства... Каждое лекарство не во всяком человеке производит одинаковое действие: иное одному, другое другому вредит или пользует; почему надлежит всегда испытывать природу каждого и ей поспешествовать... Врач повинен ведать свойство всех вещей, их природу вообще и природу каждого человека особо... Часто то вредно сему, что полезно другому...»³. «Почти в каждом человеке не только болящем, но и здоровом, естественные действия хотя и не вовсе противны, по крайней мере с некоторою явственной отменою бывают...». «Потребные лекарства всегда нужно приспособлять сложению и природе тела»⁴.

Максимович-Амбодик, борясь с трафаретом в лечении, почти отрицал наличие «непременных правил» во врачебном деле. Он писал: «Лечение или врачевание болезней почти никакими пределами ограничено быть не может и едва в известных правилах заключается: но большей частию зависит от искусства врача или лекаря, здравым рассудком и долговременными опытами путеводимого»⁵.

В своем переводе книги Гуме Максимович-Амбодик сформулировал эту мысль так: «Врачебное искусство не приемлет почти никаких непременных правил»⁶. Единственные «всеобщие постановления» сводятся к тому, чтобы лечить «и скоро, и приятно, и безопасно». Такой взгляд, понятно, был уже

¹ С. Г. Зыбелин, Слово о сложениях тела человеческого, М., 1777.

² Х. Пекен, Домашний лечебник, 2-е изд., 1766, стр. 30; Примечание переводчика.

³ «Физиология», СПБ, 1787, стр. 126—127, 130.

⁴ Н. М. Максимович-Амбодик, Врачебное веществословие, ч. I, СПБ, 1783, стр. 48.

⁵ Там же, стр. 47.

⁶ Гуме, Начальные основания врачебных наук, СПБ, 1786, стр. 57.

крайностью и не находил подтверждения в трудах других русских авторов. Требование же индивидуального подхода в лечении больных встречается в ряде произведений у многих авторов.

Одной из ведущих идей XVIII в. была идея философов-просветителей о спасительной роли природы.

Эта идея тесно связана с учением о естественном праве. Естественное право, учение о так называемом естественном законе, было передовым для XVIII в. Оно возникло как идеологическая надстройка, как попытка растущей буржуазии теоретически обосновать свое стремление к политическим правам. По словам акад. В. П. Волгина, теория естественного права являлась в XVIII в. «наиболее распространенной формой социально-политической критики и пропаганды новых социально-политических идей»¹. Равенство перед природой призвано было служить примером, образцом и основанием для равенства всех перед законом.

Отсюда — призыв к «естественному состоянию», к близости к природе, идеализация дикарей, их нравов, обычаяев, отсюда и утверждение всемогущества, безошибочности, непогрешимости природы.

Учение о естественном законе кратко, но исчерпывающе сформулировано акад. В. П. Волгиным в следующих словах: «Существует некий порядок, соответствующий естественным свойствам человека — человека вообще, независимо от условий времени и места... Это и есть разумный или, иначе, естественный строй. Но человек не живет в условиях естественного строя. По неразумию, по ошибке разума он уклонился от велений природы»². Поэтому нужно его вернуть в естественный строй.

Это относится к организации общественного порядка, но в не меньшей мере и к образу жизни каждого человека, к диетике.

Эта идея нашла широкое отражение и в русской медицинской литературе. Счастье и здоровье человека возможны лишь при подчинении, следовании природе, натуре.

В медицине «следование натуре» признавалось основным, незыблаемым законом прежде всего в диетике, гигиене.

«Вообще для разумного человека во всяком возрасте жизни прилично употреблять умеренность... и следовать натуре»³. «Чем больше человек повинуется природе и ея законам, тем долее живет»⁴ и т. п.

¹ «Вестник Академии наук СССР», № 1—2, 1945, стр. 99.

² В. П. Волгин, Коммунистическая теория Морелли, В кн. Морелли, «Кодекс природы», М.—Л., 1947, стр. 7.

³ Некоторые правила до здравия касающиеся, «Ежемесячные сочинения», март, 1760.

⁴ А. Вицман, Правила для желающих наслаждаться долголетием жизнью, СПБ, 1799, стр. 5.

Этот принцип «следования натуре» особенно ярко проявлялся в сочинениях по гигиене детства. Физическое воспитание детей, утверждали русские авторы XVIII в., «есть средство следовать по стопам натуры, не превозмогая ее и не переламывая»¹.

«Добропорядочное содержание детей... может и должно почтеться тогда наилучшим и наиполезнейшим, когда оно с самою природою наиболее сходствует». Воспитание же детей, «противное естественным уставам, часто бывает причиной гибели многочисленных младенцев»².

В силу этого принципа русская медицинская литература XVIII в. настойчиво пропагандировала грудное вскармливание как единственное соответствующее природе, естественному закону.

Исходя из этого же принципа, русские медицинские сочинения XVIII в. почти единодушно высказывались против пеленания младенцев.

Зыбелин считал, что младенец всегда должен «иметь всякую свободность в движении всего своего тела, которое весьма много пользует к сохранению здоровья».

Максимович-Амбодик также возражал против пеленания детей. Он ставил европейцам в пример детей диких племен Африки и Америки, которые, не зная пеленания, «растут скоро» и через 2—3 месяца уже якобы ползают. «Сии дикие народы, варварами от нас именуемые, не следя глупому обыкновению просвещенных людей, чтобы пеленать младенцев, но следя побуждению природы, лучше их воспитывают»³.

Множить эти примеры излишне. Остановимся лишь на одном оттенке этого убеждения, на уверенности в том, что природа — не только пример для подражания, для «следования», но и страж, бдительно охраняющий человеческое здоровье.

В статье «О употреблении овощей», опубликованной в «Ежемесячных сочинениях», о которой упоминалось выше, говорится, что при выборе пищи необходимо руководствоваться не указаниями врачей, не сведениями о полезности тех или иных овощей, а естественными побуждениями, в частности, вкусовыми ощущениями, которым природа подсказывает свои требования и предостережения. «Натура со многими вещами, нам пригодными, соединила охоту, которая нас влечет к их вкушению, не расставаясь с оним. Но в другие, нам вредные, вложила нечто нам противное... Сколь полезна кислотность в премногих случаях здоровью; и сколь часто натураль-

¹ Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества, СПБ, т. I, 1789, стр. III.

² Н. М. Максимович-Амбодик. Искусство повивания, ч. V, 1786, стр. 45, 47.

³ Там же, стр. 24.

ное побуждение ко вкушению кислых вещей нас влечет: однажды находятся случаи, когда противной аппетит отзывает от сего; а сии то случаи самые те, что тогда нам кислые вещи неполезны»¹.

То же, по существу, утверждал и Лепехин. Рассказывая об употреблении крестьянами весной в питье древесных соков, якобы предохраняющих от цынги и других болезней, он прибавляет к этому: «Крестьяне употребляют сие средство, не ведая его действия, ниже понимая происходящие от того выгоды; но сама природа вложила им побуждение и склонность к тому, что к сохранению их тела по обстоятельствам места много способствует»².

Эту же мысль горячо поддерживал и Погорецкий. Переводя трактат А. Корнелия, он вступил в полемику с автором, отрицающим справедливость пословицы «что вкусно, то сытно и здорово». Погорецкий считал эту пословицу совершенно правильной. Он утверждал, что вкусовые ощущения служат человеку для того, чтобы отличать полезную пищу от вредной.

Говоря словами Погорецкого, «попечительное естество» для того и «положило чувство вкуса на языке и в устах, чтоб между съестными и питейными вещами могли распознавать полезное от неполезного»³.

Медицинская литература XVIII в. показывает, что закон «следования натуре» распространялся в представлении врачей того времени не только на предупреждение, но и на врачевание болезней. Природа — не только хранительница здоровья, но и целительница. Ей свойственна целительная сила, и долг врача лишь помогать природе и ни в коем случае ей не препятствовать.

Этого принципа придерживался Бургав и все его многочисленные последователи. В русской медицинской литературе XVIII в. этот принцип также нашел свое отражение. Наиболее четко сформулирован он в переводе книги ученика Бургава — Гаубия: «Главнейшее основание всей врачебной науки в самой природе (натуре) человека имеется. Она собственными своими силами одна, без помощи врача, оберегает здоровье большой части людей и врачует немощи... Врачи суть помощники натуры...»⁴.

Доказательством того, насколько распространена была эта идея, служит то, что она проникла и в неврачебные круги. Поэт XVIII в. В. Петров в оде Екатерине II, написанной по

¹ «Ежемесячные сочинения», июль 1757.

² Дневные записки путешествия Ивана Лепехина, ч. III, 1780, стр. 68—69.

³ Л. Корнелий, Опыт о пользе трезвяя жизни, М., 1767, стр. 28. Примечание переводчика.

⁴ Гаубий, Начальные основания врачебная пафология, СПБ, 1792, стр. 7.

поводу «...нового учреждения для управления губерний», сравнивал императрицу с мудрым врачом и, между прочим, писал:

«Так мудрой Врач употребляет
Не строги средства на недуг,
Но лишь природе помогает,
Рачит и действует не вдруг».

Как видно даже из этого четверостишия и как логически вытекает из самой сущности идеи о природе-целительнице, врачу предписывается полагаться главным образом на природу. На его долю остается осторожность, выжидательная, консервативная позиция, действия «не вдруг» и весьма нерешительные, «не строгие».

В известной мере, при ограниченных терапевтических возможностях в XVIII в., эта позиция была правильной, так как соответствовала мудрому гиппократову правилу — прежде всего не вредить.

Однако передовых русских врачей такая пассивная роль, при всем их доверии к природе, не удовлетворяла. Они настаивали на необходимости и активно вмешиваться в течение болезни, направлять и исправлять природу. Наиболее ярко это направление нашло свое отражение в сочинениях Максимовича-Амбодика.

Максимович-Амбодик также признавал, что врач — помощник природы. Не говоря уже об акушерской практике, где главная задача врачей — «не мешать натуре, предоставляя всегда ей самое совершенное ея священных естественных действий исполнение» и быть «всех ея деяний и намерений зрители, наблюдатели, помощники и исполнители»¹, он в известной степени распространял этот принцип на всю медицину, на все врачевание.

«Чем больше с природою согласно будет врачевание» болезней, «тем больше успехов от врачебной науки и вящей пользы от употребления лекарств впредь ожидать можно»².

Но врачевание должно быть лишь «согласно» с природою, а не полностью ей предоставлено.

Бывают, правда, случаи и болезни, где «природные действия» человеческого организма оказываются достаточными «к изгнанию и истреблению всего того, что телу есть вредно». В этих случаях природа исцеляет сама, и «тогда нет никакой нужды в употреблении лекарств, ниже в искусстве оные изобретшем».

Но так бывает далеко не всегда. В некоторых болезнях природа «без помощи искусства [т. е. медицины. — С. Г.]

¹ Н. М. Максимович-Амбодик, Искусство повивания, ч. II, Предварительная речь.

² Н. М. Максимович-Амбодик, Врачебное веществословие. ч 1, СПБ, 1783, стр. 89.

бывает недействительна». «От нея единой таковых болезней исцеления ожидать не можно». Предоставленная самой себе, природа часто либо приводит к выздоровлению слишком медленно, либо болезни «и вовсе противным образом оканчиваются» — смертью.

Более того, природные естественные «действия», функции организма при некоторых болезнях оказываются, по мнению Максимовича-Амбодика, не только не полезными, но даже вредными. «Природа человеческая иногда исцелению болезней пособствует и пользует, а иногда наносит вред и врачаению творит помешательство, а по той причине как не всегда, так и не во всяком случае единой природе последовать должно». В лечение должны активно вмешаться врач, наука, медицина. «Во всякое время надлежит употреблять искусство в помощь природе, для дополнения и совершения недостаточных ея действий».

Но, вмешиваясь, врач в свою очередь должен считаться с природой: не противодействовать, а помогать ей. «Искусного врача долг требует, дабы он по своему благоразумию всячески пособлял изнемогающей природе и своим искусством дополнял то, чего природа, себе единой предоставлена бывши, совершить и к окончанию привести никогда не в силах бывает». Проблема соотношения врачебного вмешательства и защитных сил самого организма, волнующая врачебные умы в течение долгих лет и с особой остротой вставшая снова в наши дни, на наш взгляд, решалась Максимовичем-Амбодиком в свете знаний его эпохи вполне правильно. «Как человеческая природа, так и врачебное искусство, оной соответствующее, заслуживают достойную свою хвалу, буде однаждругому взаимообразно содействуют и поспешествуют»¹.

Врач должен активно вмешиваться в течение болезни. Но вмешиваясь, он должен постоянно учитывать активные силы самого организма и не глушить их, а способствовать их наилучшему проявлению, направлять их в нужную сторону.

В связи с этим врач должен учитывать и индивидуальные особенности каждого организма. «Надо всегда испытывать природу каждого и ей поспешствовать, а не сопротивляться, либо в нерешимости лучше предоставить ей единой все действие. Нельзя ожидать никакой пользы ни успеха в лечении, если ничего не бывает сообразно ее действию и согласно с ея спасительным побуждением. Врач повинен ведать свойство всех вещей, их природу вообще и природу каждого человека особо»².

Мы уже указывали, что предоставление первенства в лечении болезней природе объясняется как верой в ее спаси-

¹ Н. М. Максимович-Амбодик, Врачебное веществословие, ч. I, СПБ, 1783, стр. 40—46.

² «Физиология», СПБ, 1787, стр. 126—127.

тельные силы, так и слабыми терапевтическими возможностями медицины того времени.

Эта ограниченность возможностей медицинской науки в XVIII в. в значительной степени осознавалась русскими врачами, что нашло свое отражение и на страницах медицинской литературы. Порой это сознание доходило даже до позиций агностицизма, до уверенности в том, что «во врачебном искусстве имеются сомнения, темноты и догадки, которые никогда совсем не истребятся, ибо смертным недано точное познание их естества и свойства вещей, их окружающих»¹ (разрядка наша. — С. Г.).

Такая крайняя позиция касалась, правда, в основном некоторых отраслей анатомии и физиологии (преимущественно нервной системы) и вопросов зачатия и развития зародыша².

Но в ряде произведений медицинской литературы проскальзывает мысль об ограниченных возможностях медицины и в лечении болезней.³

Политковский говорил, что медицинская наука содержит правила, «сколько возможно, исправлять и восстанавливать» здоровье. «Сколько возможно, ибо не всегда состоит во власти самого искусного, благонамеренного и усердного врача, чтобы все его болящие исцелялись»⁴.

По взглядам Максимовича-Амбодика, все больные и не могут исцеляться. В природе нет ничего вечного, «каждое тело должно со временем разрушиться». Этому закону следует и человеческое тело. Поэтому «желать от врача, дабы он исцелял всех болящих, есть требовать невозможного и природе человеческой противного»⁴.

Однако дело не только в законах природы. По мнению русских врачей XVIII в., сама наука медицинская несовершена. В XVII и особенно в XVIII в. она сделала большие успехи, но еще далеко не достигла совершенства и нуждается в «поправлении».

Одним из действительных способов этого «поправления» является улучшение подготовки врачей, медицинского образования⁵.

Несовершенство врачебного искусства, его бессилие перед многими болезнями приводили к постоянной злой критике

¹ Гаубий, Начальные основания врачебная пафология, СПБ, 1792, стр. 8.

² См., например. Опыт к познанию сложения человеческого тела, СПБ, 1782; Раздробление и механическое строение человеческого тела, «Санкт-Петербургский вестник», март 1781 г.

³ Ф. Г. Политковский, Слово о связи истории натуральной..., М., 1796; в кн.: «Речи, произнесенные в торжественном собрании Московского университета», т. II, стр. 286.

⁴ «Физиология», СПБ, 1787, стр. 137.

⁵ А. Шумлинский. Мнение одного истиннолюбца о поправлении наилучнейшей для людей науки, СПБ, 1787.

медицины и ее представителей со стороны лиц самых различных профессий. «Никакое общество столь многих поносных пяты не имеет, как общество врачей»¹, — сетовал один из представителей этого «общества».

Действительно, знакомство с русской художественной и мемуарной литературой XVIII в. показывает, что врачи чаще других служили объектом насмешек и поношений.

Журнальная литература XVIII в. пестрит эпиграммами на врачей. От убийственных двух строчек:

«Что ты лечил меня, конечно, слух сей лжив.
— Я жив»²,

до длинных притч, «былей», басен, эти произведения справедливо и несправедливо клеймили неудачи врачей, их обманы, корыстолюбие, недобросовестность.

В XVIII в. была издана книжка, представляющая злой памфлет на медицину и медиков, — «Рассуждение о врачебной науке, которую называют докторством». Она вышла в Петербурге в 1774 г. без указания имени автора, но автор ее впоследствии был установлен. Это — Г. Н. Теплов, царедворец и интриган, но вместе с тем умный и образованный человек.

Автор указывает, что врачебная наука очень важна, но находится на низкой ступени развития.

Более того, медицина, по мнению Теплова, настолько трудна, требует от врача такого объема знаний и к тому же настолько лишена точных способов исследования, что если она и придет к совершенству, то очень нескоро.

Большинство врачей действует вслепую, «наудачу», они лишь «дают и продают всякое зелье и здобу врачебную, а чтобы были они прямые врачи, того я никогда не скажу»³.

Это, впрочем, и неудивительно. На пути к успеху лечения врача подстерегает столько трудностей, столько препятствий, что ему очень легко ошибиться. Поэтому-то так часто опасные ошибки врачей.

Раз это так, раз так трудно познать и постигнуть все, что нужно для правильного лечения, то не лучше ли вовсе отказаться от врачебного вмешательства и предоставить все природе, естественному течению болезни?

Врачи, однако, не следуют этому мудрому правилу. Они пытаются «управлять нашими болезнями» и из корыстолюбия даже «здоровье наше стараются сделать больным»: «они здоровому предписывают диету, кровь по весне повсюду пускать, заставляют принимать в месяц по единожды слабительное, пить весною травяные соки или целительные воды, и многие заповеди делают здоровым, для запасной обороны от болезни; обороны такой, от которой самые после болезни начинаются, когда натура в человеческом теле встревожена»⁴.

При этом врачи делают это без достаточных оснований и постоянно спорят друг с другом и противоречат друг другу, а порой и самим себе. «Но доктора никогда об одной болезни равным образом не судят, а часто случается, что и один в разные часы о той же болезни разно рассуждает»⁵.

¹ «Санктпетербургский вестник», декабрь, 1779, стр. 424.

² «Покоящийся трудолюбец», ч. II, 1784, стр. 321.

³ Рассуждение о врачебной науке, СПБ, 1774, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 21.

⁵ Там же, стр. 6.

Заканчивается брошюра следующим образом: «Заключаю сим: ежели мне кто скажет, что науки врачебной винить не должно, она сама по себе основательна и многими веками изведанная, приведена уже в совершенство; но виновны бывают врачи, которые разно знают, разно мыслят и разно действуют. Ответствую: пускай же врачевание ко мне больному одно и приближается и меня, ежели может, само собою врачует, а врача к больному с наукой пустить бедственno, видя, что стократно больше опасности от него, нежели помочи от его науки».

Представляет интерес и книжка неизвестного автора, скрывшегося за инициалами Н. И. Ф., «Забавная игра умов»¹. Эта книга представляет как бы изложение спора трех братьев, философа, медика и оратора, спорящих о праве на наследство, оставленного отцом тому из них, «кто будет полезнее для общества». Каждый из братьев поэтому стремится подчеркнуть заслуги своей профессии и очернить две другие.

В этой книге положительные отзывы о врачах и медицине тонут среди горячих речей их противников. Медицина — в лучшем случае бесполезна, а чаще — вредна. Она имеет своим основанием «одни только слабые догадки, ложные и бедственные опыты, пустые и ветреные сказки, одну жестокость и свирепость над немотствующими». Поэтому «она не меньше смертоносна, сколько благотворительна и, следовательно, от самого доктора столько же надобно ожидать себе бедствия, сколько от болезни». Гигиенические предписания врачей, по мнению автора, приносят государству вред, так как служат многим людям основанием для отказа от трудов, поручений, военной службы и т. п. Врачи — корыстолюбцы; они радуются распространению болезней. Многие из них — обманщики. Врач часто «дает лекарства, составляющиеся из самых подлейших вещей», и «много вымышляет излишнего, якобы для пользы страждущих недугами людей», и «только что всегда обещает, а в самом деле ничего не пользует».

В резюме автор признает пользу медицинской науки, но все же предпочтение отдает не врачу, а оратору.

Мы остановились так подробно на памфлете Теплова и на «Забавной игре умов» потому, что в них сосредоточены упреки и обвинения, которые высказывались в ту пору в адрес врачей.

Русским врачам XVIII в. приходилось отражать эти нападки.

Они справедливо возмущались прежде всего тем, что почтум-то все, даже не сведущие в медицине, считают себя вправе вмешиваться в лечение и судить врачей.

Автор одной из статьи с возмущением писал:

¹ «Забавная игра умов, содержащая в себе пространное с отрицательными и утвердительными доводами исследование о философии, медицине и оратории, а именно, которая из сих трех наук, как собственно взятая на основании истин своих, так и в отношении к обществу человеческому, полезнее и превосходнее других», М., 1791.

«Каждый думает, что он сам себе лекарь. Для чего поступки врачей должны быть подвержены рассуждению всех людей, кои сами не врачи?». Автор готов согласиться с теми, кто утверждает, что «врачебная наука не основана на бесспорных доказательствах». Но ведь не врачи знают в медицине еще меньше. «И так не можно разумным образом извинить поступки тех, кои без ведома врача нечто предпринимают, что касается до исцеления болезней. Сверх того то предрассуждение, коим врачебную науку и врачей вообще поносят, во многом не основательно. Находятся такие люди, кои почитают всю сию науку за ничто, а врачей за бессмысленных или за обманщиков. Сия непристойность недостойна опровержения...»¹.

«В городах и деревнях нет такой глупой бабы, которая бы не сочла за должность ругать и поправлять врача»², — писал Бахерахт.

Некоторые врачи склонны были скептицизм по отношению к медицине и врачам объявить результатом «вредного» подражания Руссо. После французской революции 1789 г. вместе с французскими философами-просветителями Руссо попал в немилость у русской правящей верхушки и ее подголосков и стал именоваться «мнимым любомудром», который «своим лжемудрствованием старался изгнать все спокойствие из гражданского общества» и потому не заслуживал доверия и внимания³.

Но другие врачи пытались возражать на предъявляемые их науке обвинения по существу. Они доказывали, что очень часто эти обвинения неосновательны, что смерть больного может произойти не от невежества врачей, что «самый искуснейший врач также подвержен ошибкам, как и незнающий» и что, наконец, «часто жестокость болезни бывает столь велика, что все естественные силы перевешивает, уничтожает все искусство врача и делает все средства его не действительными, но от сего перестает ли хороший врач быть хорошим?»⁴.

Возражая на предъявляемые медицине и ее представителям неосновательные обвинения, русские врачи вместе с тем и сами сознавали недостатки, свойственные многим представителям их профессии и беспристрастно бичевали их.

«Множество несмысленных врачей в рассуждении знающих содержится так, как тысяча к одному»⁵ — признавался Бахерахт в его многократно уже цитированной нами статье.

¹ «Ежемесячные сочинения», май, 1761.

² «Санктпетербургский вестник», декабрь 1779, стр. 425.

³ Вельцин, Начертание врачебного благоустройства, СПБ, 1795, стр. VII.

⁴ «Санктпетербургский вестник», декабрь, 1779, стр. 420.

⁵ Нечто о искусственных и несмысленных врачах, «Санктпетербургский вестник», 1779, стр. 418.

Медицинская литература клеймила врачей-корыстолюбцев, тех, которые лечат только «за деньги и из любочестия»; особенно тех, которые, видя в своей профессии не призвание, а только источник доходов, не доводят своего образования до конца.

Интересный анализ этого явления дал в своей брошюре А. Шумлянский. «Редко видим мы любителей сей науки из таких людей, кои с помощью одного своего имения могут вести жизнь с удовольствием. Род других людей, коих жребий лишил сего утешения, обыкновенно вступает в сию науку, влечом нуждою, часто и против внутреннего своего произволения, или утешая только свою необходимость предбудущим пропитанием»¹.

Правильно, в общем, наметив социальные корни явления, объяснив его, Шумлянский, однако, вовсе не оправдывал его. Он писал: «Но сие самое есть уже предосудительно для свободной науки, которая требует свободных любителей. По сей причине часто и случается, что иные, не преодолев еще природного к сей науке отвращения, при вступлении своем оставляют оную; другие, соскучась скучостию и науки трудностями..., помышляют заменить скучную свою жизнь пристойным пропитанием, преждевременно вступают в практику, не преодолев ее трудностей».

Первые не приносят науке никакой пользы, не делая и обществу вреда, а последние, кроме вреда, редко делают пользу как науке, так и самому обществу... так как чрез злоупотребление распространяют гибель и науку приводят в презрение, коего она не заслуживает... Присоединившееся к тому корыстолюбие умножает пагубнейшие для нее следствия, столь очевидные в мерзостном поступке лживорачевателей»².

Как ни остра была критика в адрес недоучившихся и корыстолюбивых врачей, она была менее острой, чем борьба с главными врагами медицинской науки в XVIII в. — самозванными врачевателями, «площадными лекарями», шарлатанами.

Художественные произведения и мемуары XVIII в. оставили нам немало описаний этого непременного завсегдатая каждой ярмарки, который выступает «с своими ларчиками и аптечками, начинает, вынимая из оных каждое лекарство поодиночке, показывать народу и с превеликим криком рассказывать и выхвалять удивительные его действия и силы... Обманщик сей не только не оставался никогда в накладе, но выманивал от народа премножество денег, хотя в самом деле все лекарства его состояли из сущих безделиц и ничего не стоющих вещиц, как, например, порошков, пилюль, пластырьков, кореш-

¹ Мнение одного истиннолюбца о поправлении наилучнейшей для людей науки, СПБ, 1787, стр. 26.

² Там же, стр. 26—28.

ков и других тому подобных вещиц, которые все далеко таких действий не производили, какие им проповедуемы бывали»¹. Деятельность таких «площадных лекарей» иногда не ограничивалась только продажей лекарств неизвестным им пациентам. Они нередко брались и за лечение больных.

Закон неоднократно запрещал медицинскую практику людям, не имеющим специального образования и не проверенным Медицинской канцелярией, а позже — Медицинской коллегией. Указы 1721, 1729 гг., два указа 1750 г., указы 1756, 1759, 1778, 1784 гг. и другие многократно подтверждали ответственность самозванных врачей за их врачебную деятельность, но это не помогало. Эти «врачеватели» пользовались популярностью не только у темных, забитых крепостных крестьян, но и у представителей правящих классов, помещиков и даже вельмож.

Воспоминания Болотова донесли до нас рассказ о некоем неграмотном «лекаре» Ерофеиче, лечившем травами и таинственными порошками и приобретшем такую славу, что «поскакали к нему со всех сторон и краев России»². Он лечил всесильного графа А. Г. Орлова, и с тех пор слава его возросла еще более. Державин называет его «известным славным шарлатаном». Напиток, приготовленный из его трав, был назван по его имени «Ерофеичем».

Если подобные «врачеватели» вылечивали кого-нибудь из власти имущих, то приобретали их покровительство, и научной медицине приходилось бороться не только с шарлатанами, но и с их покровителями.

В атмосферу этой борьбы вводит нас небольшая книжка «Медицинской канцелярии поступки с окулистом Иосифом Гильмером» (1751).

Судя по этой книге, в России объявился некий окулист-оператор Иосиф Гильмер, который занимался медицинской практикой без разрешения Медицинской канцелярии, брал за операции большие деньги, не вел никакого послеоперационного лечения и продавал какие-то «секретные» средства. Он отказался представить в Медицинскую канцелярию оперированных им больных для проверки результатов операций, его «секретные» средства при проверке оказались очень простыми и мало действенными и т. п.

Согласно указам Петра I и Елизаветы, он был лишен права практики и выслан из Петербурга. Однако у него оказался влиятельный покровитель из вельмож, который, повидимому, чинил Медицинской канцелярии в этом препятствия, а ее президенту — Герману Кай-Бургаву — разные неприятности.

Названная брошюра и представляет собой защитное вы-

¹ А. Т. Болотов, Записки, т. I, СПБ, 1871, стр. 719—720.

² Там же, т. II, стр. 731—737.

ступление Г. Кау-Бургава против своего вельможного противника, как бы апелляцию к общественному мнению.

Борьба с такими лекарями затруднялась еще тем, что по случайному ли совпадению, в силу ли психотерапевтического воздействия, но больные иногда поправлялись, и слава подобных лекарей увеличивалась.

Медицинская коллегия в 1767 г. в наказе своему депутату в Комиссии о сочинении проекта нового уложения специально напоминала о необходимости государственной борьбы со «всякими незнающими людьми», которые «почти во всех городах и усадьбах к крайней гибели здравия человеческого без всякого наказания дерзновенно лечат»¹.

Русским просвещенным врачам приходилось предостерегать своих читателей от подобных врачей, успех которых не был основан на знании. «Когда вы... принуждены будете искать помощи у врачей и лекарей, то всячески берегитесь в выборе оных: не следите примеру тех, кои в сем поступают по моде или по случаю, и избирают для себя врачом или лекарем первого им встречающегося краснобая и рассказчика, а нередко и лжеца, который многословием своим легко уговаривает и на свою сторону преклоняет всех его слушающих...»².

Кроме таких «врачевателей», заведомых шарлатанов, было немалое число самозванных лекарей из людей, искренно веряющих, что вооруженные знаниями, почерпнутыми из медицинских книг, а главным образом из лечебников, они могут лечить и без специального медицинского образования.

Медицинской литературе приходилось выступать как против тех, так и против других.

Автор цитированной выше статьи «О вредном обыкновении без ведома врачей употреблять лекарства» называл «дерзновенным и неправым предприятием» употребление лекарств без ведома врачей и призывал писателей и духовенство «представлять народу сию несправедливость» и «отвращать» людей от этого, «ибо нет в свете такого зла, которое бы сего было общее и вредительнее человеческому роду»³.

Более резко по этому поводу выступал в статье «Нечто о искусственных и несмысленных врачах» А. Бахерахт. «Начиная от бабки до последней служанки, — писал он, — все умеют лечить и нет припадка важного или ничего не значущего, против которого бы они не знали надежного средства... Удивительно, сколь сильная страсть между людьми царствует лекарства предписывать или давать... Ничего смешнее и глупее нельзя представить, как если человек, едва человеческий разум имеющий, сам себя в врачи произведши, без размышления

¹ «Сборник Русского исторического общества», т. 43, стр. 216—217.

² Н. М. Максимович-Амбодик, Врачебное вештество словие, кн. 1, СПБ, 1783, стр. 149.

³ «Ежемесячные сочинения», май, 1761.

кормит больного лекарствами, о которых он никакого понятия не имеет»¹.

Особенно резко выступал Бахерахт не против этих доморощенных лекарей, круг пациентов которых ограничивался обычно сравнительно небольшим числом родных и друзей. Особо гневные филиппики направлены по адресу так называемых модных врачей, продавцов и пропагандистов всяческих «жизненных элексиров», универсальных лекарств, модных и скоро проходящих бальзамов и капель, людей, зачастую лишенных какого бы то ни было медицинского образования. «Каждый цырюльник, дурной сапожник, коновал и многие шарлатаны, присвоив себе знатные имена, выдают себя за врачей и обманывают свет», — восклицал Бахерахт. Он горячо разоблачал их, утверждая, что «все шарлатаны, объявляющие себя народными врачами, ссылаются на свои опыты, которых они никогда не делали, на искусство, которого они никогда не имели, на природное свое тонкое рассуждение, которого им природа не дала и которое в них одни только подобные им глупцы находят»².

Выпады Бахерахта были направлены не только против этих самозванных лекарей, но и против их пациентов, в первую очередь против так называемых просвещенных людей, доверяющихся им.

«Людская легковерность» в отношении своего здоровья особенно поражала Бахерахта. «Люди, обыкновенно поручать все свои дела тем, которые ремесло свое совершенно знают, никогда неизвестному им портному не отдают делать платья, или часовщику чинить часы, но здоровье свое без дальнейшего размышления поручают всякому шарлатану и промотавшемуся сапожнику, которые никаких знаний в врачебном искусстве не имеют...»³.

Аналогия, или, вернее, противопоставление искусственного ремесленника, которого призывают во всех случаях, когда требуется его помочь и к которому испытывают полное доверие, и врача, которого все позволяют себе критиковать или же заменять несведущим, необразованным врачевателем, проводится в многочисленных произведениях русской медицинской литературы XVIII в.

«Для чего не поступают по предписаниям их [т. е. врачей] с таким же надеянием, с которым последуют распоряжениям архитектора», — восклицал один автор⁴.

Об этом же писал Максимович-Амбодик: «Каждый тщательный домостроитель препоручает строение и починку свое-

¹ «Санктпетербургский вестник», декабрь 1779 г., стр. 425—426.

² Там же, стр. 430.

³ Там же, стр. 428.

⁴ О вредном обыкновении без ведома врачей употреблять лекарства, «Ежемесячные сочинения», май, 1761.

го дома искусному архитектору. Потому же вы осмеливаетесь наудачу препоручать слабое или испорченное здоровье ваше неизвестному, но модному площадному шарлатану или самозванному врачу?»¹.

Ту же мысль повторял и Эразмус: «Когда часовая стрелка неверно показывает, — говорил он, — то никто не отдаст часов в починку к каретнику, по той причине, что ему известно строение карет, а не часов. И так, применяя сие к машине человеческого тела, произойдет следующее заключение: ...старающийся привести в порядок погрешности преискуснейшей человеческого тела машины, совершенное должен иметь знание о всем оной сложении»², т. е. быть образованным врачом.

Необходимость медицинского образования подчеркивал и Максимович-Амбодик. Он писал: «Тот токмо заслуживает настоящее имя врача, кто не токмо совершенно ведает строение человеческого тела, но и все то, что к защщению здоровья и врачеванию болезней принадлежит»³.

Эта же мысль высказана и в популярной книге для крестьян «Деревенское зеркало». «Сами рассудите, — говорилось в этой книге, — что кузнец не может шить сапогов; для этого надобен сапожник». Искусно лечить можно, только владея знаниями о строении человеческого тела, о признаках различных болезней, силах и свойствах лекарств, их дозах и т. п. Этими знаниями владеют лишь специалисты-врачи⁴.

Передовой русской медицинской литературе XVIII в. приходилось бороться не только с легкомыслием недоучившихся врачей, не только с невежественными шарлатанами.

Не меньшее зло представляли и «научные» заблуждения, доставшиеся XVIII веку в наследство от средневековья. Это наследство было достаточно велико и прочно. Наиболее глубоко проникли в медицину и долго не исчезали астрологические представления. Вера в так называемые аспекты, в зависимость жизненных проявлений человеческого организма, его болезней и успеха от положения небесных светил оставалась еще очень распространенной и среди представителей «научной» медицины. Мы упоминали выше, что указание на значение фаз луны для лечения полипов встречается в труде немецкого доктора медицины Рибеля, переведенном на русский язык.

Поэтому разрушение этих предрассудков являлось неотложной задачей. И мы видим, что русские академики — из-

¹ Н. М. Максимович-Амбодик, Врачебное веществословие, СПБ, кн. 1, 1783, стр. 150.

² И. Ф. Эразмус, Слово о противностях анатомического учения, М., 1765, стр. 20.

³ Н. М. Максимович-Амбодик, Врачебное веществословие, кн. 1, СПБ, 1783, стр. 2.

⁴ «Деревенское зеркало», ч. III, СПБ, 1799, стр. 71—72.

датели календарей или месяцесловов, помещая в календарях первой половины столетия, — в угоду обычаю и некоторым невежественным вельможам, — «рудомета», т. е. указания на зависимость кровопусканий и лечения от луны и знаков зодиака, вместе с тем тут же рядом помещали иронические замечания, по существу опровергающие астрологические бредни. Переводчик книги Рибеля студент Московского университета Барсук-Моисеев поместил свое примечание, в котором, хотя влияние луны полностью не отвергается, явно звучат нотки сомнения.

Новиков напечатал в своем журнале¹, а затем журнал «Зеркало света» перепечатал «Бильфельдово рассуждение о тщетных науках и художествах», где среди «тщетных» наук упомянута астрология.

Неизвестный нам врач-профессор Московского университета, автор статьи «Аспекты»², в «Словаре натурального волшебства» возражал против возможности влияния звезд на здоровье и призывал тщательно наблюдать не звезды, а состояние больного: «Кто все в точности в больном испытывать старается, достигает часто до верных причин и не имеет нужды так далеко отступать, чтобы принимать причину менее вероятную, вместо устроения и состояния самого человеческого тела...»³.

Борьба с астрологическими заблуждениями приобрела в XVIII в. большой размах и втянула в свою орбиту и популярные издания.

Болотов в своем журнале поместил большую статью «Каникулы». Речь в ней идет о полной безосновательности распространенного обычая воздерживаться от приема лекарств и вообще считать опасными так называемые песни дни — каникулы, т. е. время года, «в которое Песья звезда восходит вместе с солнцем», т. е. между 13 июля и 12 августа. Автор статьи признает, что в это время «свирипствуют в народе» разные болезни, как горячки, поносы и др.; люди становятся вялыми, расслабленными. Но все это является естественными следствиями жары, сопровождающей это время.

«...Надобно различать, нужно ли осторегаться больших летних жаров и опасных действий оных, или осторегаться только Песьей звезды и песых дней, хотя бы жары случились во время оных и весьма умеренные. В первом случае поступлено будет разумно, а во втором — безрассудно»⁴. Спустя не-

¹ «Покоящийся трудолюбец», ч. II, 1784, стр. 75—96.

² Мы считаем его врачом, так как в предисловии к словарю составители его указывали, что они «свои труды так разделили, что каждая статья обрабатываема была тем членом нашего общества, которой в содержании оной преимущественное имел сведение».

³ «Словарь натурального волшебства», ч. I, М., 1795, стр. 20—21.

⁴ «Экономический магазин», ч. XIX, 1784, стр. 33—40.

сколько лет эта статья была дословно включена в «Лечебник» Чулкова¹.

Другим распространенным предрассудком, против которого восставали передовые русские врачи, было объяснение ночных кошмаров, удущия или «стени» влиянием «домового». Разоблачению этого предрассудка были посвящены и статья в «Санктпетербургских врачебных ведомостях»², и статья «Домовой» в «Словаре натурального волшебства»³, и перевод студента Московского университета Н. Щеголева книжки на эту тему, которую переводчик сопроводил своей поэмой «Укор на предрассудки»⁴.

Чрезвычайно живучим заблуждением, с которым приходилось бороться русской медицинской литературе XVIII в., являлось представление об универсальном лекарстве.

Время от времени какое-нибудь лекарство рекламировалось в качестве нового и «совершенно достоверного» средства от всех болезней. То это был «шифгаузенов бальзамический пластырь», помогающий, по словам автора, который его описал, при 33 самых различных болезнях — от слепоты до мозолей; то — «верное средство от подагры», которое будто бы «есть тот специфик, которой медицина многие веки напрасно искала... оно исцеляет равномерно сиятику, рюматизм, насморки и прочие болезни от флегм рождающиеся...»⁵.

Отдельные журналы и лечебники считали панацеей то кору ясеневого дерева, то сок бузинного дерева и т. п.

«Привилегированный аптекарь» Д. Гродницкий изготавливал и рекомендовал три лекарства: жизненную эссенцию, гарлемские капли и бальзам Ополдекок. По его уверению, «жизненная ессенция» почти универсальна, так как «пригодною оказалась» при 42 болезнях⁶.

Все это являлось пережитками учения о панацеи, учения вредного и противоречащего томуциальному индивидуализирующему клиническому направлению, которое, как указывалось выше, было в основном свойственно русской медицине уже в XVIII в. Русские ученые с этим активно боролись.

Мы приводили выше слова Ломоносова и Крафта, отрицающих возможность такое «лекарство сыскать, которое бы против всех болезней довольно силы имело»⁷.

В примечания к «Лечебнику» Пекена, который и сам критически отзывался о подобных лекарствах, А. Протасов резко

¹ «Сельский лечебник», ч. 1, в. V, М., 1790, стр. 1225—1230.

² О ночном удущии, «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 34.

³ «Словарь натурального волшебства», ч. 1, М., 1795, стр. 234.

⁴ Дешевый подарок суеверам, Владимир, 1799.

⁵ «Академические известия», ч. IV, 1779.

⁶ Д. Гродницкий, Употребление, действие и польза трех лекарств, СПБ, 1793.

⁷ «Примечания к ведомостям на 1741 г.», стр. 323.

обрушивался на них и с нескрываемой радостью рассказывал о том, как «проявились было здесь.. некоторого доктора универсальные или общие от всех болезней красные пильюли... Но как многие весьма мало приметили от них пользы, а другие и никакой (много) щастливы, что никакого вреда не претерпели!», то их перестали покупать, и тот, «которому поручено было их здесь продавать, принужден был полной их не малой величины ящик отослать назад к своему доктору в Любек»¹.

Н. И. Новиков, помещая в своем журнале упомянутое выше бильфельдово рассуждение «О тщетных науках», указывал в нем, что универсальное лекарство, так же как и «квинта-эссенция» и распускаемое для питья золото, «при надлежит также к химерам, открытие коих столь же невозможно», как и философского камня².

Больным советовали «не принимать к себе лекаря, который все болезни одним лекарством... вылечить хочет»³.

Переводчик «Лечебника» Бухана восклицал в своем предисловии: «Можно ли одним и тем же лекарством пользоваться больных различного рода недугами? Можно ли одним только ножом очищать камни, пахать землю, резать хлеб, косить траву, рубить дерева, брить бороду и проч.? Я смею сказать, что таковым же образом нелепо и пагубно пособлять одним лекарством не токмо различным болезням, но и одной; ...потому что не одинакова бывает причина оной, не одинаково телосложение больного, не одинаковы другие обстоятельства...»⁴.

Русские врачи возражали против рекомендации всем без разбору одного лекарства даже при одинаковой болезни. Шафонский писал: «Нужно ведать, что как натура не открыла нам общего средства, которое бы во всякой болезни и припадке ея и во всяком человеке делало точную и решительную помощь и которое обыкновенно называется универсальным, так и в моровой язве нет такого лекарства, которое бы с исключением других средств одно было действительное, или общее и во всяком случае к употреблению для всех болезней служило»⁵.

Еще более резко высказался по этому поводу Самойлович. Врач, по его мнению, должен «с наивозможнейшою внимательностью» предохранять себя от того, чтобы «отнюдь не прославлять какого-либо [средства] за единое токмо лекарство, аки бы некое лекарство таинственное, наиотличительно... чуму

¹ Х. Пекен, Домашний лечебник, СПБ, 1765, стр. 36; Примечание переводчика.

² «Покоящийся трудолюбец», ч. II, 1784, стр. 92.

³ А. Вицман, Правила для желающих наслаждаться долголетием жизни, СПБ, 1799, стр. 23.

⁴ Бухан, Полный и всеобщий домашний лечебник, т. I, М., 1790, стр. 20—21.

⁵ А. Шафонский, Описание моровой язвы, М., 1775, стр. 34.

врачующее. Предполагаю, что никто еще из смертных не был упремудрен изысканием такового таинственного лекарства. Но кто бы ни предлагал какое-либо единственное таковое лекарство, таковой хвастовством сим... предознаменовывает себя совершеннейшим шарлатаном...»¹.

Борьба с астрологией, панацеями и прочими наукообразными предрассудками весьма затруднялась тем, что, как уже указывалось, у этих заблуждений находились приверженцы среди врачей и признанных ученых. Поэтому одной из сторон борьбы русской медицинской литературы за научный прогресс была борьба с консерватизмом врачей.

Известно, с каким негодованием восставал Ломоносов против ученых — «упрямых самолюбов, готовых стоять в несправедливом мнении и спорить до самых крайностей». Ломоносов не раз возвращался мыслью к этим «упрямым самолюбам». Именно их имел он в виду, когда в своих заметках записывал: «Plus honoris est aliena vera agnoscere quam sua falsa tueri» (Более достойно следовать чужому правильному мнению, чем отстаивать свое ложное) ².

И снова: «Что может быть столь безрассудно и недостойно серьезности ученого, как придерживаться ложного мнения!» ³.

В медицине союзником Ломоносова в этом вопросе был Зыбелин.

Блестящий оратор, он все мастерство своего красноречия, весь свой полемический пыл направлял против тех ученых, которые придерживались устаревших мнений только потому, что они старые, и всеми силами противодействовали новым лишь потому, что они новые. Мы приводили уже его горячий выпад против тех, кто «обожают древность мнения или старость сочинителя», от чего, по словам Зыбелина, «особливо страждут науки весьма много...».

«Если бы,—говорил Зыбелин,—младшие не были и не старались бы быть разумнее своих предков, то бы весь свет в той же еще погружен был глубокой глупости, в какой иногда он через несколько веков утопал. Робкость в открытии своих мнений свободности наук не прилична; но смелость, разумом и искусством провождаемая, честь и похвалу заслуживает» (разрядка наша.—С. Г.)⁴.

С неменьшей страстью обрушивался Зыбелин и на ученых, которые, надев на себя «иго пристрастия и предрассуж-

¹ Д. Самойлович, Способ самый удобный..., Избранные произведения, М., 1949, стр. 124—125.

² М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. I, изд. АН СССР, 1950, стр. 159.

³ «Вопросы философии», № 1, 1948, стр. 389.

⁴ «Слово о причине внутреннего союза частей между собою». Опыты трудов Вольного российского собрания при Московском университете, ч. II, 1775.

дения», упрямо придерживаются устаревших взглядов, даже если они расходятся с фактами и, не слушая противоположных доводов и мыслей, слепо стоят на своем, заряженные «страстию другим противоречить и вредить».

Против этих же врачей, «которые для выгодностей ли своих, или по слепому предубеждению к принятой ими однажды системе, столь крепко к называемым ими правильными положениям прилепляются, что ежедневно впадают в погрешности», выступал и Бахерахт¹. Так же, как и Зыбелин, он восставал и против слепого подчинения авторитетам. «Нет вреднее в науке, как всем словам своего учителя верить, надо... лучшее выбирать, а худое оставлять». Он призывал врачей, чтобы они, «когда вредное что в врачебном искусстве находят, по совести объявляли и ни под каким видом не умалчивали...»².

Смелым новатором, не побоявшимся выступить против «предубеждений многих веков», проявил себя Самойлович. Его взгляды на происхождение и распространение чумы, на ее «существо», по его собственным словам, «совершенно противоречат всему тому, что в течение многих веков принято было едва за неоспоримую истину». Эти взгляды он настойчиво проводил во всех своих сочинениях, не взирая на возражения, насмешки и клевету.

Глава IX

ПЕРЕДОВЫЕ ЧЕРТЫ РУССКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в.

Отмеченные выше черты, характерные для русской медицинской мысли XVIII в., получившие отражение в медицинской литературе той эпохи, — борьба с предрассудками и научной косностью, здоровое клиническое мышление и связанный с ним индивидуальный подход к больным — являются, несомненно, чертами прогрессивными.

Эти прогрессивные черты вытекают из передового мировоззрения русских врачей-авторов.

Передовое мировоззрение было свойственно, естественно, не всем русским врачам, как и отмеченные нами прогрессивные черты присущи не всем медицинским сочинениям.

В русской медицинской литературе XVIII в., как и во всякой литературе, не существовало «единого потока». И в меди-

¹ А. Бахерахт, Практическое рассуждение о цынготной болезни, СПБ, 1786, стр. 3.

² А. Бахерахт, Описание и наставление о прививании оспы, СПБ, 1769, стр. 42.

инской литературе происходила борьба, столкновение мнений взглядов, идеологий.

Россия XVIII в. полностью оправдывала справедливость ленинской формулы о двух национальных культурах. «В каждой национальной культуре,— указывал В. И. Ленин,— есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная)— притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры»¹.

Эти две культуры резко обозначились и в России XVIII в. Они находили свое отражение во всех явлениях общественной и культурной жизни, в том числе и на страницах медицинской печати.

Ясно ощущая в изучаемой нами области влияние обеих культур, и прогрессивной и реакционной, мы вместе с тем видели свою задачу не в том, чтобы прилежно отмечать проявления идеализма, верноподданничества, крепостничества и космополитизма, неизбежные для эпохи, когда господствующей культурой являлась культура дворянско-помещичья, а в том чтобы уловить в русской медицинской литературе XVIII в. элементы прогрессивные, элементы демократической культуры, показать их распространение, силу и величину.

Нужно сказать, что русская медицинская литература XVIII в. дает для этого благодарный материал. Она позволяет проследить три основные прогрессивные черты, свойственные многим сочинениям и составляющие поэтому общий тон, окрашивающий медицинскую литературу.

Первая из них — это материализм. Исследователи истории русской философии нередко указывают, что главные направления прогрессивной философской мысли в России явились материалистическими по своему содержанию, и отмечают при этом, что русская философская мысль развивалась по преимуществу в сферах практического применения, что «многие выдающиеся русские исследователи XVIII в., в особенности XIX столетия, разрабатывали актуальные проблемы материалистической философии на конкретном естественно-научном материале»².

Однако авторы исследований по истории материализма в русском естествознании, даже в обширных монографиях³, го-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, 4-е изд., т. 20, стр. 8.

² Г. Васецкий, Основные черты естественно-научного материализма в России, в сб. «О классической русской философии», в. I, М., 1945, стр. 92.

³ См., например, А. А. Максимов, Очерки по истории борьбы за материализм в русском естествознании, 1947.

воря о XVIII в., совершенно не упоминают о проявлениях материализма в такой крупной отрасли естествознания, как медицина. А между тем, медицинская литература XVIII в. дает для этого обильный и очень интересный материал.

Не следует, конечно, думать, что все без исключения представители медицины в России в XVIII в. прочно стояли на позициях материализма. Это было бы неверным представлением. Да так и быть не могло. К. Маркс указывал, что «господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса»¹. Как известно, в ту эпоху идеологией господствующего класса было мировоззрение идеалистическое, религиозное. И оно в той или иной степени определило и медицинские взгляды. Человек будто бы состоит из двух начал — тела и души, а по некоторым авторам, даже из трех — тела, души и духа. Душа бесплотна, бессмертна и т. п. Человек, как и вся вселенная, создан богом и совершенством своего создания отражает божественную мудрость. Такие взгляды передки в медицинской литературе.

Распространены были, особенно в анатомии и физиологии, телеологические и теологические представления. Ярким примером этого явления служат хотя бы утверждения Эразмуса: органы зрения, слуха, вкуса и обоняния «на самой верхней части тела и очень близко к мозгу положить на длежало. Но и сим еще не был доволен всемогущий создатель, но по правилам симметрии, для приятности так оные расположил, чтобы рот и нос имели свое положение по отвесной линии, а глаза и уши в равном от оной расстоянии находились...»² (разрядка наша. — С. Г.).

Достаточно многочисленны были, особенно в вопросах анатомии и физиологии, примеры агностицизма, присущего, как известно, идеалистическому мировоззрению.

Однако мы берем на себя смелость утверждать, что распространенным, даже ведущим направлением русской медицинской литературы было материалистическое. Ибо основной вопрос философии, вопрос о первичности идеи или материи, наиболее часто, хотя и не всегда сознательно, решался в пользу последней.

Среди передовых русских врачей XVIII в., судя по медицинской литературе той эпохи, господствовало то мировоззрение, которое В. И. Ленин характеризовал как «естественно-исторический материализм», т. е. «стихийное, несознаваемое, неоформленное, философски-бессознательное убеждение по-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Политиздат, 1948, стр. 76.

² И. Ф. Эразмус, О противностях анатомического учения увеселением и превеликою оного пользою несравненно превышаемых, М., 1765, стр. 12—13.

СЛОВО

**О пречинѣ шутренаго сокза чго
стей лежу себю, и о происходя-
щих изъ таго крѣности пр
тѣлѣ чепоческомѣ,**

говореніе

по случаю полученнаго Профессорскаго
Ассоциированія

въ

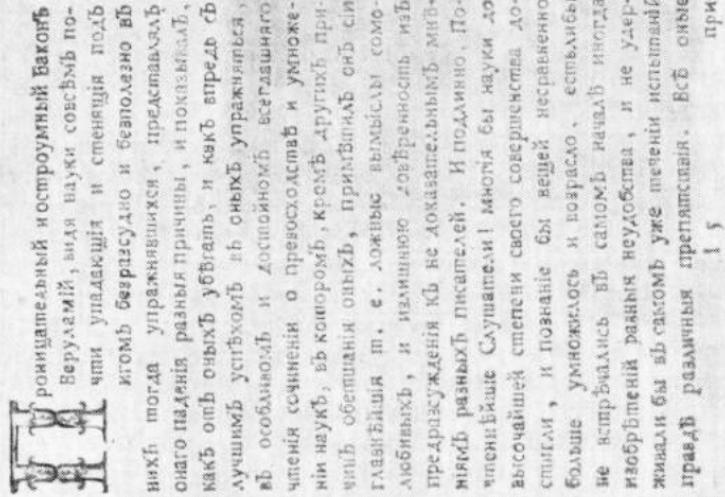
**ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТѢ**

**Медицины Докторомъ и публич-
нымъ ординарнымъ Профес-
соромъ**

СЕМЕНОМЪ ЭБЕЛИННЫМЪ.

Августа 23 дни, 1768 года, которое прошас
сего никола не было напечатано.

Про-

ромничатель и остроумный Баконѣ
Беруламѣй, или наукъ совсѣмъ по-
чти упадающій и ственція подъ
игромъ бѣзразсудно и бесполезно вѣ-
нкѣ, тогда упражняющихся, представляемъ
онаго паденія разныхъ причинъ, и покозылокъ,
какъ отъ оныхъ убѣжать, и какъ впредъ сѣ-
лучшимъ устѣхомъ вѣ онъхъ упражняться,
вѣ особливомъ и достопримѣчномъ всегдашнаго
членія сочиненія о превосходствѣ и умноже-
ніи наукъ, вѣ компромѣтѣ, кромѣ другаго при-
чины обещаніи онѣхъ, примириль сѧ съ
Главнѣйшии щ. е. ложные вымыслы сомо-
лобивыхъ, и начинанію зорѣнности міл-
итаріа разрушеннію кѣ не оказавшымъ мнѣ-
ниѣ разныхъ писателей. И подадимъ, по-
членіи йаше слушателіи много бы науки и
высочайшей степени своего совершенства до-
стигли, и познаніе бы вѣнчъ неправлено
больше умозъжлось и ворасло, естѣмъ бы
не вспрѣхались вѣ сакомъ началь искогда
изобрѣтений разныхъ наукобоята, и не удер-
живали бы вѣ сакомъ уже погибъ испытателій
правдѣ разумная претятствія. Вѣсъ сюе
при-
15

давляющего большинства естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира, отражаемой нашим сознанием»¹.

Это проявилось прежде всего в том, как решали русские врачи вопрос о познаваемости мира и о методах его познания. В. И. Ленин указывал, что «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приходит неизбежно к материализму...»².

А через труды и высказывания русских врачей XVIII в. красной нитью проходит мысль о наблюдении и «испытании» природы, как о единственно надежном основании для науки, об истинности лишь того, что проверено опытом, о зыбкости и недостоверности различных умозрительных теорий и гипотез.

В этом отношении передовые русские врачи являются последователями и единомышленниками великого русского материалиста XVIII в.— М. В. Ломоносова. «Мысленные рассуждения произведены бывают из надежных и много раз повторенных опытов»,— писал Ломоносов в своем предисловии к переводу «Волфянской экспериментальной физики».

Эта же мысль высказана и в статье одного из петербургских врачей: «Некакое положение,— писал он,— не может быть правильным, если оно не подкреплено великим числом верных наблюдений и испытаний»³.

Яркое выражение эта мысль получила в формулировках С. Г. Зыбелина. В его «Слове о причине внутреннего союза частей между собой», начинающемся ссылкой на родоначальника философского материализма нового времени — «проницательного и остроумного Бэкона Веруламия», Зыбелин вступил в полемику с представителями идеалистической медицинской науки Запада — Галлером, Гамбергером и др.— и отверг их взгляды, как недостаточно обоснованные и неубедительные. «Мне кажется,— говорил Зыбелин,— что не надлежит умножать вещей и вымыслов без нужды и тем только затруднять науки». Он предлагал своим слушателям при решении спорных вопросов «в помощь взять разумную недоверенность и отложить легковерие, что служить будет ключем к отверстию существенной истины. Не должно рассуждать о вещах так, как их тот или другой описал сочинитель; но как природа оные произвела и глазам нашим представляют. Желательно, чтобы все были больше с натурою согласны и оной бы везде последовали, а не суемудренным своим умствованием предупреждали, и как бы вооруженною рукою ей законы свои предписывали; но сами б повиновались и разум пленяли в ея послушание; ибо противные ей ума изобретения скоро истлевают»⁴.

¹ В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, 1946, стр. 306.

² В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, 1946, стр. 121.

³ «Санктпетербургский вестник», декабрь 1779, стр. 419.

⁴ «Опыт трудов Вольного российского общества при Московском университете», ч. II, 1775, стр. 152—185.

За этой архаичной и поэтому не сразу понятной словесной вязью кроется глубокая мысль об опыте, наблюдении, «испытании» природы, как о единственно правильном научном пути. Все теории и учения, основанные не на опыте, а на умозрении, на отвлеченных рассуждениях и «изобретениях ума» тех или иных авторов, при проверке их опытом оказываются ложными и «скоро истлевают».

Этими словами Зыбелин становится вровень с лучшими представителями материализма XVIII в.

Зыбелин не одинок в подобных высказываниях.

Еще ранее представители врачебной науки в Петербургской академии наук утверждали в академическом журнале, что медицина «ни на чем больше, как над экспериенциею, не основана»¹. Автор интересной статьи «Исторический опыт о происхождении различия между врачами и лекарями» в особую заслугу Гиппократу и Галену ставил то, что они «спошествовали здравому разуму, единственному истинному любому удрию, основанному на испытании и наблюдении природы» (разрядка наша. — С. Г.)².

Медицина — наука, которая основана на опыте и опирается, в свою очередь, только на опытные науки. «Благотворительная медицина, — утверждал врач-академик Н. Соколов, — не может предупредить, отвратить и поправить тех побочных действий, кои вредные над телом производят перемены, есть ли физики вообще и наипаче химии точным не будет спомоществуема знанием...»³. Эта же мысль, как мы видели, проводится и в Словаре Российской академии.

Д. Самойлович неоднократно подчеркивал, что «преполезно» лишь изучение природы, что лишь оно доставляет «какое-либо повсемственное благоденствие». И медицина, как всякая наука, должна, по его мнению, строить свои «умозаключения» лишь на «опытностях», «уистинствовать» их лишь «доказательствами самосуществительнейшими»⁴.

На такой же позиции стоял и Н. М. Максимович-Амбодик. И он в своих сочинениях неоднократно подчеркивал роль опыта, как основы естествознания. «Природа и сила природы признаются только наукою, примечанием и опытом»⁵. В равной мере это относится и к медицине. «Как прочие части врачебных наук, — писал он, — так равномерно и самое врачебное веществословие на опытодействии и здравом разсудке имеют

¹ «Ежемесячные сочинения и известия о учёных делах», июль, 1764, стр. 556.

² «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 1, 1792, стр. 4.

³ Н. Соколов, Речь о пользе химии, «Новые ежемесячные сочинения», март 1787, стр. 52.

⁴ Д. Самойлович, Способ самый удобный повсеместного врачевания.. чумы, 1798; цит. по «Избранным произведениям», 1949, стр. 86, 96.

⁵ «Физиология», СПБ, 1787, стр. 136.

свое основание»¹. Так и в изучении анатомии, «равно как и во всех других разуму подверженных, надлежит себе всегда неотступным вождем иметь самую природу, путеводящую к тому самыми простейшими путями»². Подчеркивая значение опыта, Максимович-Амбодик не отрицал, однако, полностью и «умозрений», т. е. теории, он считал, что опыты и теория должны быть тесно связаны и дополнять друг друга.

Все эти примеры, а число их можно было бы увеличить, показывают то значение, какое русские врачи XVIII в. придавали опыту, наблюдению, «исследованию натуры», необходимости «согласия с натурой». Они служат убедительным доказательством того, что среди русских врачей XVIII в. было широко распространено то мировоззрение, которое, по Ф. Энгельсу, «означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений»³. «Те, мыслители, — указывал Энгельс, — которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма»⁴. Большинство же русских врачей XVIII в., как мы видим, явно считали основным началом природу.

Материалистическим было признание причинности явлений, в частности, болезней. Русские врачи XVIII в. неоднократно указывали на то, что болезни возникают не сами по себе, а вследствие тех или иных причин. Они пытались определить, конкретизировать эти причины для отдельных болезней и нередко делали это достаточно правильно. Более того, именно на причины болезней они советовали направить воздействие. Как пример можно привести высказывания Бахерахта: «Всякая болезнь имеет свою причину: уйми причину, болезнь уже сама собою отстает». С другой стороны, указывал Бахерахт, «ежели не пресекутся причины, рождающие болезнь, то и самые лучшие лекарства мало, а может быть, и никакого уврачевания подать не могут»⁵.

О философском мировоззрении можно ясно судить по решению вопроса о душе и теле. Признание автономной, даже более — руководящей роли души в человеческом организме было знаменем идеализма в медицине; понимание же духовной жизни как проявления и следствия жизни телесной, как свойства материи — такова была позиция материалистов.

¹ Н. М. Максимович-Амбодик, Врачебное веществословие, т. I, СПБ, 1783, стр. 6.

² Н. М. Максимович-Амбодик, Анатомико-физиологический словарь, СПБ, 1784, стр. VII—VIII.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 651.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, там же, стр. 664.

⁵ А. Бахерахт, Практическое рассуждение о цынготной болезни, СПБ, стр. 16.

В XVIII в. при разрешении вопроса о душе и теле были еще очень прочны позиции идеализма. Душа признавалась руководящей силой организма, и большим распространением пользовались идеи Штоля и тех авторов, которые, по выражению Биша, «в жизни все относили к единому абстрактному принципу, идеалистическому и полностью вымышленному, каким бы именем души, жизненного принципа или архея — его не обозначали»¹.

Нельзя, конечно, утверждать, что в русской медицине XVIII в. идеалистические представления о душе совершенно отсутствовали и понятие «душа» было полностью изгнано из медицины. Однако «душе» в русской медицине XVIII в. отводилась значительно меньшая роль, чем в современной ей медицине Запада.

Общепризнанный медицинский авторитет того времени голландский профессор Гаубий писал: «Душа человеческая... и произвольно и по слепому побуждению, многие действия для сбережения жизни и здравия, и причинения болезни или смерти производит»².

Зыбелин же еще в одном из ранних своих выступлений указывал, что человеческое тело «не исключено из правил физических» и подвержено законам математики, хотя и признавал, что медицинская наука открывает в нем «премного таинств, которых в других телах едва сыскать можно»³.

Максимович-Амбодик писал, что «человеческое тело есть механико-гидравлическая машина» и «повинуется естества уставам». Поэтому для овладения врачебной наукой нужно прежде всего «познание механики, гидравлики и прочих частей математики»⁴.

«Уставами естества» объяснялись подчас даже психические явления. Так, излагая статью шведского ученого, который считал, что «ежели испарина после свободного изхождения вдруг становится, то обыкновенно приходит страх, боязливость, тоска», русский врач прибавляет от себя примечание: «Иные почитают такую незапную тоску за некоторое предчувствование несчастия: но она приключается единственно от механической причины⁵ (разрядка наша. — С. Г.). «Естественными основаниями» стремились объяснить русские врачи и такие явления, как сон и сновидения, дававшие ученым Западной Европы обильную пищу для идеалистических толкований.

¹ Bichat, *Anatomie generale*, т. I, 1830, р. VII.

² Г. Д. Гаубий, Начальные основания врачебная пафология, СПБ, 1792.

³ С. Г. Зыбелин, Слово о действии воздуха в человеке, 1766.

⁴ Н. М. Максимович-Амбодик, Врачебное вещественное словие, СПБ, 1783, стр. 2.

⁵ «Академические известия», июнь, 1780.

Статья «О сновидениях», помещенная в «Санктпетербургских врачебных ведомостях», начиналась следующим заявлением: «Прошу не забывать, что я врач и взираю на сие так, как должно врачу. Читатели мои из сего вступления уже видеть могут, что я намерен естественную вещь изъяснить также из естественных оснований»¹. Автор действительно следует своему намерению.

Напомним, что и в источнике, где в сжатой и ясной форме сконцентрированы основные медицинские представления русских ученых врачей XVIII в., т. е. в Словаре Российской академии, где анатомические и физиологические термины «определял» врач-академик Протасов, а «слова болезни означающие» — врач-академик Озерецковский, душа отведено также гораздо более скромное место, чем в западноевропейской медицине.

Причины болезней многие русские врачи видели не в «побуждении души», а в ощущимых материальных явлениях.

Уместно здесь вспомнить, в частности, о тех настойчивых поисках материального субстрата болезни, которые производил Д. Самойлович².

Подчеркивание физической, механической природы человека и его функций указывает, конечно, на известную механическую ограниченность материалистических взглядов русских врачей XVIII в., но для того времени и такой материализм был прогрессивным. Энгельс указывал на неизбежную ограниченность классического французского материализма XVIII в., «обусловленную недостаточным развитием естественных наук»³.

Нужно, однако, отметить, что, отрицая ведущую роль «души», сводя ее «движения» к механическим причинам, русские врачи XVIII в. вместе с тем правильно сознавали, хотя и не всегда умели четко сформулировать, и обратные влияния — тесную зависимость всех жизненных функций от психики, от состояния мозга.

Зыбелин, например, указывая, что характер и позедение человека определяются строением тела, степенью упругости сосудов, скоростью кровообращения и т. п., вместе с тем подчеркивал влияние мозговой деятельности (или «разума»,... «духа», по его терминологии) на телесные функции, на всю деятельность организма. Он говорил, что во многих случаях «дух» покоряет тело «в послушание разуму».

Зыбелин в этом, как и во многом другом, следовал Ломоносову.

Уже в ранней статье Ломоносова и Крафта встречаются указания на тесную связь психики и телесных проявлений

¹ «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 7, стр. 61.

² Д. Самойлович, Краткое описание микроскопических исследований о существе яду язвенного, СПБ, 1792.

³ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, М., 1945, стр. 18—19.

КРАТКОЕ
ОПИСАНИЕ

МИКРОСКОПИЧЕСКИХЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЙ

о существѣ

яду язвеннаго,

которыя производилъ въ Кременчугѣ

Данило Самойловичъ,

Коллежскій Ссыпѣнкъ, Медицины Докторъ, Санкт-петербургскаго вольнаго Економическаго Общества, иностранныхъ Академій: Диженской, Нимской, Марсельской, Лонской, Тулузской, Майнской, Мангеймской, Туринской, Падуйской, Парижской Хирургической, шамошнаго же вольнаго ученаго Собрания и Нансійской Медицинской Коллегіи Членъ,

и Гусарской Медицинской Коллегии членъ

въ Санктпетербургѣ, 1792 года.

печат. въ Типогр. П. Б. по Невской Перспективѣ
у Аничковаго Мосту въ домѣ подъ №. 782.

и на роль психики («ума», «души») как в возникновении, так и в предотвращении болезней.

«Может также душа в своем теле через едину только вообразительную силу болезни возбуждать»¹. С другой стороны, «сие совсем подлинно, что ум человеческий такую власть над своим телом имеет, через которого действие оное здраво содержать и большую часть немощей от него отвратить может»².

Многие врачи считали, что угнетенная психика, «уныние» предрасполагает к болезни, «привлекает» ее, «умножает» и делает ее «опаснейшею». Поэтому одной из главных мер предупреждения болезней признавалось — «не приходить в уныние».

Представление о влиянии психики на состояние здоровья и течение болезни было настолько распространено в русской медицине XVIII в., что нашло свое отражение даже и в компилятивном лечебнике П. Енгалычева. «Страсти имеют великое влияние как на причины болезней, так и на изцеление от оных», — подчеркивалось в этом лечебнике. В связи с этим даны советы оградить больных от тяжелых и неприятных впечатлений. В частности, рекомендовалось отказаться от «обыкновения звонить в колокола погребальный звон», так как это производит тяжелое впечатление на больных. Рекомендовалось также «больного держать в удаленности от... всего того, что может его потревожить; а при том отлучить от него и тех людей, у коих то и дело, что посещать больных, да шептать им на уши»³.

«Душевые страсти», как уже указывалось, находились среди тех шести основных «неестественных вещей», от которых зависит здоровье или болезнь.

В конце XVIII в. профессор Московского университета М. Скиадан посвятил специальную речь вопросу о «способе умерять и укрощать» душевые страсти «для благополучной и спокойной жизни». Тело и душа, говорилось в этой речи, настолько тесно соединены между собой, что все «мановения души» отражаются в состоянии тела, и наоборот, душа «при здравом или болезненном состоянии своего тела либо болезнование, либо удовольствие, либо печаль, либо радость, либо страх... ощущает»⁴.

Во многих сочинениях русских врачей признается взаимозависимость и взаимные влияния тела и «души». Русские врачи той эпохи писали: «Тесный союз тела и души делает, что одно

¹ «Примечания к ведомостям», 1741, стр. 331.

² Там же, стр. 329.

³ П. Енгалычев, Простонародный лечебник, СПБ, 1799, стр. 130—131.

⁴ М. Скиадан, Слово о причинах и действиях страстей душевых, также и способе умерять и укрощать оные..., М., 1794, стр. 6.

без учреждения и беспокойства другого страдать не может»¹. От чрезмерного нервного беспокойства и даже переутомления страдают и внутренние органы. «Желудок и голова связаны между собой неразрывным союзом»².

Эта идея «неразрывного союза», взаимозависимости телесных и духовных проявлений жизни человека в конце века была блестяще развита А. Н. Радищевым в его знаменитом трактате «О человеке, его смертности и бессмертии».

Русские врачи XVIII в. не все и не всегда, конечно, были последовательными материалистами. Господствующая идеология, распространенные религиозные представления оказывали, естественно, свое влияние и на их взгляды и на их терминологию. Даже у некоторых из тех авторов, чьи высказывания дают нам наиболее яркие примеры материализма, находим мы и явно идеалистические утверждения, подсказанные господствующим, общепринятым, распространенным, со школьной скамьи усвоенным мировоззрением.

Но «разум, плененный в послушании природы», признание истинности лишь того, что познается опытом, заставляло русских врачей XVIII в. рядом с идеалистическими положениями, а иногда и наперекор им, высказывать правильные материалистические суждения. Многие медицинские сочинения XVIII в. представляют любопытные образцы подобной неосознанной борьбы двух противоположных направлений — идеалистического и материалистического — и победы последнего. Ярким примером в этом отношении является «Физиология», изданная Максимовичем-Амбодиком. В ней мы находим явно идеалистические положения: «человек есть сложен из двух особых существ», т. е. из души и тела (стр. 2); «человек, равно, как и целая природа, будучи творение высочайшего строителя, есть существо, сложенное из тела и души, или начала разумного и невидимого» (стр. 128) и т. п. Но наряду с этими «общими местами», не подкрепленными никакими доводами, встречаются убежденные утверждения совсем иного, явно материалистического характера. Так, например, говоря о причине различия в цвете кожи у людей, Максимович-Амбодик отрицал утверждения многих авторов, «что перемена в цвете может произойти от воображения матерей», или что чернота негров, есть последствие проклятий Хама и Каина. «Черных людей, — говорил Максимович-Амбодик, — произвел климат и солнце, под коими Ноевы потомки пришли поселиться. Свойство человека не могло перемениться столь существенно без помощи физических причин» (разрядка наша. — С. Г.)³. В этом положении заслуживает внимания как признание самой возможности «перемены»

¹ «Ежемесячные сочинения», ноябрь, 1757.

² «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 27, стр. 7.

³ «Физиология», СПБ, 1787, стр. 13.

свойств человека, так и мысль об обязательной зависимости этой перемены от «физических причин».

В главе XI, которая, кстати сказать, не заимствована у Вальмон де Бомара, а повидимому, принадлежит самому Максимовичу-Амбодику, он снова возвращается к формирующей роли внешней среды и пишет: «Внешний вид человека, его рост, величина тела, очертание и расположение его членов телесных, а паче душевные и нравственные его качества часто различают по причине различия страны, воспитания и образа жизни»¹.

В этой же книге находим мы, наконец, следующее указание: «Каждое новое существо есть не иное что, как новая смесь прежде бывших и тех же начал, разнообразно между собою снова соединенных. Смерть, или кажущееся очам нашим разрушение существ, есть только временное разделение соединенных начал. Ничто во всей природе не пропадает. Начала существ соединяются столько, сколько больше сходства они имеют между собою и ближе единое другому уподобляется»².

В этом отрывке должно привлечь наше внимание не только прекрасно сформулированный вслед за Ломоносовым (но за два года до Лавуазье) закон сохранения вещества, не только намеченный закон химического сродства, но и материалистическое представление о рождении и смерти, как о соединении и «временном разделении» материальных и только материальных «начал».

Дополнительным штрихом для доказательства материалистической направленности Максимовича-Амбодика может служить то обстоятельство, что в обширной библиографии по акушерству, приведенной им в пятой части «Искусства повивания», нашли себе место и далекие от вопросов родовспоможения, но, видимо, привлекавшие его внимание книги известного философа-материалиста Ламетри: «Естественная история души» и «Человек-машина».

Пример такой же борьбы материалистических и идеалистических взглядов представляет и маленькая брошюра Вицмана³. Мы уже отмечали, что А. Вицман — не врач, а издатель. Следовательно, он в данном случае излагает не свои мысли и взгляды, а наиболее распространенные, принятые среди окружавших его врачей представления. То, что он на страницах своих изданий охотно предоставлял место медицинским

¹ «Физиология», СПБ, 1787, стр. 132.

² Эти слова также заключены в главе XI, представляющей самостоятельное сочинение Максимовича-Амбодика. Справедливость требует, впрочем, отметить, что и в этой главе достаточно сильны элементы идеализма, представление о человеке, как существе, «сложенном из тела и души, или начала разумного и невидимого» и т. п.

³ Правила для желающих наслаждаться долголетием жизнью, СПБ, 1799.

статьям, лишь подтверждает его интерес к медицине и знакомство с врачами и их взглядами.

Первая же фраза книжки Вицмана отражает ту характерную двойственность, о которой мы говорим: «Жизнию тела называется свободно действующее состояние жизненной силы и с оною нераздельно соединенное движение и действие частей тела».

Мы встречаем здесь неизменный идеалистический атрибут, жизненную силу, но вместе с тем и совершенно правильное материалистическое, более того — диалектическое представление: жизнь есть движение; и в том, что ведущим, побеждающим является второе, т. е. материалистическое понимание, убеждает нас положение, высказанное ниже. «Жизненная сила есть токмо способность, самая же жизнь — действие».

Нам кажется, что приведенные примеры позволяют утверждать, что материалистическое мировоззрение было весьма распространенным среди представителей русской научной медицины XVIII в., а для передовых ее представителей — господствующим.

Более того, некоторые из врачей поднимались до стихийного и философски бессознательного, но все же, несомненно, диалектического понимания жизни. В высказываниях некоторых из них мы неожиданно наталкиваемся на блестки диалектических воззрений. В то время как даже для передовых представителей французского материализма XVIII в. характерны метафизические позиции, представление о том, что природа находится в состоянии покоя и неподвижности, застоя и неизменяемости, некоторым русским врачам свойственна идея движения, развития, как основной формы существования природы.

С. Г. Зыбелин, например, так характеризовал непрерывное движение, в котором находится природа: «В неизмеримой всех вещей пучине все в непрестанном движении находится, все зыблется и колеблется, но все тем же самым и созидается; то упадет, другое возрастает; единое увядает, другое процветает; сия перемена проходит через все владычества естества без изъятия»¹ (разрядка наша. — С. Г.).

В статье другого русского врача XVIII в., посвященной «способу продолжать жизнь», мы находим диалектическую трактовку жизненных процессов, происходящих в человеческом организме, и правильное понимание качественного своеобразия живого организма, его отличие от машины.

Вот что писал этот безвестный автор: «При размышлении о сем деле (о продолжении жизни. — С. Г.) первое понятие у нас возбуждается такое, что человеческое тело, будучи

¹ С. Г. Зыбелин, Слово о правильном воспитании с младенчества, М., 1775, стр. 3.

настоящею машиною, действием своим истощается... Однако есть ли принять в разсуждение то, что беспорядки в нем случающиеся поправляются сами собою, или и стремятся к своему поправлению, то уже человеческое тело не можно уподобить обыкновенным машинам. Оно машина растущая, то-есть ея части распускаются и увеличиваются и она однажды будучи приведена в движение, идет беспрестанно к некоему концу зрелости. Сия зрелость не возраст силы, ниже совершенолетие человеческое, но смерть. Последний рост, или увеличение затворяет проход тонким влажностям, имеющим течение по самым малым сосудам, и ожесточает те части, от мягкости которых содержалася жизнь. Тут уж рощение совершается; и последнее действие рощения и жизни есть смерть¹ (разрядка наша. — С. Г.).

Помимо идеи развития, идеи качественного своеобразия человеческого организма, мы должны подчеркнуть отмеченное автором единство жизни и смерти, простив ему некоторую наивность физиологических представлений, вполне обусловленную состоянием современной ему науки.

Представления об изменениях, происходящих в природе и в человеке, привели русских врачей к мнению о формирующем влиянии внешней среды и воспитания на живой организм. Мы приводили выше высказывания Максимовича-Амбондика по этому поводу.

Зыбелин считал доказанным, что воспитание «не только к впечатлению благонравия, к возвышению просвещения, но и к телесному исправлению сложения и к самому здравию всего тела есть весьма нужное в жизни»².

Таким образом, русские авторы медицинской литературы, во всяком случае, наиболее передовые из них, безусловно, участвовали в развитии материалистической мысли в России. Материалистические взгляды русских врачей корнями своими уходят в учение Ломоносова и в свою очередь дают обильный материал для построения материалистической концепции Радищева.

Роль Ломоносова в развитии русской медицины, его влияние на нее весьма многообразны. Они представляют чрезвычайный интерес и, несомненно, заслуживают специального исследования. Не входя в рассмотрение этого вопроса в целом, следует подчеркнуть здесь лишь значение Ломоносова в формировании материалистического мировоззрения русских врачей.

На страницах данной работы, как в этой главе, так и

¹ О способе продолжать жизнь. «Месяцеслов с наставлениями на 1773 г.»; Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов, т. VIII, 1792, стр. 3—4.

² С. Г. Зыбелин, Слово о сложениях тела человеческого, М., 1777.

в предыдущих, мы неоднократно указывали на совпадение мыслей русских врачей-авторов с взглядами Ломоносова. Признание опыта и наблюдения единственными достоверными источниками познания; учение о сохранении материи и силы; признание изменчивости природы; понимание жизни как движения — эти идеи Ломоносова, как и его призывы к борьбе с косностью и консерватизмом в науке нашли свой горячий отклик в среде передовых русских врачей XVIII в. и продолжали жить в их произведениях.

* * *

Другая передовая черта, характерная для русской медицинской литературы XVIII в., — патриотизм. Любовь к своей родине, стремление служить ей, гордость за молодую русскую науку и желание ее быстрого дальнейшего развития ясно звучат во многих книгах, особенно со страниц предисловий и посвящений авторов и переводчиков.

Один из первых русских врачей-переводчиков, неоднократно упоминавшийся нами, М. Шеин «почитал за верх благополучия», что, «будучи верный отечества моего сына», перевел Анатомию Гейстера для пользы русской медицины. Он же с гордостью отмечал быстрые успехи русской науки в XVIII в.: «География, навигация, архитектура, медицина и прочие знания, которые прежде сего в России мало известны были, ныне столь нам открыты, что уже имеем природных российских географов, мореплавателей, архитекторов и медиков и может быть в краткое время потомки наши увидят все оное гораздо в большем совершенстве...»¹.

Во всех сочинениях Зыбелина звучит забота о процветании и благополучии отечества, желание здоровья, силы и крепости своим согражданам.

Ученик Зыбелина, молодой студент Московского университета Александр Ястребцов, выпуская в свет свой перевод французской книги, помещает перед ним не очень искусное, но искреннее стихотворное послание «К здравомыслящему читателю», где, между прочим, говорит:

«Любовь к отечеству понудила стязаться
С болезнями, сущими его священну грудь.

Да здравы отчества, да будут члены святы!»².

А. Бахерахт — голландец по происхождению, но родившийся и всю жизнь проживший в России, много сделавший для санитарной службы русского флота, одной из своих книжек

¹ И. З. Платнер, Основательные наставления хирургические, СПБ, 1761; Посвящение переводчика.

² «Читай и познавай», Владимир, 1800.

предполагал лаконичное, но выразительное посвящение «Отечеству»¹.

Присущий русской медицинской литературе XVIII в. патриотизм проявился, в частности, в настойчивых стремлениях освободить Россию от иностранной зависимости в снабжении страны лекарствами.

Этот вопрос имел большое экономическое значение. При малом числе аптек и сравнительно слабо развитой сети лечебных учреждений Россия тем не менее ежегодно тратила большое количество денег на ввоз лекарств. По данным о государственном бюджете за 1764—1767 гг., расходы на медикаменты выражались в сумме 71 459 рублей ежегодно, что составляло около полупроцента всех государственных расходов². Медицинской коллегии неоднократно приходилось давать указания на необходимость ограничения расходования медикаментов, «избегая колико возможно употребления дорогих вещей, особенно же иностранных»³.

Но помимо экономического, вопрос этот приобретал и идеологическое значение, перерастал в вопрос о зависимости или независимости от иностранных государств. И вот из книг в книгу, из статьи в статью переходит утверждение о необходимости всемерно развивать свое, отечественное лекарственное растениеводство, настойчиво пропагандируются русские лекарственные травы, ничем не уступающие, а иногда и превосходящие по своим свойствам иностранные.

Особенно горячо звучит эта мысль в высказываниях Н. М. Максимовича-Амбодика: «Я смело сказать могу, — писал он, — что если бы все врачи и лекари тщательнее и прилежнее повторными опытами испытывали силу и действие растений, в своем отечестве прозябающих, то едва бы они имели нужду в выписывании новых, из чужих стран вывозимых дорогих, но иногда вовсе бездейственных, лекарственных веществ»⁴.

В том же году, когда вышли из печати эти слова Максимовича-Амбодика, произнес на эту тему речь в Академии наук врач-академик И. И. Лепехин. Эта речь была в скором времени издана. Лепехин указывал, что обычай выписывать лекарственные растения по преимуществу из-за границы следует приписывать «не недостатку в природных растениях, лечебной силой снабденных, но нашему предрассуждению», и настаивал на том, чтобы русские врачи «со временем, усугубив свое раче-

¹ А. Бахерахт, Описание и наставление о прививании оспы, СПБ, 1769.

² «Сборник русского исторического общества», т. 5, стр. 228—229.

³ Цит. по кн. Чистовича «Памятник баронету Виллие», СПБ, 1860, стр. 13.

⁴ Н. М. Максимович-Амбодик, Врачебное веществословие, ч. 1, СПБ, 1783, стр. 154.

Николай Яковлевич Озерецковский (1750—1827)

ние, всех своих произрастений силы и действия, соответственно их природному месту, познали»¹.

Многие авторы, не ограничиваясь общими рассуждениями и призывами в этом направлении, пропагандировали конкретные лекарственные растения, распространенные в России. В ряде русских книг и статей того времени помещены описания целебных свойств этих растений. Не говоря уже о самом Лепехине, который и на страницах обширного описания путешествия по России² и на страницах Словаря Российской академии перечислил большое количество растений, распространенных в России, с указанием их целебных свойств, так же поступали и другие авторы.

Этому посвящена статья «Подтверждение лекарственных сил сибирской травы», в которой с огорчением отмечалось, что «прозябающее» только в России растение *Rhododendron chrysanthum* стало уже широко известно в Европе, а в России не применяется³.

В другой статье отмечалось, что такова же участь особой породы ревеня, растущей в Сибири. Образцы этого растения были вывезены в Шотландию, и оно с успехом разводится и применяется по всей Англии, а у нас не используется⁴.

Бахерахт, рекомендуя от цынги декокт Кука, рядом с ним дал и рецепт «Декокта русского от цынги» — из сосновых шишек⁵.

На антицынготные свойства сибирских кедровых шишек указывает и А. Протасов в примечаниях к переводу «Лечебника» Х. Пекена. На пользу корня травы чистотел при чесотке указывал и Н. Озерецковский⁶.

Много образцов русской лечебной флоры подробно описаны и в ботанических работах Максимовича-Амбодика.

Авторы ряда работ подчеркивали приоритет России в применении отдельных лекарственных веществ. Мы приводили выше их указания на давность применения в России ртути при венерических болезнях, применения вариоляции как способа борьбы с оспой.

Врач-академик Н. Я. Озерецковский стремился восстановить справедливость и напомнить, что знаменитые олонецкие марциальские воды открыты не олонецким комендантом немцем Геннином, а русским рабочим И. Ребоевым. В доказа-

¹ И. Лепехин, Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастений, СПб, 1783, стр. 28—29.

² И. И. Лепехин, Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, т. I—III, 1771—1780.

³ Месяцеслов с наставлениями на 1780 г., стр. 101—111. Возможно, что автором этой статьи также является Лепехин.

⁴ П. С. Паллас, О различных породах ревеня, также и о пользе его и разведении, «Месяцеслов с наставлениями на 1781 г.», стр. 1—2.

⁵ А. Бахерахт, Аптека для российского флота, СПб, 1783.

⁶ Н. Озерецковский, О пользе корня травы чистотела в корости или чесотке, «Месяцеслов с наставлениями на 1782 г.», стр. 33—47.

тельство Озерецковский привел текст подлинной челобитной Ребоева с резолюцией Петра I¹.

Некоторые авторы старались подчеркнуть преимущество русских пищевых продуктов. Чулков указывал на целебные свойства русского кваса². Бахерахт неоднократно подчеркивал преимущества русской солонины, русского топленого масла, русских сухарей. Бахерахт стремился показать и первенство России в профилактическом использовании некоторых продуктов.

Русская действительность XVIII в. направила патриотические чувства передовых русских врачей еще в одну сторону — на борьбу с «засилием» врачей-иностранцев, в большом количестве приезжавших в Россию для наживы.

Россия XVIII в. представляла, по словам Ф. Энгельса, «прекрасную находку для талантливых и честолюбивых людей, для людей, стремящихся к власти, все равно где и как, лишь бы это была настоящая власть, настоящая арена для их талантов и их честолюбия!.. состоя на службе «человечества», эти люди разъезжали по всей Европе... и устраивались везде, где только находили выгодное местечко...»³.

Эта характеристика людей, из которых вербовались дипломаты той эпохи, в полной мере относится и к иностранным врачам. Их принимали с большой готовностью, им предоставляли высшие должности, создавали для них привилегированные условия. Так, например, даже те из иностранных врачей, которые занимали рядовые должности, получали повышенное жалование, по сравнению с установленным для русских врачей⁴.

Далеко не все иностранцы, однако, заслуживали такого внимания. Многие из них не отличались ни особой ученостью, ни добросовестностью, презирали Россию и русских и в гораздо большей степени заботились о своем благополучии, нежели о пользе приютившей их страны и ее населения⁵.

При всем ущербе, который наносило России недобросовестное отношение иностранных врачей к своим непосредственным обязанностям, наибольшее зло заключалось не столько в нем, сколько в том, что иностранные врачи, из опасения

¹ Н. Озерецковский, Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому, СПБ, 1792, стр. 238—241.

² «Сельский лечебник», М., 1789, стр. 91.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 13.

⁴ См. письмо Екатерины II Потемкину, «Сборник Российского исторического общества», т. XXVII, СПБ, 1880, стр. 372.

⁵ Примеров этого можно было бы привести множество. Иностраник по происхождению, академик Э. Лаксман в одном из своих писем из Сибири рассказывает о докторе-иностранце, который вместо выполнения своих обязанностей в Барнауле «поехал на Ирбитскую ярмарку. Торговля и скопление денег любезнее его сердцу упражнения в медицине и физике», Письмо Эрика Лаксмана от 11 февраля 1765 г., «Сибирский вестник, издаваемый Г. Спасским», ч. X, СПБ, 1820, стр. 23

утратить свои преимущества, всеми доступными им средствами препятствовали развитию русской отечественной медицины. Уже в 1712 г. Бидло подал жалобу на притеснения и истязания его русских учеников и просил о защите русских лекарей от иноземных, желающих, «чтобы народа русского никто в лекарской науке не был»¹.

Когда же в начале 60-х годов, по замыслу Кондоиди, десять молодых лекарей должны были отправиться за границу, чтобы стать там докторами медицины, немецкие руководители Медицинской канцелярии, воспользовавшись смертью Кондоиди, всячески старались не допустить этой поездки, ссылаясь на необходимость присутствия этих лекарей в России. Потребовалось вмешательство сената, чтобы патриотический план Кондоиди был осуществлен².

В 1765 г. вернувшихся из-за границы докторов медицины Зыбелина и Вениаминова сперва без всякого основания заподозрили в присвоении чужих диссертаций, а затем в течение двух лет им не давали права медицинской практики.

Медицинская коллегия, несмотря на предоставленное ей право, не присваивала степени доктора медицины русским врачам.

В 1783 г. было создано Калинкинское медико-хирургическое училище, предназначение специально для немцев, с преподаванием исключительно на немецком языке. По замыслу его организаторов, это училище должно было обладать расширенной программой, готовить более квалифицированных врачей и иметь право присваивать степень доктора медицины³. Осуществление этого плана в полной мере означало бы, что спустя несколько лет все руководящие медицинские должности в России были бы замещены воспитанниками этого училища, т. е. немцами⁴.

Такое поведение иностранных врачей находило поддержку в правящей верхушке, начиная с Екатерины II, и вместе с тем вызывало горячие протесты и противодействие прогрессивных кругов. В этом проявилось то, что с гениальной проницательностью сформулировал В. И. Ленин в своем положении о двух культурах.

«Есть две нации в каждой современной нации», — учил Ленин. — «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»⁵. Эти две культуры противостоят одна другой. Они не мирно сосуществуют, они борются.

В России XVIII в. борьба между этими двумя культурами

¹ Описание дел архива Морского министерства, т. II, 1877, стр. 626.

² Полное собрание законов, т. 15, ст. ст. 11250, 11257 и 11334.

³ Kellchen, Plan d'École impériale medico-chirurgien, SPB, 1786.

⁴ К счастью, это училище просуществовало недолго и не сыграло предназначенней ему роли.

⁵ В. И. Ленин, Сочинения, 4-е изд., т. 20, стр. 16.

протекала во многих формах, в том числе и в виде борьбы за положение русской науки и, в частности, русской медицины.

Правящие классы, проникнутые низкопоклонством перед Западом, не верящие в силы собственного народа, не замечали, не признавали достижений русской медицинской науки.

Екатерина II в 1774 г. писала Гримму: «Если вы не знаете, что такое архиатер, то я вам скажу, что это титул, которого здесь добиваются все Эскулапы, но я еще до сих пор никому его не давала, не потому, чтобы я их считала за совершенно неспособных людей (*tout a fait pour les mazettes*), но может быть, за что-то к этому близкое»¹. А между тем, к этому времени уже достаточно проявили себя и Протасов, и Шеин, и Щепин, и Погорецкий, и Зыбелин, и Самойлович, и Шафонский. Императрица признавала за русскими врачами их практическое умение лечить, но отказывала им в научных заслугах².

Послушная вельможным покровителям, Академия наук проводила ту же линию. «Еще в XVIII в., — говорит акад. С. И. Вавилов, — вместе с новой западной наукой в Россию проникло позорное преклонение перед иностранной наукой, — во многих случаях только потому, что она иностранная, — и презрительное отношение к собственной науке³.

Д. Самойлович, признанный всей Европой, член двенадцати европейских академий, не был признан Петербургской академией. Выдающиеся новаторские работы А. М. Шумлянского, М. М. Тереховского, Д. И. Иванова также не нашли своего признания в России, и их авторам не было присвоено звание академика, которое в то же время достаточно легко получали иностранные ученые, гораздо менее его достойные.

Академия наук и ее иностранные члены игнорировали русских ученых врачей и их произведения.

Этой позорной позиции противостоит патриотическая линия многих русских врачей, протестующих против преимущественного положения иностранцев и отстаивающих достоинство и заслуги русских врачей.

Самойлович воскликнул: «Кто поверит тому, что нас, подданных Великой Российской империи, всегда затмевают ино-

¹ «Сборник Русского исторического общества», т. 13, стр. 432; Подлинник по-французски.

² В этом отношении показательно отношение Екатерины к Самойловичу. Она прекрасно знала о Самойловиче, и, когда заболел «усмиритель» Пугачева генерал Бибиков, Екатерина лично распорядилась «наискорее» выслать к нему «известного при здравительной комиссии в Москве находящегося лекаря Самойловича» («Одиннадцатый век», т. I, стр. 109). Это не помешало ей не сделать для Самойловича исключения в той оценке русских врачей, которую она дала в приведенном выше письме к Гримму. Между тем, письмо Гримму писано почти в те же дни, что и распоряжение о посыпке Самойловича.

³ Сборник «Вопросы истории отечественной науки», М.—Л., 1949, стр. 13.

странцы, и что ни один из наших соотечественников не занимает ни одного из первых мест, которые, естественно, могли бы быть ему предоставлены за подлинные заслуги?»¹.

Передовые русские врачи мечтали освободиться от иноzemного «владычества». Недаром при организации Калинкинского медико-хирургического училища, о котором говорилось выше, Тереховский представил проект, направленный к тому, чтобы сделать это училище исключительно русским. Проект заканчивался следующими словами: «Таким образом мы будем в состоянии на будущее время обходиться без иностранцев, которые, если не все, то многие, суть отменные невежды и возвышаются либо болтливостью, либо надменностью»².

Наряду с распространением иностранной науки и раболепием перед ней среди правящей верхушки, в кругах патриотических и прогрессивных, росло и ширилось возмущение слепым пристрастием ко всему иностранному. Передовая русская общественность устами Н. И. Новикова восклицала: «Да истребится сие вредное, и некоторому народу несвойственное пристрастие; да воздастся достоинствам иностранных должна справедливость; но да ободрятся и сыны отечества и процветут в России науки, художества и ремесла, и да будут презираемы все ненавидящие отчество»³. Возникает и растет недоверие к иноzemной науке, скептическое отношение к ней и к ее представителям, исходящее из гордого сознания превосходства своих отечественных ученых, из веры в духовные силы своего народа. Еще современник и советчик Петра I, талантливый экономист-самородок И. Т. Посошков в 1701 г. писал: «Много немцы нас умнее науками, а наши остротою, по благодати божией, не хуже их, а они ругают нас напрасно».

В конце XVIII в. критическое восприятие иностранной науки, чувство превосходства, вера в преимущество отечественных ученых проявлялись у представителей разных отраслей знания и, в частности, а может быть и в особенностях — медицины.

Это нашло свое отражение в критическом подходе к иностранным медицинским сочинениям, в тех дополнениях и

¹ Д. Самойлович, Избранные произведения, М., 1949, стр. 30.

² Weikard, Denwurdigkeiten aus der Lebensgeschichte Fr., 1802. S. 295.

Приводя в своих воспоминаниях этот факт, Вейкард, сам принадлежавший к числу иностранных стяжателей, вынужден был, однако, признаться: «я не мог вполне винить малоросса, который в предложенном проекте высказал нам столь горькие вещи; ибо действительно невероятно, какие прохвости из иностранцев иной раз возвышаются в России, между тем, как лучшие люди из своего народа вынуждены оставаться позади...».

³ «Живописец», ч. 1, л. 6, 1772.

РАЗМЫШЛЕНИЯ
о нуждѣ
испытывать лѣкарственную силу
собственныхъ произрастній,
въ собраніи
САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУКЪ

1783 года, марта и дня

предложенный
ИВАНОМЪ ЛЕПЕХИНЫМЪ,

Надворнымъ Совѣтникомъ, Докторомъ Медицины, Профессоромъ Естественной исторіи, Академіи Наукъ, вольного С. И. Економического, Берлинскаго друзей испыщелей и Гессенгомбургскаго патропническаго общества членомъ.

въ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ
1783 года.

исправлениях, которые вносили русские врачи, переводя их, о чем говорилось выше.

В 1766 г. А. П. Протасов на запрос канцелярии Академии наук, какие книги должны быть переведены с иностранных языков, ответил: «Для наставления всенародного по науке, в которой я обращаюсь... между известными мне по сие время книгами, не нахожу я еще ни одной, которая бы на такой конец с довольною ясностью и с желаемым успехом могла бы быть переведена на российский язык. И так по моему мнению, должно оную нарочно сочинить на нашем языке, в чем я действительно стараюсь»¹.

Передовые русские врачи были свободны от слепого подчинения иностранным авторитетам. Они боролись за самостоятельность, самобытность русской медицины. Это проявилось в смелой полемике с общепризнанными иностранными авторитетами, которой отличались самые даже ранние научные выступления Протасова и Зыбелина, а также и в ряде произведений медицинской литературы.

Максимович-Амбодик отмечал: «Хотя врачебная наука повсюду есть единая и та же самая, однако, кажется, она имеет некоторое различие в том, что врач и лекарь единоземец, соотчич и друг почитаются для больного и лучше, и надежнее, и вернее, чем неизвестный пришлец и иноземец, кему и сложение тела и свойство и род жизни болящего неизвестны»².

Наибольшей остротой обладают соответствующие высказывания Погорецкого в его примечаниях к переводам. Так, например, Погорецкий дал пространное примечание к тому пункту трактата Корнелия, где говорится о преимуществе врачей над друзьями, поскольку врачи не только соболезнуют, но и лечат, и писал в нем: «полезнее врач друг, т. е. которого больной знакомство и усердие изстаре к себе снискал, и в рассуждении закона может пред ним открыться не соблазнительно, нежели чужой, неизвестный, а паче какой-либо проявившийся пришлец, часто сущий невежда, преисполненный всемирного знания мечтою, велеречив и ласкателен, который ни свойств больного, ни склонностей ^и фамилии, ни народной привычки, ни языка, ^и качества тоя страны не понял» (разрядка наша. — С. Г.)³.

Образованный и умный, независимый и горячий патриот, Погорецкий был свободным от раболепного преклонения перед чужеземной наукой и воспринимал ее весьма критично-

¹ М. Сухомлинов, История Российской академии, в. 3, 1875. стр. 97.

² Н. М. Максимович-Амбодик, Врачебное веществословие, ч. I, СПБ, 1783, стр. 48.

³ Л. Корнелий, Опыт о пользе трезвия жизни, М., 1768, стр. 58—65.

ски. Он резко осуждал тех иностранных авторов, которые издают свои книги, «чтоб только прослыть писателями», «пишут свои лечебники, не обучаясь врачебному искусству больше одного года, и то не всем его частям» и т. п. Неудивительно, что многие из их книг не представляют, по мнению Погорецкого, никакой ценности, и их авторы, «чтобы избежать обличения и дальнейшего стыда, принуждены свои труды иногда несколько раз в жизнь перепечатывать».

Особенно злобно Погорецкий издевался над немецкими авторами: «Ничему так не смеются голланды и англичане, как сему многих немецких авторов свербежу писать книги, но надо знать, что и никакой корпус ученых столько не упрямится, сколько немцы. Так что редкая новая книга найдется, в которой бы автор, при первом ли издании или при третьем не оговорил свои недостатки в предисловии: что он выпускает в свет за два года уже приготовленную книгу, или повсепокорнейшей и неотступной какого-либо типографа прозьбе и убеждению, или что прежние экземпляры раскуплены; или, что всего подле, в Лейпциге скоро ярманка следовала»¹.

В русской медицинской литературе XVIII в. подчеркивается не только преимущество отечественных врачей перед врачами-иностраницами, но с той же, если не с большей силой, отечественных преподавателей медицины.

Потребность в русских преподавателях была связана прежде всего с борьбой за преподавание на русском языке. Преподавание на иностранном, в частности на немецком языке, облегчало иностранцам обучение медицине и затрудняло обучение русским и тем самым создавало преимущество для иностранцев и было таким образом одним из способов тормозить подготовку русских врачей и сохранить господство иностранцев в медицине в России.

Передовые русские врачи-преподаватели — Щепин, Погорецкий, Зыбелин — прилагали большие усилия к введению русской речи в медицинские школы. Как уже отмечалось, создание Калинкинского медико-хирургического училища, где преподавание велось исключительно на немецком языке, вызвало негодование русских патриотов. Максимович-Амбодик, признавая положительную роль этого, образцово для того времени поставленного, учебного заведения в деле распространения знаний по акушерству, тем не менее писал: «но как российское юношество, особенно природные русские бабки, по незнанию сего (немецкого. — С. Г.) языка, сими науками воспользоваться не могут, то общественная и государственная польза требуют, дабы феорическая и практическая повиваль-

¹ Л. Корнелий, Опыт о пользе трезвый жизни, М., 1768, стр. 68—69; Примечание.

ная и прочие лекарские науки на российском языке преподаваемы были в подобных же на добром порядке и благоразумии основанных школах»¹.

Но главное зло было не в преподавании на иностранном языке. Оно заключалось в том, что иностранные преподаватели, во всяком случае значительная часть их, презирая и своих учеников и своих «хозяев», относились к своим обязанностям небрежно, спустя рукава.

Корни этого явления находились в сознательном желании иностранцев тормозить развитие русской науки из опасения утратить ведущее положение.

На искусственную задержку развития русских специалистов указывал и Ломоносов. Возмущаясь порядками, заведенными в Академии наук ее немецкими заправилами, Ломоносов вскрывал истинную причину их. «Шумахеру, — писал он, — было опасно происхождение в науках и произвождение в профессоры природных Россиян, от которых он уменьшения своей силы больше опасался»².

В медицине это явление проявлялось сильнее, чем в какой-либо другой области знания. В своем известном письме Шувалову Ломоносов отмечал медленную подготовку русских медицинских работников: русские аптекарские ученики учатся слишком долго, лет по 10 и мало умеют. «А ради чего? Затем, что аптекари держат еще учеников немецких, а русские при иготе, при решете и при уголье до старости доживают и учениками умирают...»³.

Неудивительно поэтому, что врач-патриот А. Шумлянский, указывая, что преподаватели соответствуют своему назначению в том случае, если они «знающие, трудолюбивые, а особенно ревностные к пользе общества», к этому добавлял: «нет сумнения, что во всех концах Европы обретаются достойные мужи, соответствующие первым двум качествам учителей. Но известно, также, что одни сограждане, соучаствующие в славе своего отечества, более могут удовлетворить последнему, нежели в нем пришельству ющие» (разрядка наша. — С. Г.)⁴.

Так, в постановке ряда вопросов, в их решении ярко проявились в русской медицинской литературе XVIII в. любовь русских врачей к своей родине, их стремление к развитию

¹ Н. М. Максимович-Амбодик, Искусство повивания, ч. 1, СПБ, 1784, стр. XXIX.

² П. С. Билярский, Материалы для биографии Ломоносова, СПБ, 1865, стр. 403.

³ М. В. Ломоносов, Избранные философские сочинения, М., 1950, стр. 610.

⁴ «Мнение одного истиннолюбца о поправлении наиполезнейшей для людей науки», СПБ, 1787, стр. 38.

отечественной науки, их борьба за честь и достоинство России, за самостоятельность русской медицины.

* * *

Третья передовая черта, характерная для русской медицинской литературы XVIII в., — ее демократическая направленность.

Во второй половине века в России активно вырабатывались и укреплялись элементы демократического мировоззрения, получившие свое блестящее завершение в лице А. Н. Радищева. Носителями этой идеологии являлись представители растущей разночинной интеллигенции.

Именно из этой классовой прослойки, из разночинцев вербовались, как мы уже указывали, кадры русских врачей и профессоров медицины XVIII в. Это — в большинстве небогатые поповичи, солдатские и казацкие дети. Их классовая принадлежность порождала в них демократическую идеологию, внушала им прогрессивные идеи, определяла их место в передовом общественном движении.

Исследователи истории русской общественной мысли XVIII в. среди представителей передовой разночинной интеллигенции называют Я. Козельского, профессоров Московского университета — Десницкого, Аничкова, но обычно упускают из виду врачей.

Между тем, среди русских врачей и прежде всего среди авторов медицинской литературы и профессоров общественные, демократические тенденции были очень распространены. Они проявились прежде всего в том, что медицинские сочинения русских авторов в подавляющем большинстве (конечно, за исключением диссертаций) были написаны (или немедленно переведены) на русском языке. Латинский язык — международный язык науки той эпохи — был еще со временем средневековья не только средством международного общения ученых, но и орудием обособления этих ученых от широких масс народа, орудием превращения науки в достояние узкого круга избранных.

Западноевропейские врачи считали обязательным сочинение научных книг только на латинском языке.

На местных языках, утверждали они, «должны быть написаны лишь некоторые научные истины, которые нужно приспособить для понимания людей неученых. Все же остальное должно быть написано по латыни»¹.

Русские же врачи в большинстве своем стремились сделать всю свою науку доступной и понятной всем своим грамотным соотечественникам. Так, например, Максимович-Амбодик мечтал, чтобы его сочинение оказалось полезным «для вся-

¹ Tissot, *Essai sur les moyens de perfectionner les etudes de medecine*, Lausanne, 1785.

кого чина и состояния людей, любящих такие науки». Шафонский и его товарищи по борьбе с чумой писали, что их целью «единственно спешествовать пользе народной; по оному мы и описывали сию болезнь так, чтобы оную и непросвещенные науками понять... могли»¹. Переводчик «Лечебника» Бухана стремился своим переводом «врачебную науку сделать простонародною». Можно привести и ряд других примеров. Более того, ряд произведений медицинской литературы непосредственно предназначен для широкого населения, для людей «простого звания». Кроме лечебников, к таким произведениям относятся, например, ряд книг о «моровой язве», «Способы и наставления, по которым зараженные французскою болезнью поселяне и прочие... сами собой вылечиваться и от оной болезни предохранять себя могут» С. Венечанского (1776), «Наставление в пользу поселян, болезнующих цынготною болезнью» Писчекова (1798) и др. Д. Самойлович на заре своей литературной деятельности (1780) написал «Нынешний способ лечения с наставлением, как можно простому народу лечиться от угряжения бешеною собаки». «для пользы общечародной» и свой последний труд «Способ самый удобный врачевания чумы» (1798) пытался написать «сколь возможно простее и сколь возможно б для всякого повинтнее» и хотел бесплатно разослать его «для всеобщего сведения». П. Погорецкий, публикуя свой перевод «Записок Амстердамского общества», надеялся, что его книга через читателей станет известна даже тем, «кои не могут читать»².

Демократизм русской медицинской литературы XVIII в. проявился также в том, что в то время как кастовая научная медицина на Западе отгораживалась презрительно от народных наблюдений и отказывалась от народных лечебных средств, русская медицинская литература внимательно использовала их и в значительной мере пропагандировала.

Одним из наиболее активных представителей этого направления был Лепехин. Ему принадлежит специальная статья «О домашних средствах, простым народом в болезнях употребляемых»³, в которой он, между прочим, напоминает, что «лучшие лекарственные средства не умствованием врачей, но употреблением простолюдинов открыты были».

Мы уже упоминали неоднократные указания Лепехина и в его «Дневных записках путешествия» и в Словаре Российской академии на лечебное использование различных трав жителями разных губерний, упоминали соответствующие примечания Протасова и Озерецковского в их переводах.

¹ Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 г., М., 1775, стр. III.

² История и записки Амстердамского общества в пользу утонших сбравшегося в 1767 г., ч. 1, СПБ 1769; «К читателю от переведшего».

³ Месяцеслов с наставлениями на 1782 г., стр. 53—78,

Таких примеров можно было бы привести много.

Озерецковский высоко оценивал народную мудрость в наблюдении и использовании лекарственных свойств различных веществ. «Врачебная наука, — писал он, — ввела в употребление множество таких вещей, которых пользу узнали прежде всего простые люди. Они предводителями были самим врачам, которым оставалось прилагать свое старание к тому только, чтобы точнее испытать действие вещей в народе употребляемых... Опыты и наблюдения искусных мужей открыли в тех вещах новые силы, изобретателям их совсем неизвестные... Но находятся вещи, которых пригодность к разным болезням более известна в народе, нежели между врачами»¹.

Озерецковский вообще пользовался случаем подчеркнуть, что народ, крестьянство заслуживает «просвещения» и достойно его, а вовсе не обладает по своей природе «грубостью нравов», как это любили доказывать официальные противники просвещения. Мелочь, случайное наблюдение над привычкой флонецких крестьянок чисто мыться и наряжаться, дало ему повод к такому выводу: «Из сего ясно... видеть можно, что в нравах их грубости нет, и что народ, который печется об убранстве, весьма способен к принятию просвещения, ему приличного»².

Этим не ограничивались проявления демократизма в русской медицинской литературе XVIII в. В ней ясно звучит основная идея разночинцев-демократов той эпохи: забота о крестьянстве, о его здоровье и благосостоянии.

Русские врачи-авторы хорошо знали безрадостный крестьянский быт и всегда помнили о нем. Зыбелин, например, рекомендая в своих речах те или иные гигиенические мероприятия, правильное питание, не забывал оговориться: «для недостаточных же и деревенских жителей, ежели белого хлеба не имеют... и для этих людей предлагал доступные для них продукты питания.

Прекрасно знал и учитывал народный быт и Самойлович. Он знал, что бедные крестьянки бегают по утрам и вечерам друг к дружке «за огнем», он помнил, что требование смазывать при эпидемии подошвы обуви дегтем у многих бедняков натолкнется на отсутствие обуви, и предлагал, чтобы таким семействам обувь была «предоставлена от общества». Он постоянно стремился к тому, чтобы меры борьбы с эпидемиями не причинили материального ущерба бедному населению. Он отвергал такие распространенные в то время меры, как сожжение зачумленных домов и вещей, как запрещение полевых работ, приносящее большой убыток крестьянам. Он настаивал на том, чтобы все противоэпидемические мероприятия «не при-

¹ «Новые ежемесячные сочинения на 1786 г.», октябрь, стр. 60—61.

² Н. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому, СПБ, 1792, стр. 80.

чиняли никаких беспокойств повсеноародных, тягость и оскорбления наносящих».

Зыбелин, анализируя причины медленного естественного прироста населения, среди них упоминал недород и следующий за ним голод; одной из причин он называл также уменьшение количества браков, которое вызывают «особливо чрезвычайные налоги и утеснения, кои заставляют больше воздыхать, нежели помышлять о браке»¹.

Не поднявшись до протesta против крепостничества, Зыбелин тем не менее, как на заслугу, указывал, что при учреждении комиссии для составления проекта нового уложения Екатерина II «не только именитых созывать изволила, но... и безгласным глас влияла, и не только сих, не имеющих гласа, но почти бессловесных делала красноречивыми в изъяснении своих нужд...»².

Зыбелин — единственный врач, имя которого изредка упоминается исследователями общественного движения в России в XVIII в.³ Однако, как мы видим, Зыбелин далеко не одинок. Его высказывания — только звено в длинной цепи проявлений демократизма, которые щедро разбросаны по страницам русской медицинской литературы XVIII в. Русские врачи поднимались иногда до высоты горячего обличения крепостничества, социального неравенства, нищеты и произвола.

К числу таких обличительных выступлений, хотя и завуалированных, должен быть отнесен и эпиграф, предпосланный Максимовичем-Амбодиком к его «Искусству повивания». «Здравый рассудок повелевает больше пещися о размножении народа прилежным соблюдением новорожденных детей, чем населением необработанной земли неизвестными пришельцами»⁴. В произведениях Максимовича-Амбодика мы встречаем также указания на обязанности государства перед населением, в частности, в заботе о детях. «Воспитание детей... должно быть главным предметом каждого гражданина и каждого государства, о всеобщей пользе пекущихся»⁵.

Если в этих словах Максимовича-Амбодика звучит забота о всех детях, вне зависимости от их социального положения, то ряд авторов проявляет черты подлинного демократизма, т. е. является несомненными печальниками за «низшие» слои населения, в основном за крестьянство.

¹ С. Г. Зыбелин. Слово о способе, как предупреждать можно..., М., 1780, стр. 9—10.

² С. Г. Зыбелин, Слово похвальное... Екатерине второй, М., 1787, стр. 8.

³ В. Орлов, Русские просветители 1790—1800-х годов, М., 1950, стр. 26.

⁴ На скрытый в этом эпиграфе политический намек, направленный против широко проводившегося в это время Екатериной II переселения на Волгу немцев, щедро одаряемых землей, впервые справедливо указал М. А. Колесов («Акушерство и гинекология», 1912, т. XXVII).

⁵ Н. Максимович-Амбодик, Искусство повивания, ч. V, стр. 45.

Отношение к крестьянству, к бедноте, так же, как и философские взгляды, как и отношение к родине показало, что в медицинской литературе не существовало «единого потока». И в этом вопросе не обошлось без борьбы, без столкновения «двух культур». Представители медицинской администрации порой выступали с возражениями против каких-либо изменений в быте крестьянских детей, так как именно тяжелые условия жизни, по их мнению, служили основой здоровья крестьян, или с лицемерными утверждениями о преимуществе «подлых» людей над богатыми, потому что первые здоровее, крепче, обладают лучшим сном, аппетитом и т. д. Болезни и эпидемии, распространенные среди крестьян, они склонны были приписывать их невежеству и неопрятности, и в этом невежестве обвинять самих же крестьян.

Основная забота некоторых авторов направлена на сохранение здоровья имущего класса, «господ», достаточных людей. Так, например, автор «Простонародного лечебника» П. Енгалычев, дав в общем дельные советы по предупреждению разразы, пишет: «Господа не должны держать в своих домах больных слуг, есть ли болезнь у них прилипчивая; а иначе опасно, чтоб и их фамилия оною не заразилась»... Енгалычев желает, чтобы госпитали стали лучше и чтобы «в них поступаемо было не столь унизительным образом. Но это, казалось бы, гуманное желание продиктовано следующими соображениями: «чрез то народ входил бы в оные с большею охотою; прилипчивые болезни, обыкновенно заводящиеся у бедных, нашли бы себе конец в гофшпиталях, и не были бы в состоянии приставать к достаточным людям»¹. Так раскрывается подлинная классовая физиономия автора.

В отдельных книгах находим мы указания на различный характер заболеваний «простого» народа и «благородных» людей и вытекающий отсюда вывод, что простой народ может обходиться без квалифицированной помощи, ограничиваясь в основном «кровопусканием, перевязыванием ран и поставлением промывательного». С этой целью лекарь Рост, например, рекомендовал каждому помещику, выбрав «смышленного и знающего грамоту мальчика», отдать его в учение к лекарю. «При усердном наблюдении своей должности, поняв три помянутые необходимые вещи», а также пользуясь предлагаемым Ростом лечебником, такой мальчик очень скоро «может с пользою употребляем быть вместо деревенского врача». Представление о возможности таким упрощенным путем разрешить проблему медицинского обслуживания «простого народа» было свойственно не одному Росту.

Один из членов Вольного экономического общества Ф. И. Туманский в своей речи тоже высказал мнение о том,

¹ Простонародный лечебник, М., 1799, стр. 127.

что помещикам, у которых «иногда нет достатка для содержания врача», «небесполезно было бы иметь хотя знающего кровопускателя, какового из тех же селян обучить можно»¹.

Отзвуки подобного крепостнического отношения к крестьянству можно встретить в медицинской литературе неоднократно.

Однако основной поток медицинских сочинений окрашен иным отношением к крестьянству, заботой о нем, печалью о его невзгодах.

Неоднократно упомянутый нами переводчик «Лечебника» Бухана в особую заслугу ставил автору переводимой им книги то, что он, заботясь об общей пользе, «особенно занимается сохранением здоровья того драгоценного класса граждан, которые по своей низкости остаются в забвении и мраке и которые по сей самой причине имеют несопримое право требовать наставления от могущих преподать им сведения касательно сохранения их здоровья»². В объявлении о выходе в свет первого тома «Лечебника» переводчик указывал, что людям этого класса особенно важно сохранить здоровье, «яко драгоценнейшее сокровище и единое утешение исполненной трудами и бедствиями жизни их»³. Он мечтал о том времени, «когда помещики будут воздавать за получаемые от крестьян своих выгоды... человеколюбивым облегчением их болезней... когда все содержатели заводов... не токмо будут благоразумно распоряжаться своими заведениями, но еще к большему своему прибытку и ощутительной пользе общества, будут хранить здоровье своих служителей, когда наконец все [просвещенные люди] откроют доброту сердца своего и ума не токмо относительно к самим себе, но и к слепотствующей от невежества черни, а потому почти на всяком шагу подвергающей себя опасности»⁴.

Заслуживает быть отмеченным, что до выхода полностью перевода «Лечебника» Бухана (1790—1792) русские читатели уже были знакомы с переводом некоторых статей «из Буханова лечебника», и наряду со статьей «О тех людях, которые много сидят», посвященной здоровью ученых, это были статьи «О рабочих людях, деревенских мужиках и о ремесленниках» и «О тех, которые много работают»⁵.

Максимович-Амбодик осуждал тех, кто «подчиненных своих содержит или принуждает жить в таких местах и покоях,

¹ «Продолжение трудов Вольного экономического Общества», ч. 19. (49), 1794, стр. 329—330.

² Бухан, Полный и всеобщий домашний лечебник, стр. 3.

³ «Московские ведомости», № 102, 1790, стр. 1404.

⁴ Бухан, Полный и всеобщий домашний лечебник, стр. 23—24.

⁵ «Санктпетербургское еженедельное сочинение», 1778, лл. 11—12.

где воздух есть всегда заперт, чрезмерно жаркий, нечистый и многообразными инородными частицами наполненный»¹.

Несколько лет спустя об этом же писали в журнале «Врачебные ведомости»².

Лепехин в своих путевых заметках с сожалением отмечал тяжелые условия труда и ничтожные заработки рабочих на уральских металлургических заводах и с возмущением указывал, что «корыстолюбивые заводчики» применяют на своих заводах труд «малолетков» и женщин, которые получают еще меньшее вознаграждение, а исправляют нередко тяжелые заводские работы³. В своих записках Лепехин описывал эксплуатацию крестьян не только помещиками, но и купцами, чьи «завистливые глаза нередко более взирают на сугубую пользу, нежели на человечество»⁴.

Зашитником интересов людей низшего класса, одетых в солдатские или матросские мундиры, являлся в своих книгах А. Бахерахт. Среди вопросов корабельной гигиены он поднимал ряд проблем социально-гигиенического характера и некоторые свои советы и указания — явно или замаскированно — адресовал не врачам, а флотскому начальству или еще выше — правительству. Так, например, одну из своих книг он начал следующим положением: «Я не сомневаюсь, чтоб каждый командир вверяемого ему корабля не почитал главнейшей должностью иметь отеческое попечение о благополучии подчиненных своих»⁵.

В суровый и жестокий век, в эпоху телесных наказаний и потрясающего казнокрадства⁶ подобное положение звучало призывом, наставлением.

Далее Бахерахт указывал на необходимость правильного подбора людей в морскую службу, на важность осторожного, постепенного втягивания их в трудности этой службы (стр. 12—13).

Эту же мысль высказывал и М. Тереховский. Переводя книгу Ван-Свитена о болезнях солдат и военной гигиене, к словам автора о том, что рекрут из крестьян не сразу забывает дом, тоскует о нем, «впадает в задумчивость», от этого «в солдатах делается немощным, слабым» и лишь постепенно

¹ Н. М. Максимович-Амбодик, Врачебное веществословие, ч. I, СПБ, 1783, стр. 28.

² «Санктпетербургские врачебные ведомости», № 43, 1793, стр. 136.

³ Лепехин, Дневные записки путешествия, ч. II, стр. 282—283.

⁴ Там же, ч. III, стр. 288.

⁵ А. Бахерахт. Способ о сохранении здоровья морских служителей, СПБ, 1780, стр. 7.

⁶ См. обличительный тираду Радищева: «Воины... почтятися хуже скота. Не радели ни о их здравии, ни прокормлении, жизнь их ни во что вменялась... Большая половина новых воинов умирали от небрежения начальников или ненужная и безвременная строгости» («Путешествие из Петербурга в Москву», Полное собрание сочинений А. Н. Радищева, т. I, М., 1938, стр. 254).

привыкает и втягивается в военную жизнь, Тереховский привил положение, отсутствующее у Ван-Свитена: «Для того, желать нужно, чтобы военачальники при обучали таковых людей к новому роду жизни мало по малу, с кротостью и снисхождением, и старались между тем сыскывать всякие средства, которые в состоянии нечувствительно искоренять прежнее из мысли»¹ (разрядка наша.— С. Г.).

Тереховский и Бахерахт отразили в медицинской литературе то гуманное отношение к солдату, которое проявлял и которого требовал от своих офицеров выдающийся русский полководец А. В. Суворов. Суворовская «Наука побеждать» и ряд приказов и инструкций Суворова содержат многие положения, которым созвучны приводимые нами высказывания медицинских авторов. Таковы, например, требования соблюдать личную гигиену солдат.

Бахерахт обращал внимание командиров на значение просторного размещения матросов на корабле, чистоты корабля, регулярного обмена воздуха и т. п. Касаясь режима матросов на корабле, Бахерахт настаивал на необходимости беспрерывного шестичасового сна в спокойной обстановке. Исходя из распространенных в то время представлений о пользе движений, он рекомендовал для матросов постоянное движение — и когда нет работы, «всякое произвольное телодвижение, яко скакание, плясание, лазка по мачтам и веселые игры, дабы людей в действии и в веселом духе содержать».

Предлагая заботиться о здоровье и благополучии матросов, Бахерахт возражал тем, кто свое бесчеловечное крепостническое отношение к подчиненным подчас пытался оправдывать соображениями экономии, сохранения государственных средств. Так, перечисляя необходимые матросам предметы одежды, он писал: «Правда, сия одежда потребует лишних изждивений, но польза одна сохранения здоровья человеческого... награждает вдвое издержки» (стр. 18). Указывая на необходимость снабжать несущих вахту теплой одеждой, он снова повторял: «Правда, что сие требует не малого расходу; но как дело касается до сохранения народа и их здоровья, так может ли оное быть непозволительным?» (стр. 95).

В другой своей работе, описывая лишения, которым подвержены на корабле матросы во время плавания, Бахерахт настаивал, что эти лишения вовсе не неизбежны, а чаще всего зависят от «нерадения, лености и худого домоводства» кора-

¹ «Краткое описание болезней, которые весьма часто приключаются в армиях..., сочиненное г. Фан-Свитеном, а на Российский язык переведенное медицины доктором Мартыном Тереховским», СПБ, 1778. В оригинале приведенное место звучит так: Wenn er nach und nach dazu gewöhnet werden konnte, wurde es allerdings weit besser sein. Ни о какой кротости и снисхождении военачальников нет и речи.

бельного начальства. Они могут и должны быть предотвращены, причем «исполнение сего, по крайней мере большою частию, есть далеко не так трудно, как, может быть, многие думают»¹.

Указывая на то, что эти лишения, в конце концов, приводят к ряду заболеваний, в частности — цынгой Бахерахт снова подчеркивает роль командования и правительства. «Избежать причин болезни, — пишет он, — состоит не во власти врача или лекаря; все, что сей может учинить при таких обстоятельствах, есть то, что он беспристрастно покажет сии случайные причины. Сие я ныне в совершенном надеждии на справедливость моего намерения сделал, с чистосердечием любящего свое отчество гражданина»².

И у Бахерахта и у Максимовича-Амбодика мы отмечали попытку возложить на государство ответственность и заботу о правильном воспитании и здоровье населения.

Эта же мысль, но более решительно высказана в анонимных статьях из «Санктпетербургского еженедельного сочинения». Мы уже отмечали, что издатель этих листков А. Вицман особое внимание уделял медицине и поместил на страницах своего кратковременного издания немало интересных медицинских статей. Одна из них, трактующая «О истинных способах, которыми достигается глубокая старость», заканчивается непосредственным обращением к властям: «Каждое благоразумное правительство всемерно отвращает убыкву сограждан и... по тому долженствует пещиця о сбережении, содержании и умножении народа своего»³.

В другой (редакционной) статье указывалось, что в сохранении народного здоровья «повелевающие народом могут несравненно более врачевателей к тому приспевать». Автор позволил себе при этом дерзкое замечание, что «повелевающие народом», если они недостаточно знакомы с медициной, «не в состоянии бывают власть свою с пристойностию и с великой пользою в действо приводить». Мысль о том, что «повелевающие народом» могут оказаться «не в состоянии» править «с пристойностию и пользою», была в XVIII в. необычайно смелой и звучала как «ниспровержение основ». Видимо, не случайно именно издателю этого листка прислал свою книгу Радищев.

В статье далее осуждается взимание платы за медицинскую помощь и говорится о необходимости общественного (правда, основанного на филантропии) здравоохранения: «Плоды науки сей [медицины], — указывается в этой статье,—

¹ А. Бахерахт, Практическое рассуждение о цынготной болезни, СПБ, 1786, стр. 15.

² Там же, стр. 16—17.

³ «Санктпетербургское еженедельное сочинение», 1778, стр. 376.

подобные ремеслу какому, покуда они простираются только на плательщиков, чего большая часть не достигают. Врачеватели содержат, как и другие люди себя тем, чего научилися: следовательно бедные люди совсем не приобретают их помощи, и с тем и остаются, что еще хуже ничего».

Помимо того, что они не могут обеспечить себя медицинской помощью, — «бедные хворые помирают» от нужды. «Во многих болезнях пристойное содержание, по крайней мере, столько же пользует, как самые лекарства, а в некоторых еще лучше лекарства; нет лучше предмета на примечание врачевателям, как старание о привлекании благотворительных членов колюбцев, к попечению больным на облегчение...»¹.

Автор другой статьи, помещенной в этом же издании, рекомендуя, в целях прироста населения, запретить слишком длительное кормление детей грудью, не забывает о бедных крестьянах и мещанах, у которых «множество детей наводит страх», и предлагает для них определить льготы и «вспоможения по числу детей»².

Все это позволяет нам признать ведущим направлением русской медицинской литературы XVIII в. демократизм.

Это, конечно, еще не радикальный революционный демократизм, ярким представителем которого встает перед нами в конце XVIII в. А. Н. Радищев, первый «пророк и мученик революции» в России. Это демократизм ограниченный, в котором было больше сочувствия угнетенным, нежели протеста против угнетения, но в условиях XVIII в. и он был явлением прогрессивным.

И. В. Сталин писал: «Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Все это всеяляет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса»³.

Высказывания передовых русских врачей XVIII в. являются дополнительной иллюстрацией к сталинскому положению.

* * *

Такова, в основном, характеристика отечественной медицинской литературы XVIII в. на русском языке. Она позволяет подвести некоторые итоги.

Русская медицинская литература XVIII в. весьма обширна.

¹ «Санктпетербургское еженедельное сочинение», 1778, стр. 163—166.

² Там же, л. 1.

³ И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 25.

Она состоит из большого числа специальных книг и книг, относящихся к иным отраслям знаний, но содержащих много немаловажных медицинских сведений; эта литература включает в себя многие сотни статей на медицинские темы, разбросанные по страницам десятков журналов.

Как видно из приведенных материалов, русская медицинская литература XVIII в. охватывала большой круг вопросов, откликаясь как на запросы современной ей русской жизни, так и на проблемы, волновавшие международную научную мысль того времени.

Круг авторов медицинских книг и статей был достаточно широк.

Уже на первых порах своего развития русская медицинская литература в лице ее передовых представителей была свободна от некритического, ученического отношения к признанным западноевропейским авторитетам. Даже в переводные книги русские врачи включали много оригинальных смелых мыслей, отражавших самобытность развития русской медицины. В неизмеримо большей степени эти черты самобытности проявились в их оригинальных произведениях.

Одним из основных прогрессивных направлений русской медицины, нашедших свое отражение в медицинской литературе, является направление клиническое. Передовые русские врачи-авторы XVIII в. настоятельно подчеркивали значение опыта, непосредственных клинических наблюдений и отрицательно относились к умозрительным теориям, не подтвержденным опытом. Это здоровое клиническое мышление своим естественным следствием имело отказ от шаблона, стремление рассматривать каждого больного особо.

Передовая русская медицинская литература XVIII в. боролась со многими распространенными в то время научными и бытовыми предрассудками и заблуждениями.

Несмотря на присущие отдельным авторам и произведениям идеалистические взгляды, ведущим направлением русской медицинской литературы было материалистическое.

Оно проявлялось в утверждении роли опыта, наблюдения как единственной надежной основы науки, в признании подчинения человеческого организма «уставам естества», в отрицании ведущей роли «души», в признании причинности явлений.

Русская медицинская литература XVIII в. показывает, что многие врачи были последователями и продолжателями М. В. Ломоносова, применявшими его учение в конкретных вопросах медицинской теории и практики.

В русской медицинской литературе XVIII в. нашел яркое отражение патриотизм русских врачей, их любовь к родине, гордость за отечественную науку и борьба за ее развитие и самостоятельность.

Русской медицинской литературе XVIII в. свойственна демократическая окраска. В ней звучит забота о нуждах народа, крестьянства. Это вытекало из классовой позиции авторов, представителей разночинной интеллигенции, т. е. принадлежавших в большинстве к тому слою общества, в котором развивались освободительные тенденции.

Все это показывает, что в России XVIII в. обладавшей огромными достижениями во многих областях науки, техники и искусства, медицинская мысль стояла также на высоком уровне.

Русская медицина XVIII в. и ее литература оправдывали вешие слова одного из славных представителей этой эпохи А. Н. Радищева: «Когда народ направлен единожды к усовершенствованию, он ко славе идет не одной тропинкою, но многими стезями вдруг»¹.

¹ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, М.—Л., 1938, стр. 385

МЕДИЦИНСКИЕ КНИГИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ВЫПУЩЕННЫЕ В РОССИИ В XVIII в.¹

- Объявление о лечительных водах, сысканных в Олонце, СПБ, 1719.
- Описание Шиф-Гаузенова бальзамического пластиря, СПБ, 1744.
- Прейслер И. Д., Ясное показание и основательное представление о анатомии живописцов [на русском и немецком языках], СПБ, 1749 [русский текст А. Протасова].
- [Кау-Бургав Г.], Медицинской канцелярии поступки с окулистом Иосифом Гильмером, СПБ, 1751 [на русском и латинском языках].
- Гейстер Л., Сокращенная анатомия (перевод с латинского М. Шеина), СПБ, 1757.
- Платнер И. З., Основательные наставления хирургические (перевод с латинского М. Шеина), СПБ, 1761.
- Эразмус И. Ф., Наставление, как каждому человеку вообще в рас- суждении диеты, а особенно женщинам в беременности, себя со- держать надлежит, М., 1762.
- [Бецкий И. И.], Учреждение Императорского воспитательного дома для приносных детей и госпиталя для бедных родильниц в столичном городе Москве, СПБ, 1763.
- Горн И., Повивальная бабка (перевод с немецкого И. Пагенкампа), М., 1764.
- Мейер, Опыт о лунатиках (перевод с немецкого Дашкова), СПБ, 1764.
- Пекен Х., Домашний лечебник (перевод с немецкого А. Протасова), СПБ, 1765.
- [Рост И. И.], Разсуждение о проницательном действии малейших ча- стиц (перевод с латинского), М., 1765.
- Эразмус И. Ф., О противностях анатомического учения, увеселением и великою пользою оного несравненно превышаемых, М., 1765.
- [Бецкий И. И.], Краткое наставление, выбранное из лучших авторов с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества, СПБ, 1766.
- Зыбелин С. Г., Слово о действии воздуха в человеке, М., 1766.
- Пекен Х., Способ, как сельским обывателям пользовать себя в осипе (перевод А. Протасова), СПБ, 1766.
- [Бецкий И. И.], Генеральный план Императорского московского вос- питательного дома и госпиталя, ч. II и III, СПБ, 1767.
- Вениаминов П. Д., Слово о свойствах и пользе растений, М., 1767.
- Ригер И. Х., Исследование... о воздухе (перевод с латинского К. Кон- дратовича), СПБ, 1767.
- Зыбелин С. Г., Слово о пользе прививной осipy и о преимуществе оной перед естественной, М., 1768.

¹ В список включены книги в хронологической последовательности их выхода в свет на русском языке. Повторные издания не указаны.

Фамилии иностранных авторов приведены в транскрипции, употребленной при издании книги.

В квадратные скобки заключены фамилии авторов, отсутствующие на титульных листах. Заглавия некоторых книг приведены с сокращениями.

- Корнелий Л., Опыт о пользе трезвяя жизни. Переведен и нужнейшими примечаниями изъяснен доктором Петром Погорецким, М., 1768.
- Эразм [ус] И. Ф., Слово о нынешнем состоянии врачебной науки в России, М., 1768.
- Бахерахт А., Описание и наставление о прививании оспы, СПБ, 1769.
- Вениаминов П. Д., Слово о постах как средстве предохранительном от болезней, М., 1769.
- Ениш И. Г., Известия о наилучшем способе для прививания оспы (перевод с немецкого И. Б.), СПБ, 1769.
- История и записки Амстердамского общества в пользу утопших собравшегося в 1767 году (перевод с французского П. Погорецкого), ч. I, СПБ, 1769.
- Керстенс И. Х., Наставления и правила врачебные для деревенских жителей, служащие к умножению недовольного числа людей в России, М., 1769.
- Димсдалль Ф., Нынешний способ прививать оспу (перевод с английского Л. Сичкарева), СПБ, 1770.
- Краткое и ясное наставление, каким образом содержать больного... в оспе по методу господина барона Димсдаля, СПБ, 1770.
- Наставление, каким образом предохранять себя от прилипчивых болезней, 1771.
- Объявление от комиссии, учрежденной для предохранения и врачевания моровой заразительной язвы, М., 1771.
- [Орреус Г.], Краткое уведомление, каким образом познавать моровую язву, так же врачевать и предохранять от оной, М., 1771.
- Шварц В., Краткое описание морового поветрия (перевод с немецкого), М., 1771.
- [Ягельский К. О.], Некоторые примечания в прибавление к наставлениям для предохранения от заразительной болезни, М., 1771.
- [Ягельский К. О.], Уведомление, каким образом вообще яд язвенный в домах и вещах зараженных и сумнительных истреблять, М., 1771.
- Краткое предохранительное спознание о заразительной язве, СПБ, 1772¹.
- Меад Р., О моровой язве (перевод с немецкого С. Сулима), СПБ, 1772.
- Рост И. И., Слово о вредном воздухе в жилищах (перевод с латинского), М., 1772.
- Трохимовский М. Я., Рассуждения о растениях в Крымской степи, полковым лекарем усмотренных, СПБ, 1772.
- Зыбелин С. Г., Слово о вреде, проникывающем от содержания себя в теплоте излишней, М., 1773.
- [Теплов Г. Н.], Рассуждение о врачебной науке, которую называют докторством, СПБ, 1774.
- [Бахерахт А.], О неумеренности в любострастии, Сочинение в предсторожность младым обоего пола людям, написанное другом человеческого рода, СПБ, 1775.
- Зыбелин С. Г., Слово о правильном воспитании с младенчества в рассуждении тела, служащем к размножению в обществе народа, М., 1775.
- [Шафонский А. Ф.], Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 г., М., 1775.
- Венечанский С., Способы и наставления, по которым зараженные французской болезнью... сами собою вылечиваться... могут, СПБ, 1776.
- [Эйзен И.], Легчайший способ прививания оспы (перевод С. И. Гамалея), СПБ, 1776.
- Зыбелин С. Г., Слово о сложениях тела человеческого, М., 1777.

¹ Напечатано в брошюре «Известие о подаяниях в Императорский санктпетербургский воспитательный дом».

Российская фармакопея 1777

- ✓ Гейзлер Ф. Показание главнейших спасительных средств таким людям, которые по незаданным нещастливым случаям лишились жизни... (перевод с немецкого), СПБ, 1778.
- ✓ Гильденштедт]. Географическое, химическое и врачебное описание теплиц в Астраханской губернии, при реке Тереке находящихся, СПБ, 1778.
- Фан-Свитен Г., Краткое описание болезней, которые весьма часто приключаются в армиях... (перевод М. Тереховского), СПБ, 1778.
- [Бахерахт А. и Венечанский С.], Собрание разных полезных лекарств, СПБ, 1779.
- Емеригон, Верное лекарство от подагры (перевод с французского В. Воробьевского), М., 1779.
- Сашес Р., О парных российских банях (перевод с французского), СПБ, 1779.
- Бахерахт А., Способ к сохранению здоровья морских служителей, СПБ, 1780.
- Веревкин М., Описание Екатерининских вод в Астраханской губернии, М., 1780.
- [Боделок И.], Городская и деревенская повивальная бабка (перевод с французского Д. Самойловича), М., 1780.
- Зыбелин С. Г., Слово о способе, как предупреждать можно... медленного умножения народа причину, М., 1780.
- Мезаде, Воспитание детей как физическое, так и правоучительное (перевод с французского М. Г.), СПБ, 1780.
- Самойлович Д., Нынешний способ лечения с наставлением, как можно простому народу лечиться от угрязания бешеною собаки и от уязвления змей, М., 1780.
- Санковский, На отчаянную жизнь в болезни, Ярославль, 1780.
- Рост И. И., Слово о избрании выгодных мест для построения вновь городов (перевод с латинского), М., 1781.
- [Соссерот], Краткое испытание многих заключенных мнений... до беременных женщин, родильниц и новорожденных младенцев относящихся... (перевод Н. М. Амбодика), СПБ, 1781.
- Тиссот. Наставление народу в рассуждении его здоровья (перевод с французского Н. Озерецкого), СПБ, 1781.
- ✓ Шрейбер И. Ф.], Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних с прибавлением главных немощей женского пола и малолетних детей (перевод с немецкого Н. М. Максимовича-Амбодика), СПБ, 1781.
- Болтин И., Хорография Сарептских целительных вод, СПБ, 1782.
- Наставление отцам и матерям о телесном и нравственном воспитании детей (перевод с французского), М., 1782.
- ✓ Опыт к познанию сложения человеческого тела, СПБ, 1782.
- Бахерахт А., Аптека для российского флота, СПБ, 1783.
- Лепехин И. И., Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастаний, СПБ, 1783.
- Максимович-Амбодик Н. М., Анатомико-физиологический словарь, СПБ, 1783.
- Максимович-Амбодик Н. М., Врачебное веществословие, ч. I—IV, СПБ, 1783—1789.
- Окулов А., Рассуждение о свойстве и силе воздуха (перевод с французского), М., 1783.
- Максимович-Амбодик Н. М., Искусство повивания, кн. I—VI, СПБ, 1784—1786.
- Ели С., Физико-медицинские примечания о вреде, происходящем от употребления рожков (перевод с немецкого), СПБ, 1785.
- Бахерахт А., Практическое рассуждение о цынготной болезни, СПБ, 1786.
- ✓ Виен И., Лоимология, или описание моровой язвы, М., 1786.

- Гуме Ф. Начальные основания врачебной науки (перевод с латинского Н. М. Максимовича-Амбодика), СПБ, 1786.
- Жекень. Новое наставление о сохранении здоровья всякому человеку, М., 1786.
- [Маджи Д.], Опыт о действии электрической машины в рассуждении здравия человеческого, М., 1786.
- [Писчеков Д. Я.], Новый легчайший и безопаснейший способ лечения чесотки (перевод П. Богдановича), СПБ, 1786.
- Скардови. Примечания на шифгаузенский пластырь, 1786.
- Спединати Д. Теоретическое и практическое рассуждение о цинготной болезни, СПБ, 1787.
- Тиссот. О здравии ученых людей (перевод с немецкого А. Шумлянского), СПБ, 1787.
- Физиология (перевод Н. М. Максимовича-Амбодика), СПБ, 1787.
- [Шумлянский А. М.]. Мнение одного истиннолюбца о поправлении наиллезнейшей для людей науки, СПБ, 1787.
- Богданович П. Правила для соблюдения здоровья, СПБ, 1788.
- Гофман П., О главнейших средствах, цвет здоровья и бодрость духовных дарований сохраняющих, относительно до юношеского возраста, СПБ, 1788.
- Пекен М. Физиология, или наука о естестве человеческом, СПБ, 1788.
- [Цвирлейн К. А.], Врач для любителей красоты (перевод с немецкого), М., 1788.
- Бертелон. Об электрической материи тела человеческого (перевод с французского Н. Политикового), М., 1789.
- Вальмонт де Бомар. Описание вод всякого рода (перевод с французского И. Андриевского), СПБ, 1789.
- Гамбергер Э. Г., Способ лечить болезни (перевод с латинского Ф. Барсука-Мойзы), М., 1789.
- Гофман П., Краткая история врачебного искусства, СПБ, 1789.
- Гофман Ф., Рассуждения о воде, как всеобщем врачевстве (перевод с латинского), Киев, 1789.
- Гулле Н., Новой, безопасной и весьма удобной способ лечить каменную и цинготную болезнь (перевод с латинского Барсука-Моисеева), М., 1789¹.
- Маркс М. И., Опытами изведенное полезное действие дубовых желудей в разных человеческих болезнях (перевод с немецкого), М., 1789.
- Наставление о употреблении Саратовских вод, 1789².
- О младенческих болезнях (перевод с французского М. Гороховского), М., 1789.
- Оценка лекарствам, притом устав аптекарский, устав повивальным бабкам, устав о должностной плате медицинским чинам, СПБ, 1789.
- Пленк И., Естественная наука о действиях человеческого тела (перевод с латинского Ф. Ершова), М., 1789.
- Предохранительные размышления для всякого человека о причинах жестоких болезней (перевод с французского), М., 1789.
- Рубелий И. Ф., Медицинская практика (перевод с латинского Ф. Барсука-Моисеева), М., 1789.
- [Фан-Тилий], Полезное описание употребления Гарлемских капель (перевод с немецкого Я. Даниловского), М., 1789.
- [Чулков М. Д.], Сельский лечебник, или словарь врачевания болезней, М., 1789—1790.
- Штерк А., Лечебник, или наставления относительные к деятельности врачебной науке (перевод М. Гороховского), ч. I—II, М., 1789.
- [Бурде], Зубной врач (перевод с французского), М., 1790.

¹ В книге помещены переводы двух сочинений: указанного выше, а также «Способ лечить от ядов всякого рода, взятой из практического сочинения Соломона де Мецы».

² Год издания установлен приблизительно, по объявлению, помещенному в «Московских ведомостях» в апреле 1789 г. (№ 29).

- Бухан В., Полный и всеобщий домашний лечебник (перевод с французского перевода), ч. I—V, М., 1790—1792.
- Кадоган, Средство, каким образом без повреждения здоровья детей воспитывать, 1790.
- Лохер М., Практические наблюдения.. над любострастною болезнью.. (перевод с латинского Ф. Барсука-Монсеева), М., 1790¹.
- Людвиг Х., Пафология (перевод с латинского Ф. Ершова), М., 1790.
- Нер И. И., Исследование причин, от которых большая часть детей умирают (перевод с немецкого Ф. Амона), М., 1790.
- Пекен М., Начальные основания деятельная врачебная науки, ч. I — О лихорадках, СПб, 1790.
- Петерсон И., Краткое описание болезни, в Сибири называемой ветряною или воздушною язвою, Тобольск, 1790.
- Пленк И. И., Врачебные наставления о любострастных болезнях (перевод с латинского Н. Максимовича-Амбодика), СПб, 1790².
- Пленк, О новом способе употребления ртути (перевод Максимовича-Амбодика), СПб, 1790.
- Рихтер А. Г., Начальные основания рукодеятельная врачебная науки (перевод с немецкого М. Пекена), СПб, 1790—1795.
- Рихтер Г. Г., Полная диететика (перевод с латинского С. Клинского), М., 1790.
- Эллиот И., Карманный лечебник (перевод с английского Д. Писчекова), СПб, 1790.
- Диететика (перевод с французского И. Андреевского), М., 1791.
- Ловиц Т., Показание нового средства, как воду.. от порчи предохранять..., СПб, 1791.
- Кизов, Наставление о действиях и употреблении драгоценного Лекарства, называемого Эссенциею жизни (перевод с немецкого Д. Гродницкого), СПб, 1791.
- Путь к здравию (перевод с французского Ф. Барсука-Монсеева), М., 1791.
- Пфелер И., Домашняя аптека, М., 1791.
- Рибель И., Полный и всеобщий лечебник (перевод с латинского Ф. Барсука-Монсеева), М., 1791.
- Фон-Вунзель П., Рассуждение о моровой язве (перевод с французского А. Мейера), М., 1791.
- Биндгейм Н. Я., Опыты над приготовленными и сырыми прозябающими питательными средствами, СПб, 1792.
- Гамалея М., О сибирской язве, Пермь, 1792.
- Гаубий И., Начальные основания врачебная пафология (перевод с латинского П. Гофмана), СПб, 1792.
- [Гилл]. О действиях и силе шалфея, служащих к продолжению человеческой жизни (перевод с немецкого перевода), 1792.
- Доппет, Врач-философ (перевод с французского), М., 1792.
- Крейзель, И. К., Наставление начинающим упражняться в повивальном искусстве, М., 1792.
- Описание целительного деккота Рихарда-Ловера (перевод с латинского Барсука-Монсеева), М., 1792.
- О сохранении и продолжении жизни состарившихся людей (перевод с латинского П. Яковлева), М., 1792.
- Пернер К. В., Лекарственник, или избранное врачебное вещественное (перевод с латинского М. Горюховского), М., 1792.

¹ В книге помещен перевод двух сочинений: указанного выше, а также «Удобные средства познавать и лечить начинающуюся чахотку, кровавую харкотину, кровавую рвоту и икоту, взятые из Сочинений Рудольфа Августа Фогеля».

² Во 2-м (1798) и 3-м (1800) изданиях эта книга выходила под наименованием: «Врачебные наставления о болезнях, наиболее изнуряющих здоровье...».

- П е т е р с о н И., Краткое наставление как воспомоществовать тем, кто от насильственных или внезапных случаев приходят в такое положение, что уже мертвыми кажутся, Тобольск, 1792.
- П ф е л е р И., Наставление для людей за больными хождение имеющих, М., 1792.
- Рецепт элексира долгой жизни, М., 1792.
- С а м о й л о в и ч Д., Краткое описание микроскопических исследований о существе яду язвенного, СПБ, 1792.
- Т и с с о т, Врач светских людей (перевод с французского И. Тимковского), М., 1792.
- Ш у м л я н с к и й П. М., Объяснение испытанного действия воды на тела, СПБ, 1792.
- А д а м с Г., Электрические опыты... с относительными ко врачеванию паралических и других болезней наставлениями (перевод с немецкого Т. Осиповского), М., 1793.
- Г р о д н и ц к и й Д., Употребление, действие и польза трех лекарств..., СПБ, 1793.
- [Гулен Ж., Журден А.], Дамский врач (перевод с французского К. Муковникова), М., 1793.
- Д е т с к и й л е ч е б н и к. Сочинение славного монпельерского врача в пользу детей написанное (перевод с латинского Барсука-Моисеева), ч. I—II, М., 1793.
- Каким образом можно сохранять здоровье и красоту молодых женщин (перевод с немецкого А. Тихомирова), М., 1793.
- М е ц, Долг чадолюбивых родителей к детям (перевод с французского), М., 1793.
- ✓ Р о с т Х., Деревенский врачебник, М., 1793.
- Ш л е р е т Ф. А., Аптека, или наука составлять... лекарства (перевод Барсука-Моисеева), М., 1793.
- К а р м а н н а я книга для чадолюбивых матерей (перевод с французского Ф. Розанова), М., 1794.
- Продолжение перечней писем к аптекарю Гродницкому, свидетельствующих о пользе лекарств: Жизненной Ессениции, Гарлемских капель и наружного бальзама Ополдекок, СПБ, 1794.
- ✓ Р о з е н ф о н - Р о з е н ш т е и н Н., Руководство к познанию и врачеванию младенческих болезней (перевод с немецкого В. Григоровского), М., 1794.
- С к и а д а н М., Слово о причинах и действиях страстей душевных (перевод с латинского), М., 1794.
- Т е д е н И., Новые наблюдения и опыты для обогащения врачебного искусства (перевод с немецкого И. Воронова), М., 1794¹.
- Т и с с о т, Онанизм (перевод с французского), М., 1794.
- В е л ц и н И. Ю., Начертание врачебного благоустройства, СПБ, 1795.
- Ж а к е н И. Ф., Всеобщая и врачебная химия (перевод с немецкого И. Венесовича и Н. Дьякова), ч. I—II, М., 1795.
- М а р т и н, Медико-хирургические наблюдения (перевод с немецкого), СПБ, 1795.
- С а м о й л о в и ч Д., Начертание для изображения в живописи... моровой язвы, СПБ, 1795.
- Б л у м е н б а х И. Ф., Физиология (перевод с латинского Ф. Барсука-Моисеева), М., 1796.
- Два... примера о вредности скоропостижного погребения (перевод с немецкого), СПБ, 1796.

¹ Во втором издании (1796) название книги изменено: «Ручная книга... Тедена, в пользу легкого и верного врачевания самых опасных наружных болезней».

- ✓ Жакин И. Ф., Начальные основания врачебной и всеобщей химии (перевод с немецкого М. Парпурьи), ч. I—II, СПБ, 1796—1797.
- Краткое описание Сибирской язвы, содержащее предохранительные и врачевательные средства, в пользу простого народа, выбранное из основательных примечаний и опытов, в Медицинскую коллегию приславших, СПБ, 1796.
- Максимович-Амбодик Н., Первоначальные основания ботаники, СПБ, 1796.
- Пекен М., Новый домашний лечебник, ч. I—II, М., 1796.
- Пихлер И., Наставление сочинять рецепты (перевод И. Двигубского), М., 1796.
- Пленк И., Начальные основания повивального искусства (перевод Н. Дьякова), ч. I—II, М., 1796.
- ✓ Пленк И., О строении частей человеческого тела или первые черты анатомии (перевод с латинского И. Двигубского), М., 1796.
- Политковский Ф., Слово о связи истории натуральной с физикою, химию и врачебным искусством, М., 1796.
- Беберт К., Описание, каким образом... в рудниках нечистой воздух очищать можно (перевод с немецкого В. Севергина), СПБ, 1797.
- ✓ Елизеи И. Г., Фармакология (перевод с немецкой рукописи М. Парпурьи), СПБ, 1797.
- Инструкция врачебных управ. Инструкция о должностях медицинских чинов, СПБ, 1797.
- Кашинский И., Краткая медико-хирургическая материя медика, ч. I—II, СПБ, 1797.
- Неймайстер, Краткое наставление в пользу утопшим, М., 1797.
- ✓ Рихтер В., Слово о врачебных пособиях, служащих к приращению многолюдства в обществе (перевод с латинского М. Успенского), М., 1797.
- Стефанович-Донцов Я. В., Описание о черных рожках, причиняющих корчи и помертвение членов, СПБ, 1797.
- Боергав Г., Публичные лекции о глазных болезнях (перевод с латинского В. Титовича), М., 1798.
- Гинтер и Шильдкнехт, Достоверный способ исцелять кровавый понос, Житомир, 1798.
- Гофман Ф., О продолжении жизни ученых по правилам диететики (перевод И. Леонтовича и П. Озерова), Владимир, 1798.
- Линд, Опыт о действительнейших способах к сохранению здоровья морских служителей (перевод с английского Юферова), Николаев, 1798.
- Мурзинин Х. Л., Новые медико-хирургические наблюдения (перевод с немецкого М. Парпурьи и В. Джунковского), 1798.
- Писчеков Д., Наставление в пользу поселян, болезнующих цынготную болезнью, СПБ, 1798.
- Самойлович Д., Способ самый удобный... врачевания... чумы, ч. I, М., 1798.
- ✓ Вицман А., Краткая для народа книжка, содержащая легкое и удобопонятное наставление, как с утопшими... поступать надлежит, СПБ, 1799.
- ✓ Вицман А., Правила для желающих наслаждаться долголетною жизнию, СПБ, 1799.
- [Енгалычев П.], Простонародный лечебник, 1799.
- [Захария Т.], Дешевый подарок суветерам, состоящий из рассуждения о домовом и укора на предрассудки (перевод с латинского Н. Щеголева), Владимир, 1799.
- [Энгроф], Известие о балдонском ключе (перевод с немецкого Севастьянова), СПБ, 1799.
- Медицинское вадемекум или собеседник, служащее забавою врачам и отрадою больным (перевод с немецкого И. Венсовича), М., 1799.

- Мецгер И. Д., Начальные основания всеобщих частей врачебных наук (перевод с немецкого Д. Велланского), СПБ, 1799.
- Пленк И., Избранные предметы относительно судебной медико-хирургической науки (перевод с латинского И. Кашинского), СПБ, 1799.
- Ример, Новейшая фармакопея (перевод с немецкого И. Леонтовича М., 1799.
- Смеловский И., О болезнях пасочных сосудов, 1799.
- Стерк, Вернейший способ лечить застарелые очные болезни (перевод с латинского С. Голубецкого), М., 1799.
- Шамбон де Монто, О болезнях девиц (перевод с французского Ф. Загорского), Владимир, 1799.
- Читай и познавай, или изображение темпераментов (перевод с французского А. Ястребцова), Владимир, 1799.
- Блен Г., Практические наблюдения о болезнях морских служителей (перевод с английского С. Джунковского), т. I—II, СПБ, 1800.
- Геберлейн Х., Самонужнейшая домашняя аптека, М., 1800.
- Гилдебрандт Ф., Начальные основания всеобщей пафологии (перевод с немецкого), СПБ, 1800.
- Корнаро Л., Опытом дознание средства здорово и долго жить. Изданное вновь д. Фридрихом Шлиттером (перевод с немецкого А. Платонова), М., 1800.
- Луц И., Друг здоровья в пользу народа (перевод с немецкого В. Джунковского), СПБ, 1800.
- Меад Р., Врачебный искусствник (перевод Я. Благодарова), М., 1800.
- Новейшее физическое воспитание детей (перевод с французского В. Борисова), М., 1800.
- Пленк И., Игнория или химико-физиологическая наука о соках человеческого тела (перевод с латинского П. Загорского), СПБ, 1800.
- Севергин В., Способ испытывать чистоту... химических произведений лекарственных, СПБ, 1800.
- Сумароков П., Источник здравия или словарь всех снедей... с подробным описанием их лекарственных сил, М., 1800.
- Фалк, Трактат о венерических болезнях (перевод с английского И. Воронова), М., 1800.
- Фрам, Описание нового способа изцелять застарелые раны на нижних членах (перевод Ф. Корша), СПБ, 1800.

РУССКИЕ КНИГИ XVIII В. НЕМЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА, КАСАЮЩИЕСЯ МЕДИЦИНСКИХ ВОПРОСОВ

Речи, которые в публичном собрании Императорской Академии наук читаны были апреля 29 дня 1742 г. Переведены с латинского языка через Григория Теплова, натуральной Гистории адъюнкта.

В Санкт-Петербурге, при Императорской Академии наук.

Содержит речь Г. В. Крафта «Могут ли цветы, известными некоторым образом расположенные, произвести в глазах глухого человека согласием своим такое увеселение, какое мы чувствуем ушами из пропорционального расположения тонов в музыке?»

Торжество Академии наук на возделенный день тезоименинства... Елизаветы Петровны... публично говоренными речами и иллюминацией празднованное сентября 6 дня 1750 года. В Санкт-Петербурге печатано при Императорской Академии наук.

Содержит речь А. Кау-Бургава «Что и какие науки медику знать надлежит, чтобы он самым искусственным и достаточным личителем быть могъ».

Крашенинников С., Описание земли Камчатки, СПБ, 1755.

- Локк Д., О воспитании детей (перевод с французского Н. Поповского), М., 1759.
- Краткое понятие о всех науках (перевод с немецкого), М., 1764.
- Рейхель И. Г. О наилучших способах к умножению подданных М., 1766.
- Переводы из энциклопедии, ч. I—III, М., 1767.
Содержит медицинские статьи, переведенные П. Погорецким и С. Зыбелиным.
- Курганов Н., Письмовник, 1769.
- Гемелин С. Г., Путешествие по России для исследования трех царств естества (перевод с немецкого), ч. I—III, СПБ, 1771—1785.
- Лепехин И. И., Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. I—III, СПБ, 1771—1780.
- Паллас П. С., Путешествие по разным провинциям Российской империи (перевод с немецкого Ф. Томанского и В. Зуева), ч. I—III, СПБ, 1773—1788.
- Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола, ч. I—II, СПБ, 1774.
- Тампль В., Два опыта: 1. О народных недовольствах. 2. О здравии и о жизни долголетней, СПБ, 1778.
- Друковцов С. В., Экономической календарь, 1780.
- [Зульцер], Сокращение всех наук и других частей учености (перевод с немецкого И. Морозова), М., 1781.
- Мейер А., Ботанической подробной словарь, ч. I—II, М., 1781—1783.
- Скоти М., Новой способ, как узнать можно каждого человека свойства по его сложениям (перевод с латинского), 1781.
- Энциклопедия, или краткое начертание наук и всех частей учености (перевод с немецкого И. Шувалова), М., 1781.
- [Де Тересак], Учреждения для призрения бедных прихожан церкви св. Суллиана в Париже (перевод с французского О. Козодавлева), СПБ, 1782.
- Аничков Д., Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих, М., 1783.
- О должностях человека и гражданина, СПБ, 1783.
- Зрелище природы и художеств, ч. I—X, СПБ, 1784—1790.
- [Габлиц К.], Физическое описание Таврической области, СПБ 1785.
- Зонненфельс И., Начальные основания полиции или благочиния (перевод с немецкого), М., 1787.
- Китайский философ, или ученые разговоры двух индийцев Каляна и Ибрагима (перевод Н. Максимовича-Амбодика), СПБ, 1788.
- Серани, Рассуждение о яре медянке (перевод с немецкого К. Дарагана), СПБ, 1788.
- [Сиго де ла Фон], Чудеса природы (перевод с немецкого В. Левшина), ч. I—II, М., 1788.
- Гермесграузен Х. Ф., Хозяин и хозяйка (перевод с немецкого В. Левшина), ч. I—III, М., 1789.
- [Роз Л.], Добрая помещица (перевод с французского), М., 1789.
- Словарь Российской академии, ч. I—VI, СПБ, 1789—1794.
- Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества, ч. I—III, СПБ, 1789—1791.
- Убедительнейшее и утешительное письмо одного храброго и добродетельного сына... после которого следуют краткие правила о сохранении здоровья, выбранные из лучших о врачебной науке писателей (перевод с немецкого), 1790.
- Забавная игра умов (перевод Н. И. Ф.), М., 1791.
- Бюкгоз, Любопытное описание о табаке... (перевод с французского З. Масловского), М., 1792.

- Озерецковский Н., Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому, СПБ, 1792.
- Майер А. Ф., Искусный эконом (перевод с немецкого Я. Мирнова), М., 1794.
- [Пишион Т.], Физика истории (перевод с французского И. Г.), М., 1794.
- Всеобщее и полное домоводство (перевод с французского В. Левшина), ч. I—XII, М., 1795.
- Словарь натурального волшебства (перевод с немецкого), ч. I—II, М., 1795.
- Щеголеватая аптека, Кострома, 1796.
- Деревенское зеркало, ч. 1—3, СПБ, 1798—1799.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Основные предпосылки развития медицинской литературы в России в XVIII в.	11
Глава II. Создатели русской медицинской литературы XVIII в. (Авторы и переводчики)	35
Глава III. Тематика русской медицинской литературы XVIII в.	74
Глава IV. Вопросы медицины в общей литературе	98
Глава V. Вопросы медицины в периодических изданиях XVIII в.	122
Глава VI. Вопросы медицины в изданиях Вольного экономического общества	166
Глава VII. Первый русский медицинский журнал «Санктпетербургские врачебные ведомости»	188
Глава VIII. Основные направления русской медицинской литературы XVIII в.	205
Глава IX. Передовые черты русской медицинской литературы XVIII в.	234
Медицинские книги на русском языке, выпущенные в России в XVIII в.	273
Русские книги XVIII в. немедицинского характера, касающиеся медицинских вопросов	280

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии медицинских наук СССР

Редактор *М. П. Мультановский*

Техн. редактор *Р. П. Ротэрмель*

Т 04419 Подп. к печати 22.V 1953

Изд. № 112 Зак. 2435

Форм. бумаги 60 × 92¹/₁₆ Бум. л. 8,87

Печ. л. 17,75 Уч.-изд. л. 19,5

Цена 13 р. 65 к. + 1 р. ● ● переплет по
прейскуранту 1952 г. Тираж 3.000

Типография Металлургиздата,

Цветной бульвар, 30.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
7	13 сверху	Шумянский	Шумлянский
9	17 снизу	XVIII в.	XVIII в.
9	3 снизу	России XVIII в.	России XVIII в. «Медиц. паразитология» № 2, 1950 г.
18	18 снизу	любознательностью	любознательностью
40	3 снизу	Д. Д. Российского	Д. М. Российского
51	5 снизу	written	written when
62	3 снизу	И. Н. Пленк	И. И. Пленк
62	1 снизу	Г. Прейспер	И. Д. Прейспер
70	1 сверху	жилами, бьющимися	жилами бьющимися
78	18 сверху	соединения	соединения
78	7 снизу	групп	групп населения
92	14—15 снизу	стремлением	смотрением
98	20 сверху	упрощали	упрощали их
213	6 снизу	170	1790
234	3 сверху	заряженные	зараженные
240	15 сверху (цитата из Энгельса)	тем	те
258	18 снизу	языка качества	языка, ни качества
280	30 сверху	СПБ, 1880	СПБ, 1800

Цена 14 р. 65 к.